Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»

На правах рукописи

Ситдиков Владимир Витальевич

НАСЛЕДИЕ Л.А. ТИХОМИРОВА В ЗАРУБЕЖНОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Специальность 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Уваров Павел Борисович

Челябинск – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ 2
ВВЕДЕНИЕ 3
ГЛАВА 1. НАСЛЕДИЕ Л.А. ТИХОМИРОВА В РАБОТАХ ЭМИГРАНТОВ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОРИКОВ 37
1.1. Место и значение творческого наследия Л.А. Тихомирова в публикациях русской и советской эмиграции 37
1.2. Биография и труды Л.А. Тихомирова в зарубежной историографии 69
ГЛАВА 2. ОСМЫСЛЕНИЕ НАСЛЕДИЯ Л.А. ТИХОМИРОВА В РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 118
2.1. Публикация наследия Л.А. Тихомирова в 1920-е – 1930-е гг. и первые попытки его осмысления 118
2.2. Образ Л.А. Тихомирова и его наследие в эго-документах революционеров-народников 166
2.3. Основные проблемы осмысления в ранней советской исторической науке творчества и деятельности Л.А. Тихомирова 215
ГЛАВА 3. НАСЛЕДИЕ Л.А. ТИХОМИРОВА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА 263
3.1. Наследие Л.А. Тихомирова в контексте советских исследований революционного народничества во второй половине XX века 263
3.2. Трансформация исследовательского интереса к наследию Л.А. Тихомирова в 1960-х – 1980-х гг.: от осмысления роли в революционном движении к исследованию монархизма 282
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 296
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 303
ПРИЛОЖЕНИЯ 344

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Конец XX в. ознаменовался распадом СССР и девальвацией коммунистической идеологии. Эти процессы не только повлияли на государство и общество, но и привели к значительным изменениям в исторической науке. В условиях всеобщего плюрализма в России начала 1990-х гг. шел постоянный поиск новых общественно-политических и научных парадигм, который часто приводил к идеям консервативно-религиозного характера. Поэтому уже несколько десятилетий в России не спадает стойкий интерес к жизни и творчеству отечественных консервативных мыслителей XIX – начала XX вв. Особую популярность в современной отечественной историографии и обществе приобрело наследие теоретика монархической государственности Л.А. Тихомирова.

Исследование биографии и трудов Л.А. Тихомирова – важная область отечественной и зарубежной исторической науки, отдельные аспекты которой требуют детального изучения и осмысления. Историография позволяет проследить динамику и характер обращения к наследию Л.А. Тихомирова в разные периоды истории, а также спрогнозировать дальнейшие направления исследований. В том числе можно проследить эволюцию советской историографии и ее вклад в генезис современной российской историографии, а также выявить степень влияния интеллектуального наследия русского зарубежья и работ зарубежных историков на современную российскую историографию.

Наследие Л.А. Тихомирова в последние годы все чаще проникает в школьное образование. В 2021/2022 учебном году на региональном этапе Всероссийской олимпиады школьников по истории была предложена цитата из «Монархической государственности» Л.А. Тихомирова в качестве темы для написания эссе. Общественно-политическая деятельность Л.А. Тихомирова упомянута в новом

школьном учебнике по истории России для девятых классов [1]. Кроме того, биография Л.А. Тихомирова включена в проект нового учебного предмета «Духовно-нравственная культура России» для школьников 5–7 классов, который направлен на «формирование у учащихся мировоззрения, основанного на традиционных российских духовно-нравственных ценностях, посредством изучения жизненного пути и взглядов государственных и общественных деятелей, деятелей культуры, ученых, военных, в том числе героев специальной военной операции, и иных значимых личностей России»[2].

Популяризируется наследие Л.А. Тихомирова и в высшем образовании. Например, в учебнике для вузов «Историография истории России до 1917 г.» одна из глав посвящена биографиям и историческим концепциям К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова [3]. Книгу Л.А. Тихомирова «Религиозно-философские основы истории» рекомендуют изучать в рамках вузовской дисциплины «религиоведение»[4].

Степень научной изученности темы. Долгое время отечественная наука избегала системного изучения творчества Л.А. Тихомирова. После однобокого рассмотрения и замалчивания в советские годы наследие Л.А. Тихомирова получило широкую исследовательскую популярность в современной историографии. С начала 1990-х гг. активно переиздавались труды Л.А. Тихомирова и публиковались его неизданные книги[5] и архив[6]. К творчеству Л.А. Тихомирова обращались не только историки, но и ученые из других областей научного знания: философы, политологи, социологи, юристы. Однако если в

---

[1] История. История России, 1825–1914 гг.: 9-й класс: учебник / В.Р. Мединский, А.В. Торкунов. М., 2025. С. 166, 269.

[2] Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 18.06.2025 N 467 «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства образования и науки Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации, касающиеся федеральных государственных образовательных стандартов начального общего и основного общего образования».

[3] Историография истории России до 1917 г.: учебник для вузов. Т. 2. Под ред. М.Ю. Лачаевой. М., 2004. С. 45–91.

[4] Религиоведение: библиография российских изданий (1990–2002): сост. Т.С. Григорьева, Л.А. Кренделева, И.В. Кульганек, А.Н. Швечиков. Под. ред. А.Н. Швечикова. СПб., 2005. С. 32, 65.

[5] См. напр.: Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997; Тихомиров Л.А. Тени прошлого. Воспоминания. М., 2000; Тихомиров Л.А. В последние дни: эсхатологическая фантазия. М., 2004.

[6] См. напр.: Фомин С.В. Из дневника Л.А. Тихомирова // …И даны будут жене два крыла. Сборник к 50-летию Сергея Фомина. М., 2002. С. 556–626; Николаев Г.Б. Эсхатологический триптих // Эсхатологический сборник. СПб., 2006. С. 296–358; Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. М., 2008; Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. М., 2015; Дневник Л.А. Тихомирова. 1908–1910 гг. М., 2019.

области изучения биографии, трудов и архивных материалов Л.А. Тихомирова современные историки продвинулись значительно вперед, то того же нельзя сказать об исследовании историографии его наследия.

Всю историю исследования историографии наследия Л.А. Тихомирова можно разбить на два условных этапа:

1) Начало 1980-х – середина 2000-х гг.: в этот период зарождается историография наследия Л.А. Тихомирова. В эти годы постепенно накапливались и актуализировались выявленные историографические источники. Особенностью этапа является то, что исследователи были вынуждены уделять большое внимание новым публикациям о Л.А. Тихомирове, которые появлялись в большом количестве в период становления современной России, и, возможно, пытаясь поспевать за новой и новой литературой, не делали серьезных попыток системно исследовать зарубежную и советскую историографию.

2) Середина 2000-х – по настоящее время*:* в этот период появляются специализированные историографические исследования, в которых была сделана попытка обобщить накопленный к этому времени комплекс историографических источников и концептуализировать их генезис и эволюцию. При этом продолжился процесс накопления новых и осмысления уже известных историографических источников.

Первый этап (начало 1980-х – середина 2000-х гг.). Несмотря на то, что часть наследия Л.А. Тихомирова была введена в научный оборот еще в дореволюционное время, в СССР вплоть до 1980-х гг. не было ни одного крупного исследования о нем. Следовательно, не было и попыток системно исследовать историографию наследия Л.А. Тихомирова. Первым к историографии наследия Л.А. Тихомирова обратился советский историк В.Н. Костылев, которого можно назвать первым отечественным тихомироведом[7]. В 1980 г. была опубликована его статья «Ренегатство Л.А. Тихомирова и русское общество в конце 80-х – начале 90-

[7] Термин «тихомироведение» как область исследований, связанная с изучением жизни и творчества Льва Александровича Тихомирова, был введен в научный оборот до нашего исследования. См. напр.: Чесноков С.В. Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской истории и культуре конца XIX–XX веков: автореф. дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 4.

х годов XIX в.», в которой В.Н. Костылев подробно рассмотрел историю осмысления ренегатства в дореволюционной общественно-политической среде[8]. В диссертации, защищенной в конце 1980-х гг., он представил историографический обзор монархического наследия Л.А. Тихомирова. Обзор включал как советскую историографию, так и дореволюционную публицистику и зарубежные публикации. Так как диссертация В.Н. Костылева была написана на базе марксистско-ленинской методологии, то в его представлении и публикации дореволюционного периода, и работы эмигрантов и зарубежных историков концептуально представляли собой единое целое – буржуазную историографию. Например, В.Н. Костылев отметил сходство в оценке русскими эмигрантами наследия Л.А. Тихомирова, видевшими в нем идеолога русского фашизма, и К. Тидмаршем, утверждавшим, что для Л.А. Тихомирова всегда была идеалом «сплоченная, сильная и независимая Россия, базирующаяся на национальных традициях, идеях стабильности и справедливости» [9] . Недостатком историографического исследования В.Н. Костылева является то, что он использовал небольшой перечень зарубежных работ – им были проанализированы только книги эмигрантов С.С. Ольденбурга и В.А. Маевского, а также научные труды славистов К. Тидмарша и Э. Тадена[10]. Однако и советская историография у В.Н. Костылева представлена в усеченном виде и только современным для него этапом[11]. Сам автор такую избирательность объяснял сознательным решением. По словам В.Н. Костылева, он преследовал цель показать в обзоре именно те работы, в которых авторы «касались каких-либо сторон взглядов и деятельности Тихомирова, давали оценку его общественно-политической позиции», при этом в основной части диссертации он использовал более широкий круг литературы, раскрывающей различные аспекты истории России и помогающей «вписать» Л.А. Тихомирова в эпоху[12].

---

[8] Костылев В.Н. Ренегатство Л.А. Тихомирова и русское общество в конце 80-х – начале 90-х годов XIX в. // Проблемы истории СССР. МГУ им. М.В. Ломоносова. Исторический факультет. Выпуск 11. 1980. С. 151–169.
[9] Костылев В.Н. Лев Тихомиров на службе царизма: (Из истории общественно-идейной борьбы в России в конце XIX – начале XX вв.): дис. … канд. ист. наук. М., 1987. С. 19–20.
[10] Там же. С. 19–20.
[11] Там же. С. 20–21.
[12] Там же. С. 21.

В 1990-е гг. на волне интереса к дореволюционному историко-философскому наследию появилась целая плеяда тихомироведов, которые дополнили историографические наработки В.Н. Костылева. Большой вклад в развитие отечественного тихомироведения внесли историки О.А. Милевский и А.В. Репников. А.В. Репников рассматривал историографию наследия Л.А. Тихомирова в контексте темы русского консерватизма конца XIX – начала XX вв.[13]. О.А. Милевский частично исправил недостатки историографического обзора В.Н. Костылева, дополнив его работами советских и зарубежных историков и довел его до середины 1990-х гг.[14]. Практически без изменений этот историографический анализ был им продублирован в монографии 2004 г.[15].

В контексте политической философии и политологии рассматривали историю изучения творчества Л.А. Тихомирова А.С. Карцов[16] и А.В. Пролубников[17]. С точки зрения философии истории был дан историографический обзор в диссертации А.Р. Ефименко[18]. В юридическом русле была представлена историография монархического наследия Л.А. Тихомирова в диссертациях В.И. Цыганова[19] и М.Ю. Понежина[20]. За исключением исследования М.Ю. Понежина, для всех этих работ характерно изложение уже известных историографических фактов.

Ценные дополнения к историографии наследия Л.А. Тихомирова второй половины XX в. содержатся в диссертации историка Е.А. Тимоховой[21]. Значительный вклад в изучение историографии также внес историк М.Б. Смолин. Его историографический обзор в диссертации расширил представления о

---

[13] Репников А.В. Проблемы государственной власти в концепции русских консервативных мыслителей конца XIX – начала XX вв. (исторический аспект): дис. … канд. ист. наук. М., 1997. С. 20, 21, 23, 28, 29–30, 33.
[14] Милевский О.А. Л.А. Тихомиров: от революционности к монархизму: дис. … канд. ист. наук. Томск, 1996. С. 4–14.
[15] Милевский О.А. Лев Тихомиров: две стороны одной жизни. Барнаул, 2004. С. 7–17.
[16] Карцов А.С. Политическая теория Л.А. Тихомирова: дис. … канд. полит. наук. СПб., 1998. С. 5–9.
[17] Пролубников А.В. Концепция монархической государственности Л.А. Тихомирова: автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 1998. С. 2–5.
[18] Ефименко А.Р. Эволюция социально-исторических и философских взглядов Л.А. Тихомирова: дис. ... канд. филос. наук. М., 2000. С. 5–6.
[19] Цыганов В.И. Идея русского самодержавия и ее развитие в творчестве Л.А. Тихомирова: дис. ... канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2000. С. 6–12.
[20] Понежин М.Ю. Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова (философско-правовой анализ): дис. ... канд. юр. наук. Ростов-на-Дону, 2000. С. 5–9.
[21] Тимохова Е.А. Лев Тихомиров и русский консерватизм рубежа XIX – XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Самара, 2001. С. 4–14.

дореволюционном и эмигрантском дискурсе о монархизме и религиозной философии Л.А. Тихомирова. Также М.Б. Смолин подробно отразил достижения современного российского тихомироведения к середине 2000-х гг.[22].

Второй этап (середина 2000-х – по настоящее время). В середине 2000-х гг. были защищены две диссертации с историографическим уклоном. В 2005 г. нижегородский историк С.В. Чесноков защитил кандидатскую диссертацию «Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской общественной мысли и культуре конца XIX–XX веков», первую главу которой он посвятил историографии наследия Л.А. Тихомирова[23]. Исследователь ввел, опираясь на классификацию идеологий XX в. М.В. Назарова, три периода историографии Л.А. Тихомирова: социалистический (1923 г. – середина 1930-х гг.); националистический (эмигрантский, «правый» протоисториографический); либеральный (современный, синтетический историографический)[24]. Несмотря на то что С.В. Чесноковым была впервые предпринята попытка осмысления историографии наследия Л.А. Тихомирова второго уровня[25] и был введен в оборот комплекс новых историографических источников, его историографический анализ имеет ряд недостатков. С.В. Чесноков, за исключением подробного анализа статьи японского историка Х. Вады[26], опубликованной в 1999 г. в России на русском языке, не привнес ничего нового в исследование зарубежной историографии наследия Л.А. Тихомирова. В частности, он только упомянул диссертацию американского историка Ф.Д. Хардести[27] и ограничился указанием в списке литературы и источников уже известных к моменту защиты диссертации работ зарубежных авторов[28]. Кроме того, его историографическое исследование отличается непоследовательностью, отсутствием стройной логики и дублированием материала.

---

[22] Смолин М.Б. Государственно-правовые идеи Л.А. Тихомирова: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 10–37.
[23] Чесноков С.В. Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской истории и культуре конца XIX–XX веков: дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 11–54.
[24] Там же. С. 53–54.
[25] Там же. С. 4–6.
[26] Там же. С. 13, 22–25, 28, 30, 44, 90, 92, 112, 128, 154, 182.
[27] Там же. С. 20–21.
[28] Там же. С. 214.

В 2007 г. Ю.В. Петричко под руководством доктора исторически наук Г.Р. Наумовой защитила кандидатскую диссертацию «Наследие Л.А. Тихомирова в отечественной историографии», которая специально была посвящена исследованию историографии. В данной работе подробно рассмотрены основные историографические вехи и тенденции изучения трудов Л.А. Тихомирова в отечественной исторической науке: от народнической традиции и ранней советской историографии до современной российской исторической науки середины 2000-х гг. включительно. Несмотря на прорывной характер этой работы в вопросе историографии наследия Л.А. Тихомирова, диссертация имеет ряд слабых сторон. Во-первых, Ю.В. Петричко сделала акцент только на изучении отечественной историографии, полностью проигнорировав зарубежный исторический опыт осмысления наследия Л.А. Тихомирова. Хотя это и не входило в прямые задачи исследования, все же вызывает удивление то обстоятельство, что Ю.В. Петричко не только не попыталась сравнить отечественный и зарубежный опыт изучения наследия Л.А. Тихомирова, но и даже не осветила зарубежную историографию в назывном порядке. При этом в библиографическом описании указан ряд работ иностранных специалистов: Э. Глисона, Ф.Д. Хардести, К. Тидмарша, Х. Вады[29]. Во-вторых, при наличии анализа революционной литературы конца XIX – начала XX вв. и упоминания книг В.Я. Богучарского[30] и А.А. Корнилова[31] отсутствует обзор дореволюционных публикаций, в которых освещались проправительственная деятельность и религиозно-монархические труды Л.А. Тихомирова. Тем более к моменту защиты диссертации эта литература уже была упомянута в работах М.Ю. Понежина[32] и М.Б. Смолина[33], которые, например, ссылались на книгу П.Е. Казанского «Власть Всероссийского императора». В-третьих, за скобками исследования осталось наследие русского зарубежья, за

[29] Петричко Ю.В. Наследие Л.А. Тихомирова в отечественной историографии: дис. … канд. ист. наук. М., 2007. С. 232.
[30] Там же. С. 94
[31] Там же. С. 108.
[32] Понежин М.Ю. Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова (философско-правовой анализ): дис. ... канд. юр. наук. Ростов-на-Дону, 2000. С. 7–8.
[33] Смолин М.Б. Государственно-правовые идеи Л.А. Тихомирова: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 13–14.

исключением единственного упоминания «Народной монархии» И.Л. Солоневича [34]. И даже если воспринимать творческое наследие русской эмиграции как единое целое с буржуазной историографией, как это делали советские историки, то само собой напрашивается внедрение этой темы в контекст анализа формирующейся современной российской историографии, которая впитала в себя этот творческий пласт. Кроме того, по независящим от автора причинам, эта диссертационная работа на сегодняшний день устарела, так как с конца 2000-х гг. отечественные исследователи в значительной степени продвинулись в изучении и осмыслении наследия Л.А. Тихомирова.

В конце 2000-х – 2010-х гг. продолжилось накопление историографического знания. В диссертации М.В. Шерстюка при наличии уже известных историографических сюжетов акцент был сделан на истории рассмотрения религиозной философии Л.А. Тихомирова [35]. В эти годы О.А. Милевский [36] и А.В. Репников углубили свои историографические построения как в персональных научных трудах, так и в рамках совместной фундаментальной монографии 2011 г., посвященной биографии Л.А. Тихомирова[37]. А.В. Репников посвятил в докторской диссертации [38] и в схожей по теме монографии [39] целую главу проблемам историографии и источниковедения русского консерватизма, в рамках которой был рассмотрен и вопрос о истории изучения творческого наследия Л.А. Тихомирова[40]. Ключевой заслугой историографических исследований О.А. Милевского и А.В. Репникова является максимальная детализация и обобщение современной российской историографии наследия Л.А. Тихомирова.

---

[34] Петричко Ю.В. Наследие Л.А. Тихомирова в отечественной историографии: дис. … канд. ист. наук. М., 2007. С. 133.
[35] Шерстюк М.В. Л.А. Тихомиров: обретение религиозного мировоззрения: дис. … канд. ист. наук. М., 2010. С. 4–16.
[36] Милевский О.А. Л.А. Тихомиров: из истории формирования консервативной мысли в России в конце XIX – начале XX веков: дис. ... док. ист. наук. Барнаул, 2006. С. 7–28.
[37] Репников А.В. Две жизни Льва Тихомирова / А.В. Репников, О.А. Милевский. М., 2011. С. 5–25.
[38] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX – начала XX веков: дис. ... док. ист. наук. М., 2006. С. 24–73.
[39] Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С. 35–78.
[40] Там же. С. 47–48, 55–58, 62–63, 65–67, 71–78.

Нужно отметить, что для обоих этапов характерной чертой является то, что в исследовании отечественными историками зарубежной историографии наследия Л.А. Тихомирова и по сей день остаются значительные пробелы. В этом вопросе, на наш взгляд, не хватает системности и глубины проработки, разные аспекты до сих пор остаются освещенными лишь на поверхностном уровне, а зачастую отечественные авторы продолжают постулировать тезисы предыдущих лет. Для подтверждения наших слов на примере упоминания диссертации американского историка Ф.Д. Хардести приведем фрагменты из отечественных диссертаций разных лет, которые, на наш взгляд, содержат дублирование информации, к тому же не верифицированной: 1) О.А. Милевский, 1996 г.: «К сожалению, некоторые из них не опубликованы. В частности, диссертация В. Хардести, посвященная анализу книги Л. Тихомирова “Монархическая государственность” и развитию его общественно-политических воззрений до 1912 года»[41]; 2) С.В. Чесноков, 2005 г.: «Так, анализу “Монархической государственности” и политическим взглядам Тихомирова до 1912 г. была непосредственно посвящена диссертация Дюана Фон Хардести “Лев Тихомиров и автократический принцип: исследование его консервативной философии”, защищенная в Университете Огайо в 1974 г.»[42]; 3) М.В. Шерстюк, 2010 г.: «В своей работе Ф.Д. Хардести анализирует главный прижизненный опубликованный труд Тихомирова “Монархическая Государственность” и мировоззрение его автора до 1912 г.»[43]; 4) Ф.Г. Пыхарев, 2013 г.: «В работе главным образом исследуется книга Тихомирова “Монархическая Государственность” и взгляды Тихомирова с начала 90-х гг. XIX в. по 1912 г.»[44]. Тогда как еще японский историк Х. Вада в статье «Лев Тихомиров: его духовный мир в последние годы жизни (1913–1923)», опубликованной впервые в Токио в 1986 г., дал подобную характеристику диссертации Ф.Д. Хардести: «<…> диссертация Фон Дюана Хардести “Лев А. Тихомиров и автократический принцип:

[41] Милевский О.А. Л.А. Тихомиров: от революционности к монархизму: дис. … канд. ист. наук. Томск, 1996. С. 13.
[42] Чесноков С.В. Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской истории и культуре конца XIX – XX веков: дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 20–21.
[43] Шерстюк М.В. Л.А. Тихомиров: обретение религиозного мировоззрения: дис. … канд. ист. наук. М., 2010. С. 12.
[44] Пыхарев Ф.Г. Эмигрантский период в жизни и творчестве Льва Тихомирова: дис. … канд. ист. наук. М., 2013. С. 17.

исследование его консервативной философии” <…> посвященная анализу объемистого труда Тихомирова “Монархическая государственность” (1905) и его мировоззрения до 1912 г.» [45] . При этом сам Ф.Д. Хардести подобных хронологических рамок в диссертации не устанавливал, доведя свое исследование до 1914 г. с включением отдельных фрагментов из биографии Л.А. Тихомирова вплоть до 1923 г., и то только потому, что не все источники, повествующие о периоде жизни Л.А. Тихомирова с 1914 по 1923 гг., были ему доступны. На эти обстоятельства он указывал во введении диссертации: «Помимо “Монархической государственности”, для этого исследования было доступно большинство основных статей в корпусе сочинений Тихомирова после 1888 года. Были доступны его полемические трактаты, написанные непосредственно после возвращения в Россию, трактаты по рабочему вопросу и Думе, а также многочисленные статьи по общественным вопросам в качестве редактора “Московских ведомостей” (1909–1914). К сожалению, финальная работа Тихомирова “Религиозно-философские основы истории”, написанная в контексте революционного переворота 1917 года, была недоступна для исследования. Эта работа в рукописном виде хранится в Центральном государственном архиве в Москве. Это обстоятельство, а также тот факт, что Тихомиров ушел с должности редактора “Московских ведомостей” незадолго до начала войны в 1914 году, обусловили необходимость сосредоточения данного исследования, по большей части, на мировоззрении Тихомирова, как оно выкристаллизовалось перед Первой мировой войной. Некоторые фрагментарные материалы прослеживают его жизнь после 1914 года до его смерти в 1923 году, но эти фрагменты недостаточно существенны, чтобы позволить исследователю с какой-либо ясностью проследить эволюцию его мировоззрения и сдвиги, если таковые имели место, которые могли произойти вслед за эпической революцией в России. Нижеследующие разделы представляют собой основные компоненты идеологической позиции Тихомирова в том виде, в каком она складывалась до 1914

[45] Вада Х. Лев Тихомиров: его духовный мир в последние годы жизни (1913–1923) // Вада Х. Политическая история России. Избранные труды. 1960–2017. М., 2018. С. 278–279.

года»[46]. Многие зарубежные работы отечественные историки и вовсе обошли стороной. Поэтому один из параграфов нашей работы посвящен анализу зарубежной историографии биографии и трудов Л.А. Тихомирова.

Рамки данного обзора историографии наследия Л.А. Тихомирова не позволяют отметить частные и незначительные примеры приращения научного знания, а также упомянуть малоформатные публикации, поэтому о многом мы вынуждены были умолчать, сконцентрировав внимание на крупных исследованиях в виде монографий и диссертаций. Однако считаем важным упомянуть статьи московского историка О.В. Шемякиной, которая осветила историю осмысления наследия Л.А. Тихомирова в ранней советской историографии 1920–1930 гг.[47]. Многие тихомироведы часто недооценивали важность более глубокого погружения в данный вопрос, видимо, считая, что об этом периоде уже многое было написано ранее. Этот период, наполненный революционным романтизмом и трагизмом, таит в себе много белых пятен, которые еще предстоит открыть исследователям.

Объект исследования. Советская и зарубежная историография наследия Л.А. Тихомирова.

Предмет исследования. Основные подходы, тенденции и особенности освещения наследия Л.А. Тихомирова в советской и зарубежной историографии.

Цель исследования. Выявить и проанализировать советскую и зарубежную историографии наследия Л.А. Тихомирова, сравнить основные подходы, тенденции и особенности освещения наследия Л.А. Тихомирова в работах советских и зарубежных исследователей.

Цель исследования предопределила решение следующих **задач**:

1. Проанализировать работы русских и советских эмигрантов, охарактеризовать место и значение творческого наследия Л.А. Тихомирова в среде белой эмиграции и оценить ее влияние на современное тихомироведение.

---

[46] Hardesty V.D. Lev A. Tikhomirov and the autocratic principle: a study of his conservative thought. Ph.D. The Ohio State University, 1974. P. 4.

[47] Шемякина О.В. Дискуссия вокруг книги Е.Е. Колосова «Народовольческая журналистика» в 1930–1932 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 448–467; Шемякина О.В. Тихомиров и его воспоминания в восприятии «старых народовольцев» // Исторический архив. 2022. №4. С. 114–144.

2. Определить основные тенденции освещения биографии и трудов Л.А. Тихомирова в американской и британской историографии. Проанализировать работы иностранных авторов, изучавших наследие Л.А. Тихомирова, и найти точки соприкосновения и расхождения с отечественной историографией.

3. Выявить основные цели публикации наследия Л.А. Тихомирова в СССР в 1920–1930-е гг. и охарактеризовать основные тенденции в его осмыслении советскими авторами.

4. Охарактеризовать особенности освещения роли Л.А. Тихомирова в революционном движении и причин его ренегатства в эго-документах революционеров-народников в период 1920-х – 1930-х гг.

5. Определить и проанализировать основные проблемы осмысления творчества и деятельности Л.А. Тихомирова в ранней советской исторической науке.

6. Проследить и отметить особенности обращения к наследию Л.А. Тихомирова в исследованиях советских историков второй половины XX в., посвященных революционному народничеству.

7. Выявить изменения и проанализировать развитие советской историографии наследия Л.А. Тихомирова в 1960-х – 1980-х гг., и определить точки роста современного тихомироведения.

Хронологические рамки исследования. Поскольку зарубежная и советская историография развивались асинхронно и практически без взаимной актуализации исторических наработок, в диссертации избрано два варианта хронологических рамок: отдельно для зарубежной и советской историографии.

Нижняя граница зарубежной историографии относится к 1880-м гг., когда впервые были предприняты попытки актуализировать революционное наследие Л.А. Тихомирова и его ренегатство. Мы можем выделить три основных этапа: 1) 1880-е – 1950-е гг. Точечные упоминания о Л.А. Тихомирове; 2) 1950-е – 1990-е гг. Полноценная историография наследия Л.А. Тихомирова, которая развивалась в русле общего интереса к русской и советской истории; 3) 1990-е гг. – по настоящее

время: снижение интереса к наследию Л.А. Тихомирова в исторической науке на Западе, при активизации интереса к нему в странах Восточной Европы.

Советская же историография ограничена временем существования советской исторической науки, которая берет свое начало еще во времена Гражданской войны и оканчивается в 1991 г. При этом также можно выделить несколько периодов в развитии историографии наследия Л.А. Тихомирова. Тихомироведы придерживались разных подходов к периодизации отечественной историографии. Например, уже упоминаемый С.В. Чесноков использовал периодизацию [48], предложенную Г.С. Каном для рассмотрения историографии «Народной воли»: 1) начало 1880-х – 1917 гг.; 2) 1917 – середина 1930-х гг.; 3) 1950-е гг. – по настоящее время[49]. Однако, на наш взгляд, такая периодизация не совсем точно отражает процесс развития советской историографии наследия Л.А. Тихомирова. Мы считаем верной следующую периодизацию: 1) 1917 – середина 1930-х гг. Романтическо-ностальгический этап; 2) середина 1930-х – середина 1950-х гг. Научное затишье; 3) середина 1950-х – середина 1960-х гг. Ренессанс в исследовании революционного народничества; 4) середина 1960-х – начало 1990-х гг. Трансформация исследовательского интереса: от осмысления роли Л.А. Тихомирова в революционном движении к исследованию его монархизма.

Тема периодизации историографии отечественной эмиграции является дискуссионной. Еще советский историк В.Т. Пашуто, работая в 1970-х гг. над монографией «Возникновение, развитие и крах русской эмигрантской историографии (проблемы феодализма)», отмечал отсутствие обобщающих работ по историографии эмиграции и ее периодизации [50]. Современный российский историк И.В. Чубыкин выделил три периода в процессе формирования отечественной историографии эсеров в эмиграции: 1) 1920-е гг.; 2) 1970–1980-е гг.; 3) с начала 1990-х гг. до настоящего времени[51]. Другой российский исследователь

[48] Чесноков С.В. Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской истории и культуре конца XIX – XX веков: дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 14.
[49] Кан Г.С. «Народная воля»: идеология и лидеры. М., 1997. С. 6–7.
[50] Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1991. С. 20–21.
[51] Чубыкин И.В. Российские социалисты-революционеры в эмиграции (1920-е гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1996. С. 1–2.

А.А. Пронин отмечал, что в «первое десятилетие XXI в. в литературе прочно укореняется обобщенное деление отечественной историографии российского зарубежья на два периода – советский и постсоветский без их разделения на этапы» [52] . Учитывая идеологическую разнородность и отсутствие территориального единства русского зарубежья, в нашей работе мы не делили историографию эмиграции на периоды, но при этом рассматривали ее в привязке к трем волнам отечественной эмиграции: Первая волна (1917–1924 гг.), Вторая волна (1941–1945 гг.), Третья волна (1960-е–1980-е гг.). Тем более применительно к нашей теме эмигрантская историография развивалась параллельно советской, а после слилась с современной российской.

Территориальные рамки работы. Исходя из темы диссертации, кроме территории СССР, в рамки исследования мы включили страны мира, в которых, во-первых, жили историки, изучавшие наследие Л.А. Тихомирова, а во-вторых, проживали русские и советские эмигранты, обращавшиеся к трудам Л.А. Тихомирова. Это страны Европы, Азии, Северной и Южной Америки. Иностранные специалисты, исследовавшие наследие Л.А. Тихомирова, чаще всего были представителями США и Великобритании.

Теоретико-методологические основы исследования. Под наследием мы понимаем не только творчество Л.А. Тихомирова как совокупность зафиксированных на бумаге мыслей, идей, взглядов, описания событий и эмоциональных проявлений и т.д., но и его биографию, а также рукописные работы как материальный источник. Творческое наследие Л.А. Тихомирова можно классифицировать следующим образом. По степени доступности: 1) опубликованные работы: в дореволюционное время; в советские годы; в эмиграции; в современной России; 2) неопубликованные (архивные материалы). По жанру материалов: 1) историко-философские монографии; 2) брошюры; 3) статьи в газетах и журналах; 4) дневник; 5) мемуары; 6) очерки и заметки; 7) переписка; 8) художественное произведение. Необходимо отметить, что материалы,

[52] Пронин А.А. Историография историографии российской эмиграции // Интеллигенция и мир. № 2. 2010. С. 83.

относящиеся к категориям 4–7, а также произведения «Религиозно-философские основы истории» и «В последние дни: эсхатологическая фантазия», представляют из себя совокупность архивных материалов, большая часть из которых находится в фонде 634 Государственного архива Российской Федерации. Именно за этой коллекцией материалов в историографии закрепилось название «Архив Л.А. Тихомирова». Автор диссертации допускает, что не все архивные материалы или публикации известны и доступны на сегодняшний день. Более того, в процессе исследования архивных документов автору удалось обнаружить ряд исторических источников ранее не упоминавшихся в тихомироведении[53].

Говоря о наследии, нужно отметить, что существует ряд исследовательских проблем и критических подходов при анализе историографии наследия того или иного автора. Большую часть проблем в исследовании наследия можно свести к двум основным плоскостям: субъективизм исследователя, обращающегося к наследию, и изначальная субъективность самого объекта исследования.

Основная проблема при исследовании наследия заключается в том, что образ прошлого, запечатленный в наследии, в разные периоды истории авторами интерпретируется посредством разных наборов практик и смыслов, порою создаваемых сознательно в рамках коллективных процессов или при выработке индивидуальных подходов к изучаемому объекту. По выражению британского исследователя Г.Дж. Эшворта, изучавшего проблему наследия с позиции маркетинга, любое наследие предполагает своего «наследника», который является его потребителем, задающим цели и формат обращения к наследию. Такая зависимость исторического наследия от потребителя (в нашем случае исследователя) создает проблему изначальной субъективности при изучении того или иного наследия, так как определение исследователем аутентичности образа прошлого в наследии достигается не за счет сопоставления излагаемых фактов в наследии и некой объективной исторической истины, а исходя из изначального

[53] См. Приложения 10–15.

понимания исследователем этой аутентичности[54]. Применительно к наследию Л.А. Тихомирова мы можем отметить, что оценки его наследия напрямую зависели от целей, идеологических и методологических установок исследователя, обращающегося к нему.

Кроме того, любое наследие с течением времени обрастает набором свойств, которые не были ему присущи в момент создания. По словам нидерландского ученого Ф.Ф.Дж. Схаутена, наследие – это «история, проработанная через мифологию, идеологию, национализм, местную гордость, романтические идеи или просто маркетинг», поэтому оно как объективная историческая реальность может существовать только благодаря точной интерпретации, так как историческая реальность не появляется из остатков прошлого сама по себе, ее нужно создать[55]. Как писал один из классиков изучения проблем наследия американский историк и географ Д. Лоуэнталь, – любые операции с наследием, даже направленные на сохранение, приводят к его изменению, а «изменяя реликвии и записи прошлых времен, мы изменяем и себя; пересмотренное прошлое, в свою очередь, изменяет нашу собственную идентичность»[56]. Следовательно, раз наследие не остается с течением времени неизменным, то, по мнению Д. Лоуэнталя, этот факт нужно учитывать в исследованиях: «Каждая реликвия свидетельствует не только о своих творцах, но и о тех, кто ей наследовал, не только о духе прошлого, но и о перспективах настоящего. Некоторые охранители полагают, что, защищая его от переделок, они сберегают подлинное прошлое. Однако нам не избежать переосмысления нашего наследия, поскольку каждый акт признания изменяет сохранившиеся частицы прошлого. Мы можем плодотворно использовать прошлое лишь тогда, когда осознаем, что наследовать – это и означает трансформировать»[57]. Наследие Л.А. Тихомирова также в разные периоды истории мифологизировалось и менялось по форме. Можно выделить три основные мифологемы,

[54] Эшворт Дж.Г. От истории к наследию – от наследия к идентичности: в поисках понятий и моделей // Неприкосновенный запас. № 4. 2017. С. 154–171.
[55] Schouten F.F.J. Heritage as historical reality // Heritage, tourism and society. London; New York, 1995. Pp. 21, 30.
[56] Lowenthal D. The past is a foreign country. Cambridge, 1985. P. 411.
[57] Lowenthal D. The past is a foreign country. Cambridge, 1985. P. 412.

использовавшиеся при оценке и осмыслении наследия Л.А. Тихомирова: наследие – это часть революционного движения народников; наследие – ключ к пониманию проблемы ренегатства; наследие – это фундамент для построения православной монархии. Примером трансформации наследия Л.А. Тихомирова по форме является публикация разных его работ с сопроводительными комментариями, задающими смысловую установку для читателей. Более того, исследователям наследия Л.А. Тихомирова долгое время не была доступна или сознательно игнорировалась часть его творческого наследия, как, например, это происходило с книгой «Религиозно-философские основы истории», что приводило к искусственно видоизмененному пониманию творчества Л.А. Тихомирова.

Учитывая изменения с течением времени теоретико-методологических оснований историографического исследования, в том числе в угоду идеологии, автор диссертации согласен с точкой зрения уральского историографа В.Д. Камынина, считающего, что в современном историографическом исследовании теоретико-методологические основания должны четко увязываться с объектом и предметным полем проводимого исследования: «При изучении объекта исследования, под которым понимается совокупность историографических источников по конкретному сюжету или проблеме, учитывая, что историографическое исследование всегда носит междисциплинарный характер, исследователю вполне достаточно овладеть определенной совокупностью методов историографического исследования, а также междисциплинарных методов изучения источников. При изучении предметного поля исследователь должен заявить о той научной парадигме, с позиций которой он понимает поставленную научную проблему. Только в этом случае он ставит себя наравне с теми исследователями проблемы, труды которых он изучает. Именно честное изложение своих теоретических подходов позволяет историографу добиваться научной

объективности, но не как заявленного заранее принципа исследования, а как его желаемой цели, к которой следует стремиться»[58].

При анализе историографических источников, посвященных наследию Л.А. Тихомирова, автор диссертации опирался на подходы интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты творческой и интеллектуальной деятельности через культуру, биографию и социокультурное окружение их носителей. Несмотря на то, что методология интеллектуальной истории пока находится в процессе становления, этот подход позволяет реконструировать историческую реальность через мысли и идеи, так как источник создается автором с опорой на собственный язык и набор методов, обусловленных «привычками и влиянием определенной культуры. Из потока информации автор вычленяет основную мысль, вокруг которой рисует картину. В результате чего происходит постановка сюжета и литературная обработка, что сводит источник к максимальной субъективности. Интеллектуальная история максимально старается выделить из субъективного источника, подлинные идеи и смыслы»[59].

Также в данном исследования автор опирался на теорию модернизации, объясняющую процесс перехода от традиционного общества к индустриальному. Несмотря на имеющиеся в современной российской науке противоречия в трактовке модернизационного подхода к истории, мы считаем, что он применим для объяснения процессов развития советской и зарубежной историографии наследия Л.А. Тихомирова. Так, например, его позднее творчество многими исследователями позиционируется как традиционалистское, которое в своей основе неизбежно должно было вступить в конфликт с советской исторической наукой, выросшей на базе исторического материализма, что нам в итоге и удалось обнаружить во время анализа историографических источников.

---

[58] Камынин В.Д. Диссертация по историографии: из опыта методологического и теоретического обоснования исследований // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI века. Челябинск, 2011. С. 86.

[59] Федоров Р.И. Интеллектуальная история как направление в методологии исторических исследований // История. Экономика. Геополитика. 2016. №2. С. 50–52.

В диссертации использованы следующие общие методы историографического исследования:

1) сравнительно-исторический метод, который позволяет сравнивать разные исторические концепции с целью их обобщения, выявления особенных черт и степени влияния друг на друга;

2) хронологический метод, в рамках которого анализируется развитие исторической мысли, идей, взглядов и концепций в хронологической и логической последовательности, что позволяет выявить закономерности аккумулирования и углубления историографического знания;

3) проблемно-хронологический и конкретно-проблемный методы. Эти методы направлены на выявление в рамках больших тем ряд узких проблем и вопросов, каждая из которых рассматривается либо в хронологической последовательности (проблемно-хронологический), либо в контексте взаимосвязи отдельных историографических фактов (конкретно-проблемный);

4) метод периодизации предполагает выделение отдельных этапов в развитии исторической науки с целью обнаружения ведущих направлений научной мысли и новых элементов в ее структуре;

5) ретроспективный анализ, который позволяет реконструировать процесс мышления историков от современного момента к прошлому с целью выявления элементов старого научного знания и проверить выводы историков прошлого данными современной историографии.

Кроме традиционных методов исследования, в нашей работе используются и относительно новый, квантитативный, метод исследования (контент-анализ), который получил широкую популярность во второй половине XX – начале XXI вв. и доказали свою вспомогательную эффективность в исторической науке. И.Д. Ковальченко, один из основателей отечественной квантитативной истории, так описывал эту тенденцию: «Многообразие и безграничность взаимосвязей, присущих явлениям объективного мира, обуславливают то, что в исторических источниках, несмотря на избирательное отражение ими действительности, содержится в сущности неисчерпаемый объем скрытой информации,

характеризующей взаимосвязи явлений действительности. Анализ этих взаимосвязей на основе информации, непосредственно выраженной, позволяет выявлять информацию скрытую. Это создает возможность для неограниченного повышения информационной отдачи источников и преодоления избирательности непосредственно выраженного отражения источниками действительности»[60].

Если изначально контент-анализ использовался только в классических исторических исследованиях, то в последние несколько десятилетий он все чаще используется и в историографических работах. Например, отечественный специалист в области исторической информатики И.М. Гарскова пишет, что с «начала 2000-х гг. в публикациях историографов можно встретить позитивные оценки перспективности количественного, в частности, наукометрического, анализа историографии, возможности контент-анализа историографических источников, а статистическая обработка некоторых количественных показателей присутствует и в классических теоретических публикациях, и в библиографических обзорах»[61].

До нашей работы метод контент-анализа при исследовании наследия Л.А. Тихомирова использовался всего несколько раз: О.А. Милевский проанализировал заголовки передовиц Л.А. Тихомирова в «Московских ведомостях» [62], а С.М. Рязанов исследовал с помощью контент-анализа произведения Л.А. Тихомирова, которые были посвящены рабочему вопросу[63].

В нашем исследовании мы опирались на следующие **принципы**: целостности; всесторонности; системности; ценностного подхода.

Источниковая база исследования. Вопрос о предмете историографии и ее источниках является дискуссионным. В литературе встречаются разные точки

---

[60] Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 132.
[61] Гарскова И.М. Историческая информатика: эволюция междисциплинарного направления. СПб., 2018. С. 26.
[62] Милевский О.А. «Московские ведомости» о социально-экономической политике правительства в 1909–1911 годах: анализ передовиц Л.А. Тихомирова // Российская Империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Сер. «Монографии». Воронеж, 2004. С. 370–376.
[63] Рязанов С.М. Рабочий вопрос в произведениях Л. А. Тихомирова (опыт контент-анализа) // Вестник Пермского университета. Серии: история и политология. № 2 (6 Политология – 9 История). 2009. С. 114–122; Рязанов С.М. Рабочий вопрос в системе социально-экономических представлений российских консерваторов в конце XIX – начале XX века: дис. … канд. ист. наук. Пермь, 2009. С. 144–158.

зрения на сущность историографического источника. При этом представление об историографическом источнике как самостоятельном источнике, отличном от исторического, сформировалось относительно недавно.

Первым, кто попытался выделить историографию в отдельную дисциплину, был советский историк Н.Л. Рубинштейн. В монографии «Русская историография», изданной в 1941 г., он сделал попытку разграничить источниковедение и историографию. Введя понятие «историографический памятник», он на примере летописей указывал, что уже в них прослеживается субъективная авторская интерпретация исторических событий, поэтому если «источниковедение интересуется достоверностью самого источника и воспроизводимых им фактов», то «историография выясняет осмысление автором исторических фактов и связи между ними» [64] . При этом Н.Л. Рубинштейн уточнил, что одного только субъективного элемента недостаточно для идентификации памятника историографическим, важна еще как минимум историческая связь в описании событий или отражение исторической преемственности событий[65].

Впервые понятие «историографический источник» в отечественной науке было использовано М.В. Нечкиной в статье 1965 г. «История истории». Она указывала, что историографическим источником является любой результат интеллектуальной работы историка: «Это прежде всего труды историков. Они могут иметь форму крупных монографий, отдельных книг, статей, сообщений, печатных заметок. Но они могут иметь и форму устных докладов, выступлений в прениях, в дискуссиях. Каждый законченный и оформленный труд окружают, как правило, немалые массивы переработанного материала, черновиков, пробных набросков, отброшенных вариантов текста, использованных картотек и всего прочего, что составляет лабораторию историка и позже становится его архивом. Все, что отражает творческий процесс работы – искания, пробы, выработку окончательного текста, не может не интересовать историка науки. Исследования личных архивов – также область историографического изучения, они – источник

[64] Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 19.
[65] Там же. С. 19–20.

для историографии. Эти архивы в соответствии с характером трудов могут отражать как индивидуальную, так и коллективную работу историков»[66]. Несмотря на такую широкую трактовку, по мнению М.В. Нечкиной, крайне важно разграничивать историографическое исследование и историческую библиографию, которая носит лишь «подсобное значение», а также не разделять искусственно историю исторической науки и историографию [67] . Такая резкая позиция М.В. Нечкиной по отношению к историографическим исследованиям, носящих библиографический характер, объясняется не только стремлением к теоретизации историографии как отдельной научной дисциплины, но является следствием ее идеологической и методологической ангажированности. Она не только делала попытку точно очертить предмет историографии, что крайне важно для выделения новой отрасли научного знания, но и одновременно критиковала «буржуазных» историков за их склонность к описательным, библиографическим и биографическим историографическим исследованиям. Среди таких работ можно отметить, например, дореволюционную двухтомную монографию В.С. Иконникова «Опыт русской историографии»[68], которую в качестве примера упомянула в статье сама М.В. Нечкина, или очерк историка русской эмиграции Г.В. Вернадского «Русская историография»[69].

В 1970-е гг. С.О. Шмидт, называя главными историографическими источниками труды историков и выдающиеся памятники общественно-исторической мысли, отметил наметившуюся в исторической науке тенденцию к расширению историографических источников: «историки исторической науки обращаются и к многообразным неопубликованным (архивным) материалам традиционного типа, и к таким разновидностям источников, которые ранее оказывались вне поля зрения историографа»[70].

---

[66] Нечкина М.В. История истории // История и историки. Историография истории СССР. Сборник статей. М., 1965. С. 10.
[67] Там же. С. 7–8.
[68] Иконников В.С. Опыт русской историографии. В 2 т. Киев, 1891–1908.
[69] Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998.
[70] Шмидт С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии: к 75-летию акад. М.В. Нечкиной: сб. ст. М., 1976. С. 264.

В конце 1980-х гг. А.И. Зевелев дал краткое, но при этом очень точное трутовку историографического источника: это «те исторические источники, которые определяются предметом историографии и несут информацию о процессах, протекающих в исторической науке и в условиях ее функционирования. Они используются наряду с историографическим фактом для установления закономерностей возникновения и развития историографии»[71].

Представитель омской школы историографии В.П. Корзун при классификации историографических источников предложила выделять «опорную группу» источников, в которую следует включать тексты, несущие «историко-научный (рефлексивный или критический) элемент исторического знания вне зависимости ни от жанра, ни от мест их бытования», и вспомогательную группу, включающую все остальные источники, способные воссоздать «атмосферу творчества, вехи жизни автора, его общественно-политические взгляды, ценностные ориентации, особенности его натуры» [72] . В совместной работе С.П. Бычков и В.П. Корзун прямо указали на то, что традиционный исторический источник (дневник, переписка, мемуары и т.д.), «вовлеченный в процесс историографического анализа, приобретает новый статус – статус историографического источника», который «становится таковым лишь тогда, когда включается в отношение “историк–источник”, в процедуру историографического анализа»[73]. В нашей работе мы также привлекали традиционные исторические источники, которые в контексте нашего исследования приобрели статус историографических источников, пусть и вспомогательных.

Существуют и альтернативные трактовки понятия «историографический источник», как, например, концепция современных исследователей историографии М.Ф. Румянцевой и С.И. Маловичко. Они считают, что «историографическими источниками являются произведения историков, которые реализуют функции

[71] Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987. С. 120.
[72] Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург–Омск, 2000. С. 22.
[73] Бычков С.П. Введение в историографию отечественной истории XX в.: учеб. пособие / С.П. Бычков, В.П. Корзун. Омск, 2001. С. 38–39.

презентации и позиционирования исторического знания. Единый подход к “традиционным” (т.е. к тем, которые традиционно включаются в курс “источниковедение”) историческим и историографическим источникам базируется на определении: исторический источник – объективированный результат творческой деятельности человека / продукт культуры, используемый для изучения / понимания человека, общества, культуры как в исторической, так и в коэкзистенциальной составляющих. Если исходить из презумпции, что историк – тоже человек (а оснований для иного предположения у нас, кажется, нет), то заявленное единство подходов к “традиционным” историческим источникам и источникам историографическим, становится очевидным» [74]. Такой подход, по мнению авторов, позволяет «прояснить многообразие типов презентируемого исторического знания, позволяет смотреть на историографический источник как на произведение творческой активности человека, продукт культуры. Он ориентирует современного исследователя выявлять целеполагание автора исторического труда, сознательно осуществлявшего акт историописания, выполнявшего определенную функцию в социуме»[75].

Точку зрения М.Ф. Румянцевой и С.И. Маловичко не разделяет челябинский историограф Н.Н. Алеврас. Она указывает на то, что данная дефиниция «сформулирована предельно абстрактно: в том смысле, что в ней не обозначено смысловое наполнение актуальной “группы видов исторических источников”, за которой фактически подразумеваются произведения ученых-историков. К тому же сохраняется некая искусственность своеобразного – “двухэтажного” – определения “историографического источника”: ведь, в конечном итоге, можно даже обойтись без этого словосочетания, чтобы понять, на что, по версии создателей определения нацелено источниковедение историографии или, что является объектом его изучения»[76]. Тем более, как подчеркивает Н.Н. Алеврас, «изучение историографии

[74] Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Источниковедение историографии как предметное поле интеллектуальной истории // Мир историка: историографический сборник. Вып. 11, 2017. С. 89–90.
[75] Там же. С. 91.
[76] Алеврас Н.Н. Источниковедение историографии и историографический источник в контексте источниковедческой парадигмы как повод для историографических заметок и размышлений // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2017. С. 116.

как истории исторической науки осуществляется на основе использования совокупности видовых групп источников, позволяющих исследовать и понимать творческую деятельность историка в контексте целостной научной и жизненной стези ученого»[77].

В историографии есть и другие примеры попыток переосмысления традиционного понимания историографического источника. Д.П. Исаев отмечает, что появилось новое направление в историографии – «биоисториография», которое разрабатывает Т.Н. Попова. Она ввела в научный оборот понятие «биоисториографического источника», который включает в себя информацию о биографии историка [78]. Исходя из такого подхода, по словам Д.П. Исаева, Т.Н. Попова предлагает расширенную трактовку источника: туда могут входить разнообразные материалы, начиная от персональных текстов, документальных материалов и заканчивая местами памяти/пребывания «героя» и «историко-культурным контекстом»[79]. Данное направление в историографии нам кажется весьма важным для нашей работы.

Нет единого мнения и по вопросу о предмете историографии. В науке существует два ключевых подхода к предмету историографии. Первый подход был предложен Б.Г. Могильницким, согласно которому историография предполагает изучение исторической мысли в самом широком смысле слова, без учета профессиональной подготовки ее деятелей и институциональных особенностей. Согласно второму подходу, одним из сторонников которого был А.М. Сахаров, предмет историографии – это только история исторической науки. При этом, как справедливо отмечают историографы В.П. Корзун и В.Г. Рыженко, на данный момент общим для этих подходов является «нарастающий интерес к творчеству историка и его лаборатории, к самому процессу создания исторического знания, внимание к социокультурному фону. Историографов все больше интересует не

[77] Алеврас Н.Н. Источниковедение историографии и историографический источник в контексте источниковедческой парадигмы как повод для историографических заметок и размышлений // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2017. С. 119.
[78] Исаев Д.П. «Историографический источник»: проблемы истории и интерпретации понятия // Новое прошлое. 2019. № 2. С. 108–109.
[79] Там же. С. 109.

столько готовое знание, сколько способы его получения»[80]. Процессуальная сторона творчества историков для нашего исследования также представляет большую ценность.

Важно отметить, что на специфику историографического исследования также влияет принадлежность историографа к той или иной научной школе. Как отмечает В.Д. Камынин, на сегодняшний день в «историографическом пространстве реально оппонируют друг другу два научных направления, представленные двумя научными школами, различающимися в понимании основных категорий: науковедческое (“сциентическое”) и “социокультурное”»[81].

Науковедческое направление историографии характерно для уральской историографической школы, которая сформировалась в Уральском государственном университете им. А.М. Горького под началом профессора О.А. Васьковского[82]. О.А. Васьковский, отдавая предпочтение проблемному жанру исследований, считал, что наряду с «изучением историографических фактов исследователь обязан дать анализ теоретических представлений по конкретной исторической проблеме, изменений в источниковой базе и методах исторического исследования, раскрыть функционирование научных учреждений исторического профиля и формирование кадрового потенциала науки»[83].

Ко второму направлению историографии относится Омская историографическая школа, основателем которой стала профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского В.П. Корзун[84]. Представители омской школы, продолжив, по словам Н.Н. Алеврас, дореволюционную историографическую традицию, рассматривают историографию как историю исторической науки «в контексте всего многообразия

---

[80] Корзун В.П., Рыженко В.Г. Поиск нового образа историографии в современном интеллектуальном пространстве // Мир Клио: сборник статей в честь Л.П. Репиной. М., 2007. Т. 2. С. 269.

[81] Камынин В.Д. Историографические исследования в эпоху постмодерна // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. 2015. Вып. 17, ч. 2: История и историк в ситуации интердисциплинарности. С. 72.

[82] Камынин В.Д. Уральская историографическая школа / В.Д. Камынин, Е.А. Цыпина // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 29. С. 68.

[83] Заболотный Е.Б. О.А. Васьковский – историк исторической науки / Е.Б. Заболотный, В.Д. Камынин, А.Т. Тертышный // Россия в XX в.: история и историография: сборник научных статей. Екатеринбург, 2002. С. 14.

[84] Якуб А.В. Валентина Павловна Корзун – основательница Омской историографической школы. К юбилею / А.В. Якуб, С.П. Бычков // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. №4.

взаимовлияний, которые складываются между научным сообществом и социокультурной средой»[85]. Поэтому омские исследователи предлагают понимать предмет историографии в более широком, «междисциплинарном поле», в рамках которого историографа «интересует не только та или иная историческая концепция “на выходе”, но и индивидуально-личностная ее компонента, процесс ее создания, распространения, влияния и судьбы»[86].

Таким образом, если представители уральской историографической школы работают преимущественно в жанре проблемной историографии и используют концептуальный подход, то последователи омской историографической школы отдают предпочтение интеллектуальной истории, антропологическому подходу и «коммуникативному полю» историографии[87]. Между уральской и омской научными школами историографии существуют и другие принципиальные отличия – представители этих школ расходятся в понимании предмета, источников и их типологизации[88]. Кроме того, в современной исторической науке существует мнение, согласно которому процесс развития концептуального и антропологического подходов в историографии является «противостоянием двух парадигм»[89].

В нашем исследовании мы выбрали подход Б.Г. Могильницкого и поэтому сознательно расширили рамки историографических источников, которые раскрывают наследие Л.А. Тихомирова. Во-первых, Л.А. Тихомиров не являлся профессиональным историком, а потому его творчество изначально не является частью исторической науки. Во-вторых, творчеством Л.А. Тихомирова очень часто

---

[85] Алеврас Н.Н. Предмет историографии: версии современной науки // IMAGINES MUNDI: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. 2010. Вып. 4. № 7. Интеллектуальная история. С. 182–183.

[86] Бычков С.П. Введение в историографию отечественной истории XX в.: учебное пособие / Бычков С.П., В.П. Корзун. Омск, 2001. С. 8.

[87] Подробнее о «коммуникативном поле» см., например: Корзун В.П. Коммуникативное поле исторической науки: новые ракурсы историографического исследования // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сборник статей. Челябинск, 2011. С. 290–302; Корзун В.П. Коммуникативное поле современной исторической науки от размышлений историографов к опытам описания / В. П. Корзун, В. Г. Рыженко // Диалог со временем. 2011. № 37. С. 24–44.

[88] Панькин И.Д. Научные школы в уральской историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 11 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 141–142.

[89] Крих С.Б. Две парадигмы в современной отечественной историографии / С.Б. Крих, О.В. Метель // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 165.

интересовались не только профессиональные историки, но и ученые из других отраслей научного знания, а также публицисты и другие представители неэпистемологического литературного творчества. В диссертации мы определили следующие группы историографических источников: 1) монографии; 2) диссертации и авторефераты; 3) статьи в журналах и сборниках; 4) документы личного происхождения (воспоминания, автобиографии, дневники, письма и т.д.); 5) рецензии, отзывы, предисловия и послесловия; 6) брошюры, заметки и другие малостраничные издания; 7) доклады, тезисы и протоколы конференций/собраний; 8) газетные статьи, открытые письма и прочие публикации в периодике; 9) учебная литература; 10) энциклопедические статьи; 11) художественная литература. Для нас важным является не только то, что исследователи писали о наследии Л.А. Тихомирова, но и реконструкция механизмов получения этого исторического знания.

К первой группе источников относятся монографии по истории отечественного революционного движения (М.С. Балабанов, С.С. Волк, Г.Е. Зиновьев, Б.С. Итенберг, Д. Кузьмин, В. Левицкий, В.Ф. Малаховский, В.А. Малинин, В.И. Невский, Д. Оффорд, М.Н. Покровский, В.А. Твардовская, Н.А. Троицкий, А. Тун и др.), по политической и социально-политической истории Российской империи (А.Я. Аврех, В.С. Дякин, Ю.Б. Соловьев, С.С. Ольденбург, Е.Д. Черменский, Х. Роггер и др.), истории развития политической и религиозной мысли (С.В. Утехин, Н. Зернов, Э.К. Таден, Р. Пайпс, Г. Кронин), рабочему вопросу (А.Ф. Вовчик, В.Я. Лаверычев, Д. Поспеловский, И. Шнейдерман), биографические работы (С.Х. Бэрон, С.Я. Вольфсон, Б.С. Итенберг, Е.А. Таратута, Ш.М. Левин, Д. Романовский и др.), по истории дореволюционной прессы (Б.И. Есин, А.Э. Сенн), политологические и юридические исследования (Н.А. Захаров, И.А. Исаев, П.Е. Казанский).

Во второй группе – диссертации и авторефераты советских историков (А.Ф. Вовчик, В.А. Твардовская, Ю.А. Пелевин, В.Н. Костылев), а также диссертации американских (Д.А. Дюран и Ф.Д. Хардести), английских (К.Р. Тидмарш, Г.Д. Гэмблин, Х.С. Уильямс) и сербских (А. Митич)

исследователей. В качестве источников для историографии второго уровня и в целях ретроспективного анализа были выбраны диссертации и авторефераты российских историков (О.А. Милевский, Ю.В. Петричко, Ф.Г. Пыхарев, А.В. Репников, С.М. Рязанов, С.М. Сергеев, М.Б. Смолин, Е.А. Тимохова, С.В. Чесноков, М.В. Шерстюк), философов (А.Р. Ефименко), политологов (А.С. Карцов, А.В. Пролубников) и юристов (М.Ю. Понежин, В.И. Цыганов).

К третьей группе источников относятся статьи в сборниках и журналах. В диссертации использованы в качестве источников статьи журналов русской эмиграции «Путь», «Воля России» и «Современные записки»; советские исторические журналы «Былое», «Большевик», «Голос минувшего», «Красный архив», «Каторга и ссылка», «Историк-марксист», «Пролетарская революция», «Вопросы истории», «Проблемы истории СССР», а также литературные журналы «Вопросы литературы» и «Москва»; зарубежные журналы «Славянское обозрение», «Славянское и восточноевропейское обозрение», «Американское славянское и восточноевропейское обозрение», «Русское обозрение», «Журнал Новейшей истории», «Ежегодник по истории Восточной Европы», «Русская история»; а также современные отечественные журналы «Неприкосновенный запас» и «Родина».

Четвертая группа источников – это сопроводительная информация к публикациям наследия Л.А. Тихомирова, а также критические статьи, отзывы и заметки на них. Архив Л.А. Тихомирова печатался в журналах «Каторга и ссылка» и «Красный архив», кроме того, выходили отдельные публикации его работ. Ценность этой работы заключалась не только в популяризации и улучшении доступности исторических документов, но и в первых попытках их осмысления. Почти все публиковавшиеся в 1920-х – 1930-х гг. материалы Л.А. Тихомирова сопровождались статьями профессиональных историков или любителей, которые давали оценку документам с точки зрения их достоверности, важности для науки и общества, включая и их идеологическую составляющую. При этом опубликованные в советской периодике части архива Л.А. Тихомирова становились ключевым источником изучения его биографии и творчества за рубежом.

Следующая группа источников – это источники личного происхождения. Ключевую роль в развитии темы истории революционного движения сыграла публикация мемуаров ветеранов революционного движения. Особенностью этих работ было то, что их авторы описывали исторические события через призму своих собственных взглядов и отношения к трудам и биографии Л.А. Тихомирова, что часто затем перекочевывало в работы профессиональных историков. Кроме того, важным источником является личная переписка старых народовольцев. Среди документов личного происхождения мы использовали не только опубликованные, но и неопубликованные документы, отложившиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства (далее – РГАЛИ): Ф. 234: Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) – писатель, публицист, общественный деятель; Ф. 1185: Фигнер Вера Николаевна (1852–1942) – публицист, мемуаристка; Ф. 1642: Чарушин Николай Аполлонович (1851–1937) – публицист, издатель; Ф. 1744: Коллекция воспоминаний народовольцев.

Важность в понимании раскрытия наследия Л.А. Тихомирова в историографии занимают небольшие по объему работы, которые не относятся к разряду исторических исследований. Это прежде всего брошюры, заметки и небольшие очерки, которые мы выделили в отдельную группу источников. Такие малостраничные издания не имели цели глубокого изложения фактологии, поэтому они относятся больше к публицистике. Важной чертой этих работ является то, что они часто содержат ярко выраженную идеологическую окраску.

К седьмой группе относятся материалы исторических дискуссий, проходивших в СССР в начале 1930-х гг. Особую ценность для нашего исследования представляют запротоколированные заседания Народовольческого кружка при «Обществе бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев», где обсуждалось революционное наследие Л.А. Тихомирова и проблема его ренегатства. Эти неопубликованные документы находятся в РГАЛИ (Ф. 280: Леткова Екатерина Павловна (по мужу Султанова; 1856–1937) – писательница). Также в диссертации были использованы материалы заседаний Общества историков-марксистов в 1930 г., предопределившие судьбу советской исторической

науки на несколько десятилетий, а также другие документы, показывающие влияние на развитие исторического знания.

Так как в 1920-е – 1930-е гг. исторические дискуссии разворачивались на страницах не только специализированных журналов, но и советских газет, то огромную роль в понимании историографических процессов дает информация из статей газет: «Правда», «Известия», «Вечерняя Москва». Из заграничных газет стоит выделить «Американские известия» и «Наша страна», в которых печатались русские эмигранты. Несмотря на краткость и идеологическую окраску, в газетных статьях можно найти факты, которые дают представление об отношении к наследию Л.А. Тихомирова.

Девятая группа историографических источников – это учебная литература. Несмотря на то, что учебники не являются научными трудами, они отражают современные достижения и состояние науки. Во-вторых, они в большинстве случаев пишутся в русле главенствующей в историографии методологии. В-третьих, поскольку часто образование включает в себя еще и воспитательную функцию, то учебники содержат еще и идеологические установки.

К десятой группе источников мы отнесли статьи из энциклопедий. Формат энциклопедии подразумевает стремление к объективности и лаконичности излагаемых фактов. Однако даже при условии отсутствия авторского субъективизма, часто в энциклопедиях текст несет в себе идеологическую и методологическую нагрузку. Поэтому с помощью сравнения статей разных периодов возможно вычленить историографический субъективизм.

Эти историографические источники имеют для нас первостепенное значение, но для более полного раскрытия истории изучения наследия Л.А. Тихомирова мы не ограничивались только историческими трудами, но включили в диссертацию, например, анализ художественной литературы исторического жанра, которая, во-первых, является зеркалом исторической науки, отражающим исторические события и процессы, интересующие историков, а во-вторых, применительно к наследию Л.А. Тихомирова, на определенном этапе художественная литература не только не уступала по глубине понимания наследия Л.А. Тихомирова, но и даже

опережала историческую науку. Например, одним из знатоков архива Л.А. Тихомирова в СССР был советский писатель Ю.В. Давыдов, чем не могли похвастаться многие профессиональные историки, занимавшиеся проблемами революционного народничества и социально-политической историей Российской империи. Поэтому художественную литературу мы вынесли в отдельную группу источников.

Исторические источники и вспомогательная литература помогли реконструировать атмосферу историографической эпохи и мировоззрение авторов, чьи труды были нами проанализированы. Также свою роль в понимании историографических процессов, различных трактовок и оценок наследия Л.А. Тихомирова, сыграли его собственные труды.

Научная новизна исследования заключается в комплексном исследовании советской и зарубежной историографии наследия Л.А. Тихомирова. Кроме того, впервые удалось в компаративном срезе проследить схожие и отличающиеся тенденции зарубежного и отечественного опыта исследования наследия Л.А. Тихомирова. Был проанализирован огромный пласт отечественного и зарубежного историографического материала, часть из которого вводится в научный оборот впервые. Рассмотрены историографические особенности освещения темы ренегатства Л.А. Тихомирова и природы его мировоззренческого переворота на основе новых подходов.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных результатов для сравнительного анализа различных этапов развития отечественной и зарубежной историографии. Материалы диссертации могут быть использованы при подготовке учебных курсов в высшей школе и написании учебных пособий по истории России и историографии.

Положения, выносимые на защиту:

1. В советской довоенной историографии наследие Л.А. Тихомирова рассматривалось однобоко в силу господствующей идеологии. Во-первых, интерес вызывала его революционная деятельность, так как эта тема была ключевой в стране, пережившей революцию и Гражданскую войну. Во-вторых, особую

популярность имела тема ренегатства Л.А. Тихомирова, так как она была напрямую связана с историей отечественного революционного движения. Характерная для этого периода дискуссионность в осмыслении наследия Л.А. Тихомирова была связана с отсутствием до середины 1930-х гг. единого подхода к исследованию истории.

2. Огромную роль в осмыслении наследия Л.А. Тихомирова как в СССР, так и за рубежом сыграла предпринятая советскими архивистами попытка опубликовать материалы архива Л.А. Тихомирова. Во многом это было связано с общим процессом создания истории отечественного революционного движения, участником которого был Л.А. Тихомиров, а также с интересом к природе его ренегатства и в рамках политики обличения царского режима.

3. Объяснение причин ренегатства Л.А. Тихомирова во многом зависело от идеологических, личностно-психологических и методологических установок, которых придерживался тот или иной автор. Бывшие товарищи Л.А. Тихомирова по революционному народничеству были склонны объяснять ренегатство особенностями характера или психическим заболеванием; марксисты считали идейный переворот следствием утопичности теории и практики революционного народничества; белоэмигранты вслед за самим Л.А. Тихомировым считали этот поступок возвращением к первоистокам; зарубежные исследователи чаще всего рассматривали этот поступок с позиции многофакторности.

4. Несмотря на идеологические противоречия советской и зарубежной историографий в рамках осмысления наследия Л.А. Тихомирова существует ряд качественных и количественных признаков сходства. Советские и зарубежные историки одинаково уделяли первостепенное внимание проблеме ренегатства Л.А. Тихомирова, при этом обращая внимание на одинаковые аспекты в его биографии и творчестве (роль в революционном движении, монархические идеи, рабочий вопрос).

5. Наследие Л.А. Тихомирова в русском зарубежье имело ценность, прежде всего, с точки зрения формирующейся в белой эмиграции антибольшевистской идеологии и прославления православно-монархических устоев. Кроме того, после

крушения коммунистической идеологии в нашей стране наследие Л.А. Тихомирова в этой роли было внедрено в общественно-политический и научный дискурс. Наследие русской эмиграции имело точки соприкосновения с западной историографией второй половины XX в. в срезе антикоммунистической идеологии.

6. Смягчение идеологического курса и снятие запрета на изучение революционного народничества в СССР в 1950-е гг. привело к новому этапу исследования наследия Л.А. Тихомирова. Возросший интерес советских историков к социально-политической истории дореволюционной России обусловил изучение не только революционного наследия Л.А. Тихомирова, но и его проправительственной деятельности и творчества этого периода. Апогеем этого этапа стала защита диссертации В.Н. Костылева в конце 1980-х гг., посвященная монархическим взглядам Л.А. Тихомирова.

Апробация результатов исследования. Результаты диссертации были рассмотрены и одобрены на кафедре отечественной истории и права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет». Также результаты диссертации отражены в 7 научных статьях общим объемом в 5,75 п.л., в том числе 4 из них – в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ. Материалы диссертации были апробированы в ходе выступлений с докладами на международной (2019 г., Челябинск) и региональной научных конференциях (2018 г., Челябинск). Автор диссертации уже использовал наработки исследования во время преподавания в ГБУ ДПО «Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования» (ныне – ГБУ ДПО «Челябинский институт развития образования»).

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, приложений.

ГЛАВА 1. НАСЛЕДИЕ Л.А. ТИХОМИРОВА В РАБОТАХ ЭМИГРАНТОВ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОРИКОВ

1.1. Место и значение творческого наследия Л.А. Тихомирова в публикациях русской и советской эмиграции

Творческое наследие Л.А. Тихомирова получило широкое распространение среди белоэмигрантов. Его религиозно-философские и монархические взгляды стали основой для формирования антибольшевистской идеологии русской, а затем и советской эмиграции.

Русская эмиграция не была однородной. Среди эмигрантов были сторонники монархии, либеральной республики и социализма. В этом параграфе мы не будем рассматривать работы умеренных социалистов эсеров и меньшевиков, так как они, несмотря на идеологический конфликт с большевиками, поддерживали с ними дискуссию. Их разногласия заключались в основном в вопросах о форме социалистического устройства страны и способах его строительства. Поэтому их работы мы проанализировали в части диссертации, посвященной советской историографии 1920-х – 1930-х гг. Тогда как белая эмиграция, имевшая также антибольшевистскую направленность, выступала либо с идеями возрождения завоеваний февральской революции, либо с призывом восстановить в России монархию, а потому в диалог с большевиками даже на уровне печатного слова стремилась не вступать. Белоэмигрантов устраивал только один исход – уничтожение большевизма и возрождение России периода до октябрьского переворота.

Также в этом параграфе мы не будем рассматривать революционную эмигрантскую историографию начала XX в., так как это направление мысли не имеет прямой связи с волной белой эмиграции, причиной которой стала победа большевиков в Гражданской войне.

Авторы русского зарубежья ностальгически возрождали те вопросы и работы, которые в России в начале XX в. не получили широкого распространения

и детального осмысления. «Первая волна» русских эмигрантов во многом продолжила дореволюционный общественно-политический дискурс вокруг наследия Л.А. Тихомирова.

Монархическое и религиозно-философское наследие Л.А. Тихомирова в дореволюционной России не получило глубокого осмысления по объективным причинам: 1) работы Л.А. Тихомирова были написаны и изданы в конце XIX – начале XX вв., а часть была издана только в современной России; 2) до 1923 г. был жив сам Л.А. Тихомиров, что осложняло независимую оценку его творчества; 3) поскольку работы Л.А. Тихомирова отражали его промонархическую и процерковную позицию, постольку до революции 1917 г. они не воспринимались актуальными: зачем поддерживать, что и так функционирует; 4) осмысление промонархических работ осложнялось политическими кризисами начала XX в.; 5) не все работы труды Л.А. Тихомирова были опубликованы, как, например, книга «Религиозно-философские основы истории». Хотя в дореволюционное время выходили работы, в основном отражавшие позицию, идеологически схожую с позицией Л.А. Тихомирова и актуализировавшие его монархическую теорию[90] и религиозную философию[91].

Работы Л.А. Тихомирова в эмиграции не только получили «вторую жизнь», но стали еще популярнее, чем в дореволюционное время. Такая популярность, особенно «Монархической государственности», объясняется идеологическим поиском русских эмигрантов и ностальгическим переосмыслением имперского прошлого России, которое представители русского зарубежья начали воспринимать как утерянную политическую возможность, несмотря даже на то, что некоторые из них могли поддерживать события февраля 1917 г. В частности, эту тенденцию

[90] См. напр.: Семенов П.Н. Самодержавие как государственный строй. СПб., 1905; Захаров Н.А. Система русской государственной власти: юридическое исследование. Новочеркасск, 1912; Казанский П.Е. Власть Всероссийского императора: очерки действующего русского права. Одесса, 1913.

[91] См. напр.: Соловьев Вл.С. Вопрос о «самочинном умствовании» // Вестник Европы. Кн. 12. Декабрь, 1892. С. 863–868; Соловьев Вл. С. Порфирий Головлев о свободе и вере // Вестник Европы. Кн. 2. февраль, 1894. С. 906–916; Аксаков Н.П. Духа не угашайте! Петроград, 1894; Аксаков Н. Свобода, любовь и вера // Русская беседа. 1895, январь. Год первый. С. 5–18; Аксаков Н. Свобода, любовь и вера // Русская беседа. 1895, февраль. Год первый. С. 22–30; Аксаков Н. Свобода, любовь и вера // Русская беседа. 1895, март. Год первый. С. 29–50; Волынский А. Полемическая перестрелка // Северный вестник. Октябрь, 1894. №10. Отд. 2. С. 69–75.

первой волны русской эмиграции отмечал историк и министр иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюков. Он писал, что в демократической печати было принято считать, что «85% эмигрантов являются сторонниками монархии и только 15% могут считаться республикански настроенными» [92] . Усиление монархических настроений неизбежно приводило к тому, что и имя Л.А. Тихомирова, и его наследие в эмиграции получили дополнительную популярность.

В исследовании осмысления наследия Л.А. Тихомирова деятелями эмиграции мы не претендуем на всеобъемлющий характер, так как вполне допускаем существование литературы, которая по разным причинам не была доступна нам в период написания текста диссертации. Тем более русские эмигранты проживали в разных странах мира, печатались не всегда в подходящих для широкого распространения публикуемого материала условиях, а потому в большинстве случаев тираж таких изданий был низким.

Русское зарубежье весь XX в. находилось в динамике и не было монолитным, свою роль играли идеологические и политические факторы, которые осложняли выход новой литературы и сохранность уже изданной. Поэтому мы вполне допускаем наличие материала, который по этим причинам физически не был нами найден. Причем некоторые проблемы в русском зарубежье осмыслялись даже детальнее и более массово, чем это было на родине. Это происходило из-за высокой концентрации деятелей русского зарубежья в той или иной точке мира, что делало атмосферу в этой среде более пассионарной, из-за чего публикации имели сильный идеологический эффект.

Используя конкретно-проблемный метод анализа, мы можем выделить три ключевых вопроса, поднимаемых в русском зарубежье в XX в.: 1) переиздание трудов Л.А. Тихомирова и осмысление их значения для русской эмиграции; 2) ренегатство Л.А. Тихомирова и его оценка; 3) идеологизация и пропаганда монархической теории Л.А. Тихомирова.

---

[92] Цит. по: Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб., 2004. С. 118.

В русском зарубежье не только осмыслялось литературное наследие Л.А. Тихомирова, но и переиздавались его работы. В первую очередь это происходило потому, что в русском зарубежье для ведения идеологической работы его книг не было в нужном количестве. Покидая Россию и те районы за границей, которые они успели обжить, эмигранты часто не только не могли взять с собой всю необходимую литературу, а очень часто выезжали только с теми вещами, которые успевали собрать и унести на себе. И.Л. Солоневич вспоминал, что в феврале 1945 г., опасаясь попадания в руки Красной Армии, он в спешке покинул Померанию и отправился «конной тягой» на запад, из-за чего был вынужден оставить все свои книги, кроме трех томов «Монархической государственности[93]», которые он «довез до Аргентины – в той слабой надежде, что русские монархисты хоть раз в тридцать лет наберут деньги для ее переиздания»[94]. Безусловно, вряд ли все поступали так же, как И.Л. Солоневич, но выделение им «Монархической государственности» является показательным. Поэтому процесс переиздания трудов Л.А. Тихомирова был осложнен отсутствием свободного доступа к его рукописям и уже изданным книгам.

Проблема с доступностью литературы не была единственной. На издательскую деятельность в русском зарубежье негативно повлияла разобщенность монархического движения. Уже в начале 1920-х гг. монархическое движение русского зарубежья распалось. Одна часть монархистов считала, что в условиях отсутствия прямых законных наследников судьбу престола должен был решить Земский собор, а вторая поддержала идею возведения на престол Великого князя Кирилла Владимировича. Именно в Мюнхене возник Русский легитимистско-монархический союз, который поддерживал идею законности передачи царского престола Великому князю Кириллу Владимировичу[95]. В 1929 г. в Париже был создан «Российский Имперский союз», который позже тоже

[93] Видимо, речь идет о Мюнхенском издании 1923 г., которое состояло из трех частей, а не из четырех, как оригинальное издание книги 1905 г.
[94] Солоневич И.Л. Парламент и собор // Наша страна. 18 марта. 1950. №40. С. 1.
[95] Стефан Д. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции (1925–1945). М., 1992. С. 32–33.

поддержал законность перехода российского престола Кириллу Владимировичу и его потомкам.

Монархические организации русского зарубежья практически сразу же на новом месте пытались издавать литературу, но типологически это были в основном брошюры или небольшие книги объемом в один-два печатных листа, и именно переиздание «Монархической государственности» Л.А. Тихомирова было исключением из этой тенденции, став «краеугольным камнем монархической идеологии» в эмиграции[96]. «Монархическая государственность» была переиздана в 1923 г. в Мюнхене «Техническим центром Зарубежных организаций русской национально-мыслящей молодежи», который являлся молодежной организацией еще единого к тому моменту монархического движения. Для переиздания книги был перефотографирован единственный сохранившийся за границей экземпляр «Монархической государственности» из библиотеки Британского Музея, который был обнаружен после четырехлетних поисков во всех западноевропейских книгохранилищах[97]. Книгу издали в двух вариантах: 1) первый вариант был выпущен в трех томах, где первый том – первая («Происхождение и содержание монархического кризиса») и вторая («Римско-византийская государственность») части были объединены при сохранении разной пагинации (118; 112 с.), чтобы удешевить издание книги в условиях дефицита средств[98]; второй том – это третья часть «Русская государственность» (245 с.), а в последнем томе выпущена «Монархическая политика» (318 с.); 2) второй вариант издания – это издание «Монархической Государственности» целиком, но с сохранением разной пагинации (118; 112; 245; 318 с.)»[99].

Мюнхенское издание «Монархической государственности» преследовало просветительско-пропагандистскую цель. В среде русской эмиграции шла активная работа по формированию научно-идеологической почвы для решительных

[96] Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб., 2004. С. 119.
[97] Тихомиров Л. Монархическая государственность. Т. 1. Мюнхен, 1923. С. VI.
[98] Там же.
[99] Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб., 2004. С. 119–120.

действий по борьбе с большевизмом и восстановлению в России самодержавия. Во вступительной статье «От издательства», которая была скомпилирована из постановлений «Совещания представителей зарубежных организаций русской национально-мыслящей молодежи»[100], кроме предложения читателям активно распространять данное издание, была описана методика просветительской работы с книгой: «Принимая во внимание чисто – научную, требующую особо – сосредоточенного внимания, форму изложения означенного произведения – предложить секциям самообразования изучать и комментировать “Монархическую государственность” только в небольших (не свыше 6 человек) кружках, дабы достичь максимальной интенсивности восприятия. Признать необходимость ведения подробного протокола обмена мнений, сопровождающего чтение»[101]. Поэтому Л.А. Тихомиров должен был стать, как писал Г. Лукьянов в предисловии изданию, «монархическим Карлом Марксом», а его книга должна была приобрести для «монархически-мыслящей молодежи» такое же значение, какое «в свое время имел “Капитал” для пионеров научного социализма»[102]. Кроме того, «Монархическая государственность» должна была воспитать не только теоретиков и идеологов монархизма, но и тех, кто будет на практике его реализовывать: «Но пусть не разочаровываются и те, кому одолеть книгу Тихомирова окажется не под силу. Нам нужны не только теоретики и идеологи – нам нужны и люди действия. Конечно, идеал – это совмещение первого со вторым: и у нас будут свои Ленины, Троцкие, Зиновьевы, Бухарины. Но последнее слово в России будет все-таки за действием. <...> можно быть “академиком монархизма” – и ничего не делать; что можно пройти сравнительно краткий курс политических знаний – и быть неоценимым бойцом за Веру, Царя и Отечество»[103].

В 1943 г. в Нью-Йорке была опубликована более ранняя работа Л.А. Тихомирова «Единоличная власть как принцип государственного строения»,

---

[100] В статье даны выдержки из постановлений Совещаний, проходивших в Мюнхене 16–20 января 1923 г.
[101] Тихомиров Л. Монархическая государственность. Т. 1. Мюнхен, 1923. С. V.
[102] Там же. С. VI.
[103] Там же. С. IX.

которая появилась в России еще в 1897 г.[104]. Книга была издана тиражом в 500 штук представителями Донского казачьего хора имени атамана Платова, подписавшимися в книге «группой платовцев»[105]. В эту организацию входили казаки-белоэмигранты, которые до начала Второй мировой войны под руководством создателя хора донского казака Н.Ф. Кострюкова посетили с концертами многие страны мира, и особенным успехом их выступления пользовались в Южной Америке[106]. В 1930-х гг. «платовцы» обосновались в США, где, кроме концертной деятельности, как и большинство русских эмигрантов, занимались идеологической работой. Как отмечали издатели нью-йоркского издания «Единоличная власть как принцип государственного строения», в этой работе особенно отметился хорунжий В.И. Семиколенов, который «пытливо всматривался и изучал государственное устройство и быт посещаемых стран, сравнивал заграничные порядки с тем, что было у нас в России, копил опыт и знания и лелеял мечту донести на Родину свое выкристаллизировавшееся миросозерцание, опиравшееся на все, что было лучшего в нашем родном прошлом и вооруженное наиболее современным идейным оружием»[107]. Но так как преждевременная смерть В.И. Семиколенова в 1939 г. прервала эти идеологические поиски, его товарищи на оставшиеся средства покойного решили издать книгу Л.А. Тихомирова, которую, видимо, он активно изучал, и посвятили это издание его памяти[108]. Издание книги затянулось. Книга вышла через четыре года после смерти В.И. Семиколенова. Учитывая, какое значение придавали эмигранты Второй мировой войне и участию в ней СССР, вполне вероятно, что в появлении книги в 1943 г. сыграла свою роль и идеологическая цель. Издатели ожидали, что война приведет к «перерождению» России, в связи с которым станет возможным возвращение на Родину русской эмиграции и ее участие в «возрождении России»[109].

---

[104] Тихомиров Л. Единоличная власть как принцип государственного строения. М., 1897.
[105] Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения. Нью-Йорк, 1943. См. обращение «Группы платовцев» в начале книги.
[106] Донской казачий хор имени атамана Платова // Родимый край. Париж. №12. 1930. С. 34–35.
[107] Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения. Нью-Йорк, 1943. См. обращение «Группы платовцев» в начале книги.
[108] Там же.
[109] Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения. Нью-Йорк, 1943. С. I–III.

Для «возрождения России», по словам издателей, потребуется выработка и теоретическое обоснование русской национальной идеи, основой которого могли стать труды Л.А. Тихомирова, являвшегося для эмигрантской среды «самым крупным из идеологов русской национальной идеи; никто другой не обрисовал и не обосновал ее с такой полнотой, ясностью, логичностью, убедительностью и в то же время объективностью и беспристрастностью как он»[110].

Подобный посыл был и у аргентинского издания «Монархической государственности», которое было приурочено к пятидесятилетию со дня кончины императора Николая II и его семьи[111]. Книга была издана «Российским Имперским союз-орденом», который перекочевал в Аргентину из Европы. Смещение промонархической активности в Новый Свет в середине XX в. было связано с массовым переездом многих русских эмигрантов, покидавших Китай и Европу сначала из-за начавшейся Второй мировой войны, а после ее окончания – из-за распространения коммунистического ареала. Коммунистические правительства стран Восточной Европы и Китая активно сотрудничали с СССР и содействовали выдаче белоэмигрантов. Бегство русских эмигрантов от Советского правительства было связано не только с их белогвардейским и антисоветским прошлым, но и с тем, что часть эмигрантов во время Второй мировой войны была на стороне гитлеровской Германии, как, например, лидер послевоенного «Российского Имперского союз-ордена» Н.И. Сахновский, служивший в частях СС. Особенно популярными среди переселенцев стали Аргентина и другие страны Латинской Америки, правительства которых не шли на сотрудничество с СССР по вопросу выдачи русских эмигрантов. В Аргентине эмигранты развернули активную издательскую деятельность: была основана газета «русской колонии в Аргентине», издававшаяся в 1948–1979 гг., а при газете было создано издательство «Русское слово». В этом издательстве выходила научная, историческая и художественная литература монархического и патриотического содержания, в том числе и «Монархическая государственность», а также печатался двухмесячник «Наш

[110] Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения. Нью-Йорк, 1943. С. III.
[111] Тихомиров Л. Монархическая государственность. Буэнос-Айрес, 1968. С. 3–6.

журнал» (1969–1970-е гг.), где публиковал свои работы уже упомянутый нами И.Л. Солоневич[112].

При этом эмигранты пользовались не только изданной в дореволюционной России и/или переизданной в русском зарубежье литературой, но и новыми книгами и журналами, издаваемыми в СССР. Так, например, как в Европе в среде русской эмиграции в 1930-х гг. были доступны опубликованные в СССР дневниковые записи Л.А. Тихомирова.

Об этом писала общественный деятель, публицист и сторонница ревизионистского марксизма Е.Д. Кускова в статье «Крен налево», опубликованной в 1930 г. в журнале «Современные записки». Как минимум Е.Д. Кускова познакомилась с отечественными событиями накануне Первой русской революции, которые «шаг за шагом, день за днем» зафиксировал Л.А. Тихомиров у себя в дневнике[113]. В ее распоряжении был журнал «Красный архив», в котором в 1930 г. вышла серия публикаций дневника Л.А. Тихомирова под общим названием «25 лет назад»[114]. При написании своей статьи Е.Д. Кускова использовала 1 (38) и 2 (39) тома «Красного архива» за 1930 г.[115]. Дневник Л.А. Тихомирова она назвала «необычайно интересным» и отметила важную особенность описываемых им событий в преддверии революции – это обреченность старого строя в России, при этом оговариваясь, что не он один «видел предопределенность падения старого строя и его неспособность не только к реформе, но и к простой самозащите. Сами монархисты стали сомневаться в ценности принципа самодержавия»[116]. В этом же номере «Современных записок» вышла статья публициста эсера М.В. Вишняка «Пятый год», который также пользовался опубликованным в 1-м (38-м) томе «Красного архива» фрагментом дневника Л.А. Тихомирова[117].

---

[112] Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб., 2004. С. 358.
[113] Кускова Е. Крен налево // Современные записки. 1930. № XLIV. Париж. С. 369–370.
[114] 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив, 1930. Т. 1 (38). С. 20–69; 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив, 1930. Т. 2 (39). С. 47–75; 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив, 1930. Т. 3 (40). С. 59–96; 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив, 1930. Т. 4–5 (41–42). С. 103–147.
[115] См. ссылку: Кускова Е. Крен налево // Современные записки. 1930. № XLIV. Париж. С. 371.
[116] Там же. С. 370–371, 385.
[117] Вишняк М. Пятый год // Современные записки. 1930. № XLIV. Париж. С. 406.

Пользовался новыми опубликованными материалами Л.А. Тихомирова для написания своих мемуаров под названием «Из прошлого» бывший депутат Государственной думы В.А. Маклаков, которые публиковались на протяжении нескольких лет в том же журнале «Современные записки». Описывая события Первой русской революции, он ссылался на «любопытные мемуары Льва Тихомирова», которые, по его выражению, «поучительны как иллюстрация психологии, которая стала овладевать охранительным лагерем. Убежденные сторонники самодержавия покидали его за его слабость и начинали смотреть на либерализм как на силу, которая одна могла бы остановить Революцию. Таким был не один Тихомиров»[118]. Однако, судя по смыслу формулировки и хронологическим рамкам, речь у него все-таки идет не о мемуарах Л.А. Тихомирова, а о дневнике.

Имя Л.А. Тихомирова вспоминали в эмиграции не только в связи с его монархическим и религиозно-философским наследием, но и с его ренегатством. Ренегатство Л.А. Тихомирова было одной из самых популярных тем еще в среде революционной эмиграции в конце XIX – начале XX вв. С одной стороны, эта тема была глубоко личной для революционеров, так как их с Л.А. Тихомировым связывал не только идейный радикализм, но и товарищеские отношения. Поэтому осмысление этой проблемы в революционной литературе и источниках личного происхождения было отягощено личными переживаниями, а причины свершившегося чаще всего искались в психологической плоскости. С другой стороны, поступок Л.А. Тихомирова ставил под удар отечественное революционное движение, лидеры которого ожидали «эффекта домино» и усиления давления правительства, желавшего получить максимум выгоды от перехода в его лагерь лидера «Народной воли». Поэтому ренегатство Л.А. Тихомирова получило широкий отклик в работах его бывших товарищей. Так, например, специально перемене взглядов Л.А. Тихомирова были посвящены следующие труды: брошюра «Революция или эволюция?» с послесловием П.Л. Лаврова[119], написанная в 1888 г.

---

[118] Маклаков В. Из прошлого // Современные записки. 1933. № LI. Париж. С. 238.

[119] Русанов Н.С. Революция или эволюция?: [По поводу предисл. Л.А. Тихомирова ко 2 изд. «Russie politique et sociale» / С послесл. П.Л. Лаврова]. Женева, [1888].

Н.С. Русановым[120]; также в 1888 г. была опубликована анонимная обличительная брошюра с подписью «группа народовольцев» под названием «По поводу одного предисловия» [121] ; открытые письма-брошюры П.Л. Лаврова [122] и Е.А. Серебрякова [123] , написанные также в 1888 г.; статьи Г.В. Плеханова «Неизбежный поворот» [124] и «Лев Тихомиров. Почему я перестал быть революционером» [125] , опубликованные им в первом номере литературно-политического сборника 1888 г. «Социал-демократ», а также брошюра «Новый защитник самодержавия или горе г. Л. Тихомирова»[126], которая вышла в марте 1889 г. Однако в постреволюционной отечественной эмиграции накал страстей вокруг ренегатства Л.А. Тихомирова утих, а личносто-психологическим переживаниям предаваться было некому, так как большая часть товарищей Л.А. Тихомирова осталась на родине. Поэтому в отечественной эмиграции ренегатство Л.А. Тихомирова приобрело нарицательный характер – его стали использовать либо в качестве примера правильного возращения к истокам, либо в качестве эталона предательства.

В нью-йоркской газете «Американские известия» в 1924 г. вышла критическая статья, сообщившая слух о переходе эсера Бориса Савинкова на сторону большевиков. Газета являлась печатным органом анархистского Союза Российских рабочих организаций Соединенных Штатов и Канады, созданной в 1908 г. эмигрантами из Российской империи. В 1920-е гг. представители организации занимали антикоммунистические позиции, поэтому информация о переходе Бориса Савинкова стала для них актуальной темой. В этой статье автор припомнил ренегатство Л.А. Тихомирова как пример закономерности предательства социал-революционеров: «И это не первый случай ренегатства со

---

[120] Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века: книги и периодические издания. Ч. 2. М., 1982. С. 66.
[121] По поводу одного предисловия. Женева, [1888].
[122] Лавров П. Л. Письмо товарищам в России по поводу брошюры Л. А. Тихомирова. Женева, 1888.
[123] Серебряков Э.А. Открытое письмо Льву Тихомирову. Женева, [1888].
[124] Плеханов Г.В. Неизбежный поворот // Плеханов Г.В. Сочинения. Т.3. М., 1923.
[125] Плеханов Г.В. Лев Тихомиров. Почему я перестал быть революционером // Плеханов Г.В. Сочинения. Т.3. М., 1923.
[126] Плеханов Г.В. Новый защитник самодержавия или горе г. Л. Тихомирова // Плеханов Г.В. Сочинения. Т.3. М., 1923.

стороны крупных представителей эсэровской партии. Ренегатов и предателей в эсэровской партии было не мало еще и до революции. Самым, конечно, крупным ренегатом был родоначальник эсэровской партии и замечательный вождь славной памяти “Народной Воли” Лев Тихомиров, подписывавший смертные приговоры царям, а затем подавший царю прошение о помиловании, помилованный им и мирно скончавший дни своей жизни на службе в святейшем синоде в генеральском чине»[127]. Такую же параллель проводили и советские авторы. В газете «Правда» в 1924 г. М. Шаронов также сравнил Б. Савинкова с Л.А. Тихомировым: «Савинков – практик, он находился там, где были реальные силы, там, где были источники средств, и если там были монархисты, он шел с монархистами, а так как реальная сила в конечном счете была в руках иностранцев, в руках Антанты, в руках мирового империализма, Савинков в конечном счете оказался самым ценным орудием последнего. И напрасно Савинков пытается строить свою родословную от революционных героев семидесятых годов и от ярких героических фигур первого периода существования эсэров. Он не от Желябова, он даже не от Гершуни, он – от Льва Тихомирова»[128]. Эту же мысль со ссылкой на М. Шаронова продублировал в 1925 г. советский историк И. Полтавский в статье «Савинков в терроре»[129].

Писатель-белоэмигрант А.И. Куприн, одно время симпатизировавший эсерам, вспоминал о ренегатстве Л.А. Тихомирова в другом контексте. В 1924 г., находясь в Париже и уже будучи убежденным антибольшевиком, он написал публицистическую статью «Честь имени», в которой позитивно оценил перемену взглядов Л.А. Тихомирова: «Как бы в укор Александру III ставят то, что он прислушивался к советам Победоносцева. Но один из лучших даров каждого государя – это умение внимать голосу мудрости. Победоносцев был совершенно прав, рассматривая цареубийство как самую низкую подлость. Но из социалистов

[127] Еще один ренегат // Американские известия. VOL. VII. №143. 10 сентября, 1924. С. 2.
[128] Шаронов М. Всемирно-исторический судебный процесс // Правда. №197. 31 августа. 1924. С. 3.
[129] Полтавский И. Савинков в терроре // Загадка Савинкова. Л., 1925. С. 65.

лишь один Лев Тихомиров это понял душою и умом. Другие и до сих пор почитают это злодеяние великим актом народного гнева»[130].

Также в эмиграции бытовала точка зрения о том, что, в сущности, Л.А. Тихомиров сменил только сторону, но основа его мировоззрения не изменилась. Подобную версию в предисловии к мюнхенскому изданию «Монархической государственности» озвучил Г. Лукьянов: «Его искреннее, глубокое и чистое народничество заставило его постепенно отойти от “Народной воли” – по мере того, как эта группа, все более и более заражаясь марксизмом и интернационализмом, стала вырождаться в “партию социалистов-революционеров”. Как человек кристально-логического мышления, Тихомиров скоро дошел до убеждения, что истинное народничество – есть исповедание идеи Царского Самодержавия»[131].

Весной 1918 г. известный религиозный философов С.Н. Булгаков написал философское эссе «На пиру богов (Pro и contra): Современные диалоги», построенное в форме диалогов вымышленных персонажей, для сборника статей по общественно-политическим проблемам России «Из глубины», который готовил к печати в Москве П.Б. Струве. Сборник долго готовился к выходу, и издание было напечатано только в начале 1920-х гг. и дошло до читателей в «считанном количестве экземпляров»[132]. Поэтому еще до выхода московского сборника работа С.Н. Булгакова была напечатана отдельным изданием в Киеве в 1918 г.[133]. Данное издание также не получило широкого распространения. Позже эссе было переиздано сначала в Болгарии в 1921 г., а затем в 1967 г. во Франции[134]. В этом произведении С.Н. Булгакова есть отсылка к литературному наследию Л.А. Тихомирова. Во втором диалоге описан спор двух персонажей, Генерала и Дипломата, в котором последний делает критическое замечание в духе

[130] Куприн А.И. Честь имени // Хроника событий глазами белого офицера, писателя, журналиста, 1919–1934. М., 2006. С. 343.
[131] Тихомиров Л. Монархическая государственность. Т. 1. Мюнхен, 1923. С. VIII.
[132] Усманов С.М. Интеллигенция и будущее России в диалогах С.Н. Булгакова «На пиру богов» // Интеллигенция и мир. 2009. №3. С. 85.
[133] Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. С. 331.
[134] Там же. С. 331.

дореволюционного либерализма об этическом монархизме [135] . Этическим монархизмом часто называли политическую концепцию Л.А. Тихомирова, которая была изложена им в «Монархической государственности». Работа С.Н. Булгакова важна для понимания восприятия трудов Л.А. Тихомирова теми деятелями, которые еще не успели покинуть Россию и не ощутили разрыва с родиной, а потому и не было потребности восполнить идеологическую лакуну трудами Л.А. Тихомирова. Нам не удалось найти высказывание периода эмиграции, где С.Н. Булгаков сформулировал бы свое отношение к литературному наследию Л.А. Тихомирова, но не можем не отметить факт максимальной идеологизации трудов Л.А. Тихомирова другими деятелями русского зарубежья, для которых он и его «Монархическая государственность» стали символом борьбы, пусть заочной и строго на идеологическом фронте, с большевизмом, а также программой будущего построения в России монархии после выполнения первой задачи.

Ключевым центром, а также культурной и идеологической «столицей» первой волны русской эмиграции был Париж. Именно Франция стала излюбленным местом пребывания и проживания русской эмиграции. Тут функционировало множество разнообразных белоэмигрантских организаций, в Париже издавались журналы «Путь» и «Современные записки», а в 1926 г. состоялся Российский зарубежный съезд представителей русской эмиграции со всего мира, в работе которого принимали участие П.Б. Струве, П.Н. Краснов, С.С. Ольденбург, И.А. Ильин, В.И. Гурко и многие другие. В Париже проходили съезды Высшего монархического совета, во Францию перебрался в середине 1920-х гг. претендент на российский престол – Кирилл Владимирович.

В 1924 г. в Париже была издана работа литератора и общественного деятеля Л.В. Билинского «Катехизис русского монархизма: мистика и эмпирика монархической идеологии». Л.В. Билинский в формате вопросов и ответов попытался обосновать необходимость восстановления монархии «для спасения России», а также уточнить теоретический фундамент монархизма, с помощью

---

[135] Булгаков С.Н. На пиру богов (Pro и contra): Современные диалоги // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. С. 257.

которого можно было бы доказать его истинность и правоту политическим противникам и бороться с заблуждениями и «ложью нечестных врагов»[136]. Хотя работа Л.В. Билинского является самостоятельным теоретическо-идеологическим трудом по монархизму, в тексте заметно влияние «Монархической государственности» Л.А. Тихомирова, что проявилось, например, в описании соотношения разных видов монархической власти: деспотии, самодержавной и абсолютной монархий[137]. А в указателе «книг общего характера для восполнения образования», размещенного в конце работы, упомянута и книга «Монархическая государственность» Л.А. Тихомирова с пометкой, что это одна из книг «особенно желательных для монархического чтения»[138]. Л.В. Билинский не только занимался литературной работой, но и был погружен в политические процессы русского зарубежья – с 1926 г. он был членом правления действовавшей во Франции Русской монархической партии, возглавляя ее идеологическую комиссию.

Вспоминали монархическую теорию Л.А. Тихомирова и на страницах периодической печати. В 1925 г. в первом номере журнала «Путь», который издавался в те годы в Париже, в позитивном ключе вспомнил «Монархическую государственность» русский религиозный и политический философ эмиграции Н.А. Бердяев. В статье «Царство Божие и царство Кесаря» он подчеркнул, что эта книга «несправедливо замалчивалась» и что ее «нужно признать лучшим обоснованием идеи самодержавной монархии»[139], а также то, что в ней в «наиболее чистом виде» выражена «идея религиозного обоснования самодержавия» [140]. Н.А. Бердяев был одним из создателей журнала и его редактором, а среди его сотрудников были такие известные философы русского зарубежья, как С.Н. Булгаков, Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский, Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский, С.Л. Франк и другие. Поэтому такая переоценка труда Л.А. Тихомирова имела большое идеологическое влияние в среде эмиграции первой волны.

---

[136] Билинский Л. Катехизис русского монархизма: мистика и эмпирика монархической идеологии. Париж, 1924. С. 6.
[137] Там же. С. 10.
[138] Там же. С. 78.
[139] Бердяев Н.А. Царство Божие и царство Кесаря // Путь. Париж, 1925. № 1. С. 44.
[140] Там же. С. 45.

В этом же журнале в 1927 г. вышла статья «Христианство и идея монархии» правоведа, философа, идеолога евразийства Н.Н. Алексеева, проживавшего и преподававшего в те годы в Праге, ставшей пристанищем для многих русских эмигрантов. В этой статье при объяснении связей христианства и монархической власти Н.Н. Алексеев обратился к «Монархической государственности» Л.А. Тихомирова. В сноске он отметил, что Л.А. Тихомиров в книге «идеализирует политическую концепцию Грозного в ее целом», в то время, как другие отечественные авторы, являющиеся защитниками абсолютизма, «выдвигают только ее отдельные моменты и затушевывают остальное», поэтому «в этом отношении теория абсолютизма у Л. Тихомирова является, пожалуй, наиболее последовательной»[141].

В Париже проживал и написал политические мемуары «Особенности и деятели прошлого: правительство и общественное мнение в царствование Николая II» активный деятель Белого движения В.И. Гурко. Эта книга была издана уже посмертно в 1939 г. в Стэндфордском университете, тогда как сам В.И. Гурко умер в Париже в 1927 г.[142]. До революции он был сподвижником П.А. Столыпина и участвовал в разработке аграрной реформы, поэтому многие политические процессы дореволюционной России были ему известны из личного опыта. Вспомнил он и Л.А. Тихомирова, назвав его «крестным отцом» зубатовщины[143].

Одним из крупных неевропейских центров русской эмиграции стал Китай, в котором на территории Маньчжурии и до Гражданской войны проживало огромное количество подданных Российской империи, а после Октябрьской революции Китай стал для белоэмигрантов перевалочным пунктом для дальнейшего переселения в Австралию и страны Нового Света. Поэтому и на территории Китая активно развивалась издательская деятельность русских эмигрантов, преследовавшая в основном просветительские и идеологические цели.

---

[141] Алексеев Н.Н. Христианство и идея монархии // Путь. 1927, январь. №6. С. 29–30.
[142] Gurko V.I. Features and figures of the past: Government and Opinion in the Reign of Nicholas II. New-York, 1970. P. viii.
[143] Op. cit. P. 116–117.

В ноябре 1925 г. в Пекине была напечатана «Памятка русского монархиста», составленная белоэмигрантом М.В. Колобовым. Эта памятка была предназначена для «ознакомления русских монархистов с идеологией монархизма, подробно разработанной Тихомировым»[144]. Но книга была сложна для понимания, так как не отвечала простым языком на возникающие при ее чтении вопросы, поэтому М.В. Колобов в феврале 1926 г. выпустил книгу под названием «Азбука русского монархизма». Эта книга должна была восполнить недостаток «Памятки русского монархиста», а значит позволяла бы «шире популяризировать идеи чистого монархизма и помочь русским людям сознательнее отнестись к идеям политических партий, боровшихся с самодержавной монархией и погубившим Россию» [145] . В «Азбуке русского монархизма» М.В. Колобов изложил «Монархическую государственность» Л.А. Тихомирова в формате вопросов и ответов. Например, он кратко описал, что такое свобода, государство, верховная власть, монархия в рамках монархической теории Л.А. Тихомирова [146] . Это не первая попытка переложить «Монархическую государственность» в катехизический формат. Еще в 1911 г. протоиерей И.И. Восторгов опубликовал краткое изложение «Монархической государственности» в форме вопросов и ответов под названием «Что такое монархия?»[147].

Также на территории Китая белоэмигрантами создавались различные организации. Особенно в этом отношении выделялся Харбин, где создавались учебные заведения для русскоговорящего населения Маньчжурии, а в 1931 г. там же была учреждена Российская фашистская партия, имевшая антисоветскую и антикоммунистическую идеологию, а в годы оккупации Китая японской армией, активно сотрудничавшая с захватчиками. В Харбине в 1928 г. была опубликована книга одного из деятелей русского фашизма Ф.Т. Горячкина под названием «Первый русский фашист Петр Аркадьевич Столыпин». В этой книге автор, во-

[144] См. предисловие: Колобов М. Азбука Русского монархизма. [Пекин, 1926].
[145] Там же.
[146] Там же. С. 2–6.
[147] Восторгов И.И. Что такое монархия? (Краткое изложение в катехизической форме мыслей соч. Л. А. Тихомирова «Монархическая государственность») // Восторгов И.И. Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 1916. С. 508–561.

первых, объяснил, что такое фашизм и, во-вторых, заявил, что П.А. Столыпин «даже гениальнее» Бенито Муссолини[148], чья политическая программа – «та же в сущности рыцарско-столыпинская» [149] . Такая постановка вопроса делала проводниками русского фашизма и всех сторонников политики П.А. Столыпина, в том числе и Л.А. Тихомирова.

«Монархическая государственность» была не единственным источником для создания монархической идеологической литературы в среде русской эмиграции. Например, издательский «Центр законопослушных» русских эмигрантов в Чехии издал в 1925 г. брошюру «Катехизис русского монархизма». Эта небольшая по объему брошюра представляла собой попытку в форме вопросов и ответов обосновать необходимость и закономерность реставрации монархии в России на том основании, что этот политический строй больше подходит для страны, а также имеет фундамент для этого строительства в будущем как на родине, так и в эмиграции. По мнению автора брошюры, русский монархизм должен стремиться «к восстановлению в России права, свободы, духовного преуспеяния и материального благополучия не класса или сословия, а народной громады. Все это ныне разрушено и попрано и необходимо освободить Отечество наше от власти политической и богоборческой секты коммунистов, возглавляемой группой, правящей Россией на началах тиранической олигархии»[150]. «Катехизис русского монархизма» написан под видом самостоятельного монархического труда и не имеет прямых ссылок на Л.А. Тихомирова, но считаем необходимым отметить, что в ней есть ряд смысловых заимствований из «Монархической государственности». Например, в книге указано, что период правления Александра III – это период, «проникнутый русскими народными идеалами» [151] , а также использовано тихомировское название «Петербургский период русской истории»[152].

[148] Горячкин Ф.Т. Первый русский фашист Петр Аркадьевич Столыпин. Харбин, 1928. С. 61.
[149] Там же. С. 69.
[150] Катехизис русского монархизма. Прага, 1925. С. 2.
[151] Там же. С. 5.
[152] Там же. С. 11.

Еще одним идеологическим центром русской эмиграции стала Югославия[153]. Выбор этой страны эмигрантами первой волны объяснялся схожестью конфессиональных, языковых и культурных особенностей страны с Россией, а также глубокими историческими связями, с составлявшим основу страны сербским народом. К тому же монархическое устройство Югославии делало страну еще привлекательней для эмигрантов с правыми настроениями.

Именно в Югославии, в городе Нови-Сад, в 1934 г. была издана первая биография Л.А. Тихомирова. Автором книги под названием «Революционер-монархист: памяти Л. Тихомирова» стал русский писатель белоэмигрант В.А. Маевский. Он знал Л.А. Тихомирова лично, поэтому факты из его биографии он черпал и из собственного опыта, а также из различных доступных ему источников [154]. Видимо, одним из таких источников была «Монархическая государственность», которую он не только назвал «настольной книгой» для всех сознательных монархистов [155], но и дал пусть и краткое, но точное описание содержания книги[156]. При этом В.А. Маевский подчеркнул, что «Монархическую государственность» нужно не только читать, но и изучать с точки зрения науки, так как это «своего рода политическая библия, требует комментарий, разнесений и ключа к уразумению трудных политических аксиом и формул» [157]. На волне популярности фашизма в Европе, В.А. Маевский пытался найти в дореволюционной истории России корни «русского фашизма», формирование которого было прервано революцией. Национально-монархическое движение в России начала XX в. он отождествлял с фашизмом, а «Монархическую государственность» он считал идеологическим основанием для формирующегося «русского фашизма»: «“Монархическая государственность” дала нашему фашизму, в его борьбе с врагами нашего векового государственного строя, превосходное идейное вооружение. В труде Тихомирова монархисты нашли и свою историю, и

[153] С 1918 по 1929 гг. – Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев.
[154] Маевский В.А. Революционер-монархист: памяти Льва Тихомирова. Новый сад, 1934. С. 13.
[155] Там же. С. 13.
[156] Там же. С. 100–108.
[157] Там же. С. 109.

догматику, и апологию, которых раньше в таком систематизированном, разработанном виде у нас еще не было» [158]. Для русского зарубежья такая политическая ассоциация монархизма Л.А. Тихомирова с фашизмом будет актуальна вплоть до окончания Второй мировой войны, после завершения которой уже не для кого не были секретом все античеловеческие последствия таких политических режимов. Положительно оценил В.А. Маевский и нашедшие отражение в книге религиозно-церковные идеи Л.А. Тихомирова: «В “Монархической государственности” – обследование, выяснение и апология тех же вопросов религии, церкви, вероисповедной политики по существу и в их связи с политикою монархического государства – занимают почетное место, как первооснова истинного монархизма. Читая эти главы, посвященные вопросам веры и Церкви, приходится не мало удивляться, что они принадлежат перу светского писателя, не получившего специального богословского образования. Можно с уверенностью утверждать, что после Хомякова – Лев Тихомиров должен быть признан лучшим знатоком и комментатором значения религиозно-церковных вопросов по существу и в приложении к народной и государственной жизни России в частности. При этом Лев Тихомиров более строго догматичен и православен в понимании и толковании вопросов веры и канонов Церкви, чем Хомяков, и чем выгодно отличается и от светских богословствующих мыслителей и писателей нашего богоискательского времени»[159].

В Югославии в 1939 г. был издан первый том работы историка С.С. Ольденбурга – о периоде царствования императора Николая II. Эту книгу ему поручил написать Высший монархический совет. С.С. Ольденбург еще в начале 1920-х гг. подготовил доклад о Николае II. Доклад понравился заведующему издательским отделом Высшего монархического совета А.С. Гершельману, который предложил издать на его основе книгу [160]. И действительно, часть материалов доклада была использована С.С. Ольденбургом при написании книги

[158] Маевский В.А. Революционер-монархист: памяти Льва Тихомирова. Новый сад, 1934. С. 75.
[159] Там же. С. 90–91.
[160] Гершельман А.С. Эмиграция // Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008. С. 552.

«Царствование императора Николая II». Профессор С.С. Ольденбург скончался в 1940 г. в Париже, но еще при его жизни рукопись была перевезена в Белград. Первый том удалось издать там, в Белграде, небольшим тиражом, но из-за нападения Германии на Югославию издание продолжения книги было отложено[161]. Второй том был издан только в 1949 г. в Мюнхене. В первом томе С.С. Ольденбург использовал цитаты из «Монархической государственности» [162] и ссылался на дневник Л.А. Тихомирова [163], которого он охарактеризовал как консерватора-славянофила[164] и причислил его к церковным кругам и правым идеологам[165]. Во втором томе он уделил внимание взаимоотношениям Л.А. Тихомирова с П.А. Столыпиным[166].

Тесная связь религиозно-церковных вопросов с монархической теорией в трудах Л.А. Тихомирова привлекала внимание не только публицистов и историков, но и церковных деятелей. Одним из таких проводников монархических взглядов Л.А. Тихомирова в русской эмиграции стал церковный деятель и православный мыслитель архиепископ Серафим (в миру Н.Б. Соболев), который с начала 1920-х гг. проживал в Болгарии и издавал там свои труды. В этих работах он обосновывал необходимость возвращения монархического строя в России. В книге 1939 г. «Русская идеология» он, доказывая необходимость восстановления самодержавной власти и указывая на прямую связь самодержавия и православной веры, активно ссылался и цитировал «Монархическую государственность» Л.А. Тихомирова[167]. После того, как на эту книгу в журнале «Православный путь» была опубликована рецензия с критикой высказанной им идеи о богоустановленности царской власти, архиепископ Серафим в 1941 г. в ответ на эту критику написал статью «Об истинном монархическом миросозерцании». В статье он указывал, что все замечания в его адрес отражают «типичный для русской интеллигенции

[161] Гершельман А.С. Эмиграция // Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008. С. 613.
[162] Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II: Т.1. Белград, 1939. С. 201.
[163] Там же. С. 243, 384.
[164] Там же. С. 248.
[165] Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II: Т.2. Мюнхен, 1949. С. 63.
[166] Там же. С. 50, 72, 73, 77, 81, 82.
[167] Серафим (Соболев), архиепископ. Русская идеология. СПб., 1992. С. 18, 64, 66–67, 71, 75.

рационалистический взгляд на существо царской власти»[168]. И поэтому в статье он, помимо отсылок к «Монархической государственности» Л.А. Тихомирова [169], попытался более подробно осветить богословские аспекты самодержавной власти.

После окончания Второй мировой войны процесс изучения и идеологизации наследия Л.А. Тихомирова получил свое продолжение. Но из-за осуждения фашизма и признания его принципов порочными для человечества монархизм Л.А. Тихомирова во второй половине XX в. в среде русской эмиграции использовался только в аспекте антисоветской идеологической борьбы.

Известный философ, идеолог белого движения И.А. Ильин в своих работах затрагивал смежные с Л.А. Тихомировым области политической философии, а потому по некоторым вопросам он вступил с ним в заочную полемику. В 1920–1930-х гг. И.А. Ильин проживал и работал в Германии, не скрывая своей симпатии к фашизму. Но в отличие от многих сторонников идеи «русского фашизма» в качестве основы для этой идеологии он предлагал брать труды не Л.А. Тихомирова, а его, И.А. Ильина. В работе «О монархии и республике» И.А. Ильин поставил под сомнение верность теории этического монархизма Л.А. Тихомирова. Он указывал следующее: «Лев Тихомиров решительно не прав, когда он утверждает, что именно нравственная добродетель царя составляет сущность монархии и монархического строя. Вопрос не в святости царя: Федор Иоаннович был свят – а строить государство не мог и сосредоточить на себе доверие народа не был в состоянии. Петр Великий не был святым человеком, и реформы его вызывали против него глухой протест, а народ и в верхах и в низах шел за ним и помогал ему, и доверял ему все больше и больше. Это значит, что многое непохвальное в личной жизни царя – вызываемое страстью, неуравновешенностью, но не бесчестящее царя – извиняется народом легко; об этом шепчутся, скорбят, это иногда обличают в глаза; но государственную волю, патриотическую преданность, честность и честь Царя – испытывают неумаленными и продолжают ему доверять» [170]. Данная книга

[168] Серафим (Соболев), архиепископ. Об истинном монархическом миросозерцании. М.–СПб., 2002. С. 49.
[169] Там же. С. 121–125, 127–129, 499.
[170] Ильин И.А. О монархии и республике // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 551–552.

И.А. Ильина была издана посмертно в Нью-Йорке в 1979 г. Н.П. Полторацким, который долгое время преподавал в США и занимался изучением русской общественной мысли, в частности трудов И.А. Ильина и Н.А. Бердяева. Причем в эту книгу были включены части лекций «Понятия монархии и республики», которые И.А. Ильин читал в Русском научном институте в Берлине в 1929–1930-м учебном г.[171]. Цитата о монархизме Л.А. Тихомирова находится именно в этой части работы И.А. Ильина, поэтому сложно сказать, было ли это им указано изначально в лекциях или это более поздняя вставка. Составитель и автор комментариев к собранию сочинений И.А. Ильина, изданного в современной России, Ю.Т. Лисица считал, что данное «замечание И.А. Ильина по поводу излагаемой Л.А. Тихомировым сущности монархии и монархического строя сужает и тем самым искажает трактовку этого вопроса автором»[172].

Подобную критику И.А. Ильин повторил и 18 апреля 1949 г. в письме к Л.В. Сердаковскому, который с 1945 г. был секретарем американского Толстовского благотворительного фонда, а позже консультировал американское правительство по русскому вопросу[173]. И.А. Ильин писал о тихомировском принципе нравственного идеала монарха следующее: «О примате “нравственного начала” или “нравственного закона” – вся эта идея неверна, ошибочна и нежизнеспособна! Это возобновление ошибки Льва Тихомирова! На этой ошибке ничего нельзя создать! “Личное служение Богу и народу” – не есть “нравственная” идея. Это может привести только к сентиментальной толстовщине и неминуемо даст врагам идеи страшное и непобедимое оружие против нее. Извольте взять историю всех великих монархов, от китайцев до Кира, от Адриана или Октавиана Августа до Фридриха II, от Флавия Валерия Константина до Петра Великого – и скажите, кого из них Вы предложите в праведники. И когда Вы убедитесь, что никого, то снимите раз навсегда всю эту идею!»[174].

---

[171] Полторацкий Н.П. Монархизм и непредрешение И.А. Ильина // Иван Александрович Ильин: жизнь, труды, мировоззрение. Сборник статей. Тенафлай, 1989. С. 193.
[172] Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 615.
[173] Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии: опыт мартиролога. М., 2004. С. 475.
[174] Ильин И.А. Письмо Л.В. Сердаковскому от 18 апреля 1949 года // Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). Т. 14. М., 1999. С. 218.

Более подробно исследовал монархическое наследие Л.А. Тихомирова другой видный деятель и идеолог русской эмиграции – И.Л. Солоневич. Он не принадлежал к числу деятелей первой волны эмиграции. Он вместе с отцом и братом в 1934 г. бежал из СССР в Финляндию, откуда перебрался в Болгарию, а затем в Германию, где И.А. Солоневич вступил в контакты с русским монархическим движением. После Второй мировой войны вместе с семьей поселился в Аргентине, где занимался издательской и литературной работой.

И.Л. Солоневич долгие годы изучал «Монархическую государственность» Л.А. Тихомирова и поучаствовал в ее переиздании. В 1950 г. в газете «Наша страна», которая издавалась И.Л. Солоневичем в Буэнос-Айресе, в статье «Парламент и собор» он называл книгу Л.А. Тихомирова «Библией монархизма», которая, по его словам, является «идейной базой, какую для марксистов представляет “Капитал” – холодное, спокойное, неотразимо логическое исследование монархического принципа во всей истории человечества и в русской истории в особенности»[175]. Судя по упоминанию в самой статье мюнхенского издания «Монархической государственности» данную мысль он заимствовал у Г. Лукьянова, который был автором предисловия к этому изданию[176]. В этой же статье И.Л. Солоневич ссылался на размышления Л.А. Тихомирова о негативном влиянии парламента на политическую стабильность России: «Царь-Освободитель был убит, везя в своем кармане уже подписанный им Манифест о созыве Земского собора. Основная ошибка Государя Императора Николая II заключалась в том, что вместо Собора был создан парламент. И вот на эту именно ошибку и указывает Лев Тихомиров: будут партии, и партии погубят Россию. Как видите, пророчество оправдалось»[177]. В этой статье[178] и других работах[179] И.Л. Солоневич соглашался с идей Л.А. Тихомирова о необходимости создания народного представительства с

[175] Солоневич И.Л. Парламент и собор // Наша страна. 18 марта. 1950. №40. С. 1.
[176] Тихомиров Л. Монархическая государственность. Т. 1. Мюнхен, 1923. С. VI.
[177] Солоневич И.Л. Парламент и собор // Наша страна. 18 марта. 1950. №40. С. 2.
[178] Там же. С. 2, 3.
[179] Солоневич И.Л. Миф о Николае Втором // Наша страна. 16 апреля. 1949. №16. С. 3; Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 2010. С. 126–127.

чертами Земского собора, к которому на определенном этапе тяготел Л.А. Тихомиров.

Также И.Л. Солоневич активно ссылался на Л.А. Тихомирова в фундаментальной работе «Народная монархия»[180], которая была написана под влиянием «Монархической государственности». Этот труд И.Л. Солоневича был частично опубликован в газете «Наша страна» и вышел отдельным изданием в 1950-е гг. Эту книгу он написал еще в годы Второй мировой войны и первоначально она называлась «Белая империя», но от этого названия И.Л. Солоневич решил позже отказаться, так как оно перекликалось с белым движением, которое не было монархическим.

В своих работах И.Л. Солоневич высоко оценивал Л.А. Тихомирова и его творческое наследие, сопровождая его разными эпитетами: «Вот умный человек»[181]; «правоверный монархист»[182] и др. При этом спорным моментом в историософии Л.А. Тихомирова он считал оценку исторической роли Петра Первого. Осмысляя эпоху Петра Великого, И.Л. Солоневич в статье писал: «Он – вопреки Тихомирову – все-таки подорвал и монархию: вчерашняя уличная девка на престоле была так же невозможна в Москве, как невозможно было дальнейшее столетие порнократии. Он подорвал Церковь. Он подорвал престолонаследие. И после всего этого историки говорят о “частных ошибках”. Эти “частные ошибки” мы с вами и расхлебываем до сих пор – Третьим Интернационалом, террором и голодом, законными наследниками деяний великого Петра»[183]. Особенно И.Л. Солоневича удивляла двойственность и противоречивость этой оценки. Так в первой статье из серии под названием «Великая фальшивка Февраля» он указывал следующее: «Вот, умный человек, Лев Тихомиров, пишет, что Петр Первый понавыдумывал таких законов, которые, если бы у него хватило гениальности еще и провести их в жизнь, привели бы к форменной катастрофе, но, к счастью для

[180] Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2010. С. 41–42, 55–56, 85, 108, 126–127, 136, 267, 323, 352, 399, 470, 480–481, 484, 547, 558–560, 579.
[181] Солоневич И. Великая фальшивка Февраля // Наша страна. 13 октября. 1951. №91. С. 1.
[182] Солоневич И. Великая фальшивка Февраля // Наша страна. 27 октября. 1951. №93. С. 1.
[183] Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2010. С. 560.

России, гениальности Петра Первого хватило только на законодательное прожектерство... И – все-таки: гений»[184]. В «Народной монархии» он удивляется схожести оценок петровской эпохи со стороны Л.А. Тихомирова и И.В. Сталина, к которому у него было крайне негативное отношение: «Зрелище получается поистине занятное: Екатерина II и теоретик русского монархизма Л. Тихомиров – с одной стороны, Сталин и теоретики революции Маркс и Энгельс, – с другой, трогательно сходятся в оценке петровской гениальности. Какой другой деятель мировой истории может похвастаться столь разношерстными почитателями!»[185].

Поводом для написания статьи «Великая фальшивка Февраля» стало отнюдь не только желание разобраться в исторических оценках, но и политические события в русском зарубежье. В 1951 г. в Штутгарте при американской поддержке проходили переговоры русских и советских эмигрантов об объединении всех эмигрантских организаций для совместной антисоветской и антикоммунистической борьбы, и завершились они созданием Совета освобождения народов России. Эти переговоры И.Л. Солоневич назвал «керенским сборищем», организованным на «социальной базе случайных долларов», потому что, по его мнению, никакой реальной народной поддержки у этого «сборища» нет, так как их идеи основаны на ложном представлении о народном характере февральской революции[186]. Опасаясь, что эти «наследники Февраля» на западные деньги преследуют цель раздела России или ее «балканизации», он решил разобрать мифы о Февральском перевороте и разоблачить его последователей в этой серии статей[187]. Поэтому И.Л. Солоневич обратился не только к историческим взглядам Л.А. Тихомирова, но и к его политическому анализу состояния Российской империи в преддверии революции. При объяснении причин революции он согласился с мыслью Л.А. Тихомирова о губительном влиянии на состояние государственного организма бюрократической системы, которая привела к упадку

[184] Солоневич И. Великая фальшивка Февраля // Наша страна. 13 октября. 1951. №91. С. 1.
[185] Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2010. С. 501.
[186] Солоневич И. Великая фальшивка Февраля // Наша страна. 13 октября. 1951. №91. С. 1.
[187] Там же. С. 1.

церковь, земское самоуправление, армию[188]. В продолжении статьи он развил эту мысль: «Л. Тихомиров был прав: бюрократия поставила под угрозу даже и боеспособность армии. Может быть, лучше было бы сказать точнее: не боеспособность личную, а боеспособность техническую»[189].

В газете «Наша страна» также печатался журналист и писатель Н.П. Кусаков[190]. Он также, как и И.Л. Солоневич, был представителем второй волны эмиграции. Поселившись в Аргентине, он начал сотрудничество с Российским Имперским Союз-Орденом (РИСО) и лично с Н.И. Сахновским. Н.П. Кусаков считал себя православным монархистом, что нашло отражение в его работе «Православие и монархия», написанной за рубежом в период с 1967 по 1969 гг. и впервые опубликованной в номерах газеты «Наша страна» за май–июнь 1969 г.[191]. В этой книге он ссылался на Л.А. Тихомирова при формализации монархического принципа власти[192]. Отличительной чертой его авторских философских построений было сплетение политической теории и библейский текстов.

Современные историки к трудам И.А. Ильина и И.Л. Солоневича относятся скептически не только из-за их политических взглядов, но и потому, что они насыщенны компилятивностью. Например, российский историк А.В. Давыденко в кандидатской диссертации «Эволюция правомонархических концепций политического устройства России (1900–1917 гг.)» указывал на то, что степень оригинальности государственно-монархических трудов этих авторов «является достаточно спорной: многие идеи указанных авторов напрямую заимствованы из трудов “классиков” консервативной мысли – Н.И. Черняева, Л.А. Тихомирова, П.Е. Казанского, подчас без указаний на “черносотенный” оригинал»[193]. Однако эти

---

[188] Солоневич И. Великая фальшивка Февраля // Наша страна. 27 октября. 1951. №93. С. 1.
[189] Солоневич И. Великая фальшивка Февраля // Наша страна. 24 ноября. 1951. №97. С. 1.
[190] Наст. имя – Чурилов Николай Павлович.
[191] Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб., 2004. С. 358.
[192] Кусаков Н.П. Православие и монархия. б.м., б.г. С. 20, 23–24, 31.
[193] Давиденко А.В. Эволюция правомонархических концепций политического устройства России (1900–1917 гг.): дис. … канд. ист. наук. Хабаровск, 2001. С. 5, 25.

черты еще и свидетельствуют о наличии прямой связи с дореволюционной историко-философской мыслью.

Огромную роль в сохранении творческого и идеологического наследия белой и советской эмиграции сыграли наши соотечественники, обосновавшиеся в Великобритании. В Оксфорде построил свою научную и преподавательскую карьеру философ и богослов первой волны русской эмиграции Н.М. Зернов. Он получил известность благодаря исследованию русской религиозной философии и конкретно взглядов А.С. Хомякова, Ф.М. Достоевского и Вл.С. Соловьева. В 1963 г. на английском языке вышел его обобщающий труд под названием «Русский религиозный ренессанс XX века». В книге Н.М. Зернов ввел понятие «интеллигентское диссидентство». К этой категории он причислил представителей русской интеллигенции, которые перешли на сторону традиционных ценностей и призывали «примириться с Церковью и искать в христианстве ответ на искание человеком истины»[194]. Н.М. Зернов из круга интеллигентов-диссидентов выделил, как лиц гениальных и исключительных Ф.М. Достоевского и Вл.С. Соловьева, а также к этому же направлению он отнес интеллигентов-ренегатов В. Кельсиева и Л.А. Тихомирова, сменивших «республиканство на монархизм», отметив при этом, что «к ним относились как к предателям дела и игнорировали их прежние друзья»[195]. Это единственное упоминание Л.А. Тихомирова в книге, к тому же Н.М. Зернов не относил Л.А. Тихомирова к представителям религиозной философии. Эта книга также была переведена на русский язык и издана в Париже.

Более детально исследовал творческое наследие Л.А. Тихомирова другой эмигрант, также окончивший Оксфорд и работавший в Великобритании, – С.В. Утехин. С.В. Утехин был представителем второй волны эмиграции. Во время Великой Отечественной войны, оказавшись на оккупированной территории СССР, он был угнан немцами в концлагерь, а после окончания войны остался на территории британской зоны оккупации. В 1964 г. вышла его книга «Русская политическая мысль: краткая история», в которой была дана краткая

[194] Zernov N. The Russian religious renaissance of the twentieth century. New York, 1963. P. 18.
[195] Op. cit. P. 18.

характеристика общественно-политических взглядов Л.А. Тихомирова. Высоко оценил С.В. Утехин работы Л.А. Тихомирова по теоретизации монархического принципа – «Единоличная власть как принцип государственного строения» и «Монархическая государственность», которые, по его словам, «являются одними из лучших изложений монархического принципа» [196]. Но при всех достоинствах теоретических постулатов Л.А. Тихомирова, по мнению С.В. Утехина, у него были существенные проблемы в реализации на практике своих политико-правовых идей: «Как это часто бывает, конкретная политика, которую отстаивал Тихомиров, далеко не соответствовала его ясным и не лишенным оснований общим положениям. В практической политике он стал рупором крайне правых – ретроградов, мракобесов, националистов и даже в какой-то степени антисемитов. Это в сочетании с клеймом ренегата мешало более просвещенным теоретическим взглядам Тихомирова оказывать заметное влияние на общественное мнение»[197]. С.В. Утехин объяснял ренегатство Л.А. Тихомирова неизменностью его политического идеала – сильной государственной власти и его стремлением к позитивным преобразованиям в России, что могло быть реализовано как с помощью революции, так и монархом, обладающим политической волей: «Даже будучи революционером, он делал упор на позитивные, конструктивные аспекты желаемого изменения, а не на разрушительный элемент революции. Это облегчало ему обращение к идее переворота и последующей революционной диктатуры. Нетрудно разглядеть здесь пересветовскую идею благожелательного деспотизма, которая с одинаковой легкостью может появиться и в виде самодержавной монархии. Для Тихомирова важна была не внешность, а характер, размах и использование власти. Если цель состоит в том, чтобы устранить отчуждение правительства от народа, искоренить несправедливость и коррупцию, и если окажется, что революционная партия, будучи слабее правительства, страдает теми же болезнями безжизненности и коррупции, то что может быть логичнее, чем примкнуть к более сильной стороне и попытаться достичь своих целей с помощью государственной власти как союзника,

[196] Utechin S.V. Russian political thought: a concise history. New York–London, 1964. P. 99.
[197] Op. cit. P. 100.

особенно если последняя также имеет дополнительные преимущества легитимности и пользуется безответным доверием большинства народа? Нужна была не революция, не реакция, не продвижение к абстрактному идеалу, а неуклонный эволюционный рост, основанный на прочном фундаменте интересов народа и его подлинных чувств»[198]. При этом вызывает вопросы отнесение автором Л.А. Тихомирова к направлению западнической консервативной мысли[199], а также выглядит бездоказательным утверждение С.В. Утехина о разочарованности Л.А. Тихомирова в монархии в последние годы жизни: «Это вряд ли можно назвать языком консерватора, хотя чувства Тихомирова к концу своей жизни не сильно отличались. Лидеры консервативной мысли, как западнической, так и незападнической, к 1917 году утратили веру в русскую монархию»[200]. Свои взгляды и идеи С.В. Утехин транслировал не только в Великобритании, но и в США, куда он перебрался в конце 1960-х гг. В 1990-е гг. он вернулся на родину в Россию, где продолжил занимался преподаванием и научной работой.

Среди представителей третьей волны эмиграции нужно отметить А.И. Солженицына, в произведениях которого также присутствуют отсылки к наследию Л.А. Тихомирова. В 1974 г. А.И. Солженицын был изгнан из СССР за антисоветскую деятельность и из-за выхода романа «Архипелаг ГулАГ». Уже в этом художественном произведении, написанном им в СССР и распространяемым в самиздате, А.И. Солженицын упомянул Л.А. Тихомирова. В этом романе он противопоставил два опыта тюремной жизни: Лучинского и Л.А. Тихомирова, подчеркивая крайне негативные последствия пребывания в заключении для последнего[201]. В «Красном колесе» он упомянул ренегатство Л.А. Тихомирова[202], взаимоотношения с Г.В. Плехановым[203], ошибочность его ранних якобинско-бланкистских революционных ожиданий в России[204], а также его поход в милицию

[198] Utechin S.V. Russian political thought: a concise history. New York–London, 1964. P. 99.
[199] Op. cit. P. 98.
[200] Op. cit. P. 169.
[201] Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. М., 2010. С. 487.
[202] Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 8. М., 2007. С. 71.
[203] Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 15. М., 2010. С. 348.
[204] Там же. С. 490.

в марте 1917 г. для заявления о своей лояльности новой власти: «Хотя вот Льву Тихомирову, с его отстоянной годами одинокой позицией, гордей бы посидеть дома. Зачем он нуждался унижаться, идти являться к новым властям, – увеличивать их значение?»[205]. В произведении «Двести лет вместе» А.И. Солженицын, критически характеризуя отечественную прессу начала XX в., ссылался на дневниковые записи Л.А. Тихомирова, опубликованные в «Красном архиве»[206]. В распоряжении А.И. Солженицына были не только опубликованные записи дневника Л.А. Тихомирова, но и «Монархическая государственность», изданная в Аргентине в 1968 г.[207]. В публицистической статье «Размышления над Февральской революцией» он также отметил неоднозначность, неравномерность развития русской прессы перед революцией, отмечая низкий уровень поддержки правительством правых организаций и периодики: «Вопреки шумным обвинениям либеральной общественности, правительство крайне вяло поддерживало и правые организации, и правые газеты, – и такие рыцари монархии, как Лев Тихомиров, захиревали в безызвестности и бессилии. И не вырастали другие»[208]. В известной работе «Как нам обустроить Россию?», написанной А.И. Солженицыным в 1990 г. и в этом же году опубликованной в советской прессе, он использовал для своей политической программы идеи Л.А. Тихомирова о сочетанной системе власти[209] и социальных основах совещательной системы в государстве[210]. И если не все эмигранты дожили до момента падения советской власти, то А.И. Солженицыну удалось не только застать это время, но и открыто декларировать свою политическую программу переустройства РСФСР, включавшую идеи Л.А. Тихомирова, и стать живым антикоммунистическим символом современной России.

---

[205] Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 14. М., 2008. С. 10.
[206] Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. М., 2015. С. 425.
[207] Солженицын А.И. «Русский вопрос» к концу XX века (1994) // Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. Т. 1. Ярославль, 1995. С. 618.
[208] Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией (1980–1983) // Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. Т. 1. Ярославль, 1995. С. 460.
[209] Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? (1990) // Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. Т. 1. Ярославль, 1995. С. 590–591.
[210] Там же. С. 595–596.

Были ли у А.И. Солженицына прямые связи с аргентинским РИСО, сказать сложно, но идеологический фундамент у них был схожим – антикоммунизм. В газете «Наша страна» печатали произведения А.И. Солженицына. Например, в 1969 г., то есть еще до его эмиграции, в газете были напечатаны фрагменты из романа «Раковый корпус», правда, без ведома и согласия автора[211], а 6 мая на передовице был напечатан отрывок из его рассказа «Пасхальный крестный ход» с объяснениями редактора газеты Н. Казанцева. Н. Казанцев, опасаясь ареста А.И. Солженицына в СССР, призывал всячески популяризировать его имя и его произведения, так как, в его представлении «Солженицын – не поддавшееся прели советчины сокровище русского духа. Наше сокровище. Наше достояние. Кому же, как не нам выступать в его защиту»[212]. Его произведения, по мнению главного редактора газеты, хоть и являются «не легким чтением», но «честная подсоветская [213] литература не может быть “легкой”, безболезненной. Она изображает невыносимый мир»[214].

Таким образом, в русском зарубежье с 1920-х гг. и до окончания Второй мировой войны монархическое наследие Л.А. Тихомирова идеологизировалось в двух направлениях. С одной стороны, «Монархическая государственность» позиционировалась русскими эмигрантами как теоретическая основа политического переустройства России после поражения большевизма, которое белоэмигранты нанести самостоятельно не могли даже в теории, и от того, возможно, были готовы сотрудничать с любыми союзниками. С другой стороны, до Второй мировой войны политико-правовые идеи Л.А. Тихомирова белоэмигрантами отождествлялись с фашизмом, который набирал силу и популярность в Европе и Азии с конца 1920-х гг. В русском фашизме русские эмигранты, не смирившиеся с поражением в Гражданской войне, видели средство борьбы с коммунизмом и его альтернативу. После окончания Второй мировой

---

[211] См. напр.: Солженицын А. Раковый корпус // Наша страна. №999. 15 апреля, 1969. С. 3; Солженицын А. Раковый корпус // Наша страна. №1000; 22 апреля, 1969. С. 4; Солженицын А. Раковый корпус // Наша страна. №1001. 29 апреля, 1969. С. 4 и других выпусках газеты за 1969 г.

[212] Казанцев Н. Кричать о Солженицыне // Наша страна. №1002. 6 мая, 1969. С. 1.

[213] Слово, видимо, является синонимом «подпольная».

[214] Казанцев Н. Кричать о Солженицыне // Наша страна. №1002. 6 мая, 1969. С. 1.

войны русские эмигранты перестали ассоциировать наследие Л.А. Тихомирова с фашизмом, но продолжили использовать его монархическую теорию в качестве идеологического фундамента для антикоммунистической и антисоветской деятельности, в которую, видимо, активно вкладывались и западные правительства. В условиях нехватки трудов Л.А. Тихомирова в эмиграции и необходимости проведения просветительско-идеологической работы с молодежью в русском зарубежье было предпринято несколько попыток переиздания его работ: в 1923 г. в Мюнхене и в 1968 г. в Буэнос-Айресе была переиздана «Монархическая государственность», а в 1943 г. в Нью-Йорке была опубликована «Единоличная власть как принцип государственного строения». Идеологизация и идеализация наследия Л.А. Тихомирова привели к тому, что сместились акценты в оценке его ренегатства, которое воспринималось в среде эмиграции не только в качестве предательства, но и образца духовно-политического очищения. При этом нельзя считать, что русская и советская эмиграция проводила эту работу безрезультатно и бесследно для нашей истории. В 1990-е гг. после распада СССР именно анитисоветский интеллектуальный багаж эмигрантов, частью которого было переработанное монархическое наследие Л.А. Тихомирова, оперативно был привнесен в образовавшуюся идеолого-культурную лакуну формирующейся современной России.

1.2. Биография и труды Л.А. Тихомирова в зарубежной историографии

В конце XIX – первой половине XX вв. Л.А. Тихомиров был интересен зарубежным авторам, прежде всего, с точки зрения революционного прошлого. Только со второй половины XX в. зарубежные историки заинтересовались и другой стороной его биографии и творческого наследия. Вполне вероятно, катализатором повышения интереса к наследию Л.А. Тихомирова, особенно на Западе, стали международные процессы, никак с ним, Л.А. Тихомировым, напрямую не связанные.

Во-первых, после окончания Второй мировой войны в мире значительно вырос авторитет СССР, который стал одним из ключевых акторов международной политики. Такое резкое изменение статуса СССР на мировой арене привело к активизации изучения советской и российской истории за рубежом. Повышение научного интереса к отечественной истории привело к увеличению количества исторических работ и глубине их проработки.

Во-вторых, начавшаяся во второй половине 1940-х гг. холодная война привела к увеличению финансирования славистики в странах Западной Европы и США, так как изучение истории противника способствовало выявлению слабых мест врага. Такие исследования преследовали в основном утилитарную цель: идеологическое оформление и обслуживание контрреволюционного и националистических движений русской эмиграции. Поэтому историки на Западе начали активное изучение российского революционного движения и историю самих революций, консервативной общественно-политической мысли и других схожих тем. При такой исследовательской повестке начало знакомства с биографией и трудами Л.А. Тихомирова в США и странах Западной Европы были лишь делом времени.

В-третьих, идеологическое влияние оказывала русская эмиграция, которая в середине XX в. массово вынуждена была бежать из стран Восточной Европы и Китая, переселяясь на Запад.

В-четвертых, если в СССР долгие годы наследие Л.А. Тихомирова была интересно только в связи с его революционным прошлым, то в эмиграции его работы переиздавались и активно изучались. Волна популярности трудов Л.А. Тихомирова в отечественной эмигрантской среде повлияла и на исследовательские интересы зарубежных историков, особенно тех, кто находился в контексте историко-культурной атмосферы русского зарубежья. По этим же причинам развал СССР и окончание холодной войны привели к такому же резкому снижению популярности изучения российской и советской истории на Западе.

В этом параграфе мы, скорее, поднимаем проблему малоизученности в России зарубежной историографии наследия Л.А. Тихомирова, но нисколько не

претендуем на исчерпывающий и абсолютно полный анализ этой проблемы, так как из-за сложностей, связанных с доступом к зарубежным публикациям, некоторые работы иностранных авторов могли остаться нами незамеченными.

Интерес зарубежных исследователей к наследию Л.А. Тихомирова появился еще при его жизни. Одной из первых работ, где раскрывалась деятельность Л.А. Тихомирова, была книга швейцарского профессора Базельского и Фрейбургского университетов А. Туна «История революционного движения в России». Книга была написана по следам деятельности русских революционеров во второй половине XIX в., с некоторыми из которых автор имел личное знакомство. В России книга впервые легально была издана в 1917 г., хотя в среде русской революционной эмиграции еще задолго до этого был в ходу рукописный вариант, переведенный на русский язык неизвестным лицом в 1886 г.[215]. Работа А. Туна охватывает период от движения декабристов до начала 1880-х гг., поэтому многие последующее концептуальные проблемы русского революционного движения в ней не рассмотрены. Это связано с тем, что А. Тун скончался через несколько лет после выхода в 1883 г. в Цюрихе своей книги, поэтому по вполне объяснимым причинам история русского революционного движения доведена в ней только до этого времени[216]. Но, как сообщает анонимный переводчик книги А. Туна, не только незавершенность и устаревший характер книги являются единственными недостатками: «Но и при ее появлении ее можно было упрекнуть за многие и весьма существенные недостатки, при том такие, что более серьезное изучение русской истории могло бы их устранить; сам проф. Тун добросовестно сознается в этом. Знакомство автора с русской историей и литературой ограничивается почти исключительно произведениями нелегальной прессы, и то далеко не со всеми. Поэтому ему не только не удалось объяснить причин движения, которые конечно не могут быть поняты иначе, как в связи со всем ходом развития русской литературы и русской жизни вообще, но даже в изложении фактов встречаются неполноты, которых могло бы и не быть, если бы автор пользовался также

[215] РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Раздел I. Д. 526. Л. 237, 237 об.
[216] Там же. Л. 237.

легальными русскими журналами и газетами (напр. официальными отчетами о политических процессах); тогда бы ему не приходилось подтверждать общеизвестных фактов (напр. всеобщего восторга, высказанного оправданием Веры Засулич) ссылками на статьи Лаврова, когда он мог найти их подтверждение в “Новом Времени” или “Голосе”, иногда даже “Правительственном Вестнике” или “Московских Ведомостях”; если бы положение арестантов и ссыльных он изображал не по статьям “Народной Воли”, а по многочисленным корреспонденциям “Молвы”, “Голоса” и друг. газет 1880–1881 гг., то ему не пришлось бы самому выражать сомнение в справедливости данных, хотя картина вышла бы не менее поразительной»[217]. В отечественном издании книги 1917 г., например, по этим причинам издатели дописали дополнительную главу о деятельности «Народной воли» в период 1881–1887 гг. Исходя из специфики исследования, Л.А. Тихомиров в основном тексте книги упоминается лишь в ходе повествования, без какого-либо осмысления его вклада в революционное движение[218]. Однако в постраничных ссылках А. Тун уточнял, что он один из наиболее видных представителей революционного движения[219]. Однако издание 1917 г. страдало неточностью перевода, внесением правок в оригинальный текст издателями и сокращением оригинальных примечаний. Если обратиться к более позднему изданию 1924 г., в котором редакция подошла более бережно к оригинальному тексту, то можно увидеть, что А. Тун в еще одном примечании писал, что с 1878 г. Л.А. Тихомиров был «главным руководителем всех террористических предприятий»[220].

Такой поверхностный характер исследований наследия Л.А. Тихомирова присущ многим работам зарубежных историков. Очень часто в зарубежных исследованиях описываются общеизвестные для современных отечественных историков факты, которые к тому же часто позиционировались как серьезные открытия. Однако в тот период, когда выходили эти публикации, в советской

[217] РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Раздел I. Д. 526. Л. 237.
[218] Тун А. История революционного движения в России. Петроград, 1917. С. 87, 166, 175.
[219] Там же. С. 206.
[220] Тун А. История революционных движений в России. М.–Петроград, 1924. С. 171.

исторической науке эта информация зачастую была известна узким специалистам или современникам Л.А. Тихомирова. Поэтому такой предвзятый ретроспективный взгляд на зарубежную историографию наследия Л.А. Тихомирова крайне обманчив.

Опираясь на конкретно-проблемный метод анализа, в зарубежной историографии наследия Л.А. Тихомирова мы можем выделить следующие проблемные исследовательские аспекты: 1) ренегатство Л.А. Тихомирова и его оценка, а также осмысление причин ренегатства; 2) роль Л.А. Тихомирова в революционном движении и ее оценка; 3) монархическая теория Л.А. Тихомирова и осмысление ее места в русской общественно-политической мысли и применимости ее на практике; 4) роль Л.А. Тихомирова в решении рабочего вопроса и ее оценка; 5) религиозная философия Л.А. Тихомирова и оценка ее места в его творчестве; 6) литературно-издательская деятельность Л.А. Тихомирова и ее оценка.

Ренегатство Л.А. Тихомирова за рубежом наделало много шума и сразу же получило осуждение со стороны теоретиков марксизма. Французский экономист и политик Поль Лафарг, муж дочери Карла Маркса Лауры, уговаривал поехать Г.В. Плеханова на первый конгресс 2-го Интернационала, который должен был проходить в июле 1889 г. в Париже, что стало бы, по его словам, «ответом на предательство Тихомирова»[221].

Ренегатство произвело настолько сильное впечатление на Ф. Энгельса, что он даже вывел закономерность – наличие националистических взглядов рано или поздно должно привести русского человека к поддержке монархии. В работе «Внешняя политика русского царизма», написанной в 1889–1890 гг., он указал следующее: «Поэтому русский, если только он шовинист, рано или поздно падет на колени перед царизмом, как мы это уже видели на примере Тихомирова»[222]. Эта работа получила широкое распространение уже в те годы. Она была напечатана журнале «Социал-демократ» (книга 1 и 2, февраль и август 1890 г.), в журнале «Die

[221] Письма Г.В. Плеханова к В.И. Засулич // Группа «Освобождение труда»: (из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча). Сб. 3. М.–Л., 1925. С. 239.
[222] Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. М., 1962. Т. 22. С. 15.

Neue Zeit» №5 (май 1890 г.) и в авторском переводе на английский язык в журнале «Time» (апрель и май 1890 г.)[223].

Подобные мысли Ф. Энгельс озвучил в письме к Г.В. Плеханову 26 февраля 1895 г. Он писал по поводу ренегатства следующее: «И, наконец, в такой стране, как ваша, где крупная современная промышленность привита к примитивной крестьянской общине и где одновременно представлены все промежуточные ступени цивилизации, – в стране, которая сверх того окружена более или менее действительно интеллектуальной китайский стеной, воздвигнутой деспотизмом, нельзя удивляться, если происходят самые странные, самые невероятные сочетания идей. Возьмите этого бедного малого Флеровского, который вообразил, что столы и кровати думают, но не имеют памяти. Это ступень, через которую страна должна пройти. Мало-по-малу, с ростом городов, отрезанность талантливых людей исчезнет, а вместе с тем и эти заблуждения ума (aberrations mentales[224]), вызванные одиночеством, беспорядочностью случайных знаний этих забавных мыслителей. А у народников [по-русски] это вызывается отчасти отчаянием при виде крушения их надежд. Действительно народник [по-русски] – ex-террорист очень естественно может кончить царистом»[225].

Полноценные исследования, затрагивающие или посвященные наследию Л.А. Тихомирова, за рубежом появились только в 1950-е гг. Итальянский историк и журналист Франко Вентури в 1952 г. опубликовал подробную монографию «Корни революции. История народнических и социалистических движений в России XIX века», которая стала плодом его пребывания в Москве в статусе советника по культуре итальянского посольства. Интерес к русской культуре и истории привел Ф. Вентури к исследованию отечественного революционного движения. В монографии уделяется внимание деятельности Л.А. Тихомирова[226], но при таком

[223] Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. М., 1962. Т. 22. С. 11.
[224] С англ. – психические отклонения.
[225] Г.В. Плеханов и Ф. Энгельс. Переписка, с предисл. Л. Дейча // Группа «Освобождение труда»: (из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча). Сб. 2. М., 1924. С. 334.
[226] Venturi F. Roots of revolution. A History of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth Century Russia. New York, 1960. Pp. 620, 629, 642–644, 649, 653–655, 668, 673, 676, 678, 694, 716–717.

объеме книги упоминание о его вкладе в русское революционное движение встречается лишь однажды: «…Тихомиров был выдающимся оратором среди своих товарищей. Он мог выразить движущую силу, которая вдохновляла их всех, в политически всеобъемлющей форме <…> Тихомиров, с другой стороны, помог создать тот синтез политической и социальной революции, который должен был характеризовать “Народную волю”. Он обратился к Ткачеву и якобинской традиции в поисках элементов, составляющих этот синтез; и он включил в программу “Исполнительного комитета” те общие проблемы революции в России, о которых в рамках морозовского политического радикализма рисковал забыть. И, наконец, он выразил ту связь между народничеством и терроризмом, которая оставалась такой сильной для большинства тех, кто составлял более воинственное крыло “Земли и воли”»[227].

Огромную роль в исследование наследия Л.А. Тихомирова внесли американские историки. В 1953 г. в журнале «Американское славянское и восточноевропейское обозрение» историк Сэмюэль Хаскелль Бэрон опубликовал статью «Плеханов о русском капитализме и крестьянской коммуне 1883–1885 гг.», в которой осветил дискуссию Г.В. Плеханова и Л.А. Тихомирова о возможности развития в России капитализма[228]. Эта статья в итоге выросла в биографическую монографию «Плеханов: отец русского марксизма», которая была издана в США в 1963 г. Книга была переведена на русский язык и была издана в России только в 1998 г.[229]. В этой работе представлены эпизоды взаимодействия Л.А. Тихомирова с Г.В. Плехановым и другими деятелями революционного движения по разным аспектам, начиная от редакторско-издательской работы и заканчивая теоретико-идеологическими дискуссиями[230]. По этой причине Л.А. Тихомиров становится очень важным действующим персонажем в жизнеописании Г.В. Плеханова, созданного С.Х. Бэроном.

---

[227] Venturi F. Roots of revolution. A History of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth Century Russia. New York, 1960. P. 643.
[228] Baron S.H. Plekhanov on Russian capitalism and the peasant commune, 1883–1885 // The American Slavic and East European Review. Dec., 1953. Vol. 12, No. 4. P. 465.
[229] Бэрон С.Х. Г.В. Плеханов – основоположник русского марксизма. СПб., 1998.
[230] Baron S.H. Plekhanov: the father of russian marxism. Stanford, 1963. Pp. 38, 40, 83, 85–88, 91–92, 94–95, 122, 136.

В 1957 г. американский историк Джеймс Альфред Дюран (младший) в Университете Иллинойса защитил диссертацию «Лев Александрович Тихомиров и конец эпохи народничества в России». Д.А. Дюран родился в 1927 г. в Портленде, штат Орегон, окончил Университет Орегона, был участником Корейской войны[231]. Данную тему, по его словам, предложил профессор Ф.С. Родки[232], который преподавал историю в Университете Иллинойса. Профессор Ф.С. Родки не только был специалистом по русской истории, но он был ответственным редактором в американском проекте по переводу в микропечать большой коллекции тщательно отобранных русских материалов, которая была составлена им же в консультации с большим количеством других ученых, занимающихся русской историей[233]. Поэтому в распоряжении Д.А. Дюрана могли быть многие материалы по русской истории, хотя он и сетовал на то, что ему приходилось выезжать в библиотеку «Гуверовского института войны, революции и мира» при Стэнфордском университете, материалы из которой «сыграли огромную роль при написании этой диссертации»[234]. Д.А. Дюран в диссертации использовал работы Л.А. Тихомирова революционного периода, публикации журналов «Былое», «Красный архив», «Каторга и ссылка». Упомянул он в тексте «Единоличную власть как принцип государственного строения» и «Монархическую государственность»[235].

Д.А. Дюран исследовал революционный период биографии и творчества Л.А. Тихомирова, в том числе детально проанализировал проблему ренегатства, которое в его концепции стало финалом истории народничества. Американский историк пришел к выводу, что «формирующийся в России капитализм, с вытекающим из этого развитием сил пролетариата, вынудил все народовольческое движение свернуть вправо к принятию либеральных буржуазных концепций, но Тихомиров, в силу своих личных особенностей и раннего воспитания, довел свою

[231] Duran J.A. Lev Alexandrovich Tikhomirov and the end of the age of populism in Russia. Ph.D. University of Illinois at Urbana-Champaign, 1957. P. 361.
[232] Op. cit. P. iv.
[233] Erickson E.L. General Program of the Committee on Documentary Reproduction, American Historical Association // College and research libraries. Vol. 14, № 3. July, 1953. P. 304.
[234] Duran J.A. Lev Alexandrovich Tikhomirov and the end of the age of populism in Russia. Ph.D. University of Illinois at Urbana-Champaign, 1957. P. iv.
[235] Op. cit. P. 341.

эволюцию до крайности»[236]. Поэтому в этих условиях Л.А. Тихомиров, будучи теоретиком, «под большим эмоциональным напряжением и разочарованием пришел к полной, искренней вере в “православие, народность и самодержавие” – к полному принятию того, чему его учили в детстве. Он считал, что он и ему подобные должны изучать эволюцию российского государства, чтобы выработать философию, направляющую молодежь на более серьезные, нерадикальные пути. Он стремился разработать философию для самодержавия, философию, в отсутствии которой он так долго обвинял его»[237]. Следовательно, Д.А. Дюран объяснял ренегатство практически также, как и сам Л.А. Тихомиров: это искреннее разочарование в революционных идеях и возвращение к идейным истокам, которые были заложены в нем в детстве.

Американский писатель украинского происхождения Авраам Ярмолинский, который долгое время был начальником Славянского отдела Нью-йоркской публичной библиотеки, в середине 1950-х гг. написал книгу «Дорога к революции: век русского радикализма». В книге в научно-популярной форме раскрывается история русского радикализма от А.Н. Радищева до падения «Народной воли». В главах, описывающих революционное народничество, А. Ярмолинский упоминал факты из революционной биографии Л.А. Тихомирова[238]. Также как Д.А. Дюран, А. Ярмолинский придавал большое значение ренегатству Л.А. Тихомирова в судьбе народовольчества. Видимо, по этой причине последняя глава, описанные события в которой относятся к концу 1880-х гг., была названа «Агония “Народной воли”». По мнению американского исследователя, разуверившись в революции, Л.А. Тихомиров совершил «предательство», которое «стало громом среди ясного неба. В сентябре 1888 года он обратился с жалкой петицией к императору, заявляя о своем искреннем раскаянии и прося разрешения вернуться на родину, чтобы

[236] Duran J.A. Lev Alexandrovich Tikhomirov and the end of the age of populism in Russia. Ph.D. University of Illinois at Urbana-Champaign, 1957. Pp. 338–339.
[237] Op. cit. Pp. 340–341.
[238] Yarmolinsky A. Road to revolution: a century of Russian radicalism. New York, 1959. Pp. 180, 226, 238, 239, 245, 292, 301, 312, 314, 316–318, 320–322, 324, 326, 328–330.

искупить свое прошлое поведением, подобающим верному сообщнику и верноподданному»[239].

Не меньший вклад в изучение русской общественной мысли XIX – начала XX вв. внесла английская историография. Одним из первых обратил внимание на эту тему преподаватель Школы славянских и восточноевропейских исследований Университета Лондона Ричард Хэйр. Еще в 1951 г. была опубликована его книга «Пионеры русской общественной мысли», посвященная деятелям, родившимся в конце XVIII – начале XIX вв. – от П. Чаадаева и до К. Леонтьева[240]. Р. Хэйр продолжил изучение русской общественной мысли, доведя своего исследование вплоть до прихода к власти большевиков. Рассматривая данный период, Р. Хэйр обратился и к взглядам Л.А. Тихомирова. В 1958 г. вышла его публикация в журнале «Славянское и восточноевропейское обозрение» под названием «Раскаявшийся революционер-социалист», которая представляет из себя краткую биографическую заметку о Л.А. Тихомирове и его мировоззренческом перевороте. В статье английский историк упомянул следующие работы Л.А. Тихомирова: «Почему я перестал быть революционером», «Единоличная власть как принцип государственного строения» и «Монархическая государственность», которую Р. Хэйр назвал «последней книгой» Л.А. Тихомирова[241]. Данный факт свидетельствует о том, что ему не были известны книги, написанные Л.А. Тихомировым в последний период его жизни, поскольку в 1950-е гг. они еще не были изданы и хранились в архиве. При этом в самой статье историк ссылался только на две работы: «Воспоминания Льва Тихомирова»[242] и «Революционер-монархист: памяти Льва Тихомирова» В.А. Маевского[243]. Поэтому, возможно, содержание статьи выглядит весьма кратким и поверхностным, а также в нем присутствуют ошибки. Так, например, ссылаясь на книгу В.А. Маевского, он указывал на то, что «“Монархическая государственность” (1905), должно быть,

[239] Yarmolinsky A. Road to revolution: a century of Russian radicalism. New York, 1959. P. 329–330.
[240] Hare R. Portraits of Russian personalities between reform and revolution. London, 1959. P. v.
[241] Hare R. A Repentant social revolutionary // The Slavonic and East European Review. Dec., 1958. Vol. 37, No. 88. P. 246.
[242] Op. cit. Pp. 243–244.
[243] Op. cit. Pp. 245–246.

произвела резкое впечатление в левых кругах, где его прозвали “Карлом Марксом монархии”»[244]. Хотя В.А. Маевский писал, что такую характеристику впервые дали в предисловии мюнхенского издания «Монархической государственности» 1923 г.[245]. Текст статьи практически без изменений был продублирован им в монографии 1959 г. «Портреты русских личностей между реформой и революцией»[246]. Р. Хэйр поместил биографию Л.А. Тихомирова в раздел «Представители народников», хотя в книге есть разделы, посвященные и религиозной философии, среди которых автор выделил Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева, В.В. Розанова[247], и представителям государственной мысли (К.П. Победоносцев, П.А. Столыпин и С.Ю. Витте)[248]. Это свидетельствует о том, что в творчестве Р. Хэйра Л.А. Тихомиров ассоциировался прежде всего с революционным движением, а не с политической и религиозной философией.

Отечественные исследователи часто при характеристике зарубежной историографии наследия Л.А. Тихомирова ссылались на историка Кирилла Тидмарша, который был автором статьи «Лев Тихомиров и кризис русского радикализма», опубликованной в 1961 г. в журнале «Русское обозрение». Одним из первых к работам К. Тидмарша обратился советский историк А.Ф. Вовчик, который идентифицировал его как американского исследователя[249]. Другой советский историк В.Н. Костылев в диссертации также назвал К. Тидмарша «американским историком»[250]. Позже данную формулировку подхватили российские историки[251]. Но среди американских историков такой фамилии нам найти не удалось, что, конечно, автоматически не опровергает данные В.Н. Костылева и других

[244] Hare R. A Repentant social revolutionary // The Slavonic and East European Review. Dec., 1958. Vol. 37, No. 88. P. 246.
[245] Маевский В.А. Революционер-монархист: памяти Льва Тихомирова. Новыйсад, 1934. С. 99.
[246] Hare R. Portraits of Russian personalities between reform and revolution. London, 1959. Pp. 260–265.
[247] Op. cit. Pp. 266–293.
[248] Op. cit. Pp. 294–341.
[249] Вовчик А.Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в конце XIX – начале XX ст.: автореф. … док. ист. наук. Киев, 1966. С. 10.
[250] Костылев В.Н. Лев Тихомиров на службе царизма: (Из истории общественно-идейной борьбы в России в конце XIX – начале XX вв.): дис. … канд. ист. наук. М., 1987. С. 19.
[251] См. напр.: Сергеев С.М. Идеология творческого традиционализма в русской общественной мысли 80–90-х гг. XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 188; Пыхарев Ф.Г. Эмигрантский период в жизни и творчестве Льва Тихомирова: дис. … канд. ист. наук. М., 2013. С. 16; Шерстюк М.В. Л.А. Тихомиров: обретение религиозного мировоззрения: дис. … канд. ист. наук. М., 2010. С. 10.

исследователей. Однако, вероятнее всего, автором статьи «Лев Тихомиров и кризис русского радикализма», был английский историк Кирилл Ральф Тидмарш, защитивший в 1956 г. в Оксфорде диссертацию «Исследование русских писателей-реакционеров второй половины XIX в.»[252]. Судя по схожести тематики диссертации К.Р. Тидмарша со статьей 1961 г., посвященной Л.А. Тихомирову, а также совпадению фамилии и имени и отсутствию хронологических противоречий, нам с большей долей вероятности представляется ошибочной точка зрения о принадлежности К. Тидмарша к американской историографии.

В статье К. Тидмарш описал биографию Л.А. Тихомирова и подробно разобрал причины ренегатства, которое, по его словам, было частью «гораздо более широкого кризиса, поразившего русский радикализм»[253]. Одним из проявлений этого кризиса, по мнению английского историка, стало предательство С.П. Дегаева, которое стало психологически тяжелым ударом и поворотным моментом в «интеллектуальном плане» для Л.А. Тихомирова, так как оно проиллюстрировало то, что «революционная среда мало чем отличалась от монархической»[254]. Не менее значимыми причинами он считал материальные проблемы семьи Л.А. Тихомирова в период эмиграции[255] и болезнь сына[256]. В сущности, в представлении К. Тидмарша, уход Л.А. Тихомирова из революции не являлся переменой взглядов, а был переходом на сторону с «прочными основами», которые могли бы «обеспечить решение хронического российского раскола между руководством – будь то царская бюрократия или радикалы – и обществом»[257], а когда он «убедился, что отрицание, выраженное интеллигенцией в революционных теориях и терроризме, не может создать позитивного фундамента для построения социально интегрированного государства, он обратился к той монархии, которая уже существовала, чтобы помочь достичь этой цели»[258]. Поэтому К. Тидмарш считал,

[252] Tidmarsh K.R. A study of Russian reactionary writers in the second half of the nineteenth century. Ph.D. University of Oxford, 1956.
[253] Tidmarsh K. Lev Tikhomirov and a crisis in Russian radicalism // The Russian Review. Jan., 1961 Vol. 20, No 1. Pp. 60.
[254] Op. cit. Pp. 55–57.
[255] Op. cit. P. 57.
[256] Op. cit. P. 58.
[257] Op. cit. P. 47.
[258] Op. cit. Pp. 46–47.

что у Л.А. Тихомирова как в революционном движении, так и в монархический период был единый идеал – «прочная, мощная и независимая Россия, построенная на идеалах исконных традиций, стабильности и справедливости. Когда он уже был революционером, чувствуется, что подсознательно он направлял свою деятельность на создание государства, управляемого благожелательной диктатурой, правящей в интересах всех. Поэтому до тех пор, пока он видел ослабление самодержавия, застой, продажность и некомпетентность в этой форме правления и, главное, до тех пор, пока он видел только слабость в правительственных кругах, он всем сердцем стоял за революционные теории в надежде на свержение существующего государства и создание сильной администрации в соответствии со всеми своими убеждениями о сосредоточенной центральной власти, которая пользовалась бы доверием всего общества»[259]. При этом К. Тидмарш отмечал в одной из сносок, что идеи Л.А. Тихомирова о потребности «в авторитете и презрении к излишней теоретизации» в крайней форме воплотились в фашизме[260].

К. Тидмарш при написании статьи использовал широкий круг источников: номера «Вестника “Народной воли”»[261]; работы Л.А. Тихомирова – «Единоличная власть, как принцип государственного строения»[262], «Почему я перестал быть революционером»[263], «К реформе обновленной России»[264], «Монархическая государственность»[265]; книгу В. Маевского «Революционер-монархист»[266]; «Воспоминания Льва Тихомирова» 1927 г.[267]; опубликованные фрагменты архива Л.А. Тихомирова в советском журнале «Красный архив»[268]; книгу В.Я. Богучарского «Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века»[269]

[259] Tidmarsh K. Lev Tikhomirov and a crisis in Russian radicalism // The Russian Review. Jan., 1961 Vol. 20, No 1. P. 49.
[260] Op. cit. P. 48.
[261] Op. cit. Pp. 48, 50, 54, 56, 58, 61, 62.
[262] Op. cit. P. 49.
[263] Op. cit. P. 50.
[264] Op. cit. P. 61.
[265] Op. cit. P. 62.
[266] Op. cit. P. 52.
[267] Op. cit. Pp. 55, 59, 60, 63.
[268] Op. cit. Pp. 55, 57.
[269] Op. cit. P. 59.

и другие. При этом в статье присутствуют фактические ошибки. Например, К. Тидмарш указал, что Л.А. Тихомиров окончил «Александровскую гимназию в Казани»[270], а на самом деле он учился в Александровской гимназии в Керчи[271]. Также он назвал сына Л.А. Тихомирова «Алешей», хотя его звали Сашей[272].

За год до выхода статьи о Л.А. Тихомирове К. Тидмарш опубликовал другую работу, посвященную российской истории. В статье под названием «Зубатовская идея» он изложил историю создания в дореволюционной России легальных рабочих организаций. Но несмотря на то, что Л.А. Тихомиров также участвовал в решении рабочего вопроса, в статье он даже не упомянут[273].

В 1964 г. в США вышла монография крупного ученого-слависта Эдварда Карла Тадена «Консервативный национализм в России 19 века». Над данной темой американский историк работал с начала 1950-х гг. [274] и даже опубликовал промежуточные результаты исследования в «Американском славянском и восточноевропейском обозрении». В статье под названием «Начало романтического национализма в России» он осветил процесс зарождения и развития российского романтического национализма в период с XVIII в. по 1830-х гг.[275]. В монографии возникновение идеологии консервативного национализма в России Э.К. Таден связал с отменой крепостного права[276] и в качестве иллюстрации привел взгляды многих консерваторов второй половины XIX в., в том числе Л.А. Тихомирова. Несмотря на очень редкие упоминания Л.А. Тихомирова в тексте, Э.К. Таден назвал его последним выдающимся русским консервативным националистом [277] , но при этом упрекнул его в том, что на фоне неудач консервативной мысли в достижении цели объединения русского государства и создания гармоничного, органического единства общества Л.А. Тихомиров «был

---

[270] Tidmarsh K. Lev Tikhomirov and a crisis in Russian radicalism // The Russian Review. Jan., 1961 Vol. 20, No 1. P. 51.
[271] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 230. Д. 8410. Л. 8.
[272] Tidmarsh K. Lev Tikhomirov and a crisis in Russian radicalism // The Russian Review. Jan., 1961 Vol. 20, No 1. P. 57.
[273] Tidmarsh K. The Zubatov Idea // The American Slavic and East European Review. Oct., 1960. Vol. 19. No. 3. Pp. 335–346.
[274] Thaden E.C. Conservative nationalism in nineteenth–century Russia. Seattle, 1964. P. viii.
[275] Thaden E.C. The beginnings of romantic nationalism in Russia // The American Slavic and East European Review. Dec., 1954. Vol. 13, No. 4. P. 502.
[276] Thaden E.C. Conservative nationalism in nineteenth–century Russia. Seattle, 1964. P. 6.
[277] Op. cit. P. 205.

больше заинтересован в стабильности и авторитете российского самодержавного государства, чем в расцвете новой российской цивилизации»[278].

В 1960-е гг. американский историк из Университета Лойола в Чикаго Франклин Артур Уокер занимался изучением революционной деятельности П.А. Лаврова. Исследования Ф.А. Уокера были опубликованы в нескольких статьях: «Мораль революции у Петра Лавровича Лаврова» и «Концепция партии П.Л. Лаврова». В этих публикациях автор уделил внимание, пусть и косвенное, Л.А. Тихомирову. Если в первой статье Ф.А. Уокер ограничился только ссылками на «Воспоминания Льва Тихомирова» 1927 г. [279] , то во второй статье он проанализировал взаимоотношения между Г.В. Плехановым, П.Л. Лавровым и Л.А. Тихомировым по поводу издания «Вестника “Народной воли”»[280].

В 1960-е гг. профессор Калифорнийского университета Ханс Роггер занимался изучением крайне правого политического течения в России в начале XX в. Х. Роггер был специалистом по императорской России и истории еврейского вопроса в России[281]. Такие исследовательские интересы, возможно, были связаны с еврейским происхождением самого историка. В конце 1930-х гг. его родители вместе с ним и братом, опасаясь за свои жизни, были вынуждены была бежать из нацистской Германии в США. Поскольку английский язык не был ему родным, в его научных текстах встречаются предложения, особенности построения которых не характерны для носителей языка.

В 1964 г. в «Журнале Новейшей истории», издаваемого Университетом Чикаго, была опубликована его статья «Был ли русский фашизм? Союз русских людей». Опираясь на представления русских эмигрантов 1920–1930-х гг. о «русском фашизме» и о его дореволюционных корнях, к которым часто причислялись идеологи и защитники «самодержавия, православия и нации», Х. Роггер попытался выяснить, были ли в действительности в Российской империи

---

[278] Thaden E.C. Conservative nationalism in nineteenth–century Russia. Seattle, 1964. P. 181.
[279] Walker F.A. The morality of revolution in Pyotr Lavrovich Lavrov // The Slavonic and East European Review. Dec., 1962. Vol. 41, No. 96. P. 196, 204.
[280] Walker F.A. P. L. Lavrov's concept of the party // The Western Political Quarterly. Jun., 1966. Vol. 19, No. 2. P. 242–244.
[281] Klier J.D. Hans Rogger, 1923–2002 // East European Jewish Affairs, Vol. 32, No. 1, 2002. P. 149.

носители идеологии с признаками фашизма[282]. Американский историк упомянул книгу В.А. Маевского, в которой тот назвал Л.А. Тихомирова идеологом «русского фашизма»[283]. Также Х. Роггер использовал опубликованные в «Красном архиве» фрагменты дневника Л.А. Тихомирова в качестве исторического источника при описании событий Первой российской революции[284]. В частности, он ссылался на дневниковые записи Л.А. Тихомирова для характеристики власти Николая II как слабой: «Лев Тихомиров <...> заметил в феврале 1906 года, что было бы лучше раз и навсегда признать окончательное падение самодержавия, чем бесконечно спорить о его гипотетической неизменности, в особенности после того, как сам император не дал четкого ответа на противоречивые заявления различных политических деятелей»[285]. Именно существование монархии, которую правые политические силы вынужденно поддерживали и защищали от радикализма, по мнению Х. Роггера, исключало возможность совершения национальной революции и установления фашистского режима в России[286].

Другая статья Х. Роггера – «Размышления о русском консерватизме: 1861–1905» была опубликована в 1966 г. в немецком журнале «Ежегодник по истории Восточной Европы», издаваемом Институтом исследований Восточной и Юго-Восточной Европы имени Лейбница, расположенном в Баварии. В этой статье была охарактеризована роль Л.А. Тихомирова как консервативного мыслителя. Х. Роггер выделил три основные формы российского консерватизма, существовавшие в период с 1861 по 1905 гг.: дворянский, бюрократический (или правительственный), панславистский[287]. Х. Роггер считал, что Л.А. Тихомиров был представителем панславистской разновидности русского консерватизма, для которого был характерен отказ от пережитков западного либерализма и социализма как вредных для России течений, а также недовольство простым оборонительным или

[282] Rogger H. Was there a Russian fascism? The Union of Russian People // The Journal of Modern History. Dec., 1964. Vol. 36, No. 4. P. 400.
[283] Op. cit. 4. P. 400.
[284] Op. cit. P. 402, 409.
[285] Op. cit. P. 409.
[286] Op. cit. P. 415.
[287] Rogger H. Reflections on Russian conservatism: 1861–1905 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Juni, 1966. Bd. 14, H. 2. P. 196.

эгоистическим консерватизмом бюрократии и дворянства[288]. Панславистский консерватизм, по мнению американского историка, уходил корнями в славянофильство с присущей ему активностью во внешней политике (в том числе в вопросе поддержки славян), правым популизмом, призванным превратить «петровское государство западного образца в подлинно национальную, подлинно народную монархию, которая решала бы великие вопросы XIX века по-русски и служила бы образцом для остальной Европы»[289]. Главным фактором единения всех русских консерваторов, по словам Х. Роггера, была открытая поддержка самодержавия. При этом Х. Роггер акцентировал внимание на том, что представления об идеальной форме самодержавия у разных русских консерваторов отличались весьма резко: «от жесткого бюрократического абсолютизма до патриархального авторитаризма, от олигархического сословного государства до корпоративного государства Тихомирова, во главе которого, как он надеялся, окажется наследственный диктатор»[290]. Поэтому, по мнению Х. Роггера, несмотря на всеобщую поддержку самодержавия консерваторами, ожидавшими от царей проявления силы и лидерства, российские императоры «неизбежно должны были подвести» их (т.е. не оправдать их ожиданий), так как уж слишком были разнообразны и масштабны предъявляемые к ним со стороны консерваторов требования[291]. В качестве источников Х. Роггер использовал книги Л.А. Тихомирова, изданные в эмиграции: «Монархическая государственность», «Единоличная власть как принцип государственного строения»[292], а также его дневниковые записи, опубликованные в СССР[293].

В более поздней монографии «Россия в эпоху модернизации и революции, 1881–1917» Х. Роггер упомянул Л.А. Тихомирова только один раз. Он сослался на его мнение, зафиксированное в дневнике, о рескрипте Николая II от 18 февраля

---

[288] Rogger H. Reflections on Russian conservatism: 1861–1905 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Juni, 1966. Bd. 14, H. 2. P. 202.
[289] Op. cit. P. 202.
[290] Op. cit. P. 209.
[291] Op. cit. P. 209.
[292] Op. cit. P. 209.
[293] Op. cit. P. 202, 209.

1905 г.[294]. При этом в книге, в именном указателе, допущена ошибка в инициалах Л.А. Тихомирова: у Х. Роггера он обозначен как «Л.Н. Тихомиров»[295].

Обращался к наследию Л.А. Тихомирова и известный в России и на Западе профессор по русской истории Гарвардского университета Ричард Пайпс. Семья Р. Пайпса эмигрировала в США в 1939 г., когда бежала из оккупированной нацистами Польши, а его отец был родом из Львова. Еще в 1964 г. в журнале «Славянское обозрение» он опубликовал статью «Народничество: семантическое исследование», в которой пытался установить происхождение термина «народничество», определить рамки его использования и его содержание. Исследуя данную проблему, американский историк использовал книгу Л.А. Тихомирова «La Russie politique et social», его воспоминания, изданные в СССР в 1927 г., и его статью 1883 г. «Шатание политической мысли» из легального журнала «Дело», где тот публиковался под псевдонимом И. Кольцов[296].

В более поздних работах по истории российского консерватизма Р. Пайпс по каким-то причинам не упоминал Л.А. Тихомирова. В статье 1971 г. «Русский консерватизм во второй половине XIX века» в журнале «Славянское обозрение» он отметил вклад в развитие консерватизма второй половины XIX в. таких деятелей, как И.С. Аксаков, Н.Я. Данилевский, Ф.М. Достоевский, А.А. Григорьев, М.Н. Катков, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев и Ю.Ф. Самарин[297], но он не упомянул Л.А. Тихомирова даже в назывном порядке. Такая же особенность проявилась в его монографиях – «Россия при старом режиме»[298] и «Русский консерватизм и его критики. Исследование политической культуры»[299], в которых также нет ни единого упоминания Л.А. Тихомирова.

В начале XXI в. Р. Пайпс вернулся к исследованию революционного народничества. В 2003 г. он опубликовал монографию, посвященную биографии

---

[294] Rogger H. Russia in the age of modernisation and revolution, 1881–1917. London–New York, 1983. P. 211.
[295] Op. cit. P. 322.
[296] Pipes R. Narodnichestvo: a semantic inquiry // Slavic Review. Sep., 1964. Vol. 23, No. 3. P. 444–445, 451.
[297] Pipes R. Russian conservatism in the second half of the nineteenth century // Slavic Review. Mar., 1971. Vol. 30, No. 1. P. 123.
[298] Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.
[299] Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики. Исследование политической культуры. М., 2008.

С.П. Дегаева[300]. В качестве особенностей этой книги можно указать, что при ее подготовке американский историк использовал не только опубликованные материалы, но и фонды ГАРФ, а также то, что в ней он рассказал биографию С.П. Дегаева периода его жизни в США. И, видимо, на фоне интереса к биографии С.П. Дегаева Р. Пайпс позднее обратился к биографии Л.А. Тихомирова, который, как известно, сыграл ключевую роль в истории дегаевщины.

В 2010 г. в российском журнале «Неприкосновенный запас» вышла его статья «Лев Тихомиров: революционер поневоле». Статья изначально была написана на английском и для публикации в журнале была переведена на русский А. Захаровым при содействии автора. При написании статьи Р. Пайпс пользовался материалами, которые ему предоставил профессор Смитсоновского института Д.Ф. Хардести, защитивший в 1974 г. диссертацию, посвященную Л.А. Тихомирову[301]. При этом Р. Пайпс использовал и новые материалы о Л.А. Тихомирове, которые не были использованы в диссертации Д.Ф. Хардести. Например, Р. Пайпс в статье ссылался на монографию 2004 г. современного российского историка О.А. Милевского «Лев Тихомиров: две стороны одной жизни». В этой статье Р. Пайпс подробно изложил биографию Л.А. Тихомирова «революционного» периода: – от детства до времени ренегатства включительно – с кратким описанием его постреволюционной деятельности. При этом американский историк, с одной стороны, указал, что в его задачи не входило «глубокое погружение в обстоятельства жизни» Л.А. Тихомирова, а с другой стороны, посчитал нужным сделать акцент «на странностях его поступков» и на причинах «внешне необъяснимого разрыва с революционным прошлым», которые игнорировались другими биографами[302].

По утверждению Р. Пайпса, ему удалось обнаружить в мышлении и поведении Л.А. Тихомирова преемственность, которая не была до этого отражена в существующей литературе, и в свете которой разрыв «с радикалами предстает менее резким и менее решительным, нежели это виделось его современникам»[303].

---

[300] Pipes R. The Degaev Affair. Terror and the treason in Tsarist Russia. New Haven–London, 2003.
[301] Пайпс Р. Лев Тихомиров: революционер поневоле // Неприкосновенный запас. 2010. №4 [72]. С. 117–118.
[302] Там же. С. 117.
[303] Там же. С. 117.

Этот плавный отказ от радикализма, по мнению американского ученого, характеризовался не только выходом второго издания книги «La Russie politique et sociale» с новым предисловием, но и статьей 1886 г. «Как живется в России» для «Вестника “Народной воли”», в первоначальном варианте которой Л.А. Тихомиров якобы уже высказывался против террора, но данный фрагмент был убран его соредакторами при публикации в журнале. Рукопись статьи не сохранилась, и об этой истории сообщал сам Л.А. Тихомиров в мемуарах, но Р. Пайпс, ссылаясь на анализ содержания финального варианта статьи, посчитал эту версию правдоподобной[304]. Анализируя причины ренегатства, американский историк в целом согласился с объяснениями самого Л.А. Тихомирова, который утверждал, что в революцию он попал случайно, под влиянием окружения: «Его трагедия заключалась в том, что, увлекшись революционными идеями в юности, потому что ими увлекались все вокруг, внутренне он не был расположен к революционной деятельности – несмотря на то, что писательский талант возвысил его до интеллектуального лидерства в русском революционном движении. <...> Он отвергал насилие, даже сотрудничая с теми, кто его совершал. Он был мягкосердечен, а это представлялось большим недостатком в организации, практикующей террор. В действительности он вообще не любил политику и чувствовал себя комфортнее за письменным столом. Ему следовало стать ученым»[305]. Говоря о внешнем влиянии, Р. Пайпс слишком большое значения придавал отношениям Л.А. Тихомирова с Софьей Перовской, которые, по его мнению, стали причиной глубокого вовлечения Л.А. Тихомирова в революционное движение: «Этот радикализм, по-видимому, был следствием того воздействия, которое Перовская оказывала на его разум и чувства. Тихомиров до сих пор находился под влиянием этой женщины, сделавшей его безоглядным приверженцем терроризма, который не слишком соответствовал его характеру»[306].

[304] Пайпс Р. Лев Тихомиров: революционер поневоле // Неприкосновенный запас. 2010. №4 [72]. С. 145.
[305] Там же. С. 152.
[306] Там же. С. 126.

Однако по форме и содержанию работа Р. Пайпса в значительной степени похожа на статью «Эмиграция и отступничество Льва Тихомирова» американского историка Эбботта Глисона, которая была опубликована намного раньше. Профессор Э. Глисон работал в Институте Ватсона при Университете Брауна. Статью, посвященную биографии Л.А. Тихомирова от детства до периода ренегатства включительно, он опубликовал в 1967 г. в журнале «Славянское обозрение» (до начала 1960-х г. назывался «Американское славянское и восточноевропейское обозрение»). Американский специалист попытался проследить психологические и жизненно-бытовые истоки переворота в мировоззрении Л.А. Тихомирова. Перемена взглядов, как полагал американский специалист, была частью жизненных кризисов Л.А. Тихомирова, и особую роль Э. Глисон придавал его окружению, которое в совокупности с его индивидуальной слабостью как революционера, вынудила его отказаться от революционного движения и перейти в монархический лагерь: «Психика Тихомирова недоступна пониманию историка. Но можно отметить наличие определенных конфликтов между человеком и его окружением. Никто не приходит к мировоззрению через процесс рационального обдумывания: социализм или монархизм, скептицизм или вера – это продукт сложной психической структуры человека, находящегося в столкновении с изменяющейся окружающей средой. Роль Прометея была для Тихомирова невозможна, но он не был “неискренним” или оппортунистом в каком-либо пошлом смысле. Его отречение было частью кризиса в жизни человека, который обнаружил, что его предала действительность. Он был способным и честолюбивым человеком, хотя по меркам революционного движения он был слабым человеком. Но эти стандарты – для немногих»[307]. Э. Глиссон использовал в своей работе огромный комплекс опубликованных источников, в том числе он проанализировал брошюру Л.А. Тихомирова «Почему я перестал быть революционером». Он писал, что в этом «однообразном и бессвязном очерке <…> самые разнообразные доводы в пользу самодержавия чередуются с обличениями в

[307] Gleason A. The emigration and apostasy of Lev Tikhomirov // Slavic Review. Sep., 1967. Vol. 26, No. 3. P. 428.

безграничном, безумном теоретизировании радикальной интеллигенции и глубоко прочувствованными пассажами об узости, деградации и страхе, характерных для революционной жизни. Некоторые из его аргументов были из тех, которые консерваторы, от Берка до славянофилов, собирали для защиты постепенной эволюции древних институтов. В других местах он просто утверждал, что монархия является лучшей формой правления, потому что она наиболее “прочна”, или что она необходима в России из-за ее “незавершенных национальных задач”. Прежде всего “Почему я перестал быть революционером” источает чувство усталости в борьбе, стремление к покорности и миру»[308].

Американский историк хорватского происхождения Ватро Мурвар в 1971 г. в американском «Журнале научного изучения религии» опубликовал объемную статью «Мессианизм в России: религиозный и революционный». В этой работе он проанализировал революционные и религиозно-философские течения в истории России. В описании религиозных характеристик революционного мессианизма В. Мурвар отнес взгляды Л.А. Тихомирова к разделу эсхатологических ожиданий. Он отметил, что для Л.А. Тихомирова «“поиск истины, поиск истинной веры” был одним из самых естественных и логичных требований к революционерам»[309]. В. Мурвар имел в виду, что революционные народники воспринимали себя лидерами и защитниками народа, поэтому и разделяли их ценности. В качестве источника для изучения взглядов Л.А. Тихомирова американский историк использовал только одну книгу «La Russie Politique et Sociale», в которой оригинал приведенной нами выше фразы выглядел следующим образом: «Поиск истины, поиск истинной веры – идея настолько естественная для нашего народа, что наши социалисты иногда использовали ее»[310].

Практически параллельно с возникновением интереса у советских историков к истории рабочего вопроса в России в начале XX в., появились подобные работы и за границей. В 1970-х гг. историки Дмитрий Владимирович Поспеловский и

---

[308] Gleason A. The emigration and apostasy of Lev Tikhomirov // Slavic Review. Sep., 1967. Vol. 26, No. 3. P. 427.
[309] Murvar V. Messianism in Russia: religious and revolutionary // Journal for the Scientific Study of Religion. Winter, 1971. Vol. 10, No. 4. P. 328.
[310] Tikhomirov L. La Russie politique et sociale. Paris, 1886. P. 286.

Иеремия Шнейдерман занимались проблемами «зубатовщины». Канадский советолог Д.В. Поспеловский [311] в монографии «Российский полицейский профсоюз: эксперимент или провокация?» высоко оценил заслуги Л.А. Тихомирова в решении рабочего вопроса в условиях сохранения политических основ Российской Империи. Например, он указывал, что Л.А. Тихомиров в Московском зубатовском обществе был «главным идеологом» и «оставался самым большим энтузиастом в правлении лекционного бюро организации почти до конца движения» [312] . В идеях «социальной солидарности, клерикализма и славянофильства», которые были основой программы Л.А. Тихомирова по решению рабочего вопроса, историк нашел общие черты с тем, что «в наши дни принято называть фашизмом»[313]. При этом Д.В. Поспеловский отметил изначально низкую по объективным историческим причинам пригодность для реализации идеалистической программы его преобразований: «В своих крайностях трудовая программа Тихомирова, пожалуй, представляла собой одну из последних идиллических попыток ввести стабильность и социальное равновесие в нашу динамичную, неуравновешенную, невротическую цивилизацию. <…> Однако эти крайности были обречены на провал, как и все попытки восстановить доктрины, которые противоречат господствующим экономическим, социальным и политическим условиям» [314] . В именном указателе книги допущена ошибка в инициалах – «Тихомиров, Л.К.»[315].

В монографии И. Шнейдермана «Сергей Зубатов и революционный марксизм: борьба за рабочий класс в царской России» также уделено внимание роли Л.А. Тихомирова в решении рабочего вопроса в России в начале XX в. Несмотря на

---

[311] Уральский историограф В.Д. Камынин относит Д.В. Поспеловского к историкам эмиграции (см.: Заболотный Е.Б. Очерки современной историографии истории России с древнейших времен до начала XX века / Е.Б. Заболотный, В.Д. Камынин, И.Г. Шишкин. Тюмень, 2003. С. 290). Однако на наш взгляд, несмотря на тесные контакты Д.В. Поспеловского с отечественной эмиграцией и тот факт, что он печатался на русском языке в изданиях русского зарубежья, правильнее его считать представителем западной исторической науки, так как, во-первых, родился он в 1935 г. на территории Западной Украины, которая тогда была в составе Польши, а во-вторых, во время переезда на Запад был в детском возрасте.

[312] Pospielovsky D. Russian police trade unionism: experiment or provocation? London, 1971. P. 81.

[313] Op. cit. P. 81.

[314] Op. cit. P. 83.

[315] Op. cit. P. 188.

резкую характеристику переворота в мировоззрении Л.А. Тихомирова, И. Шнейдерман так же, как и Д.В. Поспеловский, высоко оценил его вклад в создании и работе легальных рабочих организации, так как он «был, безусловно, самым способным и плодовитым пропагандистом Зубатова»[316].

Одно из самых крупных исследований наследия Л.А. Тихомирова в зарубежной историографии, и к тому же посвященное его монархическим и религиозным взглядам, принадлежит американскому историку Хардести Фон Дуэйну. В рамках диссертации «Лев А. Тихомиров и самодержавный принцип: исследование его консервативной мысли», которую он защитил в 1974 г. в Университете Огайо, он использовал широкий круг источников, среди которых центральное место было отведено «Монархической государственности». Ф.Д. Хардести, в отличие от многих других зарубежных историков, знал о существовании не опубликованной в те годы книги Л.А. Тихомирова «Религиозно-философские основы истории» и упоминал ее в тексте, указывая, что рукописный вариант находился в Центральном государственном архиве в Москве [317] . Американский историк дал высокую оценку монархической философии Л.А. Тихомирова, выделив его на фоне других российских консерваторов и мыслителей: «Среди апологетов самодержавия Тихомиров занимал, пожалуй, уникальное положение в силу своего подхода. Его намерение состояло в том, чтобы обеспечить русскую монархию и родственные ей социальные и политические институты той же идеологической основой, которую марксизм дал социализму. Такая грандиозная задача господствовала в сознании Тихомирова на рубеже веков и достигла своего завершения с выходом в свет в 1904 году четырехтомного теоретического труда “Монархическая государственность”, объединившего историю, социальную психологию, политологию и религиозную мысль» [318] . Неверный год издания книги, видимо, был связан с опечаткой, так как

[316] Schneiderman J. Sergei Zubatov and revolutionary Marxism: the struggle for the working class in tsarist Russia. Ithaca, London, 1976. Pp. 162–163.
[317] Hardesty V.D. Lev A. Tikhomirov and the autocratic principle: a study of his conservative thought. Ph.D. The Ohio State University, 1974. P. 127.
[318] Op. cit. P. 3.

Ф.Д. Хардести пользовался первым изданием «Монархической государственности», вышедшей в 1905 г.[319].

Как и большинство американских историков, Ф.Д. Хардести был склонен больше доверять объяснению причин переворота взглядов, которое высказывал сам Л.А. Тихомиров, а к версиям его бывших товарищей относился скептически. Например, он указывал на то, что «слабость анализа» В.Н. Фигнер, как и большинства оценок революционеров, была связана с ее «безразличием к его интеллектуальному наследию» [320] . Тем более, как отмечал американский исследователь, отдельные аспекты его биографии не могут «умалить исторического значения его творчества»[321]. Ф.Д. Хардести вслед за К. Тидмаршем высказал идею о единой природе причин, приведших Л.А. Тихомирова сначала в революционные организации, а затем к монархии и религии – это поиск прочного фундамента в виде сильного государства, опираясь на которое, можно было бы реализовать глубокие социально-экономические преобразования в России: «Поиски “твердых основ” привели Тихомирова сначала к революции, а затем к самодержавию и православию, как к основам обновления и консолидация русской национальной жизни. Сам поиск, помимо идеологического багажа, обеспечивал нить единства всей политической карьеры Тихомирова» [322] . Обращение Л.А. Тихомирова к религиозной тематике, по мнению Ф.Д. Хардести, было связано не только с его личными религиозными чувствами, но и с отсутствием «реакции самодержавия на программу, которая, по его мнению, была необходима для его выживания», поэтому в «последние годы своей активной общественной жизни в качестве редактора “Московских Ведомостей” (1909–1914), обратил свое внимание на новую, всепоглощающую страсть – сохранение Русской Православной Церкви»[323]. При этом американский исследователь подчеркивал определяющую роль в жизни и в творчестве Л.А. Тихомирова религиозной тематики, которая была стержнем и

[319] Hardesty V.D. Lev A. Tikhomirov and the autocratic principle: a study of his conservative thought. Ph.D. The Ohio State University, 1974. P. 241.
[320] Op. cit. P. 41.
[321] Op. cit. P. 41.
[322] Op. cit. Pp. 238–239.
[323] Op. cit. P. 198.

политико-правовых построений. Даже без анализа работы «Религиозно-философские основы истории» Ф.Д. Хардести сумел выделить в историософских построениях Л.А. Тихомирова фундаментальную роль православной церкви: «Роль Православной Церкви была для него не второстепенной, а центральной, оживляющей силой как в жизни нации, так и в жизни государства. <...> В основе его более широкого представления о национальном обновлении лежало православие, “самый источник нравственности народа”. В финале своей карьеры Тихомиров пришел к осознанию того, что православие – это альфа и омега русской нации» [324] . Признавая всю уникальность монархической концепции Л.А. Тихомирова и ее значимость для российского самодержавия, Ф.Д. Хардести указал и на ее недостатки, связанные с попыткой соединить социально-политическую конструкцию с религиозным принципом: «В своем стремлении интегрировать свою социальную теорию с религией Тихомиров проявил минимальную ясность и точность. Здесь, как нигде, проявились его ограниченные возможности как теоретика и разработчика системы. Затрагивая такие темы, как суверенитет, нация и самодержавный принцип, он в некоторых моментах не смог полностью определить их смысл. Несмотря на эти очевидные недостатки, Тихомиров разработал для самодержавия правдоподобную теорию монархии и программу адаптации, учитывающую современную индустриализацию с ее многообразными социальными и политическими последствиями» [325] . Факт крушения российского самодержавия, по мнению Ф.Д. Хардести, также не может умалять достоинств монархической теории Л.А. Тихомирова, тем более что сама концепция предусматривала возможность эволюции и исчезновения самодержавия в России: «Тихомиров дожил до того, как самодержавие рухнуло под давлением внешней войны и внутренней революции. Это судьбоносное событие резко разрушило политическую альтернативу Тихомирова для развития России, но вовсе не сделало несостоятельной его теорию монархии»[326].

---

[324] Hardesty V.D. Lev A. Tikhomirov and the autocratic principle: a study of his conservative thought. Ph.D. The Ohio State University, 1974. P. 225.
[325] Op. cit. Pp. 232–233.
[326] Op. cit. P. 239.

В описании истории России в «Монархической государственности» Ф.Д. Хардести отметил огромное внимание к личности Ивана Грозного. Он писал, что Л.А. Тихомиров «во всех своих сочинениях отдавал предпочтение Ивану IV, который, по его мнению, воплощал истинный самодержавный идеал» [327] и «рассматривал Ивана IV, Николая I и Александра III как образцовых правителей, сочетавших в своих царствованиях национальный дух и решительную государственную политику»[328]. Иван Грозный действительно второй по частоте упоминаний в третьем томе «Монархической государственности», но Александр III, один из самых почитаемых Л.А. Тихомировым российских правителей, в книге упомянут всего лишь 1 раз, а Николай I только 4 раза[329]. Поэтому данная формулировка американского историка является не совсем точной. Но если брать все творческое наследие Л.А. Тихомирова, то можно найти подтверждение слов Ф.Д. Хардести о Николае I и Александре III. Например, в брошюре «Почему я перестал быть революционером» Л.А. Тихомиров высоко оценил реформу государственных крестьян П.Д. Киселева, отметив в ее реализации положительную роль самого Николая I[330]. Александра III Л.А. Тихомиров считал не только успешным правителем, но и назвал его «носителем идеала» самодержавной власти[331]. Также примечательно его письмо к О.А. Новиковой от 24 октября 1894 г., в котором он выразил свои внутренние переживания и описал всеобщую атмосферу скорби из-за смерти императора. Письмо им было написано на специальном траурном листе с ярко черной жирной линией по периметру и с таким же конвертом. Л.А. Тихомиров сообщал О.А. Новиковой следующее: «Что такое смерть Государя, этого и выразить нельзя. Все измучились, изнервничались. Последнюю минуту – чувствовалось как будто все кончилось[332], весь свет кончился. Но не могу Вам

[327] Hardesty V.D. Lev A. Tikhomirov and the autocratic principle: a study of his conservative thought. Ph.D. The Ohio State University, 1974. Pp. 137–138.
[328] Op. cit. Pp. 85–86.
[329] Ситдиков В.В. Реформы Петра I в оценках Льва Тихомирова // Инновационное развитие профессионального образования. 2020. № 4 (28). С. 148.
[330] Тихомиров Л. Почему я перестал быть революционером. М., 1895. С. 12.
[331] Тихомиров Л. Носитель Идеала // Памяти Императора Александра III. Сборник «Московских Ведомостей». М., 1894. С. 303–311.
[332] Подчеркивания сохранены, как в оригинале письма.

описать всенародного чувства. Это был плач, поклонение, апофеоз. Это было величайшее торжество Государя. Даже те, кто собирался писать “сухие некрологи” не могли не примкнуть ко всем. Вся пресса единодушно с прославлением царя. И вот он как то воскрес, как то вдруг обнаружилось, что он бессмертен. Мы переживаем великую историческую минуту. Я (серьезно говоря) едва мог удерживаться от громкого плача в церкви, где все кругом либо плакали, либо глотали слезы. Но я в то же время чувствовал себя счастливым, что бог дал мне жить в такую минуту»[333].

В 1970–1980-х гг. иностранные ученые продолжили изучать тему революционного народничества. Видимо, на волне этого интереса на Западе в 1974 г. на русском языке был опубликован двухтомник архивных материалов, связанных с деятельностью П.Л. Лаврова и его окружения. Во втором томе были напечатаны и письма Л.А. Тихомирова, например, его письмо М.Н. Ошаниной от 18 марта 1883 г.[334].

Профессор Стэндфордского университета, специалист по современной истории Восточной Европы Норман М. Нэймарк в 1978 г. опубликовал исследование «Рабочая секция и вызов “молодых”: Народная воля, 1881–1884» в журнале «Русское обозрение», который издавался при Университете Канзаса. Н.М. Нэймарк, как и многие американские слависты, хоть и родился в США, но имел корни в Восточной Европе. Его родители, евреи по национальности, жили в Галиции, откуда уехали, вероятнее всего, в 1930-х гг.

Н.М. Нэймарк выбрал для исследования этот период истории «Народной воли», потому что в западной историографии после выхода книги Ф. Вентури о российском народничестве сформировалось представление о мгновенном упадке революционного народничества сразу же после убийства Александра Второго, с чем американский историк не был согласен[335]. Поэтому в этой статье Н.М. Нэймарк

---

[333] РГАЛИ. Ф. 345 Оп. 1. Д. 750. Л. 23а, 23а об., 23б.
[334] Лавров – годы эмиграции: Арх. материалы в 2 т. Т. 2. / Отобрал, снабдил примеч. и вступительным очерком Борис Сапир. Dordrecht; Boston. 1974. С. 98–100.
[335] Naimark N.M. The workers section and the challenge of the «young»: Narodnaia Volia, 1881–1884 // The Russian Review. Jul., 1978. Vol. 37, No. 3. P. 273.

подробно рассмотрел роль Л.А. Тихомирова в «Народной воле» после 1 марта 1881 г. Особенностью исследования Н.М. Нэймарка является использование архивных материалов из фондов ЦГИА[336] и ЦГАОР[337].

Через год швейцарский историк Андреас Каппелер опубликовал статью «Характеристика русских террористов (1878–1887)» в «Ежегоднике по истории Восточной Европы». Целью работы было «как можно более полно охарактеризовать первых российских террористов в статистическом исследовании и через их “коллективную биографию” не только точнее, чем раньше, представить кадровую структуру раннего российского терроризма, но и получить некоторое представление о его предпосылках и движущих силах, его месте в истории российского терроризма»[338]. Это было связано с тем, что А. Каппелер понимал, что без использования новых архивных источников создать уникальное исследование по истории террора революционного народничества невозможно, поэтому он решил исследовать эту тему через призму статистики[339]. Хотя исследование А. Каппелера не предполагало наличия персонализированных характеристик, Л.А. Тихомирова он перечислил наряду с другими участниками «Земли и воли» и «Народной воли», отнеся его к категории «террористической элиты»[340]. А. Каппелер отметил, что многие радикалы прекратили террористическую деятельность и вернулись к легальной жизни, а «два ведущих теоретика Исполнительного Комитета “Народной Воли” (Л.А. Тихомиров и Г.Г. Романенко) стали правыми политическими активистами»[341].

В 1986 г. вышла монография «Русское революционное движение в 1880-е годы» английского специалиста по дореволюционной русской истории, мысли, литературе и русскому языку, Дерека Оффорда из Бристольского университета. В этой книге Д. Оффорд уделил место Л.А. Тихомирову, правда, без какой-либо

[336] Сейчас это фонды РГИА.
[337] Сейчас это фонды ГАРФ.
[338] Kappeler A. Zur Charakteristik russischer Terroristen (1878–1887) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1979. Bd. 27, H. 4. P. 520.
[339] Op. cit. P. 520.
[340] Op. cit. P. 524.
[341] Op. cit. P. 544.

актуализации его трудов и биографии[342]. Даже по ключевому вопросу ренегатства Д. Оффорд ограничился лаконичной фразой в контексте судеб революционеров: «Некоторые из тех, кто когда-то был активными революционерами, покинули подполье и отреклись от своего прошлого. Тихомиров, объяснив свое отступничество в брошюре, написанной в 1888 году, получил царское разрешение вернуться в Россию и начал новую журналистскую карьеру в защиту самодержавия, которое он недавно пытался уничтожить»[343].

Большой вклад в изучение истории российского революционного движения внес японский историк Харуки Вада, чьи работы получили заслуженное признание не только в зарубежной историографии, но и среди российских историков. Х. Вада начал изучать народничество, еще будучи студентом филологического факультета Токийского университета. Его дипломная работа была посвящена истории «Земли и воли» [344] . Продолжая изучать историю революционного народничества, он заинтересовался фигурами шести народников: Л.А. Тихомиров, Н.В. Чайковский, Г.В. Плеханов, В.Н. Фигнер, М.А. Натансон, Н.К. Судзиловский-Руссель [345] . Причем трем из них он посвятил отдельные статьи. Статья «Лев Тихомиров: его духовный мир в последние годы жизни (1913–1923)» была впервые опубликована на английском языке в 1986 г. в Токио, в журнале «Летопись Института социальных наук»[346]. Данная работа была написана Х. Вада на основе глубоко анализа архива Л.А. Тихомирова, что стало возможным благодаря его поездкам в СССР в 1970-х гг. [347] . Основательность, внимание к деталям и историческому контексту в исследовании японского специалиста сопоставимы, если не брать во внимание, конечно, объем самой работы, с защищенной в 1986 г. диссертацией советского историка В.Н. Костылева «Лев Тихомиров на службе царизма: (Из истории общественно-идейной борьбы в России в конце XIX – начале XX вв.)».

---

[342] Offord D. The Russian revolutionary movement in the 1880-s. London–New Rochelle–New York–Melbourne–Sydney, 2004. Pp. 25–26, 30–33, 41, 47–49, 51, 58, 66–68, 79, 85, 106, 127–128.
[343] Op. cit.P. 79.
[344] Вада Х. Путь историка // Вада Х. Политическая история России. Избранные труды. 1960–2017. М., 2018. С. 11.
[345]Там же. С. 11–12.
[346] Вада Х. Лев Тихомиров: его духовный мир в последние годы жизни (1913–1923) // Вада Х. Политическая история России. Избранные труды. 1960–2017. М., 2018. С. 278.
[347] Там же. С. 320.

В статье Х. Вада пришел к выводу, что Л.А. Тихомиров разочаровался в монархии и «приветствовал Февральскую революцию и признал объективную неизбежность Октябрьской революции»[348]. Японский историк сформулировал концепцию о двух мировоззренческих переворотах Л.А. Тихомирова: от революционности к монархизму и от монархизма к принятию революции и признания советской власти в лице большевиков: «За свою жизнь Тихомиров дважды кардинально менял свои политические убеждения: сначала от революционного народничества он перешел к монархизму, а затем от монархизма к принятию обеих революций 1917 г. Несмотря на видимую противоречивость эти двух поворотов, в основе их лежало единое убеждение Тихомирова в том, что лишь сильная власть спасет Россию»[349]. О политических метаниях Л.А. Тихомирова во время революционных событий 1917 г. и в первые годы Советской власти, по мнению Х. Вада, свидетельствовало несколько фактов. Так Х. Вада предположил, что указанный Л.А. Тихомировым в 1922 г. в опросном листе для Комиссии по улучшению быта ученых неизданный труд под названием «Основы государственной власти (переработанные по новому изданию) – около 900 стр.»[350] – это пересмотр «Монархической государственности» для новых социально-политических реалий: «Очевидно, Тихомиров попытался пересмотреть свою раннюю работу о монархическом государстве и создать на ее основе более общее исследование о государственной власти, преимущественно единоличной. Более того, можно предположить, что именно Советское государство во главе с Лениным послужило новым весомым аргументом для пересмотра текста»[351]. Также Х. Вада обратил внимание на то, что Л.А. Тихомиров несколько раз исправлял на обложке своего дневника дату его окончания: первый раз после известия о возможном аресте он указал дату окончания дневника – «8 марта 1917 г.», затем – в июле после очередного решения о прекращении ведения дневника он перечеркнул дату «8

[348] Вада Х. Лев Тихомиров: его духовный мир в последние годы жизни (1913–1923) // Вада Х. Политическая история России. Избранные труды. 1960–2017. М., 2018. С. 313.
[349] Там же. С. 320.
[350] ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 3. Л. 3 об.
[351] Вада Х. Лев Тихомиров: его духовный мир в последние годы жизни (1913–1923) // Вада Х. Политическая история России. Избранные труды. 1960–2017. М., 2018. С. 318–319.

марта 1917 года» и написал – «июль 1917 г.», но позже возвратился к записям в августе и октябре, когда в последний раз зачеркнул предыдущую запись на обложке [352]. В итоге на обложке последней части дневника запись выглядит следующим образом:

«Дневник

1) Дополнительный с 30 апр. 1916 г. по 17 мая 1916 г.

2) Общий с 14 сентября 1916 г. по [зачеркнуто] 1917 года»[353].

Впервые Х. Вада получил отклик на свою статью от российских специалистов в 1996 г., когда Ю. Кирьянов упомянул ее в библиографии к статье о Л.А. Тихомирове в энциклопедии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века»[354]. Но первым, кто основательно ознакомился и оставил свои комментарии на статью японского историка, был исследователь российского консерватизма А.В. Репников. Он в докторской диссертации, защищенной им в 2006 г., дал следующую характеристику статье Х. Вада: «Опираясь на текст Дневника, он удачно выделил пессимистическое начало присущее мировоззрению Тихомирова. К сожалению, при цитировании им был допущен ряд неточностей и искажений (вполне объяснимых в силу объективных причин), попавших впоследствии и в русский перевод книги. Однако, нельзя согласиться с высказанным исследователем предположением, согласно которому Тихомиров «полагал, что монархию могло бы спасти убийство Николая II» [355]. Данная формулировка была продублирована А.В. Репниковым в предисловии к современному изданию «Дневника Л.А. Тихомирова»[356]. Реакция А.В. Репникова на работу Х. Вада инициировала дискуссию между учеными, которая позволила японскому историку правильней понять текст дневника Л.А. Тихомирова[357]. Хотя

[352] Вада Х. Лев Тихомиров: его духовный мир в последние годы жизни (1913–1923) // Вада Х. Политическая история России. Избранные труды. 1960–2017. М., 2018. С. 299, 304.
[353] ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 27. См. обложку.
[354] Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 609.
[355] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX – начала XX веков: дис. … док. ист. наук. М., 2006. С. 57.
[356] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. М., 2008. С. 23.
[357] Вада Х. Лев Тихомиров: его духовный мир в последние годы жизни (1913–1923) // Вада Х. Политическая история России. Избранные труды. 1960–2017. М., 2018. С. 320.

не со всеми критическими замечаниями А.В. Репникова он согласился. Так, в российском переиздании статьи в 2018 г. Х. Вада написал послесловие, в котором попытался все же отстоять свою версию интерпретации одной дневниковой записи Л.А. Тихомирова: «Сравните его цитату с моей цитатой в настоящей статье. В его цитате[358] отсутствовала последняя часть: “Я часто ломаю голову над вопросом, чем можно спасти Монархию?.. Самое главное в том, что Государь не может… переродиться и изменить своего характера… Ну, а при этом… положении можно рухнуть, если не будет какого-нибудь Провиденциального вмешательства”. Не кажется ли естественным для Тихомирова полагать, что спасти Монархию может только Божье вмешательство, и что Божье вмешательство может быть цареубийством? Конечно, Л. Тихомиров содрогнулся, говоря о “Провиденциальном вмешательстве”. Еще жива была память о 1-ом марта 1881 года, но говорить вслух об этом дне ему было нельзя. Тем не менее, что он имел в виду, понятно. Л. Тихомиров был православным, но никак не сторонником Л. Толстого»[359].

В 1989 г. в журнале «Русская история» была опубликована статья «Трансформация русской революционной эмигрантской печати в конце XIX века» американского специалиста по мировым террористическим движениям профессора Мартина Алана Миллера из Дьюкского университета. М.А. Миллер занимался исследованиями русского революционного движения и до выхода этой статьи. В 1976 г. в США вышла его монография, посвященная П.А. Кропоткину[360], а в 1986 г. книга «Русские революционные эмигранты, 1825–1870», которая хронологически завершалась смертью А.И. Герцена[361]. Поэтому статья «Трансформация русской революционной эмигрантской печати в конце XIX века» стала продолжением монографии 1986 г. В статье М.А. Миллер выделил причины изменения русской эмигрантской печати в конце XIX в. В первую очередь, по мнению американского историка, этот процесс был напрямую связан с появлением нового поколения

[358] Имеется в виду А.В. Репникова.
[359] Вада Х. Лев Тихомиров: его духовный мир в последние годы жизни (1913–1923) // Политическая история России. Избранные труды. 1960–2017. М., 2018. С. 320–321.
[360] Miller M.A. Kropotkin. Chicago, 1976.
[361] Miller M.A. The Russian Revolutionary Emigres, 1825–1870. Baltimore, 1986.

революционеров-разночинцев, которые имели совсем другой образ жизни, другие потребности и устремления [362]. Новое поколение революционеров вытеснило народников, чья деятельность была осложнена постоянной нехваткой финансовых средств и постоянным поиском заработка: «Отрезанные от России, оторванные от европейской среды, в которой они жили, они были в некотором отношении интеллектуальным аналогом первого поколения рабочих в России, которые, переехав из деревни в город, уже не были крестьянами и еще не стали пролетариями»[363]. Например, тот же Л.А. Тихомиров до 1884 г. писал статьи за вознаграждение для легального журнала «Дело» под псевдонимом «И. Кольцов», «И.К.», а по воспоминаниям Т.А. Аксаковой-Сиверс, в эмиграции он даже подрабатывал домашним учителем в семье Гастона и Александры Петровны Эшен, преподавая их дочкам – Лине и Саше[364]. Правда, Т.А. Аксакова-Сиверс назвала его по ошибке Александром Ивановичем Тихомировым. На это обратил внимание еще в конце 1980-х гг. Л. Остроумов, который подготовил к публикации фрагменты ее мемуаров для сборника «Минувшее»[365].

Вторую причину М.А. Миллер связывал с кризисом идеологии народничества и банкротством старых стратегий под постоянно усиливающимся давлением полиции, что поставило народничество, потерявшего свою актуальность, перед выбором между либерализмом и марксизмом[366]. Американский ученый присовокупил к этим внутренним сложностям, обостряющимся давлением извне, переход Л.А. Тихомирова в противоположный лагерь, который усилил таким образом тревожные и панические настроения в рядах революционной эмиграции: «Тихомиров пережил затяжной кризис после распада “Вестника Народной воли”. Он был сломлен многолетней изоляцией от Родины, тем, что был чужаком в зарубежных обществах, видел полнейший упадок революционного движения, а

[362] Miller M.A. The transformation of the Russian revolutionary emigre press at the end of the nineteenth century // Russian History. 1989. Vol. 16, No. 2/4. P. 203.
[363] Op. cit. Pp. 203–204.
[364] Аксакова-Сиверс Т.А. Семейная хроника. М. 2020. С. 13.
[365] Т.А. Аксакова. Дочь генеалога. Публикация Л. Остроумова // Минувшее: исторический альманах. 4. М., 1991. С. 78.
[366] Miller M.A. The transformation of the Russian revolutionary emigre press at the end of the nineteenth century // Russian History. 1989. Vol. 16, No. 2/4. Pp. 204–205.

также страдал от ежедневных преследований полиции. Результатом кризиса стал неожиданный поворот, потрясший эмигрантские сообщества <...> Главное не то, что решение Тихомирова было отвергнуто подавляющим большинством эмигрантских сообществ, а то, что беспокойство, которое он проявил, принимая это решение, испытывали многие эмигранты. Однако они по-разному относились к своим страхам, стремясь развеять свои опасения, поддаваясь призывам идеологии и мобилизационному потенциалу, присущему политическим партийным организациям»[367].

В 1993 г. была опубликована монография «Черная сотня: подъем крайне правых в России» британского и американского историка Уолтера Лакера[368], который являлся ведущим западным специалистом по истории России и фашизму. Родился он в еврейской семье в Польше, и, как многие польские евреи, его семья была вынуждена бежать от нацистов в конце 1930-х гг. Сначала они поселились в Палестине, где У. Лакер получил образование и долгое время работал в Иерусалиме журналистом. В середине 1950-х гг. он перебрался в Лондон, где позже возглавил Институт современной истории и Библиотеку Винера, параллельно преподавая в университетах Великобритании и США. В 1992 г. он стал председателем международного исследовательского совета Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне[369].

Книга У. Лакера была переведена на русский язык В. Меникером и вышла одновременно в Москве и Вашингтоне через год после англоязычного оригинала. При переводе книги по каким-то причинам было искажено название: в Москве книга получила название «Черная сотня. Происхождение русского фашизма», а в вашингтонском издании была названа – «Черная сотня. Истоки русского фашизма». То есть вместо «крайне правых», как было в оригинале, появилась формулировка «русский фашизм». На недочеты русского перевода книги указал отечественный историк-тихомировед А.В. Репников, которые обратил внимание не только на

[367] Miller M.A. The transformation of the Russian revolutionary emigre press at the end of the nineteenth century // Russian History. 1989. Vol. 16, No. 2/4. P. 205.
[368] Наст. имя – Вальтер Зеев Лакер.
[369] Laqueur W. Black hundred: the rise of the extreme right in Russia. New York, 1993. P. 318.

искаженное название, но и на ряд фактических ошибок в книге на русском языке[370]. Также А.В. Репников указал на то, что в книге М.О. Меньшиков и Л.А. Тихомиров были названы «литераторами-монархистами», которые начали «свою политическую карьеру с террористами-народовольцами», хотя первый не имел никакого отношения к народовольцам[371]. Причем такая формулировка есть и в издании на английском языке 1993 г.[372]. В книге У. Лакер также акцентировал внимание на слабости русских консервативных писателей того времени цитатой Н. Бердяева: «В 1907 году Бердяев писал, что консервативный литератор – словесная бессмыслица...»[373]. Еще одно упоминание Л.А. Тихомирова в книге связано с историей ритуальных убийств в начале XX в[374].

В 1990-е гг. в Великобритании было защищено несколько диссертаций, касающихся истории революционного народничества. В 1997 г. в Университете Лондона Хелен Сара Уильямс защитила магистерскую диссертацию на тему «Периодические издания русских радикальных эмигрантов во второй половине XIX века». Деятельность Л.А. Тихомирова в работе была рассмотрена в основном в контексте истории публицистической деятельности русской революционной эмиграции[375]. Х.С. Уильямс сделала акцент только на уходе его из революции и отметила те причины перемены его взглядов, которые к моменту написания диссертации уже глубоко укоренились в американо-английской историографии: бытовые трудности в эмиграции, дегаевщина, болезнь сына и религиозное чувство[376]. В своем исследовании она использовала опубликованные в СССР в 1920-е гг. материалы архива Л.А. Тихомирова[377]. При этом в диссертации была допущена грубая ошибка. Х.С. Уильямс писала, что Л.А. Тихомиров после возвращения в Россию служил в Министерстве иностранных дел[378].

---

[370] Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С. 66–67.
[371] Там же. С. 66.
[372] Laqueur W. Black hundred: the rise of the extreme right in Russia. New York, 1993. P. 13–14.
[373] Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994. С. 46.
[374] Там же. С. 242.
[375] Williams H.S. Periodical publishing by Russian radical emigres in the second half of the nineteenth century. MPhil. The University of London, 1997. Pp. 4, 34, 51, 63, 70.
[376] Op. cit. P. 66.
[377] Op. cit. P. 207.
[378] Op. cit. P. 66.

В 1999 г. в Бирмингемском университете Грэхэм Джон Гэмблин защитил диссертацию «Русское народничество и его отношение к анархизму 1870–1881 гг.», в которой в повествовательном ключе осветил участие Л.А. Тихомирова в революционном движении[379]. При этом историк не ссылался на какие-либо работы Л.А. Тихомирова или его архив.

В начале XXI в. английские и американские историки продолжили изучение наследия Л.А. Тихомирова. Например, в 2008 г. в Литве на английском языке была опубликована монография профессора истории Университета Висконсин-Мэдисон Альфреда Эриха Сенна «Русская эмигрантская пресса: от герценовского Колокола до ленинской “Искры”». Сфера его научных интересов сформировалась под влиянием истории его семьи. Его отец до Второй мировой войны жил и преподавал в Литовском университете. В начале 1930-х гг. он переехал с женой в США. Поэтому литовская и русская история всегда были в фокусе его интересов. В книге А.Э. Сенн детально проанализировал историю русской радикальной печати в эмиграции. В книге историк уделил особое внимание фигуре Л.А. Тихомирова[380] и даже одну из частей книги посвятил его мировоззренческому кризису, назвав ее «Агония Льва Тихомирова»[381].

Британский историк Кристофер Эли опубликовал в 2022 г. монографию «Русское народничество». В этой книге он, рассматривая участие Л.А. Тихомирова в революционном движении, отдельно остановился на вопросе ренегатства, которое, по его словам, случилось из-за «психологической потребности в политической вере»[382]. Но опирался историк всего на три книги Л.А. Тихомирова: «Воспоминания Льва Тихомирова» 1927 г., «Почему я перестал быть революционером?» 1895 г. и «Заговорщики и полиция» 1930 г.

В 2025 г. вышла первая в англоязычной историографии монография, в которой всестороннее проанализированы биография и идеи Л.А. Тихомирова.

---

[379] Gamblin G.J. Russian populism and its relations with anarchism 1870–1881. Ph.D. The University of Birmingham, 1999. Pp. 113, 116, 126, 251, 277.
[380] Senn A.E. The Russian emigre press: from Herzen’s Kolokol to Lenin’s Iskra. Kaunas, 2008. Pp. 6, 61, 70, 85–87, 89, 90–97, 104, 111.
[381] Op. cit. Pp. 90–95.
[382] Ely C. Russian populism. London, 2022. P. 178.

Автор книги «Непреходящая загадка Льва Тихомирова» – английский историк Глен Кронин, который обратился к биографии Л.А. Тихомирова не случайно. Еще в годы обучения в аспирантуре Колледжа Королевы Марии в Лондоне Глен Кронин изучал русскую литературу и философию[383]. Первая его публикация была осуществлена в 1990 г. в коллективной монографии «Идеология в русской литературе», в которой он стал автором одной из статей о К.Н. Леонтьеве[384]. В этой статье ни работы Л.А. Тихомирова, ни он сам, английским историком не упомянуты. В 2021 г. Глен Кронин опубликовал монографию «Разочарованный странник: Апокалиптическое видение Константина Леонтьева», в которой подробно рассмотрел биографию и творчество русского философа[385]. В этой книге английский историк особое внимание уделил религиозным взглядам К.Н. Леонтьева и его апокалиптическим воззрениям. Поэтому неудивительно, что следующей темой, к которой обратился Глен Кронин, стала биография и творчество Л.А. Тихомирова, также обращавшегося к религиозным и апокалиптическим вопросам, и становление религиозного мировоззрения которого произошло благодаря общению с К.Н. Леонтьевым. В книге о Л.А. Тихомирове английский историк впервые в зарубежной истории подробно проанализировал одну из последних его работ «Религиозно-философские основы истории», посвятив этому несколько глав, и попытался ответить на ключевой вопрос: «Как революционер, стремившийся к свержению царского государства, в итоге стал монархистом, делавшим все возможное для его сохранения?»[386].

Отдельного внимания заслуживает книга американского историка Лори Манчестер «Поповичи в миру», опубликованная в 2015 г. Л. Манчестер описала закономерности жизненного пути выходцев из духовного сословия, которые в условиях пореформенной России выбрали профессии, отличные от профессии своих отцов. Эти закономерности, считает Л. Манчестер, можно проследить в поведении и мировоззрении «поповичей», которые вне зависимости «от поколения,

---

[383] Ideology in Russian Literature. London, 1990. P. vi.
[384] Cronin G. Konstantin Leont'ev: creative reaction // Ideology in Russian Literature. London, 1990. Pp. 99–115.
[385] Cronin G. Disenchanted wanderer: the apocalyptic vision of Konstantin Leontiev. Ithaca, 2021.
[386] Cronin G. The Enduring Enigma of Lev Tikhomirov. Ithaca, 2025. P. 258–264.

профессиональной принадлежности и политических пристрастий» считали себя «альтернативной интеллигенцией России – “истинной” интеллигенцией, призванной стать духовным лидером страны. Однако единственным признаком, объединявшим членов этой разнородной общности, включавшей и революционеров-большевиков, и монархически настроенных профессоров богословия, отмечает американский историк в своей книге, было духовное происхождение, позволявшее им осознавать себя до известной степени единой группой» [387] . В поколение «поповичей» в своем исследовании Л. Манчестер включила в основном тех выходцев из духовного сословия, которые «родились в период между 1820 и 1870 годами»[388]. Среди 207 «поповичей»[389], чьи биографии были подробно изучены в процессе исследования Л. Манчестер, нет Л.А. Тихомирова. Л.А. Тихомиров не принадлежал в классическом смысле к «поповичам», так как его отец, несмотря на учебу в духовной семинарии, в итоге выбрал профессию военного врача, но сам Л.А. Тихомиров придавал большое значение своему происхождению из духовного сословия. Как он вспоминал, его отец был родом из Тульской губернии и был выходцем «из старинной духовной семьи, с незапамятных времен служившей в Ильинском приходе. Точные семейные воспоминания Тихомировых восходят, впрочем, только до царствования Анны Иоанновны. При ней родился отец Родион, бывший священником в Ильинском. После него там священствовал его сын, Александр Родионович, от которого 8 сентября 1813 года родился мой отец, Александр Александрович. Ильинский приход преемственно оставался в руках рода Тихомировых, не всегда, однако, носивших эту фамилию»[390]. Такие глубокие корни в духовном сословии, вполне вероятно, наложили отпечаток на мировоззрении Л.А. Тихомирова.

Характерные черты поколения «поповичей», описанные американским историком, вполне можно обнаружить и в биографии Л.А. Тихомирова. Например,

---

[387] Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015. С. 8.
[388] Там же. С. 22.
[389] Там же. С. 23.
[390] Тихомиров Л.А. Тени прошлого. Воспоминания. М., 2000. С. 19.

говоря о социальной дифференциации, Л. Манчестер особо выделяет «поповичей» не только с точки зрения противопоставления их дворянско-аристократической интеллигенции, но и с точки зрения того социокультурного вклада, который они внесли в российское общество второй половины XIX – начала XX вв. Так, по ее словам, «поповичи» сохраняли духовные традиции, полученные в семье, на протяжении всей жизни и были проводниками этой части культуры в среде интеллигенции: «Мировоззрение поповичей основывалось на особой (нередко секуляризованной) форме религиозности, и они привносили подобные взгляды в ряды интеллигенции, способствуя становлению современных форм самосознания в рамках интеллигентского этоса. <...> Поповичи воспринимали себя как “аскетов в миру”; они стремились пересоздать окружающий мир, опираясь на образцы, вынесенные из прошлого, основываясь на памяти о детстве, проведенном в среде духовного сословия. В своей профессиональной и политической деятельности дети духовных лиц могли использовать секулярные принципы и идеи, заимствованные из западной культуры, но их самосознание было укоренено в русской церковной традиции» [391] . Особенности этой социальной категории, подмеченные Л. Манчестер, применительно к биографии Л.А. Тихомирова вполне объясняют перемену его взглядов и возвращение в лоно православия. А если обратиться к толкованию его идейной эволюции самим Л.А. Тихомировым, то он считал, что именно православная вера стала ключевым шагом к перемене взглядов.

Также Л. Манчестер отмечала, что представления «поповичей» о своем, особом, месте и исторической роли в российском обществе, разительно отличались от представлений дворянско-аристократической интеллигенции: «Если к радикалам из “благородных” вполне применимо расхожее определение “все революционеры – отцеубийцы”, то поповичи вовсе не жаловались на отчуждение – от своих ли семей, от народа или от собственной среды. Подобное отсутствие кризиса идентичности позволяет объяснить затруднение, с которым сталкиваются многие исследователи истории России второй половины XIX в., пытаясь ответить

[391] Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015. С. 14.

на вопрос: как могли интеллигенты, за которыми закрепилась репутация “отщепенцев”, претендовать на роль лидеров нации? Поскольку сыновья служителей церкви верили, что духовное происхождение делает их поистине “избранным народом”, им казалось вполне естественным провозгласить себя вождями общества» [392] . Такая оценка «поповичей» вполне объясняет и представление Л.А. Тихомирова о своей избранности как в лагере революционеров, так и во время проправительственной деятельности.

Еще одной характерной чертой «поповичей», которую выделила Л. Манчестер, было стремление задокументировать свою жизнь и четко заявить о своем духовном происхождении с описанием родословной, что повлияло на увеличение текстов личного происхождения во второй половине XIX в.: «Вне зависимости от причин обращения к автобиографическому жанру, поповичи использовали мемуары, чтобы показать, насколько духовное происхождение важно для их “коллективной памяти”. Сыновья духовных лиц также боролись за утверждение собственной генеалогии российской интеллигенции, подчеркивая свою роль в развитии национального самосознания и культуры»[393]. Л.А. Тихомиров трепетно и педантично относился к ведению дневника, а в конце жизни занялся написанием воспоминаний, что явно позволяет причислить его к «поповичам».

На эти особенности биографии и воспоминаний Л.А. Тихомирова обращали внимание и его бывшие товарищи-революционеры. Например, А.Н. Бах писал в мемуарах следующее: «Понял я настроения Тихомирова только недавно, когда прочел в его “Воспоминаниях” его родословную, написанную совершенно в стиле “Авраам роди Исаака, Исаак роди Якова, Яков роди” и т. д. Оказывается, что со времени императора Павла в семье Тихомировых прошло более двух сот попов, диаконов и другого церковного люда. Неудивительно, что у него получились такие психические данные, преодолеть которые он не был в состоянии. Но это я узнал теперь, а тогда для меня дело было ясно: Тихомиров одержим религиозной

[392] Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015. С. 18.
[393] Там же. С. 19–20.

манией»[394]. Эти детали отмечала В.Н. Фигнер при знакомстве с мемуарами и дневником Л.А. Тихомирова. В вступительной статье в книге «Воспоминания Льва Тихомирова» она писала, что его родословная, описанная им самим, «представляла ряд лиц духовного звания: священников и дьяконов; на храмовый праздник в село, откуда родом был его отец, съезжались до 40 и более лиц этого сословия», а в сноске она добавила, что читателям нужно «обратить особенное внимание» на эту родословную[395]. На особую важность религии в жизни Л.А. Тихомирова отмечают и отечественные профессиональные историки. Например, на это указывает А.В. Репников: «И, насколько я понимаю, в определенный момент это для него было очень значимо. Как и то, что мать, по семейным преданиям, перед его рождением увидела во сне святителя Митрофана Воронежского, благословляющего ее, и хотела назвать сына в его честь. Отсюда наличие другой “жизни” – духовной»[396].

Западная историография, в отличие от отечественной, в целом развивалась эволюционно, без резких скачков и идеологических трансформаций. Историческая наука стран Восточной Европы, особенно в странах бывшего СССР, в 1990-е гг. пережила идеологический слом, похожий на тот, что произошел в современной России. Работы историков Восточной Европы, в которых затрагивалось наследие Л.А. Тихомирова, отличались либо идеологизированностью, либо заострением религиозной тематики, которая если и присутствовала в трудах западных авторов, то только в качестве дополнения к осмыслению монархической теории.

Подобные процессы были характерны и для Украины. В 2002 г. в Киеве был опубликован очерк Романа Лебедева «Русский монархизм и идеология фашизма: на примере взглядов Л.А. Тихомирова». Автор охарактеризовал политико-правовую теорию Л.А. Тихомирова как «революционный монархизм». По его мнению, «в своей монархической идеологии Л.А. Тихомиров не отбрасывает идею революции, а органически включает эту идею в свой монархизм как составную часть понятия жизнедеятельности. <…> Переосмыслив идею революции, Тихомиров включил ее

---

[394] Бах А.Н. Записки народовольца. М.–Л., 1929. С. 203–204.
[395] Фигнер В. По поводу записок Л. Тихомирова // Воспоминания Льва Тихомирова. М.–Л., 1927. С. XXIV.
[396] Репников А.В. Размышления о русском консерватизме: статьи, рецензии, интервью, воспоминания, библиография. М., 2024. С. 387.

в свою монархическую идеологию. Поэтому здесь можно говорить о революционном монархизме» [397] . При этом Р. Лебедев отождествлял идеи Л.А. Тихомирова с фашизмом. Например, в вопросе характеристики понятия «капитал» и отношений «между капиталом и трудом»[398], а также в представлении о «корпоративной системе построения отношений между нацией и государством» Л.А. Тихомиров, по мнению украинского исследователя, «полностью совпадает с идеями о корпоративном государстве в идеологии и практике фашизма»[399].

На Украине, кроме Р. Лебедева, интерес к наследию Л.А. Тихомирова проявил и киевский священник Евгений Гордейчик. Он опубликовал электронную статью «Творческий консерватизм Льва Тихомирова» на интернет портале Правая.ru. В этой статье Е. Гордейчик сравнил политико-правовые взгляды Л.А. Тихомирова и славянофилов [400] . Статья стала итогом его выступления на конференции, посвященной А.С. Хомякову, проходившей 14–17 апреля 2004 г. в Москве, в Литературном институте им. А.М. Горького. В печатном виде статьи участников конференции были опубликованы в сборнике только в 2007 г.[401].

Религиозно-монархические взгляды Л.А. Тихомирова, имевшего своих последователей среди украинского общества, являлись проводником русского имперского нарратива на территории Украины. Но эта тенденция была характерна для периода до 2014 г. Следов дальнейшего распространения и осмысления литературного наследия Л.А. Тихомирова на территории Украины найти не удалось, возможно, из-за информационной закрытости ее от русского влияния и/или присутствия цензуры в отношении русской культуры в целом.

В 2008 г. Антониной Пантелич и Миролюбом Авдаловичем на сербский язык была переведена «Монархическая государственность», получившая в сербском

---

[397] Лебедев Р. Русский монархизм и идеология фашизма // Лев Тихомиров о русском монархизме и национальной революции. М., 2021. С. 26–27.
[398] Там же. С. 35.
[399] Там же. С. 46.
[400] Гордейчик Е. Творческий консерватизм Льва Тихомирова [Электронный ресурс] // Православно-аналитический сайт Правая.ru. URL: https://www.pravaya.ru/govern/392/653/ (Дата обращения 21.11.2022).
[401] А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: Сб. ст. по материалам междунар. науч. конф., состоявшейся 14–17 апреля 2004 г. в г. Москве в Литературном ин-те им. А.М. Горького. Т. 1 / Отв. ред. Б. Н. Тарасов. М., 2007.

варианте название «Монархия»[402]. Важность такого события заключается в том, что работа Л.А. Тихомирова стала более доступной для широкой публики в Сербии и Черногории, а также потенциально во всех бывших союзных республиках Югославии из-за схожести языков и наличия в их составе сербского населения. Заинтересованные специалисты и до перевода на сербский язык могли обратиться к работе Л.А. Тихомирова на русском языке, но их круг был значительно меньше. Неудивительно, что переведенная на сербский язык книга уже цитируется местными авторами. Например, процитировал это издание сербский политолог Джуро Бодрожич. В статье 2011 г. «Нация и глобализация – идентичность и интерес» он, касаясь вопросов нации, государства и верховной власти, сослался на Л.А. Тихомирова[403], и даже цитату из книги Б. Чичерина «Курс государственной науки» [404] и фрагмент из письма Н.М. Карамзина Александру I [405] он взял из сербского перевода «Монархической государственности».

В 2013 г. защитил докторскую диссертацию по юриспруденции на тему «Российский консерватизм: политико-правовой аспект» сербский правовед Андрей Митич. В своей работе он рассмотрел историю развития русского консерватизма от Н.М. Карамзина до современности, в том числе осветил и политико-правовые идеи Л.А. Тихомирова о природе самодержавной власти, природе права и места личности в его концепции. Диссертация А. Митича не является специализированным исследованием по Л.А. Тихомирову, видимо, поэтому автор ограничился анализом только одного его труда – изданной на сербском языке «Монархической государственности». А раздел о политико-правовой концепции Л.А. Тихомирова получился, скорее, обзорным, о чем свидетельствует и тривиальность сделанных автором выводов: «Став своеобразным “футуристическим” проектом, государственно-правовые взгляды Тихомирова по своей сути революционно-консервативны, воспроизводя напряженность самой

[402] Тихомиров Л. Монархија. Београд, 2008.
[403] Бодрожић, Ђ. Нација и глобализација – идентитет и интерес // Политичка ревија. Година (XXIII) X. vol=28. Бр. 2 / 2011. С. 25–26, 32–33.
[404] Там же. С. 34.
[405] Там же. С. 35.

эпохи, а также неординарную личность Л.А. Тихомирова. Ответы, которые он предлагает, не могут быть взяты в его “данности”, а скорее поняты как “задача”, которая ищет свое творческое восприятие и для нашего времени. Адаптируя славянофильские тезисы о “цельной личности” к новым обстоятельствам, отвергая индивидуализм и коллективизм по следам идеи соборности и, прежде всего, указывая на первенство долга перед волей Бога как ключевой источник всякого права человека, Тихомиров воспроизводит традиционное интеллектуальное наследие русского консерватизма, но также задает ценностные координаты, к которым современное российское государство относится серьезно»[406].

Цитируют Л.А. Тихомирова и сербские православные публицисты. Например, известный сербский православный писатель и деятель церкви М. Йованович в своей книге «Сербские мыслители о христианских основах монархии» назвал Л.А. Тихомирова великим русским теоретиком монархии[407].

Такой интерес к Л.А. Тихомирову и его монархическим идеям в Сербии неудивителен. Югославия и СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг. пережили схожие политические и социально-экономические процессы, закончившиеся распадом многонациональных федеративных государств, самостоятельные части которых начали активное изучение и популяризацию националистических идеологий. В Сербии и России такие устремления привели к активизации монархических идей и формированию монархических организаций, чаще всего выступающих за декоммунизацию, реставрацию монархического строя и за защиту традиционных ценностей.

Появляется научный интерес к наследию Л.А. Тихомирова и в странах Восточной Европы, не проявляющих в своей внешней политике дружелюбия в отношении России. В 2012 г. была опубликована статья сотрудника Ягеллонского университета в Кракове Дмитрия Романовского «От civitas dei к церкви: метаморфозы российской консервативной мысли – от митрополита Антония

---

[406] Митић А. Руски конзервативизам: правно-политички аспект. Докторска дисертација. Универзитет у Нишу. Ниш, 2013. С. 155–156.
[407] Јовановић Хаџи Ђакон Ненад М. Српски мислиоци о хришћанским основама монархије. Београд, 2020. С. 79.

Храповицкого до Льва Тихомирова». В статье польский историк сравнил взгляды митрополита Антония Храповицкого и Л.А. Тихомирова по вопросу о взаимоотношении государства и церкви. Л.А. Тихомиров, по мнению Д. Романовского, был создателем уникальной концепции синтеза церкви и государства, в соответствии с которой государство, чтобы эффективно функционировать, должно опираться на принципы морали, источником которой и является религия[408]. Д. Романовский писал, что «хотя государство лишено каких-либо священных черт, Тихомирову удается сохранить неразрывность отношений между ним и Церковью»[409]. Однако в статье польский специалист опирался всего лишь на три работы Л.А. Тихомирова: «Государственность и религия», «Социальные миражи современности», «Начала и концы. Либералы и террористы», возможно, потому что сфера его научных интересов больше связана с изучением религиозно-философских построений митрополита Антония Храповицкого. Такая особенность прослеживается и в опубликованной в 2013 г. на русском языке монографии Д. Романовского, посвященной Антонию Храповицкому, в которой наследию Л.А. Тихомирова уделено еще меньше внимания, чем в статье[410].

Таким образом, зарубежных исследователей более всего привлекала проблема мировоззренческого переворота и роли Л.А. Тихомирова в революционном народничестве. Данная проблематика получила популярность в заграничных кругах еще при жизни Л.А. Тихомирова. При этом во второй половине XX в. появились работы, в которых осмыслялся вклад Л.А. Тихомирова в решение рабочего вопроса, а также появились исследования с анализом его монархических взглядов и деятельности в последние годы жизни. Интерес американских историков к наследию Л.А. Тихомирова появился в начале 1950-х гг., как правило, в рамках исследований истории революционного народничества, что, кстати, характерно и для большинства других зарубежных историков. Надо отметить, что этот процесс в зарубежной историографии не завершился и по сей день. В начале 1960-х гг. на

---

[408] Romanowski D. Od civitas dei do kościoła: metamorfozy rosyjskiej myśli konserwatywnej – od metropolity Antoniego (Chrapowickiego) do Lwa Tichomirowa // Politeja. 2012. No. 21. P. 40.
[409] Op. cit. P. 43.
[410] Романовский Д. Антоний Храповицкий. Краков, 2013.

Западе наследие Л.А. Тихомирова стало интересовать авторов с точки зрения истории российского консерватизма и национализма, а в 1970-е гг. – также в контексте истории рабочего вопроса в дореволюционной России. В 1974 г. была защищена первая в истории диссертация, посвященная исследованию монархических построений Л.А. Тихомирова. В 2025 г. была опубликована первая англоязычная биография Л.А. Тихомирова, в которой впервые в западной историографии были проанализированы его религиозной-философские взгляды. При этом иностранные специалисты не ограничивались только трудами Л.А. Тихомирова, но использовали в своих трудах опубликованные и даже неопубликованные архивные источники.

Завершая разговор об осмыслении творческого наследия Л.А. Тихомирова в трудах зарубежных исследователей, необходимо отметить, что, как правило, эти исследования развивались параллельно, то есть почти независимо от отечественной историографии. Но есть и примеры научного симбиоза, когда зарубежная и отечественная историографии развивались не только параллельно, но с взаимной концептуализацией накопленного знания. Таким образом, вклад зарубежной историографии заслуживает должного внимания, и его необходимо учитывать при анализе общественно-политических и историософских взглядов Л.А. Тихомирова.

Кроме того, если до 1990-х гг. наследие Л.А. Тихомирова было интересно в основном исследователям из Северной Америки и Западной Европы, то с распадом советского блока к его трудам активно стали обращаться и историки из Восточной и Южной Европы. Что же касается американской историографии, то ее отличительной особенностью является то, что чаще всего дореволюционной историей России, и в частности наследием Л.А. Тихомирова, интересовались те историки, кто либо сам был выходцем из России или из сопредельных с ней территорий, либо кто-то из членов их семей имел связь с Россией, что, конечно же, накладывало свой отпечаток на их взгляды на исторические события.

* * *

С одной стороны, интеллектуальное наследие русской эмиграции и зарубежная историография имеют точки соприкосновения. Во-первых,

иностранные ученые использовали при анализе наследия Л.А. Тихомирова работы русских эмигрантов, особенно часто книгу В. Маевского. Во-вторых, переиздание книг Л.А. Тихомирова эмигрантами расширило источниковедческий потенциал исследований его биографии и творчества. В-третьих, зарубежная историография унаследовала многие тезисы из работ эмигрантов, например, об оценке монархической теории Л.А. Тихомирова как фашистской. В-четвертых, американские и английские историки в период холодной войны включились в антисоветскую идеологическую борьбу, поэтому исследование наследия Л.А. Тихомирова, пусть и не так открыто, как в трудах русских эмигрантов, преследовали цель создания теоретического фундамента, подрывающего советский строй.

С другой стороны, влияние творчества русской эмиграции на зарубежную историографию наследия Л.А. Тихомирова не является столь очевидным, и чаще всего исследования иностранных авторов отличались по характеру работ, хронологии и целям. Во-первых, работы эмигрантов, за исключением нескольких монографий, сложно назвать историческими исследованиями. Исходя из цели антибольшевизма, авторы русского зарубежья выбирали самый доступный для читателя формат – публицистику, чаще всего издавая ее в виде брошюр. Во-вторых, если русская эмиграция до начала Второй мировой войны открыто и иногда даже с гордостью объявляла Л.А. Тихомирова идеологом русского фашизма, то зарубежная историография этот вопрос осмысливала уже во второй половине XX в. В-третьих, нельзя исключать, как минимум в контексте развития американской славистики, и личностного фактора. Несмотря на некоторое влияние эмигрантов первой волны на западную историческую науку, многие американские специалисты были от него свободны, поскольку имели историческую связь с территорией Российской империи, а значит, и собственные представления о ее истории, независимые от идеологических установок белой эмиграции. В-четвертых, зарубежная историография наследия Л.А. Тихомирова, пусть и со снижением темпов, развивается и до настоящего времени. Несмотря на некоторые примеры взаимодействия отдельных иностранных и отечественных историков, мы не можем

не отметить, что зарубежная, как минимум западная историческая наука развивается независимо от российской. При этом интеллектуальное наследие русской эмиграции, наряду с советской историографией, не только влилось в российскую культуру и науку, но и оказало серьезное влияние на идеологию и развитие историографии современной России.

ГЛАВА 2. ОСМЫСЛЕНИЕ НАСЛЕДИЯ Л.А. ТИХОМИРОВА В РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

2.1. Публикация наследия Л.А. Тихомирова в 1920-е – 1930-е гг. и первые попытки его осмысления

В 1920-е гг. начался процесс формирования советской историографии, в которой особое место заняла история революционного движения. С одной стороны, популярность связана с легализацией этого направления исторической мысли и возможностью публикации широкого круга источников. С другой стороны, интерес к теме был связан напрямую с процессом героизации освободительного движения, развитие которого историки пытались свести к приходу к власти большевиков. Осложняло работу над оформлением официального исторического курса наличие разных идеологических направлений и их ответвлений, а также то, что история революционного движения второй половины XIX в. еще не превратилась в настоящую историю, которую исследуют абстрагировано от окружающей действительности, с опорой на исторические источники. В этот период еще были живы свидетели эпохи, которые имели свой взгляд на события прошлого. Но всех их объединяло одно – осуждение и обличение «старого режима». В этой бурлящей исследовательской атмосфере началось осмысление наследия революционера, ренегата и монархиста, Л.А. Тихомирова.

После революционных событий 1917 г. Л.А. Тихомиров окончательно отошел от общественно-политической деятельности и осел в Сергиевом Посаде. Но литературной работой Л.А. Тихомиров продолжил заниматься до конца своих дней. В 1918 г. он окончил книгу «Религиозно-философские основы истории», которая не была опубликована при его жизни. Такая же судьба постигла художественное произведение «В последние дни (Эсхатологическая фантазия)», которое он написал в период Гражданской войны. Свои впечатления о повести описывал в воспоминаниях С.И. Фудель, который был крестником Л.А. Тихомирова. Он отмечал соответствующую тематике атмосферу во время публичного чтения этой

повести в доме Л.А. Тихомирова: «Над темой Апокалипсиса он работал и в последние годы жизни в Сергиеве, написав “Апокалиптическую повесть”, в которой весь сюжет художественного произведения, в том числе взаимоотношения мужчины и женщины, был дан на фоне последних лет жизни мира. Я помню из всего только имя женщины – Лидия и ту обстановку, в которой происходило чтение. Мы сидели в столовой, угощением были какие-то не очень съедобные лепешки и суррогатный чай без сахара. Лев Александрович почему-то пил его с солью. Керосина тоже не было (это был 1918 год), и горели две маленькие самодельные коптилки, освещая на столе больше всего рукопись. Апокалипсис был не только в повести про Лидию, но уже и в комнате»[411]. Вспоминал об этом произведении и родственник Л.А. Тихомирова, поэт и литературный критик Ю.К. Терапиано. Он посетил Л.А. Тихомирова весной 1917 г. и оставил следующие воспоминания: «Я не помню, сколько лет было в 1917 году Льву Александровичу. Почти совсем седой, очень живой и подвижный, энергичный, сухой, оживляясь, он походил на молодого человека. Он работал тогда над книгой об Апокалипсисе, часто ездил в Сергиевский Посад, все время был занят то чтением, то писанием. Порой он мне рассказывал о прошлом – и глаза его загорались; у него появлялся особый блеск в глазах, недаром в свое время, как рассказывал мне отец, товарищи по партии называли Тихомирова “Лев Тигрович”»[412].

Положение семьи Л.А. Тихомирова в эти годы было весьма тяжелым. Это нашло отражение в сохранившемся письме Л.А. Тихомирова от 2 сентября 1920 г. бывшему редактору «Русского обозрения» А.А. Александрову и его жене: «Не мог доселе лично зайти и посему наконец письменно благодарю вас за ваше доброе участие и помощь. Очень полезна эта помощь и очень отрадно участие. Истинные друзья познаются в беде. В беде же познаются и хорошие люди. <…> Хочу посильно помочь вам в другом вашем добром деле – в заботе о вашем нуждающемся священнике. Ведь вы делаете сбор для него. Посылаю мою лепту – пятьсот рублей. Мои средства теперь самые жалкие: что могу. Если разживусь может быть и еще

[411] Фудель С.И. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. М., 2001. С. 62.
[412] Терапиано Ю. Встречи. Нью-Йорк, 1953. С. 9.

прибавлю»[413]. В 1920-х гг. Л.А. Тихомиров даже работал делопроизводителем в Сергиево-Посадской школе имени М. Горького, которая была создана на базе бывшей мужской гимназии. Как позже вспоминал о нем С.А. Волков, который работал учителем в той же школе: «Я был в то время (1921–23 гг.) уже в ней учителем, а “Лев“ или “Карл Маркс“, как, к его огромному неудовольствию, прозвали его ученики, заканчивал там свое жизненное странствование, начавшееся в обстановке “Народной Воли”»[414]. Но этого заработка, видимо, было недостаточно для семьи Л.А. Тихомирова. Материальная нужда вынудила его в 1922 г. зарегистрироваться в Комиссии по улучшению быта ученых (КУБУ) по третьей категории, по которой полагалась денежная выплата и продуктовый паек[415].

Скончался Л.А. Тихомиров в Сергиевом Посаде 16 октября 1923 г. «в своей семье и еще в своем доме на Московской улице (позднее проспект Красной Армии, д. 30), но в большой скудости, почти в нищете»[416]. Это событие стало отправной точкой в активизации интереса к его биографии и творческому наследию.

В 1920-е гг. у исследователей открылась возможность использовать комплекс источников, недоступных в дореволюционное время. Эти материалы начали активно издавать, но, по выражению российского историка народовольчества Г.С. Кана, «уровень анализа, понимания проблем и их осмысления в данный период зачастую резко снижается, что было связано с господством в исторической науке вульгарно-социологических псевдомарксистских схем» [417] . Современный историограф Ю.В. Петричко и вовсе назвала народовольческую историографию этого периода преднаучной стадией накопления знаний по проблеме, так как публикации этого времени являлись «отражением восприятия и мироощущения участников этого революционного движения. В ней сказываются все особые черты преднаучного этапа формирования концепций и точек зрений»[418]. С одной стороны,

---

[413] РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 750. Л. 21.
[414] Волков С.А. Возле монастырских стен. Мемуары. Дневники. Письма. М., 2000. С. 282.
[415] ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 1 об.
[416] Фудель С.И. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. М., 2001. С. 61.
[417] Кан Г.С. «Народная воля»: идеология и лидеры. М., 1997. С. 6.
[418] Петричко Ю.В. Наследие Л.А. Тихомирова в отечественной историографии: дис. … канд. ист. наук. М., 2007. С. 70.

оценки наследия Л.А. Тихомирова уходили своими корнями в революционную публицистику конца XIX – начала XX вв., поэтому историки 1920–1930-х гг. не были их «изобретателями» и отчасти вынуждены были использовать уже готовые концепции. С другой стороны, субъективизм и непрофессионализм части авторов этого периода сказывался на качестве историописания революционного движения. Еще были живы участники самих событий и люди, знавшие лично Л.А. Тихомирова, что накладывало отпечаток субъективности в оценке событий. В этот период активно публиковались бывшие революционеры, которые не были профессиональными историками, и их труды, скорее, можно охарактеризовать как источники личного происхождения. Одновременно началась актуализация истории революционного движения профессиональными историками, которые выступали с разных позиций даже в рамках одной идеологии, что неизбежно приводило к научным дискуссиям. Поэтому при анализе этого периода сложно строго разграничить публицистику и попытки научного осмысления, и точно проследить момент, когда заканчивается источниковедение и начинается историография, и наоборот.

Ю.В. Петричко, используя конкретно-проблемный метод анализа, выделила в своей диссертации четыре ключевых вопроса, которые поднимались в ранней советской историографии наследия Л.А. Тихомирова: 1) дневники и мемуарно-публицистические произведения Л.А. Тихомирова. Их публикации, использование и оценка как исторического источника; 2) роль Л.А. Тихомирова в партиях «Земля и воля» и «Народная воля» и ее оценка; 3) идейно-мировоззренческий поворот Л.А. Тихомирова к монархизму и его оценка; 4) деятельность Л.А. Тихомирова-монархиста и оценка его монархических взглядов [419]. На наш взгляд, такая одноуровневая классификация не отражает в полной мере историографический дискурс, который сложился вокруг фигуры Л.А. Тихомирова в 1920–1930-е гг. Главная проблема в контексте изучения наследия Л.А. Тихомирова, которая поднималась в этот период, – это проблема его ренегатства, а все остальные

[419] Петричко Ю.В. Наследие Л.А. Тихомирова в отечественной историографии: дис. … канд. ист. наук. М., 2007. С. 95.

вопросы являлись производными от нее. Например, чаще всего именно интерес к мировоззренческому повороту Л.А. Тихомирова побуждал исследователей в эти годы обращаться к его дневникам, мемуарам и другим источникам, которые позволяли реконструировать природу его ренегатства.

При этом, надо отметить, что бывшие товарищи Л.А. Тихомирова по революции в силу особенностей своей жизни, насыщенной подпольем, арестами и ссылками, не всегда могли полноценно следить за его деятельностью и творчеством. Тем более после разрыва Л.А. Тихомирова с революционным движением в 1888 г. его личные связи с бывшими товарищами оборвались, и о его дальнейшей деятельности они могли узнать в основном из официальных источников, поэтому большинству из них тяжело было сохранить объективность. Серьезный характер разрыва бывших товарищей с Л.А. Тихомировым иллюстрирует его письмо от 30 марта 1906 г. известному публицисту В.Л. Бурцеву, который оказывал поддержку революционерам. В этом письме Л.А. Тихомиров выразил желание оказать финансовую помощь нуждающимся бывшим товарищам по революционному движению: «Мне тяжело думать. Что такие личные товарищи, очень хорошие по сердцу люди, как например Михаил Фроленко или Михаил Попов и т.д. На старости лет, растратив жизненную силу – нуждаются материально. Есть кое кто, о которых я уверен, что они имеют гораздо больше средств чем я. Но есть такие, о которых я предполагаю, что им живется очень плохо (если нет помощи извне). Я бы хотел, по возможности, помочь таким. Как же это сделать? Можете ли Вы на себя взять это? Вы можете и не говорить им, что это от меня. Ведь они без сомнения такие же непримиримые революционеры, как прежде. <…> Так, говорю я – они может быть и не захотели бы принять помощи от человека, совершенно отрицающего их идеи. Бог с ними, это все равно. Вы можете дать анонимно»[420].

Ренегатство стало чувствительным ударом для революционеров, и в 1920-е г. наконец-то для них открылась возможность «погрузиться в голову» своего бывшего единомышленника Л.А. Тихомирова через его архив, чтобы восполнить

[420] РГАЛИ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 32. Л. 2, 2 об.

фактологическую лакуну в объяснении причин этой метаморфозы. Во время изучения и публикации архива Л.А. Тихомирова исследователи пытались оценить объективность его свидетельств как исторического источника. Степень критичности к материалам часто напрямую зависела от подхода к причинам его ренегатства, которых придерживался исследователь, что влияло и на оценку его деятельности до и после 1888 г. Чем более обличительной была критика его мировозренческого переворота, тем чаще ставилась под сомнение роль Л.А. Тихомирова в революционном движении и более уничижительную характеристику получала его проправительственная деятельность.

Даже опубликованный в провинциальной Сергиево-Посадской газете «Плуг и молот» 20 октября 1923 г. небольшой некролог Б. Кречетова «Смерть Льва Тихомирова», кроме краткого описания революционного прошлого, содержал информацию о его идейном перевороте: «16 октября в 10 ч. утра от воспаления легких умер 80-ти лет Лев Тихомиров <…> Но после 1-го марта 81 года в поведении Льва Тихомирова начали замечаться некоторые странности – это было началом психологического переворота, который сделал: из революционера – монархиста, из атеиста – религиозного ханжу, из социалиста – единомышленника Каткова и Грингмута [421] . Затем мы видим его редактором “Московских Ведомостей”... Последние десять лет Лев Тихомиров провел безвыездно в Сергиеве и даже Великий Октябрь не тронул души его – он продолжал посещать храмы и довольствоваться серыми буднями мещанства и так сошел в могилу, сопровождаемый этим мещанством и сонмом попов»[422].

В 1920–1930-е гг. широкому кругу исследователей были доступны только переизданные работы или новые публикации материалов Л.А. Тихомирова из его личного архива. Доступ к дореволюционным работам Л.А. Тихомирова был, видимо, ограничен, а с другой стороны, его проправительственное творчество не было интересно советским исследователям.

---

[421] Этот фрагмент, видимо, был заимствован у В.Н. Фигнер. См. напр. издание: Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Ч. 1. М., 1922. С. 243.

[422] Цит. по: Репников А.В. «Я… уголек, выпавший из распаявшегося самовара прежней России» (дороги Льва Тихомирова) // Тетради по консерватизму: Альманах. № 1. М., 2020. С. 368.

Одна из первых постреволюционных публикаций наследия Л.А. Тихомирова – это публикация в феврале 1918 г. в журнале «Былое» фрагментов из его переписки с Ольгой Новиковой и А.А. Киреевым. Эта публикация не имеет никакого отношения к архиву Л.А. Тихомирова, так как опубликованные фрагменты его эпистолярного наследия – это частичная републикация дореволюционного «Обзора результатов перлюстрации писем по важнейшим событиям и явлениям государственной и общественной жизни России в 1903 году», который формировался путем просмотра сотрудниками полиции личной пересылаемой корреспонденции. В этом отчете были выдержки из двух писем Льва Тихомирова Ольге Новиковой о посещении Москвы царской семьей[423] и письма А.А. Киреева к нему[424].

В 1923 г. Л.Г. Дейч опубликовал письма Л.А. Тихомирова 1883 г. к П.Л. Лаврову в первом сборнике «Группа “Освобождение труда”»[425]. Л.Г. Дейч усмотрел в этих письмах ложные свидетельства о положении группы «Освобождение труда» в эмигрантских кругах – «будто “во всей заграница” нет “хорошо относящегося к ним человека”», что было, по его словам, неправдой, «посредством которой лидер народовольцев стремился вооружить старого Лаврова против» них, что «ему вполне удалось»[426]. В примечаниях Л.Г. Дейч отметил, что дальнейшая история показала «насколько оправдалась “надежда” этого пророка, что ему с его товарищами предстояло “служить нравственным центром действовавших в России революционеров”, – всем известно, как 5–6 лет спустя, закончил свою политическую карьеру этот вдохновитель террора и член “нравственного центра”, припавший в 1889 г. к стопам одного из самых жестоких деспотов и ставший душителем всего честного, передового в России»[427].

---

[423] Николай II и самодержавие в 1903 г. // Былое. 1918, февраль. № 2 (30). С. 199–200.
[424] Там же. С. 203–206.
[425] Письма Льва Тихомирова к П.Л. Лаврову // Группа «Освобождение труда»: (из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча). Сб. 1. М., 1923. С. 245–255.
[426] Дейч Л.Г. Первые шаги группы «Освобождение труда» // Группа «Освобождение труда»: (из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча). Сб. 1. М., 1923. С. 9.
[427] Письма Льва Тихомирова к П.Л. Лаврову // Группа «Освобождение труда»: (из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча). Сб. 1. М., 1923. С. 255.

В этом же году в журнале «Красная летопись» были опубликованы письма Л.А. Тихомирова к В.К. Плеве, которые хранились в частной коллекции. Письма датируются 7 августа и 4 декабря 1888 г., когда Л.А. Тихомиров уже объявил о перемене своих взглядов и пытался договориться о проправительственной литературной работе, а В.К. Плеве в то время был министром внутренних дел и директором департамента полиции. Еще одно публикуемое письмо было адресовано сыну В.К. Плеве – Николаю Вячеславовичу Плеве и было направлено Л.А. Тихомировым 26 января 1909 г., когда он был редактором «Московских ведомостей». Автор предисловия к этой публикации К. Малахов-Камартин, пытаясь понять причины перемены взглядов Л.А. Тихомирова, обратился к уже опубликованным мемуарам бывших его товарищей. На труды самого Л.А. Тихомирова К. Малахов-Камартин не ссылался и даже не упомянул их, что говорит о том, что они, видимо, не были ему знакомы. К этому времени еще не началась публикация архива Л.А. Тихомирова, но знали ли К. Малахов-Камартин и редакция, во главе которой был историк-большевик В.И. Невский, о его существовании? Скорее всего, К. Малахов-Камартин не знал о нем, так как он даже дату смерти Л.А. Тихомирова указал неверно – 1920 г.[428]. Тем более что журнал «Красная летопись» выходил в Петрограде и московские события вряд ли были на слуху в Северной столице. Так или иначе К. Малахов-Камартин был в курсе перемены взглядов Л.А. Тихомирова и его проправительственной деятельности, и именно этому и посвящена была большая часть предисловия. Но К. Малахов-Камартин не стал самостоятельно выяснять причины ренегатства, а доверился воспоминаниям народовольцев и озвучил две основных версии этой идейной метаморфозы: «Первая, что при шаткости своих революционных взглядов Тихомиров, честно и искрение увлеченный революционным движением, постепенно охладевая, перешел к взглядам прямо противоположным. Вторая – его честолюбие, заставлявшее его всегда стремиться к крупным ролям и заметному положению в тех кругах, где он вращался»[429]. При этом К. Малахов-Камартин

[428] Малахов-Камартин К. Лев Тихомиров и Плеве // Красная летопись. 1923. №7. С. 202.
[429] Там же. С. 200.

считал, что этот поступок Л.А. Тихомирова был искренним и честным, так же, как и «его революционная деятельность» и «работа в правительственном лагере были одинаково честны и искренни», тем более «переход его не был сопровожден обычными выдачами и доносами. Правительство, видимо, в факте его перехода видело такой крупный козырь в борьбе с революционными партиями, что и не пыталось что-нибудь узнать у Тихомирова[430]». Однако, по словам К. Малахова-Камартина, Л.А. Тихомиров, заставший революцию и победу в Гражданской войне большевиков, мог «убедиться в своей ошибке и понять, что та работа, которой он отдал вторую часть своей жизни, никаких результатов не принесла. Творцами жизни оказались партии, а не люди»[431].

Также редакция журнала в примечании обращала внимание читателей на фрагмент из одного письма Л.А. Тихомирова, в котором он сообщал о разочаровании в политических порядках Франции. Этот фрагмент был интересен не потому, что Л.А. Тихомиров критиковал чуждую буржуазную Францию, а потому что его представление, по мнению редакции «Красной летописи», было ошибочным из-за непонимания классового строения общества: «Нам думается, что здесь в этих нескольких строчках, как в капле воды, отражается все то непонимание классового строения общества, которое одно только и дает возможность правильно оценивать события и намечать тактику. Тихомирова, никогда не понимавшего тех пружин, которые в конечном счете двигают общественным развитием, отвратило от революции проявление “народной воли” во Франции, т.-е. те уродливые формы, в какие вылился парламентаризм в этой стране. Нужно было, действительно, быть настоящим буржуа по мировоззрению (хотя бы в революционном некогда), чтобы не понимать и закрывать глаза на то, что народная воля и не выявлялась совсем во Франции в тех установлениях, которые по внешности считались демократическими. Это было не проявление народной воли, а подделка под народное представительство, проявление буржуазной воли» [432] . Данный укор

[430] Малахов-Камартин К. Лев Тихомиров и Плеве // Красная летопись. 1923. №7. С. 201.
[431] Там же. С. 202.
[432] Там же. С. 199.

взглядам Л.А. Тихомирова был отсылкой к дискуссии сторонников русского социализма и представителей научного социализма. Эти письма не входили в так называемый «архив Л.А. Тихомирова».

Позже, в 1929 г., было опубликовано еще одно письмо Л.А. Тихомирова к Н.В. Плеве, датируемое 1 ноября 1913 г.[433]. В этом письме он рассказывал об освещении в прессе дела Бейлиса. Само письмо было найдено при обыске еще в 1917 г. в квартире Н.В. Плеве Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства[434].

Только после смерти Л.А. Тихомирова в 1923 г. исследователи обратились к его архиву. Он сам договорился о передаче своего архива в Румянцевский музей. Об этом свидетельствует его переписка с учреждением, хранящаяся в ГАРФ. В сентябре 1918 г. он отправил письмо в Румянцевский музей с просьбой принять на хранение «двадцать семь переплетенных тетрадей» дневников и записок на особых условиях, в рамках которых право пользования, в том числе полная и частичная публикация, должны были принадлежать ему и его семье[435], и только по истечении 10 лет после его смерти рукописи могли перейти в полное распоряжение самого музея[436]. В ответном письме ученая коллегия Московского и Румянцевского музея известила его о том, что дневник и записки были приняты «на хранение в Отделение Рукописей Музея на условиях, изложенных» в его письме[437].

Одна из самых ценных частей архива Л.А. Тихомирова – это его дневник. Существенным условием при анализе дневника является определение преднамеренности или непреднамеренности его как исторического источника, что влияет на установление объективности отношения автора к тем или иным событиям. Так, Е.М. Мягкова в рецензии на современное издание дневников Л.А. Тихомирова указывает на преднамеренность этих свидетельств: «Это

---

[433] Письмо редактора «Московских ведомостей» Л.А. Тихомирова к Н.В. Плеве, от 1 ноября 1913 г. // Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. Составил А. Черновский. М.–Л., 1929. С. 162–163.
[434] Там же. С. 163.
[435] Л.А. Тихомиров перечислил всех членов семьи: «а) Екатерина Дмитриевна Тихомирова, б) архимандрит Тихон Тихомиров, в) Николай Львович Тихомиров, г) Надежда Львовна Тихомирова и д) Вера Львовна Тихомирова».
[436] ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
[437] Там же. Л. 2.

рассказы, сознательно предназначенные постороннему читателю; все в них (начиная с внешнего вида, заканчивая тщательностью хранения и личной передачей их в Румянцевский музей) выдает неустанную заботу автора о создании определенного мнения у современников или будущих историков»[438]. При этом А.В. Репников не видит ничего подозрительного в том, что Л.А. Тихомиров отдал свой дневник на хранение в Румянцевский музей и в такой сохранности, ссылаясь на традиционно для него трепетное отношение к своим записям[439]. Тем более сам музей был далеко не случайным местом для хранения – он являлся одним из мест концентрации источников личного характера, а в его публичной библиотеке собирались разные коллекции мемуаристики[440].

Не существует параметра, в соответствии с которым было бы возможно абсолютно точно разграничить дневниковые записи на преднамеренные и непреднамеренные, особенно если учесть то, что автор вел дневник с 1883 г. по 1917 г. Поэтому вполне обоснованно возникает вопрос о возможности столь долгий период времени и в строго единой логике вести записи преднамеренного характера. Не отменяет верности этого предположения даже тот факт, что Л.А. Тихомиров уничтожил часть архива эмигрантского периода, который мог скомпрометировать кого-нибудь по возвращении его в Россию. Об этом писал историк-меньшевик Б.И. Николаевский: «В заключение мне хочется поставить в печати вопрос о судьбе архива Т.; я говорю о той его части, которая относится к эмигрантскому периоду его жизни. Этот архив представлял огромный интерес: Т. любил историю движения, интересовался ею и собирал документальный для нее материал. Прибыв в эмиграцию, он завязал сношения со многими из старых эмигрантов, получая от них материалы и уговаривая писать воспоминания. Перед отъездом в Россию он часть своего архива сжег, – но не материалы по истории движения. Эти последние он частью взял с собою, частью, как видно из имеющихся в моем распоряжении неизданных писем Т. к Дебогорию-Мокриевичу, передал этому последнему. В этой

[438] Мягкова Е.М. Научное издание дневников Л.А. Тихомирова. 1915–1917 // Вестник архивиста. М., 2010. №1. С. 307.
[439] Репников А.В. Лев Александрович Тихомиров // Российская история. М., 2008. №2. С. 156.
[440] Источниковедение истории СССР / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1973. С. 396.

последней части была основная масса собранных Т. документов. Было бы желательно, чтобы люди, знакомые с судьбой этой последней части архива Т., рассказали о ней в печати; возможно, что это дало бы нити для поисков»[441].

Советский источниковед Л.Н. Пушкарев отвергал возможность деления источников по принципу преднамеренности – непреднамеренности, так как исследователи считали невозможным скрыть непреднамеренные записи, а потому не может быть источников, носящих характер исключительно только преднамеренных или непреднамеренных[442]. Нам кажется такой подход более правильным. Тем более в целом советские историки в основной массе признавали ценность архива Л.А. Тихомирова как исторического источника об отечественном революционном движении.

Несмотря на договоренности с Румянцевским музеем, практически сразу же после смерти Л.А. Тихомирова началась публикация его архива. К сожалению, причину нарушения договоренностей с музеем установить не удалось. Но, вероятно, это связано с тем, что Л.А. Тихомиров договаривался с руководством Румянцевского музея, а с Центрархивом, куда в начале 1920-х гг. был передан его архив в результате расформирования музея и создания на его базе Государственной библиотеки им. В.И. Ленина[443], таких договоренностей не было. Архив Л.А. Тихомирова был передан в Центрархив в 1924 г., и, как сообщал в 1927 г. в журнале «Архивное дело» В.В. Максаков, основная его часть «будет опубликована в ближайшее время»[444].

В числе первых с этим архивом познакомился один из лидеров советских историков-марксистов М.Н. Покровский. Он ссылался на мемуары Л.А. Тихомирова в посвященном памяти В.И. Ленина докладе «Ленин в русской революции», который был прочитан на публичном заседании Коммунистической академии 2 февраля 1924 г. Называя воспоминания Л.А. Тихомирова

---

[441] Н-ский Б. О воспоминаниях Льва Тихомирова // Каторга и ссылка. Кн. 38. 1928. С. 179–180.
[442] Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 210, 211.
[443] Советская историческая энциклопедия. Т. 12. М., 1969. Стб. 310.
[444] Максаков В.В. Деятельность Центрархива РСФСР и очередные задачи архивного строительства // Архивное дело. 1927. Т. X. С. 23.

«автобиографией», он отметил их ценность в той части, в которой они подтверждали точку зрения В.И. Ленина, считавшего, что основателями конспиративной и террористической тактики были землевольцы, а не народовольцы [445] . При этом М.Н. Покровский также упомянул, что такие свидетельства есть в воспоминаниях В.Н. Фигнер и сразу же извинился «за сопоставление этих двух имен»[446]. Извинения М.Н. Покровского из-за упоминания В.Н. Фигнер и Л.А. Тихомирова в одном предложении указывают на то, что, вероятно, ренегатство было общеизвестным фактом, который не нужно было дополнительно объяснять читателю, а вот исторические частности только открывались для советских историков благодаря активно публикуемой в этот период мемуаристике старых народовольцев, без которой сложно было бы оценить всю полноту революционного процесса в пореформенное время.

Также М.Н. Покровский использовал мемуары Л.А. Тихомирова в своих лекциях, которые он читал на курсах секретарей уездных комитетов РКП (б) зимой 1923–1924 гг. Эти лекции вышли отдельной книгой сначала в 1924 г., а затем были переизданы в 1927 г. В одной из лекций М.Н. Покровский сопоставил свидетельства Г.В. Плеханова и Л.А. Тихомирова о шествии в Санкт-Петербурге ткачей в конце 1970-х гг. к наследнику, будущему Александру III, и пришел к выводу, что «в данном случае особенно обвинять Тихомирова во лжи не приходится»[447]. В целом, М.Н. Покровский считал, что, хотя Л.А. Тихомиров – «знаменитый предатель <...>, перешедший к царизму и за это пощаженный», его свидетельства являются «более или менее достоверными» [448] . И далее он подытожил, что воспоминания Л.А. Тихомирова написаны в «очень объективных тонах», так как они писались «не для печати, а для себя, это его интимные заметки. Там мы найдем прямо восторженную характеристику Александра Михайлова, одного из главнейших землевольцев и народовольцев, про которого Тихомиров говорит, что он был бы, конечно, великолепным министром во всякой другой

[445] Покровский М.Н. Ленин в русской революции // Вестник Коммунистической Академии. № 7. 1924. С. 10–11.
[446] Там же. С. 10.
[447] Покровский М.Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX–XX веков. М.–Л., 1927. С. 62.
[448] Там же. С. 62.

обстановке; очень объективную характеристику Перовской, хотя и не восторженную, но очень объективную, без всяких гадостей и сплетен, так что, я думаю на Тихомирова можно ссылаться»[449].

В 1924 г. в журнале «Красный архив» была опубликована часть архива Л.А. Тихомирова – его воспоминания под общим названием «Эпоха “Земли и Воли”, Исполнительного Комитета и “Народной Воли”», посвященные последним годам деятельности «Земли и воли», статья «Смерть Александра II» и фрагмент из «Теней прошлого» об Исполнительном комитете[450]. Сопровождали публикацию примечания и указатель имен, оформленные В.П. Алексеевым, и предисловие В. Фриче, в котором он охарактеризовал публикуемые источники как архив «известного народовольца, потом ренегата, автора брошюры “Почему я перестал быть революционером”, публициста черного режима, недавно умершего никому не нужным»[451]. Исходя из такой позиции, В. Фриче скептически оценивал ценность приведенных сведений в воспоминаниях Л.А. Тихомирова, но отметил, что «не внося новых крупных данных в наши представления об этом периоде революционного движения», они «представляют некоторый общий интерес»[452]. Тем более, по словам В. Фриче, «при чтении “Воспоминаний” Тихомирова надо, разумеется, помнить, что они в том виде, как сохранились, писались в годы, когда он не только отошел от революционного движения, но и выступал, как ее казенный обвинитель» [453] . Остальные две публикации он назвал «особо стоящими документами», так как приведенный Л.А. Тихомировым список членов Исполнительного комитета Народной воли, несколько отличался от приведенного В. Фигнер в «Запечатленном Труде», а в рассказе об убийстве Александра II В. Фриче увидел слишком много «случайностей» и «фатальностей» этого события [454] . В. Фриче познакомился и с другими материалами архива Л.А. Тихомирова. Например, о дневниковых записях периода

[449] Покровский М.Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX–XX веков. М.–Л., 1927. С. 62–63.
[450] Из архива Л. Тихомирова // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 124–194.
[451] Там же. С. 124.
[452] Там же. С. 125.
[453] Там же. С. 125.
[454] Там же. С. 125.

проправительственной деятельности он писал, что они «не безынтересны в том смысле, что в них то и дело звучит полускрытое признание, насильственно и искусственно подавляемое, что измена делу революции, если и дала ему материальное обеспечение, то внутреннего удовлетворения, по-видимому, не дала»[455].

Крайне резко отреагировала на эту публикацию А.П. Прибылева-Корба. В письме к В.Н. Фигнер 27 марта 1925 г. она писала: «Да, читала я отрывки из воспоминаний Тихомир.[ова] в №6 ”Крас.[ного] Арх.[ива]”. Такой мерзости я все-таки не ожидала! Это насквозь прогнившая душа. Хотя это не мешает мне думать, что все же он страдал слабоумием»[456].

Значительно позже, в 1930 г., историк революционного движения М.А. Поташ, анализируя рассказ Л.А. Тихомирова о «деревенщиках» и «горожанах» из очерка «Эпохи “Земли и Воли”, Исполнительного Комитета и “Народной Воли”»[457], отметил, что «к этим словам Тихомирова надо отнестись с осторожностью. Вряд ли можно провести такую грань между “горожанами” и “деревенщиками” как по линии новых взглядов, так и революционности. Часто они, вероятно, менялись ролями. Среди горожан были и сторонники старых взглядов, а из “деревенщиков” было много революционеров, участвовавших в крупнейших актах “Народной воли”. Но доля правды тут есть. Тогдашняя действительность в деревне еще не благоприятствовала для крупных революционных выступлений»[458].

Воспоминания, названные Л.А. Тихомировым «Тени прошлого», он писал уже в конце жизни, скорее всего, с сентября 1918 г.[459]. Эту книгу он упомянул в списке неизданных работ в опросном листе Комиссии по улучшению быта ученых, который он заполнил в мае 1922 г.:

«<…> т) Основные религиозно философские идеи в Истории, 800 печатн. стран.

---

[455] Из архива Л. Тихомирова // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 125.
[456] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 675. Л. 49.
[457] Из архива Л. Тихомирова // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 160–161.
[458] Поташ М. Народнический социализм. М.–Л., 1930. С. 118.
[459] Л.А. Тихомиров. Тени прошлого. Воспоминания. М., 2000. С. 18.

у) Тени прошлого, очерки, около 700 печатн. стр.

ф) Основы государственной власти (переработанные по новому изданию) – около 900 стр.»[460].

Л.А. Тихомиров боялся не успеть довести работу до финала, поэтому не стал писать воспоминания в хронологическом порядке или в «каком-либо другом систематическом порядке», а решил их выстроить в виде «отдельных эпизодов и картинок», так как на «каждом из этих маленьких очерков легче сосредоточиваться» и «их легче публиковать, чем громадную книгу»[461]. Во время работы над «Тенями прошлого» он находился в Сергиевом Посаде и не имел доступа к необходимой литературе. Хотя, по его словам, он не прибегал «ни к каким литературным справкам» сознательно, так как не собирался писать историю своего времени, а только личные воспоминания, то есть то, «что сохранилось в памяти, и так, как оно сохранилось», потому что «с таким характером эти очерки будут иметь более документальной ценности» и «будет легче их писать»[462].

Такой подход к работе над воспоминаниями он охарактеризовал следующим образом: «Пусть эти “тени прошлого” прилетают ко мне свободно, как им вздумается. Мне легче будет вслушаться в их голос, легче будет записать. Не беда, если что-нибудь “менее важное” захватит мою душу скорее, чем “более важное”. Сказать по правде, для современника даже нелегко решить, что более важно, и из мелочей складываются великие события. Эти мелочи также нужно знать будущему историку. Они составляют фон жизни. <...> Моя же работа пойдет тем легче и скорее, чем менее я буду преднамеренно думать, что важно и что неважно. Раз осталось у меня на душе, значит, для меня имело какую-то психологическую важность, а если имело для меня, то, значит, имеет и для человека вообще»[463].

Нужно отметить, что такая кажущаяся произвольность в подходе к написанию мемуаров не означала легкомысленности или поверхностности. С.И. Фудель оставил воспоминания о его работе над очерками. В них он

---

[460] ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 3. Л. 3 об.
[461] Тихомиров Л.А. Тени прошлого. Воспоминания. М., 2000. С. 18.
[462] Там же. С. 18.
[463] Там же. С. 18.

подчеркивал педантичность и требовательность Л.А. Тихомирова к себе во время работы над очерками: «Потом он переехал в г. Сергиев и, доживая там жизнь, писал “Тени прошлого” – воспоминания о встречах на своем большом пути. Там было много о его прежних соратниках по революции, но была глава, посвященная и моему отцу, с такой характерной для вечно недовольного собой Льва Александровича припиской на полях: “Этот очерк никуда не годится и представляет только материал...”. Он в это последнее время жизни в Загорске, конечно, больше жил в тенях прошлого»[464].

В 1925 г. по материалам «Теней прошлого» отдельным изданием была напечатана брошюра «Плеханов и его друзья». Публикацию брошюры подготовил П.С. Попов, сдав ее в печать в августе 1924 г.[465]. По его данным, брошюру Л.А. Тихомиров написал «уже после 1918 года, т.е. после смерти Плеханова»[466]. Газета «Вечерняя Москва» сообщала, что очерк был написан в 1918 г.[467].

Г.В. Плеханов умер 30 мая 1918 г., но процесс сбора и публикации материалов о нем, видимо, был небыстрый, учитывая сложности периода Гражданской войны и ее последствий, поэтому неудивительно, что эта работа вышла только по прошествии нескольких лет. Издатели, прежде всего, преследовали цель – дополнить биографический образ Г.В. Плеханова новыми документальными свидетельствами, поэтому и обратились к архиву Л.А. Тихомирова. Тем более что публикация очерка Л.А. Тихомирова не была единственной в советской печати, например, в 1922 г. были опубликованы материалы воспоминаний Л.Г. Дейча о Г.В. Плеханове[468], а в 1924 г. были опубликованы воспоминания О.В. Аптекмана о Г.В. Плеханове, написанные им в марте 1923 г.[469]. О важности процесса публикации таких воспоминаний для советского общества свидетельствует то, что уже в июне 1918 г. был создан Комитет по увековечению памяти Г.В. Плеханова, для организации похорон Г.В. Плеханова и пропаганды его литературного наследия.

---

[464] Фудель С.И. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. М., 2001. С. 61–62.
[465] Попов П.С. Предисловие // Тихомиров Л. Плеханов и его друзья. Л., 1925. С. 15.
[466] Там же. С. 9.
[467] Хроника литературы и искусства // Вечерняя Москва. № 204. 8 сентября. 1925. С. 3.
[468] Дейч Л.Г. Г.В. Плеханов. Материалы для биографии. М., 1922.
[469] Аптекман О.В. Георгий Валентинович Плеханов. Из личных воспоминаний. Л., 1924.

Это характерно и для брошюры «Плеханов и его друзья». В предисловии П.С. Попов отметил важность любой новой информации о Г.В. Плеханове, так как значение его фигуры «столь велико для истории русской культуры, а литературная деятельность его, как политического мыслителя, так много дала для развития идеологии русского пролетариата и обоснования марксизма у нас, что в настоящее время приходится дорожить всем, что касается личности этого замечательного человека. Исходит ли такой новый материал от друга или недруга коммунизма, – все, что касается Плеханова, должно быть взято на учет»[470]. При этом он подчеркнул, что личность Л.А. Тихомирова, его ренегатство и деятельность после идеологического поворота с «революционной точки зрения подлежит несомненно вполне отрицательной оценке», но при этом он оговорился, что «в свое время он играл очень выдающую роль и стоял в центре революционных событий», и эти революционные заслуги забывать и преуменьшать нельзя[471].

Анализируя воспоминания о Г.В. Плеханове, П.С. Попов обнаружил «новую черту» постреволюционного творчества Л.А. Тихомирова, в котором даже на фоне оставшихся «националистических и религиозных взглядов реакционной поры» он «старался правдиво изобразить пережитое и былые картины жизни» в более мягком тоне: «Это выгодно отмечает[472] писания Тихомирова последних лет, тут роль критика и аналитика писаний Тихомирова до некоторой степени упрощается. <…> и он подчас умеет подняться над страстностью пережитой борьбы и описывает многое беспристрастно»[473]. Однако, по его мнению, в очерке было допущено четыре типа искажений: 1) ошибки в исторических фактах (многие даты «не точны, иногда спутаны и события, что объясняется отчасти тем, что он жил вдали от книгохранилищ, и богатая литература последних двух лет по истории общественных и революционных движений России осталась им неиспользованной»); 2) идеологический перекос (марксизм для него остался «закоренелым врагом»); 3) замалчивание фактов (он «как будто хочет затушевать

[470] Попов П.С. Предисловие // Тихомиров Л. Плеханов и его друзья. Л., 1925. С. 5.
[471] Там же. С. 6–7.
[472] Видимо, на этом месте должно было быть слово «отличает».
[473] Попов П.С. Предисловие // Тихомиров Л. Плеханов и его друзья. Л., 1925. С. 9–10.

то, что в свое время проходило очень бурно и страстно»); 4) исправление фактов из своей биографии («иногда он хочет выпрямить линию своего поведения и отношения к людям») [474] . Поэтому П.С. Попов считал, что сведения Л.А. Тихомирова требуют корректировки и нуждаются в пояснениях, в том числе с помощью сверки с информацией из других источников[475].

В этом же году в 10-м номере журнала «Пролетарская революция» на брошюру была опубликована рецензия советского историка и партийного деятеля Н.Н. Батурина[476]. Он отметил, что в этой брошюре читатели, знакомые «с нашей последней литературой» ничего нового о Г.В. Плеханове и его товарищах не найдут [477] . При этом, по его словам, биография Г.В. Плеханова, написанная Л.А. Тихомировым, пестрит многочисленными «грубыми искажениями и ошибками», которые были «тщательно исправлены П.С. Поповым в примечаниях, превращающих работу в Тришкин кафтан»[478]. Также Н.Н. Батурин акцентировал внимание на преуменьшении Л.А. Тихомировым роли Г.В. Плеханова в освободительном движении из-за грубого «непонимания марксизма», «отвращения к глубокой убежденности, последовательности и строго научному мышлению»[479]. Не согласился Н.Н. Батурин и с оценкой литературной деятельности П.Л. Лаврова, ум которого Л.А. Тихомиров в брошюре назвал эклектическим. Н.Н. Батурин указывал, что «если П.Л. Лавров, действительно, был эклектиком в теории, то теоретическая и вообще идейная пустота Тихомирова была слишком плохой компенсацией эклектизма Лаврова»[480].

В 1926 г. в журнале «Каторга и ссылка» был опубликован еще один очерк из «Теней прошлого» Л.А. Тихомирова, посвященный Степану Халтурину [481] . Публикация вышла с сопроводительными подстрочными примечаниями

---

[474] Попов П.С. Предисловие // Тихомиров Л. Плеханов и его друзья. Л., 1925. С. 10.
[475] Там же. С. 10.
[476] Наст. фамилия – Замятин.
[477] Батурин Н.Н. Лев Тихомиров, Плеханов и его друзья // Сочинения / Н.Н. Батурин; под ред. А. И. Елизаровой [и др.]; подгот. к печ. М. М. Мальт. – М.–Л., 1930. С. 445.
[478] Там же. С. 445.
[479] Там же. С. 446.
[480] Там же. С. 447.
[481] Тихомиров Л. Тени прошлого. Степан Халтурин. С примеч. М.Ф. Фроленко // Каторга и ссылка. 1926, №4 (25). С. 82–96.

М.Ф. Фроленко, чтобы исправить, по мнению редакции, «фактические неточности, допущенные Тихомировым в его очерке»[482]. Как уточнила редакция журнала, очерк «не отличается полнотой и точностью», но несмотря на все «ошибки, допущенные Тихомировым, и несмотря на недостаточное понимание им личности Халтурина», он «представляет несомненный интерес для истории нашего революционного движения»[483].

В этом же году в журнале была опубликована неизданная записка Л.А. Тихомирова «Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений» [484] . Описанные Л.А. Тихомировым факты не представляли, по мнению автора предисловия Р.М. Кантора, большой ценности, так как были «общеизвестны», но «записка, написанная в конце 1888 г. или, самое позднее, в начале 1889 г., представляет чрезвычайный интерес», так как «дает богатый материал для характеристики одного из бывших вождей “Народной Воли” и дает ключ к пониманию того, как совершалось идеологическое отступление Л.А. Тихомирова, завершившееся полным и неслыханным ренегатством» [485] . Р.М. Кантор считал, что в описании истории революционного движения 1870–1880-х гг. проявился «весь Тихомиров-ренегат», так как написал он ее для «своих читателей (деятелей департамента полиции и царя)» и все приведенные им представления об этом процессе – «его личные взгляды, с которыми не только не приходится согласиться, но и которые сейчас бесцельно оспаривать. Они только доказывают, насколько Л.А. Тихомирову была чужда, настоящая стойкая, революционная идеология, насколько он не мог быть революционером и насколько он им по недоразумению был в годы героической борьбы “Народной Воли”»[486]. Цель этой записки, по словам Р.М. Кантора, была проста и меркантильна: Л.А. Тихомиров пытался показать правительству, что с революцией борьба еще не

[482] Тихомиров Л. Тени прошлого. Степан Халтурин. С примеч. М.Ф. Фроленко // Каторга и ссылка. 1926, №4 (25). С. 84.
[483] Там же. С. 83.
[484] Кантор Р.М. К истории революционного движения 1870–1880-х годов. (Неизданная записка Льва Тихомирова) // Каторга и ссылка. 1926. №3 (24). С. 112–122.
[485] Там же. С. 110–111.
[486] Там же. С. 111.

окончена и он знает метод противодействия ей, поэтому правительство «призвало бывшего вождя “Народной Воли” на помощь в борьбе с “передовым обществом” и вручило ему “Московские Ведомости”, чтобы через эту газету “обрабатывать” общественное мнение», но «законы революции, ее движущие силы» для него оставались «тайной за семью печатями», так как революция «развивалась совсем на другой почве и в другом направлении, чем то казалось подлинному “обывателю” Тихомирову»[487].

В 1927 г. в «Каторге и ссылке» было напечатано письмо Л.А. Тихомирова, которое он написал С.С. Синегубу 9 сентября 1896 г.[488]. В этом письме он попытался объяснить замысел литературного произведения, в котором он хотел «обрисовать психологическую эволюцию двух-трех основных типов “движения” 1870–80-х годов»[489]. В предисловии редакция уточнила, ссылаясь на уже опубликованное в 1925 г. по просьбе Н.А. Чарушина[490] письмо С.С. Синегуба Л.А. Тихомирову[491], что речь в их переписке шла о печатавшихся в «Московских ведомостях» очерках «Пропагандисты»[492]. Авторы предисловия, указывая на повторение некоторых сюжетов из книги «Conspirateurs et policiers»[493], написанной Л.А. Тихомировым на французском языке в эмиграции, отметили важность этих очерков в качестве исторического источника, так как они «гораздо подробнее парижской книжки и менее, чем она, стремятся к занимательности»[494]. Видимо, чтобы уравновесить позицию Л.А. Тихомирова, уже перешедшего во время написания письма на сторону правительства, редакция журнала «Каторга и ссылка» добавила обличающее стихотворение С.С. Синегуба, посвященное ренегатству:

---

[487] Кантор Р.М. К истории революционного движения 1870–1880-х годов. (Неизданная записка Льва Тихомирова) // Каторга и ссылка. 1926. №3 (24). С. 111–112.
[488] Из архива В.Я. Богучарского. I. Лев Тихомиров и С.С. Синегуб; II. Смерть Д.И. Гамова // Каторга и ссылка. 1927. №2 (31). С. 96–98.
[489] Там же. С. 96.
[490] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 817. Л. 13. В письме В.Н. Фигнер от 3 июня 1925 г. Н.А. Чуршин сообщал, что обращался к Б.П. Козьмину с просьбой о публикации этого письма в «Каторге и ссылке». Тот ему пообещал, что письмо будет опубликовано в 3 номере журнала в 1925 г. Но в результате вышло в 4 номере.
[491] Письмо С.С. Синегуба Льву Тихомирову. Сообщил Н. Чарушин // Каторга и ссылка. 1925. № 4 (17). С. 80–85.
[492] Из архива В.Я. Богучарского. I. Лев Тихомиров и С.С. Синегуб; II. Смерть Д.И. Гамова // Каторга и ссылка. 1927. №2 (31). С. 95.
[493] На русском книга была издана в 1907 г. под заглавием «В подполье», а в 1928 г. вышла в СССР с заглавием «Заговорщики и полиция».
[494] Из архива В.Я. Богучарского. I. Лев Тихомиров и С.С. Синегуб; II. Смерть Д.И. Гамова // Каторга и ссылка. 1927. №2 (31). С. 95–96.

«<…>

Святой красой тогда сияли

Твои глаза, твои черты…

А ныне?.. Чувства все увяли,

И ум усох, – и жалок ты!

Как раб главу склонивши долу,

Вошел в языческий ты храм

И воскуряешь произволу

Благоговейно фимиам!..»[495].

В 1927 г. была опубликована книга «Воспоминания Льва Тихомирова», куда вошли ранние дневниковые записи 1889–1895 гг. и его воспоминания. В это издание вошла уже опубликованная в 1924 г. в «Красном архиве» часть воспоминаний Л.А. Тихомирова под названием «Эпоха “Земли и Воли”, Исполнительного Комитета и “Народной Воли”» [496]. Над книгой работала большая команда: предисловие написал В.И. Невский; В.Н. Фигнер опубликовала статью-рецензию, написанную еще в марте 1925 г.[497]; В.П. Алексеев составил указатель и примечания к тексту, а также подготовил материалы к печати; редактором примечаний стал Ш.М. Левин; в работе по расшифровке имен из дневника «некоторое содействие оказал Алексей Николаевич Бах»[498]. Особенностью опубликованной части архива является то, что редакция решила напечатать материалы «не в порядке подлинника, а в хронологическом порядке и во внутренней связи между отдельными частями», так как у самого автора этот период описан фрагментарно и бессистемно [499]. Редакция сознательно выбрала именно эту часть архива Л.А. Тихомирова («четыре тетради “воспоминаний” и две тетради “дневников”»), так как в ней содержалась информация «о революционной деятельности Тихомирова в России и за границей вплоть до его разрыва с революцией и перехода на сторону реакции и о первых его

[495] Из архива В.Я. Богучарского. I. Лев Тихомиров и С.С. Синегуб; II. Смерть Д.И. Гамова // Каторга и ссылка. 1927. №2 (31). С. 98.
[496] Воспоминания Льва Тихомирова. М.–Л., 1927. С. 83–136.
[497] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 154. Л. 37.
[498] От редакции // Воспоминания Льва Тихомирова. М.–Л., 1927. С. XXXIX–XL.
[499] Там же. С. XXXVII–XXXVIII.

годах жизни и деятельности уже реакционером в России»[500]. Книга должна была рассказать читателю историю «жизни и деятельности Тихомирова – революционера-ренегата», написанную его собственными словами[501]. Поэтому воспоминания, по мнению редакции, далеки от беспристрастия, но несмотря на «реакционный привкус» не лишены интереса, так как в работе Л.А. Тихомирова зафиксировано «очень много наблюдений над эмигрантской средой и даются характеристики революционных деятелей на основании близкого знакомства и совместной работы с ними»[502].

В предисловии к книге В.И. Невский, признав важность и интерес к публикуемым материалам, критически отнесся к достоверности воспоминаний Л.А. Тихомирова, посчитав, что тот «в своих воспоминаниях неправильно, неверно, как в кривом зеркале, отражает свое прошлое и прошлое своих товарищей»[503].

Статья В.Н. Фигнер «По поводу записок Л. Тихомирова» была посвящена идеологическому перевороту Л.А. Тихомирова и его причинам, объяснение которых она условно разбила на два противоположных полюса: «Заболел психически» и «Всегда можно было ожидать», то есть версии, выдвинутые самой В.Н. Фигнер и ее товарищем Н.А. Морозовым во время нахождения в Шлиссельбургской крепости в заключении в начале 1890-х гг.[504].

«Воспоминания Льва Тихомирова» вызвали неоднозначную реакцию. М.Ф. Фроленко в отзыве на книгу писал, что она произвела «впечатление двойственности и вместе с тем хитрости», в ней «умалчивается обо многом»[505]. Двойственность Л.А. Тихомирова, по его словам, выражалась, например, в том, что всю революционную деятельность «он называет мальчишеством, а когда начинает рассказывать о чем[-то], то выходит далеко не мальчик и т.д. Словом, когда он вспоминает, что он отошел от революции и должен ее хаять, он употребляет тогда

[500] От редакции // Воспоминания Льва Тихомирова. М.–Л., 1927. С. XXXVII.
[501] Там же. С. XXXVII.
[502] Там же. С. XXXIX.
[503] Невский В. Герой политического безвременья // Воспоминания Льва Тихомирова. М.–Л., 1927. С. IV.
[504] Фигнер В. По поводу записок Л. Тихомирова // Воспоминания Льва Тихомирова. М.–Л., 1927. С. XXII.
[505] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 891. Л. 1.

и подходящие выражения, но, начавши рассказывать, забывает это, и у него, если выбросить эти враждебные выпады, получается иногда очень хорошая картина»[506].

Книга сразу же получила отклик в советской периодике. В этом же году в журнале «Историк-марксист» вышла рецензия Е.А. Мороховца, склонявшегося, скорее, к меньшевистским взглядам. В ней автор высоко оценил как саму публикацию материалов архива Л.А. Тихомирова, так и содержание воспоминаний и дневника, представляющих, по его мнению, «очень большой исторический и психологический интерес»[507]. Е.А. Мороховец, отметив в целом субъективный характер жанра мемуаров, не согласился с позицией В.И. Невского о преднамеренном искажении Л.А. Тихомировым воспоминаний в свою пользу: «И нужно отдать справедливость автору воспоминаний: его рассказ, действительно, если и не “бесстрастен” (его личное отношение к людям и событиям видно очень определенно), то в общем все же достаточно беспристрастен и правдив, и с той оценкой, которую дает воспоминаниям Тихомирова В.И. Невский, утверждающий, что в них “все почти пристрастно, все – негодование, все – желание очернить прошлое и обелить свое ренегатское настоящее” (стр. XXI), – никак нельзя согласиться»[508].

Также в 1927 г. в журнале «Пролетарская революция» на «Воспоминания» была опубликована рецензия С.Н. Валка. Почти половину своей рецензии он посвятил оценке помещенных в книгу статей В.И. Невского и В.Н. Фигнер. Эти статьи, по его словам, хоть и названы по-разному (первая – «предисловие», вторая «вступительная статья»), однако «тематически и литературно» являются однородными, поэтому их «терминологическое расчленение» непонятно[509]. Разница, по утверждению С.Н. Валка, заключалась лишь в том, что В.И. Невский хотел «осветить вопрос исторически, В.Н. Фигнер – психологически»[510]. При этом он не согласился с точкой зрения В.И. Невского на природу ренегатства

[506] Цит. по: Шемякина О.В. Тихомиров и его воспоминания в восприятии «старых народовольцев» // Исторический архив. 2022. №4. С. 118.
[507] Мороховец Е. Воспоминания Льва Тихомирова // Историк-марксист. 1927. №6. С. 281.
[508] Там же. С. 281.
[509] Валк С. Воспоминания Льва Тихомирова // Пролетарская революция. 1927. №8-9. (67–68). С. 430.
[510] Там же. С. 430.

Л.А. Тихомирова. По словам С.Н. Валка, если «Плеханов исходил из народничества, то В.И. Невский пытался доказать легкость перехода тем, что народовольцы и либералы – одно и то же, и что именно отсюда горе», но такое представление «противоречит всем народовольческим документам»[511], тем более «весьма сомнительно, чтобы мнимый либерализм народовольцев был повинен в злосчастии Тихомирова, и мы думаем, что Плеханов, которого цитирует и В.И. Невский, ближе к истине» [512] . Также С.Н. Валк высказал претензии к В.П. Алексееву и Ш.М. Левину из-за того, что в книге были смешаны источники разных типов (дневниковые записи и воспоминания) с неоправданным их чередованием[513]. Публикуемые материалы С.Н. Валк оценил положительно, считая их ценнейшим историческим источником, который точно заинтересует историков, так как это «документ, значение которого выходит за выше очерченные рамки социально-психологической контроверзы[514], да и вообще за рамки одного лишь биографического значения. Принадлежащая перу одного из деятелей, которые пережили всю эпоху семидесятых и восьмидесятых годов, она тем самым должна в качестве исторического источника при изучении этой эпохи казаться одним из ценнейших документов» [515] . Такая высокая оценка публикации архива Л.А. Тихомирова относилась к дневнику и воспоминаниям, однако не во всей их совокупности, а в отдельных их частях, а потому она зависела от времени создания и от хронологического периода, который они освещали. Так, по словам С.Н. Валка, отличительной чертой печатаемых дневников является то, что содержательно они максимально автобиографичны, что привело к сужению фактического содержания, а по форме они более напоминают аналитические записки, поэтому они не выстроены в единое повествование, что затрудняет «их свободное чтение», но это только говорит в «пользу их критической оценки, увеличивая достоверность сообщаемого и ослабляя стилистический покров изложения» [516] . Но разные

[511] Валк С. Воспоминания Льва Тихомирова // Пролетарская революция. 1927. №8-9. (67–68). С. 430.
[512] Там же. С. 431.
[513] Там же. С. 433–434.
[514] Речь идет о мировоззренческом повороте Л.А. Тихомирова.
[515] Валк С. Воспоминания Льва Тихомирова // Пролетарская революция. 1927. №8-9. (67–68). С. 431.
[516] Там же. С. 431–432.

хронологические периоды дневника имеют разную историческую ценность, так, например, «получаем в их первой части не очень богатый, но точный материал для изучения истории народовольческой эмиграции и ее сношений, вскоре прерванных, с Россией[517], вторая же часть его[518], преимущественно чисто личная, отчасти литературная и еще менее политическая, представляет гораздо меньший интерес»[519]. При этом на мемуарных очерках, по мнению С.Н. Валка, также сказалось влияние времени: когда Л.А. Тихомиров их писал, его политические «колебания гораздо более сказались в стиле», чем «в передаче им исторических фактов, которые он нигде не искажает»[520], и более того, он «изображает все же только те факты, которые имели место, и не изображает тех, которые в природе не существовало»[521]. Поэтому, как считал С.Н. Валк, «критически преодолевая иронизирующий его стиль, мы в его записях 1891 г. найдем ценнейший источник. Еще большее значение написанных в 1898 г. записок о “Земле и воле” и “Исполнительном комитете”. После “Запечатленного труда” В.И.[522] Фигнер это едва ли не самое ценное в мемуарной народовольческой литературе»[523].

Б.И. Николаевский, пребывавший с 1922 г. в эмиграции, в 1928 г. опубликовал рецензию на «Воспоминания Льва Тихомирова» в журнале «Каторга и ссылка». В отличие от Е.А. Мороховца и С.Н. Валка, он считал, что книга не имеет большой ценности, так как в ней нет ничего «нового для решения основных вопросов, стоящих в настоящее время перед историками тех лет, она дает очень мало, – во всяком случае, много меньше, чем ждет читатель от человека, давшего окончательную редакцию программе Исполнительного Комитета партии “Народная Воля”. Самой характерной чертой этих воспоминаний является то, что в них вообще почти ничего не говорится о событиях центрального для понимания эпохи значения, – о моментах, сыгравших решающую роль в определении

[517] Речь идет о записях с 1883 по 1889 гг.
[518] Речь про дневниковые записи периода 1889–1895 гг.
[519] Валк С. Воспоминания Льва Тихомирова // Пролетарская революция. 1927. №8-9. (67–68). С. 432.
[520] Там же. С. 432.
[521] Там же. С. 433.
[522] Так у С.Н. Валка.
[523] Валк С. Воспоминания Льва Тихомирова // Пролетарская революция. 1927. №8-9. (67–68). С. 433.

характера движения»[524]. Также он критически отнесся к исторической цельности мемуаров, обвинив автора в преднамеренном замалчивании основополагающих страниц истории революционного движения: «Объяснить эту особенность воспоминаний Т. причинами случайного порядка, свести ее к общей незаконченности воспоминаний было бы большой ошибкой: слишком упорен автор в своих умолчаниях. Для него самая обычная вещь, – очень живо и даже выпукло начав рассказ с частностей, с событий второстепенного значения, затем вдруг скомкать его и совсем оборвать, как только он подходит к событиям более крупным; именно так он поступает в рассказах и о кружке “чайковцев”, и об эпохе “Земли и Воли”, и о событиях зарубежной жизни, – времени разрыва народовольцев с “Черным Переделом”. У читателя, который попробует под этим углом зрения пересмотреть воспоминания Т., не может не остаться впечатления, что не отрывочность и незаконченность воспоминаний была причиною молчания автора о событиях центрального значения, а как-раз наоборот, – как-раз в нежелании или прямой боязни автора говорить о событиях центрального значения следует искать объяснения того, почему воспоминаниям так и суждено было остаться незаконченными, хотя автору и хотелось их писать»[525]. Но с точки зрения рассмотрения частных эпизодов истории революционного движения мемуары Л.А. Тихомирова, по мнению Б.И. Николаевского, могли быть интересными и полезными: «Но, давая в высшей степени мало для понимания общей картины движения, для освещения (даже в отношении чисто фактическом) центральных, узловых моментов в его развитии, рассказы Т., тем не менее, представляют не малый интерес, поскольку дело касается частностей, вопросов второ- и третьестепенного значения. Никогда не будучи глубоким и оригинальным мыслителем (в сущности Т. все время, – и в левом, и в правом лагере, – был не самостоятелен, одинаково плывя в фарватере чьих-нибудь чужих идей), Т. в своих статьях всегда обнаруживал хорошую наблюдательность: умение пристально всматриваться в окружающее и окружающих, способность правильно подмечать

[524] Н-ский Б. О воспоминаниях Льва Тихомирова // Каторга и ссылка. Кн. 38. 1928. С. 174.
[525] Там же. С. 174.

типичные для этого окружающего черточки, верно формулировать типичные настроения. <…> Он не говорит в них о главном, но все частные наблюдения, которые он сообщает, отмечены им живо и даже ярко и представляют несомненный интерес для историка, – для характеристики революционной среды той эпохи, для обрисовки ее быта, для понимания обликов отдельных ее крупных и мелких представителей, для знакомства с отдельными сторонами их работы. Во всем этом он всегда дает интересные, порою и прямо значительные детали и черты, существенно дополняющие то, что было известно по соответствующему вопросу ранее»[526].

В 1928 г. были изданы воспоминания Н.К. Буха, ценность которых заключалась, по словам автора предисловия Ф. Кона, в том, что сам автор в них «отступает на далекий план, в то время как на первый план выступает та среда, в которой ему приходилось действовать, вначале – чиновничья, а затем студенческая, крестьянская, революционная»[527]. Познакомившись с «Воспоминаниями Льва Тихомирова», Н.К. Бух был поражен эпизодом, в котором Л.А. Тихомиров рассказал о том, что с 1877 г. всюду носил с собой образок св. Митрофания в качестве талисмана. Этот факт не был известен Н.К. Буху, так как Л.А. Тихомирову удавалось хранить образок втайне от товарищей: «Мы в то время не подозревали этой роковой слабости Тихомирова, которого ценили, главным образом, как литературную силу. Образок же свой Тихомиров так ловко хранил, что никто из товарищей этого талисмана его не заметил»[528]. Поэтому «Воспоминания Льва Тихомирова» стали для его товарищей не только инструментом реконструкции его биографии, но и источником для детализации своих собственных воспоминаний и ощущений от личных взаимоотношений с ним.

Несмотря на ряд критических замечаний, которые вызвала публикация книги «Воспоминания Льва Тихомирова» и о которых мы упомянули выше, ее появление сыграло важную роль в процессе исследования истории революционного движения

[526] Н-ский Б. О воспоминаниях Льва Тихомирова // Каторга и ссылка. Кн. 38. 1928. С. 175.
[527] Бух Н.К. Воспоминания. М., 1928. С. 3.
[528] Там же. С. 189.

в России. В этом, на наш взгляд, главная ее ценность. Но такую оценку разделили не все историки в 1920–1930-х гг., возможно, ввиду огромного потока новых источников. Книга стала настольной для отечественных и даже зарубежных исследователей, которые хотели прикоснуться к биографии Л.А. Тихомирова и его окружению, но не имели возможности по разным причинам ознакомиться с его архивом вживую. Уже в довоенный период вышли работы, авторы которых активно использовали и ссылались на нее: например, А. Кункль – в монографии «Долгушинцы»[529], Ш.М. Левин, работавший с архивом Л.А. Тихомирова, – в книге про Д.А. Клеменца[530], а М.С. Балабанов – в «Очерке истории революционного движения в России», в котором он ссылался на «Воспоминания Льва Тихомирова» как на достоверный исторический источник. В одной из глав он процитировал фрагмент из воспоминаний о начале 1870-х гг.[531], в котором Л.А. Тихомиров рассказывал о делении революционного движения на «образованников», считавших «необходимым развивать и вырабатывать людей в образованном классе, и на народников, настаивавших на том, что «выработку и пропаганду следует перенести в народ. В рабочую среду»[532]. Кроме того, М.С. Балабанов процитировал слова А.И. Желябова о задачах социально-революционной партии[533], которые впервые изложил Л.А. Тихомиров в биографии А.И. Желябова, написанной им еще в 1880-х гг.[534]. Однако есть сомнения, что М.С. Балабанов использовал в качестве первоисточника саму книгу «Воспоминания Льва Тихомирова», так как данная цитата публиковалась в советской литературе еще до выхода книги М.С. Балабанова. Например, идентичная цитата фигурирует в статье Н.Н. Батурина «Группа “Освобождение труда”», опубликованной еще в 1923 г.[535].

[529] Кункль А.А. Долгушинцы. М., 1933. С. 55, 64.
[530] Левин Ш.М. Дмитрий Александрович Клеменц. Очерк революционной деятельности. М., 1929. С. 95.
[531] Балабанов М. Очерк истории революционного движения в России. Ч. 1. Л., 1929. С. 70.
[532] Воспоминания Льва Тихомирова. М.–Л., 1927. С. 60.
[533] Балабанов М. Очерк истории революционного движения в России. Ч. 1. Л., 1929. С. 109.
[534] Тихомиров Л.А. Андрей Иванович Желябов: [1 (13) марта 1881 года]. Carouge-Geneve, 1899. С. 36.
[535] Батурин Н. Группа «Освобождение труда» // Возникновение Социал-демократии в России и ее первые шаги: юбилейный сборник материалов и статей (к 25-летию Р.К.П.). Гомель, 1923. С. 30

В 1928 г. публикация архива Л.А. Тихомирова продолжилась. В «Красном архиве» были изданы его воспоминания об эмиграции[536], которые дополняли книгу «Воспоминания Льва Тихомирова» подробностями переговоров Л.А. Тихомирова с представителем «Священной дружины» Н.Я. Николадзе и Л.А. Тихомирова с С.П. Дегаевым. История переговоров «Священной дружины» и «Народной воли» вызвала огромный интерес редакции, так как это были «показания одного из самых близких свидетелей этого события» и потому являлись «ценнейшим историческим источником» [537] . Воспоминаниям о дегаевщине, по словам редакции, Л.А. Тихомиров «уделяет сравнительно мало места», но они тоже представляют «чрезвычайный интерес»[538]. Предисловие к этому изданию, которое подготовил В.В. Максаков, дает понимание того, что редакция была в курсе существования рукописи «Религиозно-философских основ истории», которая «была почти целиком закончена» и находилась «в переданном Центрархиву личном архиве Тихомирова» [539] . Но ее подробное рассмотрение в этот период вряд ли было возможно из-за убежденности исследователей в том, что религиозно-философские представления Л.А. Тихомирова – это представления «мракобеса и ханжи» [540] . Видимо, по горячим следам данной публикации в последнем номере 1928 г. вышло сообщение П. Садикова «К истории освобождения Н.Г. Чернышевского», в котором история переговоров «Священной дружины» с Исполнительным комитетом «Народной воли» была дополнена деталями переписки графа П.П. Шувалова и Н.Я. Николадзе [541] . При этом детали переговоров были известны по опубликованным воспоминаниям самого Н.Я. Николадзе[542].

В этом же году в журнале «Каторга и ссылка» М.Ф. Фроленко опубликовал статью, в которой вернулся к анализу и критике воспоминаний Л.А. Тихомирова. История попытки освобождения П.И. Войнаральского, описанная М.Ф. Фроленко,

---

[536] Неизданные записки Л. Тихомирова // Красный архив. 1928. Т. 4 (29). С. 139–174.
[537] Там же. С. 142.
[538] Там же. С. 142.
[539] Там же. С. 140.
[540] Там же. С. 140.
[541] К истории освобождения Н.Г. Чернышевского. Сообщил П. Садиков // Красный архив. 1928. 6 (31). С. 214–219.
[542] Николадзе Н. Переговоры священной дружины с партией «Народной воли» в 1882 г. Петроград, 1917.

должна была дополнить и исправить искажения рассказа этой истории Л.А. Тихомировым, так как тот «не имел, однако, оказывается, ясного представления о нем и смешивает, поэтому, всех участников в одну кучу, не выделяя тех, кто именно фактически делал попытку, от тех, которые так или иначе участвовали вообще лишь в предприятии»[543]. М.Ф. Фроленко лично участвовал в вооруженном нападении с целью освобождения П.И. Войноральского[544].

Также в 1928 г. в «Каторге и ссылке» были опубликованы фрагменты писем Л.А. Тихомирова к А.С. Суворину 1888–1890 и 1904–1907 гг. с комментариями историка Н.А. Бухбиндера[545]. Из писем периода 1888–1890 гг. Н.А. Бухбиндер выделил только одно, которое содержало политические вопросы и потому имело «большой интерес для характеристики Тихомирова. В нем он совершенно порывает со своим революционным прошлым и оплевывает его. С цинизмом, свойственным только ренегату, Тихомиров отзывается о своих прежних товарищах-революционерах. Он теперь – крайний монархист»[546]. Второй период, по мнению автора сопроводительных пояснений, давал еще более интересный портрет «былого революционера-террориста», который в переписке «выступает, как типичный обыватель. Недостатки государственного строя он видит исключительно в плохих чиновниках. И брюзжит и ропщет на них, считая, что своей бездарной деятельностью они приближают гибель самодержавия»[547].

В этом же году под редакцией В.И. Невского и его ученика П.И. Анатольева в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Революционное движение в России в мемуарах современников» была выпущена книга Л.А. Тихомирова «Заговорщики и полиция», которая была написана им еще в эмиграции в 1887 г. на французском языке под названием «Conspirateurs et policiers». Но за основу был взят не французский вариант, а переведенная на русский язык версия 1907 г., вышедшая

---

[543] Фроленко М.Ф. Попытка освобождения Войноральского 1 июля 1878 г. (по поводу «Воспоминаний» Л. Тихомирова) // Каторга и ссылка. 1928. № 4. С. 82.
[544] Фроленко М.Ф. Записки семидесятника. М., 1927. С. 7.
[545] Бухбиндер Н.А. Из жизни Л. Тихомирова. По неизданным материалам // Каторга и ссылка. 1928, №12 (49). С. 59–70.
[546] Там же. С. 62.
[547] Там же. С. 64.

под названием «В подполье. Очерки из жизни русских революционеров 70–80-х гг.» [548] . В этом произведении Л.А. Тихомиров осветил революционную деятельность народников в 1870-х гг. Автором предисловия к изданию книги 1928 г. стал все тот же В.И. Невский, давший позитивный отзыв на данную публикацию: «Воспоминания Л. Тихомирова, первоначально изданные по-французски, принадлежат к числу таких произведений, которые нельзя назвать в точном смысле этого слова мемуарами, ибо, с одной стороны, художественный талант автора несколько видоизменяет действительность, впрочем, не искажая ее, а с другой, близкое и активное участие автора в описываемых событиях дает ручательство в том, что даже за художественным изображением кроется истина, самая подлинная жизнь с ее беспощадной логикой и бесстрастием»[549]. В. Невский сам объяснил читателям, в чем причина такой его оценки: «Почему, могут спросить однако читатели, вы даете воспоминания того Л. Тихомирова, который впоследствии стал ренегатом? Прежде всего потому, что воспоминания Тихомирова написаны им еще тогда, когда изменником революции он не был; потому, что они написаны красочно и живо; потому, что он сам тогда, в 70-е годы, играл активную роль в революции»[550].

После выхода книги в периодической печати появились рецензии, которые содержали критику как в адрес автора, так и в адрес редакции. Например, М. Горбунов обвинил В.И. Невского в том, что тот назвал текст Л.А. Тихомирова «воспоминаниями» и «мемуарами», хотя на самом деле мемуарный характер в книге носят «всего две-три главы (из 9), остальные же вовсе не мемуары, а очерки, писанные по документам, если же из этих очерков некоторые, напр., 2-й и 3-й, носят мемуарный характер, то при ближайшем рассмотрении оказывается, что они не принадлежат Тихомирову» [551] . Поэтому, если бы редакция провела более тщательный анализ глав «Заговорщиков и полиции», то «едва ли бы не оказалось, что все они написаны либо с чужих слов (а, может быть, и по чужим записям), либо

[548] Тихомиров Л. В подполье. Очерки из жизни русских революционеров 70–80-х гг. СПб., 1907.
[549] Тихомиров Л.А. Заговорщики и полиция. М.–Л., 1928. С. 3.
[550] Там же. С. 4.
[551] Горбунов М. Л. Тихомиров Заговорщики и полиция // Каторга и ссылка. 1928. 12 (49). С. 184.

по документам партийного архива...» [552] . Несамостоятельность книги Л.А. Тихомирова выражалась, по словам М. Горбунова, не только в заимствовании материала, но и в подражании книге С.М. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия»: «Степняк писал свои очерки по-итальянски, а Тихомиров – по-французски. <...> У Степняка взята главным образом эпоха “хождения в народ” и период “Земли и воли”. У Тихомирова из 9-ти глав не менее 6-ти трактуют тоже о до-народническом периоде. <...> У Степняка есть глава “Два побега” (побег Кропоткина и побег Стефановича и Дейча), у Тихомирова “Побег” Грачевского. У Степняка говорится об “укрывателях” в последних главах, у Тихомирова, в параллель к этому, о Клеточникове, который тоже был “укрывателем” в известном смысле. Степняк рассказывает о типографии “Земли и воли”, Тихомиров о типографии в Северном переулке. Степняк дает ряд характеристик, “революционных силуэтов”, есть они и у Тихомирова, в том числе о Халтурине (гл. VIII “Взрыв в Зимнем Дворце”)» [553] . Однако, если «Подпольная Россия» С.М. Степняка-Кравчинского – «классическое произведение, яркое, талантливое, насквозь пропитанное революционным энтузиазмом и заражающее им читателя», то «Заговорщики и полиция» – «ординарна в литературном отношении, хотя создавалась по великим образцам»[554]. Причина такого разительного отличия двух произведений, по мнению М. Горбунова, заключалась в том, что Л.А. Тихомиров писал книгу уже «на пороге своего ренегатства», поэтому на ней «лежит печать заметного утомления, и вся она, в прямое отличие от Степняка, который весь – порыв и вдохновение, писана как бы нехотя, по заказу, к тому же наполовину чужими руками», тем более, «сделавшись ренегатом, он потерял этот талант, так как с гнилью талант не мириться»[555]. Именно такой характер книги представляет, по словам М. Горбунова, большой интерес для биографов, так как «Тихомиров слишком охотно давал в этой книжке слово другим вместо себя, а еще охотнее сам шел по пути, проложенному другими, в данном случае “Подпольной Россией”

[552] Горбунов М. Л. Тихомиров Заговорщики и полиция // Каторга и ссылка. 1928. 12 (49). С. 185.
[553] Там же. С. 184.
[554] Там же. С. 184.
[555] Там же. С. 184.

Степняка. Это снимало с него необходимость тщательно продумывать как детали, так и общее построение своей книжки, снова переживать то, что уже потухло в его груди»[556].

Рецензию книге дал в 1929 г. и С.Н. Валк. Но, в отличие от М. Горбунова, С.Н. Валк не увидел влияния на текст «назревавшего поворота», приведшего Л.А. Тихомирова «в лоно самодержавия»[557]. Формат произведения, по мнению С.Н. Валка, Л.А. Тихомировым был выбран сознательно, чтобы подстроиться под публику, у которой такой жанр был крайне популярен: «Рассчитанная на французскую публику, на занимательное и увлекающее чтение, книжка Тихомирова явилась рядом этюдов, которые связывала общность темы, но которые Тихомиров нарочно, очевидно, не связывал никакой композиционной общностью. Книжка его не была ни воспоминаниями, последовательно развивающими канву повествования, ни прагматическою историею народнического периода. Она была выдержана в формате этюдов, в излюбленном жанре французской читающей публики»[558]. Не увидел С.Н. Валк попыток Л.А. Тихомирова «пойти прямо по уже проторенному пути и механически скомпоновать нужную для пропаганды книжку»[559], наоборот, как считал С.Н. Валк, Л.А. Тихомиров «отнесся довольно строго к своему труду, и некоторые главы сопровождал прямыми указаниями на их значение, либо на их источник»[560]. Более того, С.Н. Валк отметил достоинства и пользу этой книги для читателя, так как Л.А. Тихомиров «дает ряд бытовых зарисовок, которые прекрасно воспроизводят различные стороны жизни и борьбы революционеров-семидесятников. Читатель, мало знакомый и даже совсем незнакомый с семидесятыми годами, найдет в чтении книжки Тихомирова, быть может, побудительный мотив для более глубокого ознакомления с эпохой. С этой точки зрения можно только приветствовать издание книжки Тихомирова»[561]. При

---

[556] Горбунов М. Л. Тихомиров Заговорщики и полиция // Каторга и ссылка. 1928. 12 (49). С. 186.
[557] Валк С.Н. «Заговорщики и полиция» – Л. Тихомирова и «Из недавнего прошлого» – Г. Гершуни // Красная летопись. 1929. 2 (29). С. 255.
[558] Там же. С. 255.
[559] Горбунов М. Л. Тихомиров Заговорщики и полиция // Каторга и ссылка. 1928. 12 (49). С. 186.
[560] Валк С.Н. «Заговорщики и полиция» – Л. Тихомирова и «Из недавнего прошлого» – Г. Гершуни // Красная летопись. 1929. 2 (29). С. 255.
[561] Там же. С. 255.

этом у С.Н. Валка и в этот раз были претензии к работе редакции. Так, он обратил внимание на небрежно составленные примечания, отметил, что «некоторые биографии содержат указания на биографические данные после приговора, другие не содержат; приводимые сведения то точны, то очень общи (например, О.С. Любатович “начала работу среди фабричных” – где и когда?); приводимые факты расположены в хаотическом виде (например, выходит, что А.В. Якимова сперва участвовала в покушении под Александровском (ноябрь) а потом работала в устроенной (летом) динамитной мастерской, т.п.)» [562] . Но главные ошибки редакции, по мнению С.Н. Валка, заключались не в этом. За основу текста книги редакция взяла перевод 1907 г., а не подлинник 1887 г. на французском языке. Поэтому книга 1928 г. унаследовала те неточности, которые были допущены в переводе 1907 г., например, глава «Пропагандисты в деревне» подверглась двойному переводу, так как Л.А. Тихомиров ее взял из первого номера «Народной воли» от 1 октября 1879 г. и перевел ее на французский, а редакция издательства «Друг народа» ее перевела на русский с французского варианта [563] . Но, по утверждению С.Н. Валка, В.И. Невский и П.И. Анатольев умудрились еще и ухудшить качество текста 1907 г., самовольно переставив главы местами: 1, 3, 5, 2, 4, 6, 7, 9, 8-я. В издании 1907 г. главы шли в следующем порядке: 1) Пропагандисты; 2) Арест; 3) Безумное лето; 4) Тюрьма; 5) Пропагандисты в деревне; 6) Побег; 7) Подпольная типография; 8) Шпионы и контр-шпионы; 9) Взрыв в Зимнем дворце. Они посчитали, что сам автор допустил хронологические ошибки, ведь, например, надо «сначала пропагандировать, а потом попасть в тюрьму, поэтому Тихомиров, по мнению “Молодой гвардии”, неправильно поместил “арест” второю главой, а пятою – “пропаганда в деревне”. “Молодая гвардия” исправила Тихомирова и сделала поэтому пятую главу третьей, а вторую – четвертой и т.д. и т.п.»[564].

---

[562] Валк С.Н. «Заговорщики и полиция» – Л. Тихомирова и «Из недавнего прошлого» – Г. Гершуни // Красная летопись. 1929. 2 (29). С. 257.
[563] Тихомиров Л. Заговорщики и полиция. М. 1930. С. 7.
[564] Валк С.Н. «Заговорщики и полиция» – Л. Тихомирова и «Из недавнего прошлого» – Г. Гершуни // Красная летопись. 1929. 2 (29). С. 255.

Бывший революционер Д. Руднев в 1927 г., видимо, еще во время подготовки книги к печати, написал свои замечания к биографии М.Ф. Грачевского: «Лев Тихомиров (писавший со слов Грач.[евского]) оч.[ень] хорошо описал побег, но допустил неточность (неважную для его цели, но могущую вызвать недоразумение), на стр.[анице] 136 он говорит, что Грач.[евский] был выслан из Одессы в Пинегу. Нет. Он был выслан сначала в Холмогоры, а через неск.[олько] месяцев – переведен в Пинегу. Тоже на стр.[анице] 145 ошибка, что Гр.[ачевский] привезен обратно в Пинегу. Он был привезен в Холмогорский этаптивный дом, где и встретился опять с товарищем Ал. Орловым. Отсюда до Арханг.[ельска] оставалось менее 100 верст; проезжали ночью, благодаря которой и удался побег»[565].

В 1930 г. книгу «Заговорщики и полиция» переиздали в издательстве «Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев». Новое издание потребовалось, чтобы исправить ошибки варианта 1928 г., в котором редакция сделала «ряд перестановок глав для “удобочитаемости”», из-за чего «получилась немалая путаница в хронологии изложения»[566]. Текст книги 1930 г. был сверен с французским текстом, в результате чего были восстановлены пропущенные главы и отдельные места, причем в процессе этой работы частично был использован перевод 1907 г.[567]. Всю эту работу, в том числе перевод с французского, проделала О.И. Жемчужиная.

В этом же году в четырех номерах «Красного архива» были опубликованы фрагменты записей дневника Л.А. Тихомирова, посвященные Первой российской революции. Подготовлены они были в печать к 25-летию начала революции 1905–1907 гг., по этой причине и получили название «25 лет назад». Редакция «Красного архива» опустила те части дневника, которые относились «к семейным делам автора» и содержали «многие цитаты из газет того времени»[568]. Однако редакция не ограничилась строгими рамками только революционных событий, напечатав часть

[565] РГАЛИ. Ф. 1744. Оп. 1. д. 59. Л. 1а.
[566] Тихомиров Л. Заговорщики и полиция. М. 1930. С. 7.
[567] Там же. С. 8.
[568] 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 1 (38). С. 23.

дневника, охватывающую период от начала «русско-японской войны до разгрома революции 1905 года»[569]. Так, например, в первой части серии были опубликованы записи с 3 января до 26 октября 1904 г.[570]. Вторая включала период с 5 ноября 1904 г. по 29 августа 1905 г.[571], третья – с 8 сентября по 5 ноября 1905 г.[572], четвертая – с 7 ноября 1905 г. по 28 апреля 1906 г.[573]. По каким-то причинам дневниковые записи, датируемые периодом от начала работы Первой Государственной думы и до Третьеиюньского государственного переворота не вошли в эту серию публикаций. Только в 1933 г. редакция «Красного архива» продолжила издание дневника Л.А. Тихомирова, напечатав фрагменты, которые охватывали промежуток времени с 1 января по 23 октября 1907 г.[574]. Название публикации было выбрано без потаенных смыслов – «Из дневника Л. Тихомирова». В предисловии В.В. Максаков уточнил, что опубликованные страницы из дневника посвящены «периоду расцвета столыпинского режима “военного террора”, с его усиленными и чрезвычайными охранами, арестами без конца, военно-полевыми судами, карательными экспедициями, расстрелами»[575]. С 1935 по 1936 гг. была напечатана часть дневника за период с 24 октября 1907 г. по 30 декабря 1912 г. Два номера из серии вышли в 1935 г., и охватывали записи с 24 октября 1907 г. по 29 августа 1908 г.[576] и с 31 августа по 31 декабря 1908 г.[577]. Еще два номера были изданы в 1936 г. В первый номер попали фрагменты дневника за период с 1 января 1909 г. по 8 сентября 1911 г., оканчивающиеся на моменте похорон П.А. Столыпина[578]. Три публикации из четырех 1935–1936 гг. (кроме последнего номера) имели уточнение в названии – «Период столыпинщины». Завершающим серию публикаций дневника Л.А. Тихомирова стал второй номер 1936 г., включавший период с 8 октября 1911 г.

---

[569] 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 1 (38). С. 21.
[570] Там же. С. 20–69.
[571] 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 2 (39). С. 47-75.
[572] 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 3 (40). С. 59–96.
[573] 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 4–5 (41–42). С. 103–147.
[574] Из дневника Л. Тихомирова. С предисловием Вл. Максакова // Красный архив. 1933. Т. 6 (61). С. 82–128.
[575] Там же. С. 82.
[576] Из дневника Льва Тихомирова (Период столыпинщины). С предисловием Вл. Максакова // Красный архив, 1935. Т. 5 (72). С. 120–159.
[577] Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив, 1935. Т. 6 (73). С. 170–190.
[578] Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив, 1936. Т. 1 (74). С. 162–191.

по 30 декабря 1912 г.[579]. Следовательно, в 1936 г. вышли последние публикации архива Л.А. Тихомирова перед длительным перерывом в исследовании его наследия. Но публикация архивных материалов Л.А. Тихомирова не являлась попыткой отдать дань памяти бывшему народовольцу и печатались они вовсе не за его былые революционные заслуги. В «Красном архиве» публиковались разные материалы дореволюционного периода, включая дневники представителей дома Романовых, С.Ю. Витте и других деятелей проправительственного лагеря. Отношение к Л.А. Тихомирову и его архиву передал в предисловиях к публикациям заместитель редактора журнала «Красный архив» В.В. Максаков: «В записках Тихомирова много отвратительного ханжества, лицемерия, внутренних противоречий, всяческой мути. При всем этом они представляют безусловный интерес для историка еще мало изученного периода “годов реакции”»[580]; «Бывший народоволец, продавшийся самодержавию за тепленькое местечко в редакции махрово-черносотенных “Московских ведомостей”, готовый за классный чин, мундир статского советника и приличное вознаграждение служить кому угодно, – Лев Тихомиров в 1907 г. потянулся к обер-вешателю Столыпину, надеясь упрочить свое пошатнувшееся за годы революции материальное положение»[581]; «Такова отвратительная физиономия этого бывшего террориста, своим предательством заслужившего мундир статского советника, тепленькое местечко в лакейской обер-вешателя Столыпина и аудиенцию у “самого” Николая Кровавого»[582]. Как написал он же в журнале «Архивное дело» в 1929 г., где В.В. Максаков был главным редактором, в «Красном архиве» печатались «отрывки из дневников и переписки, имеющие исключительное историческое значение (дневники А.Н. Куропаткина, Л. Тихомирова, Романовых и т. д.)»[583].

Для того чтобы проанализировать количественную и качественную динамику, все публикации наследия Л.А. Тихомирова 1920–1930-х гг. мы разбили

---

[579] Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив, 1936. Т. 2 (75). С. 171–184.
[580] Из дневника Л. Тихомирова. С предисловием Вл. Максакова // Красный архив, 1933. Т. 6 (61). С. 84.
[581] Из дневника Льва Тихомирова (Период столыпинщины). С предисловием Вл. Максакова // Красный архив. 1935. Т. 5 (72). С. 120.
[582] Там же. С. 123.
[583] Максаков В. 10 лет архивного строительства // Архивное дело. Выпуск III (20). 1929. С. 10.

на три группы: 1) публикации в журнале «Красный архив»; 2) публикации в журнале «Каторга и ссылка»; 3) публикации отдельным изданием.

Журнал «Каторга и ссылка» издавался 15 лет: с 1921-го по 1935 гг. На диаграмме №1 [584] видно, что публикация архива Л.А. Тихомирова выпала на хронологический промежуток с 1926-го по 1928 гг. включительно и велась непрерывно. Начало публикации архива в журнале вряд ли было связано со смертью Л.А. Тихомирова, так как первая публикация вышла значительно позже, когда информационный шум вокруг смерти бывшего народовольца стих. Поэтому, скорее всего, это следствие дискуссий вокруг публикаций «Красного архива» и брошюры о Г.В. Плеханове.

В отличие от «Красного архива», авторы которого были тесно связаны с Центральным архивом и имели прямой доступ к архивным источникам, редакция «Каторги и ссылки» имела более широкий профиль издательской деятельности. Причины прекращения публикации архива Л.А. Тихомирова в «Каторге и ссылке», вполне вероятно, связаны со сменой главного редактора журнала и усилением контроля и цензуры со стороны коммунистической партии.

Работа над публикацией архива в журнале велась в период, когда главными редакторами были В.Д. Виленский (Сибиряков) (1923–1927 гг.) и Ф.Я. Кон (1927–1929 гг.). Первый хоть и состоял в РСДРП с 1905 г., но в середине 1920-х примкнул к сторонникам Л.Д. Троцкого во время внутрипартийной дискуссии, за что был несколько раз репрессирован. Второй в начале XX в. находился в рядах Польской социалистической партии и Польской социал-демократической партии, а в партию большевиков вступил только в 1918 г., что могло сказаться на его судьбе. В 1929 г. главным редактором становится советский государственный деятель, историк и убежденный большевик И.А. Теодорович, при котором публикация архива Л.А. Тихомирова в журнале прекратилась. На этом посту он был до 1935 г. По его словам, он еще в гимназические годы разочаровался в народовольцах и начал учебу

[584] См. Приложения. Диаграмма 1.

в университете в 1893 г. «уже сложившимся марксистом»[585]. Поэтому вполне можно допустить мысль о том, что личные идеологические убеждения историка-большевика И.А. Теодоровича могли повлиять на редакционную политику журнала. В 1929 г. редакция журнала посвятила целый объединенный номер (8–9) 50-летию со дня создания «Народной воли»[586]. Руководил изданием этого номера уже И.А. Теодорович. Однако в этом номере не только не стали публиковать какие-либо материалы из архива Л.А. Тихомирова, но и по каким-то причинам И.А. Теодорович не поместил даже его фотографию в портретный ряд членов Исполнительного комитета «Народной воли»[587]. Более того, в заглавной статье номера «Историческое значение партии “Народной Воли”» И.А. Теодорович ни разу не упомянул Л.А. Тихомирова, хотя другие авторы этого номера его упоминали.

Но были и вполне объективные процессы, которые оказали более ощутимое влияние на направленность публикаций журнала. Журнал был печатным органом Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, которое имело напряженные отношения с властями, так как в него входили не только коммунисты, но и меньшевики, эсеры и анархисты. Например, в 1922 г. бюро фракции коммунистов общества выступило с инициативой его закрытия, но в итоге решили ограничиться перерегистрацией членов общества по новым правилам, чтобы исключить всех тех, кто принимал «активное участие в борьбе с Советской Властью» [588] . В 1927 г. общество возглавил Е.М. Ярославский – идеолог и руководитель антирелигиозной политики, с 1924 г. – секретарь партколлегии Центральной контрольной комиссии ВКП (б). С его приходом усиливается контроль со стороны коммунистов над всеми структурными элементами общества, и оно постепенно превращается в пропагандистский инструмент ВКП (б). С апреля

[585] Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. – Репринтное изд. М., 1989. С. 715.
[586] Каторга и ссылка. 1929. № 8–9 (57–58).
[587] Теодорович И. Историческое значение партии «Народной Воли» // Каторга и ссылка. 1929. № 8–9 (57–58). С. 16–17.
[588] Цит. по: Юнге М. Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921–1935. М. 2015. С. 104.

1929 г. по решению XVI партийной конференции в СССР начались массовые чистки в ВКП (б). Одним из организаторов и руководителей этих чисток был Е.М. Ярославский, который выступил на XVI партийной конференции с докладом «О чистке партии»[589] и разработал инструкции для проведения чисток в партии[590]. Этот процесс затронул Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и, вполне вероятно, повлиял на редакционную политику журнала «Каторга и ссылка».

«Красный архив» издавался с 1922-го по 1941 гг. при Управлении Центрального архива РСФСР и СССР [591]. На диаграмме №2 [592] видно, что публикация архива Л.А. Тихомирова велась не систематически и соответствовала внутренним тематическим потребностям журнала. Так, например, в 1930 г. в честь 25-летия Первой российской революции была опубликована часть дневника Л.А. Тихомирова, посвященная этим событиям. При этом, если публикации 1924 г. и 1928 г. не выстраиваются в единую логику, то последующие публикации, начиная с 1-го номера 1930 г. и до 2-го номера 1936 г., – это фрагменты дневника Л.А. Тихомирова, выстроенные в едином хронологическом порядке и выходившие блоками: 1) в 1930 г. – номера 1, 2, 3, 4–5, посвященные Первой русской революции; 2) в 1933 г. – один 6-й номер, посвященный периоду начала «столыпинщины»; 3) последние два номера 1935 г. (5-й и 6-й) и первые два номера 1936 г. (1-й и 2-й), продолжившие тему «столыпинщины».

Хотя в «Красном архиве» и была должность ответственного редактора, фактическим руководителем от момента создания журнала и вплоть до своей смерти в 1932 г. являлся «заведующий Центрархивом известный историк старый коммунист М.Н. Покровский» [593]. Поэтому редакционная политика журнала во многом зависела от его мнения. Так, 26 октября 1921 г., выступая на очередном

---

[589] Ярославский Е. О чистке партии // Как проводить чистку партии: сборник директивных статей и материалов. М.–Л., 1929. С. 3–27.
[590] Как проводить чистку партии: сборник директивных статей и материалов. 1929. М.–Л., С. 158–174.
[591] Название и подчинение в этот период было разным: Управление Центральным архивом РСФСР при ВЦИК (Центрархив РСФСР) (1921–1929); Центральное архивное управление РСФСР при ВЦИК (1929–1938); Центральное архивное управление СССР при ЦИК СССР (1929–1938); Главное архивное управление НКВД СССР (1938–1941).
[592] См. Приложения. Диаграмма 2.
[593] Красный архив. Исторический журнал 1922–1941: аннотированный указатель содержания. М., 1960. С. 4.

заседании редакционно-издательской коллегии, он обозначил основные отделы журнала: «1) научно-археографический, 2) исторический (где должны были печататься материалы по внешней и внутренней политике и историко-культурного характера), 3) хроники и 4) библиографии»[594]. Первым ответственным редактором журнала был В.П. Полонский, в 1924 г. в состав редколлегии был включен В.В. Максаков, с 1925 г. туда стал входить В.М. Фриче, а в 1926 г. и сам М.Н. Покровский. В.М. Фриче подготовил публикацию из архива Л.А. Тихомирова в 1924 г. и был автором предисловия к ней. Умер В.М. Фриче 4 сентября 1929 г.[595], но еще до этого события публикацией архива Л.А. Тихомирова в журнале занялся В.В. Максаков. Он участвовал во всех публикациях его архива с 1928-го по 1936 гг.: в 1928 г. был автором предисловия, готовил к печати публикации в 1930 г., а в 1933 г. и 1935–1936-х гг., кроме подготовки материалов к печати, был еще и автором предисловий. Смерть М.Н. Покровского в 1932 г. заметно сказалась на редакционной политике журнала, тем более что позднее его деятельность во главе «Красного архива» была оценена, скорее, отрицательно: «На выборе тем и, особенно, на трактовке материалов нередко сказывались также ошибочные исторические взгляды М.Н. Покровского и его последователей»[596].

В 1933 г. ответственным редактором журнала назначили Я.А. Берзина, а его заместителем – В.В. Максакова. Во второй половине 1930-х гг. поменялся подход к редактированию и рецензированию, что, наряду со смертью М.Н. Покровского, могло стать причиной смены редакционной политики журнала. Так, в 1937 г. к редактированию было привлечено 18 человек из других научных учреждений, а только за пять месяцев 1938 г. – 24 человека[597]. Изменилась и тематика публикаций. Если в первые годы работы журнала упор делался на разоблачение империалистического характера царского режима и историко-революционную тематику в целом, то в середине 1930-х гг. перед журналом была поставлена задача

[594] Махнова Г.П. К истории журнала «Красный архив» // История и историки: историографический ежегодник, 1973. М., 1975. С. 72.
[595] В.М. Фриче // Архивное дело. Выпуск III (20). 1929. С. 3.
[596] Красный архив. Исторический журнал 1922–1941: аннотированный указатель содержания. М. 1960. С. 8.
[597] Махнова Г.П. К истории журнала «Красный архив» // История и историки: историографический ежегодник, 1973. М., 1975. С. 76.

публиковать «свежие данные по актуальным вопросам истории народов СССР, гражданской войны и интервенции, международным отношениям в эпоху империализма, роли мелкобуржуазных и буржуазных партий в дореволюционное время и в период гражданской войны»[598]. С этого времени стало выходить все больше публикаций по истории Коммунистической партии и о жизни и деятельности видных советских государственных и партийных деятелей. А в ноябре 1939 г., на обсуждении плана работы журнала, ответственный секретарь журнала Н.Р. Прокопенко озвучил перспективные темы: «1) История 20-го века, последнего периода, особенно советского, которая до сих пор недостаточно освещена в нашей литературе, 2) история марксизма, 3) история народов СССР (в этот раздел рекомендовалось включить материалы по истории народов Западной Белоруссии и Западной Украины), 4) героическое прошлое русского народа, 5) история войн справедливых и несправедливых, 6) история партии, 7) тема международные отношения должна быть уточнена в свете современных событий»[599]. Пусть этот план и не был осуществлен, в том числе по причине прекращения издания журнала уже в 1941 г., но по нему видно смещение акцентов с политической истории в целом на историю коммунистической партии большевиков и на идеологическую подготовку к предстоящей войне.

В 1929 г. отмечался 50-летний юбилей создания «Народной воли». Это событие оживило интерес в СССР к истории организации. К юбилею вышло в печать несколько сборников документов, например, издательство Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев выпустило в 1928 г. сборник «Народовольцы после 1-го марта 1881 г.»[600], а в 1930 г. – «“Народная воля” в документах и воспоминаниях», в котором в числе других поместили отрывок из статьи Л.А. Тихомирова «Запросы времени» из «Вестника “Народной воли”» №4

[598] Махнова Г.П. К истории журнала «Красный архив» // История и историки: историографический ежегодник, 1973. М., 1975. С. 77.
[599] Там же. С. 79.
[600] Народовольцы после 1-го марта 1881 г.: Сборник статей и материалов, составленный участниками народовольческого движения / Под ред. А. В. Якимовой-Диковской [и др.]. М., 1928.

1885 г.[601]. Также в честь юбилея вышли и персональные биографии, например, в 1930 г. была напечатана биография С.Л. Перовской, автором которой стала А. Корнилова-Мороз[602]. Возможно, в 1929-м и 1930 гг. были напечатаны к этому юбилею и другие биографии, но без упоминания о том, что их выход приурочен к юбилею партии[603]. Можно было бы предположить, что публикация архива Л.А. Тихомирова в 1928–1930-м гг. в журнале могла быть связана с этим событием, но к этому нет оснований. В целом «Красный архив», за исключением публикаций С.Н. Валка периода 1928–1930 гг., которые были посвящены второстепенным эпизодам истории «Народной воли»[604], юбилей проигнорировал. К примеру, в то же время журнал «Каторга и ссылка» 50-летию «Народной воли» посвятил целый номер[605]. При этом редакция «Красного архива» в 1930 г. напечатала сразу четыре публикации из архива Л.А. Тихомирова, приурочив их к 25-летию Первой русской революции.

Таким образом, прослеживается тесная связь издания архива Л.А. Тихомирова в «Красном архиве» с деятельностью двух членов редколлегии журнала, а именно В.М. Фриче и в большей степени В.В. Максакова, которые, несмотря на отдельные задачи самого журнала, видимо, имели личный интерес к архиву Л.А. Тихомирова. Интересное свидетельство о работе В.М. Фриче над дневником Л.А. Тихомирова сообщала 7 марта 1925 г. газета «Советская Сибирь». Презентуя в библиографическом разделе новые издания Центрархива, автор заметки сообщил, что в «ближайшее время выходит также “Дневник Льва Тихомирова” под редакцией Фриче»[606]. Это свидетельствует о том, что В.М. Фриче

---

[601] «Народная воля» в документах и воспоминаниях / под ред. А. В. Якимовской-Диковской; М. Ф. Фроленко; И. И. Попова и др. М., 1930. С. 70–71.

[602] Корнилова-Мороз А. Софья Львовна Перовская. Член Исполнительного комитета партии «Народная воля». М., 1930.

[603] Напр.: Чернявская-Бохановская Г.Ф. Мария Николаевна Оловейникова. М., 1930.

[604] См. напр.: Валк С. П. Л. Антонов в Петропавловской крепости. С предисл. С. Валка // Красный архив, 1928. Т. 6 (31). С. 103–117; Валк С. Побег Сергея Дегаева // Красный архив, 1928. Т. 6 (31). С. 219–222; Валк С. «Социалист», орган юго-западной группы партии «Народной воли» // Красный архив, 1929. Т. 2 (33). С. 204–211; Валк С. К истории процесса 21. С предисловием С. Валка // Красный архив, 1929. Т. 5 (36). С. 122–179; Валк С. К истории процесса 21. (Продолжение) // Красный архив, 1929. Т. 6 (37). С. 102–137; Валк С. К истории процесса 21. С предисловием С. Валка. (Окончание) // Красный архив, 1930. Т. 1 (38). С. 70–108; Валк С. Вокруг 1 марта 1881 г. // Красный архив, 1930. Т. 3 (40). С. 176–184.

[605] Каторга и ссылка. 1929. № 8–9 (57–58).

[606] Новые издания Центроархива // Советская Сибирь. 7 марта, 1925. №55 (1594). С. 11.

был погружен в работу над изучением и изданием дневниковых записей Льва Тихомирова гораздо глубже, чем мы можем судить только по состоявшимся публикациям. Скорее всего, речь в газете шла или об издании книги «Воспоминания Льва Тихомирова», вышедшей в 1927 г., или о тех публикациях дневника, которые были выполнены под руководством В.В. Максакова в «Красном архиве». Последнее нам кажется более вероятным.

Однако все публикации, подготовленные В.М. Фриче и В.В. Максаковым, отличает одна важная черта: публикуемые части архива Л.А. Тихомирова так или иначе связаны с революционным движением. В одном случае были выбраны события с участием самого Л.А. Тихомирова, а в другом – события, которым он был свидетель, но не активный участник революции.

Публикация творческого наследия Л.А. Тихомирова отдельными изданиями не была системной и постоянной. На диаграмме №3[607] видно, что вышло всего 4 публикации, 2 из которых – это одно и то же произведение Л.А. Тихомирова. Издатели выполняли, прежде всего, одну важную цель – документально дополнить историю революционного движения в России. Однако важно другое: после переиздания в 1930 г. труда «Заговорщики и полиция» отдельных изданий, в которых была бы опубликована какая-нибудь часть наследия Л.А. Тихомирова, больше не выходило.

Таким образом, на основании данных диаграммы №4 и №5[608] можно сделать вывод, что после смерти Л.А. Тихомирова в 1923 г. у исследователей появился стойкий интерес к его творческому наследию, которое было важным источником по истории революционного движения. С выхода первой публикации в 1924 г. и вплоть до 1930 г., за исключением только 1929 г., когда не было ни одной публикации, количество публикаций наследия Л.А. Тихомирова постоянно увеличивалось. Апогеем стал 1930 г., когда увидело свет пять публикаций. После этого интерес к его наследию начал снижаться, а в 1936 г. вышло две последних публикации перед «научным затишьем», в период которого о наследии Л.А. Тихомирова

[607] См. Приложения. Диаграмма 3.
[608] См. Приложения. Диаграмма 4 и 5.

исследователи практически не вспоминали или сознательно обходили его стороной. «Затишье» наступило в контексте поворота в исторической науке середины 1930-х гг. от мемуарно-романтического изучения революционного движения к коммунистическому дискурсу. В рамках новой идеологии история «Народной воли», а вместе с ней и Л.А. Тихомиров, оказались под запретом. Наследие Л.А. Тихомирова, в том числе и его архив, в 1920–1930-е гг. выполнял прежде всего утилитарную роль: он был источником по истории революционного движения и инструментом реконструкции его мировоззренческой метаморфозы.

Но, видимо, такой радикальный подход, если иметь в виду запрет, касался именно выхода новых изданий, а изданные прежде книги, находившиеся в частных собраниях, были по-прежнему доступны читателям. Так, например, в 1941 г. С.А. Волков в своем дневнике сообщал, что читал «посмертную рукопись Л.А. Тихомирова об А[нтихристе?]»[609]. В оригинале дневника полное название рукописи не дописано, но, вероятней всего, это именно рукописный вариант последней книги Л.А. Тихомирова «В последние дни (Эсхатологическая фантазия)», каким-то образом попавший к С.А. Волкову, который чудом смог ее сохранить до 1940-х гг. Также С.А. Волков 9 июня 1943 г. сообщал в своем дневнике о чтении книги Л.А. Тихомирова: «Сегодня прочел книгу Льва Тихомирова “Демократия либеральная и социальная”. М., 1896. Очень интересна первая статья “Социальные миражи современности”. Надо будет со временем записать свои мысли на эту тему. (М.б., в виде примечаний к этой статье, как это любил делать Розанов.) В связи с чтением задумался о том, что мы все, и я в частности, пережили за последние 25 лет. Как сильно изменилась вся жизнь, как изменились люди и миросозерцание! Какие-то перспективы откроются нам в ближайшем будущем? Сколько мыслей у меня обо всем этом, и не с кем поделиться, не от кого услышать отклик... Вспоминал и самого Льва, которого я знал на закате его дней. Тяжелый, но любопытный старик!»[610].

---

[609] Волков С.А. Возле монастырских стен. Мемуары. Дневники. Письма. М., 2000. С. 534–535.
[610] Там же. С. 345.

Несмотря на то, что в 1920–1930-х гг. не удалось полностью опубликовать архив Л.А. Тихомирова, именно в это время был совершен самый большой и системный прорыв в этом направлении. При этом и по сей день остается дискуссионным вопрос о полноте и объеме переданных Л.А. Тихомировым в Румянцевский музей материалов. Например, российский историк С.Н. Бурин рассказал в предисловии к современному переизданию книги «Воспоминания Льва Тихомирова» легенду о неопубликованных рукописях Л.А. Тихомирова, которые после его смерти хранились у жены и дочерей и не попали в государственные архивы, а потом бесследно пропали. С.Н. Бурин даже сообщает, что среди этих записок могла находиться неизвестная ранее работа Л.А. Тихомирова «Тайные пружины истории» [611] . Подтвердить или опровергнуть эту информацию невозможно, так как неизвестна точная судьба родных Л.А. Тихомирова. Не сохранился и дом, в котором проживали Тихомировы в Сергиевом Посаде[612]. По мнению советского историка В.Н. Костылева, часть мемуаров Л.А. Тихомирова была передана в Центрархив его женой и детьми в конце 1920-х и начале 1930-х гг., из-за чего книга «Воспоминания Льва Тихомирова» оказалась неполной[613]. Но и в этом случае нет доказательств того, что Л.А. Тихомиров передал в Румянцевский музей не все свои материалы. Возможно, семья Л.А. Тихомирова позже передала в архив его личную переписку, но его мемуары были доступны на момент издания в 1927 г. книги воспоминаний. Во-первых, редакция, работавшая над «Воспоминаниями Льва Тихомирова», указывала, что для публикации ею была сознательно отобрана только часть материалов. Но при этом в книге были перечислены некоторые названия материалов из архива Л.А. Тихомирова, в том числе упомянуты и рукописи «Теней прошлого» как составная его часть[614]. Во-вторых, упоминает о работе с рукописной тетрадью «Теней прошлого» и

[611] Бурин С.Н. Эффект Тихомирова // Тихомиров Л. Воспоминания. М., 2003. С. 14.
[612] Репников А.В. «…Погибла Родина, погиб мой народ, моя церковь, мои политические идеалы…» (Лев Тихомиров и его дневник) // IV Сургучевские чтения: «Локальная литература и мировой литературный процесс»: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ставрополь., 2007. С. 356.
[613] Костылев В.Н. Лев Тихомиров на службе царизма: (Из истории общественно-идейной борьбы в России в конце XIX – начале XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 28.
[614] От редакции // Воспоминания Льва Тихомирова. М.–Л., 1927. С. XXXVII.

П.С. Попов, принимавший участие в издании книги «Плеханов и его друзья»[615]. В-третьих, если смотреть упомянутые редакцией наименования архивных дел по нумерации и названиям дел из современной описи фонда 634 в ГАРФ, в котором хранится личный архив Л.А. Тихомирова, то можно сделать предположение, что как минимум все дела с №1 и №75 были переданы лично им. Дело №75 – это фотографии Л.А. Тихомирова и П.А. Столыпина, которые упомянуты редакцией книги как часть архива Л.А. Тихомирова[616].

Нет прямых доказательств того, что записи от 16 октября в дневнике Л.А. Тихомирова были действительно последними и не было других, которые автор скрыл и не стал передавать на хранение в Румянцевский музей или же вовсе их уничтожил. Записи дневника от 16 октября заканчиваются внизу страницы, а оставшееся место отчеркнуто четырьмя параллельными линиями[617]. Подобный метод разделения записей дневника за 1917 г. автор применял в записях и за 8 мая[618], в которых он склонялся к очередным пессимистическим мыслям и приходил к выводу, что ведение дневника нужно прекратить[619]. То есть автор ставил логическую точку в написании дневника и не собирался более делать записи, а потому поставил данный знак, который появился и в последней записи за 16 октября 1917 г. При этом данного знака больше нигде в записях за 1917 г. и в целом в данной тетради нет, даже в тех местах, где остается достаточное количество места перед следующей страницей[620]. К сожалению, в архиве доступны для работы только копии дневников на микропленке, что усложняет проведение анализа источника, но даже на пленке видна часть следующей пустой страницы рядом с последней. Явных следов вырывания листов после последней страницы также не выявлено. К тому же и факт вырывания страниц мог быть лишь косвенным доказательством сокрытия последующих записей, так как мотивирующие начала данного поступка при существующем наборе источников априори установить невозможно. На обложке

[615] Попов П.С. Предисловие // Тихомиров Л. Плеханов и его друзья. Л., 1925. С. 9.
[616] От редакции // Воспоминания Льва Тихомирова. М.–Л., 1927. С. XXXVII.
[617] ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 27. Л. 143 об.
[618] Там же. Л. 133 об.
[619] Там же. Л. 132 об.
[620] Там же. Л. 89 об., 91об., 96 об., 99, 108 об., 125, 126, 127, 135, 138 об.

тетради конечная дата была перечеркнута самим автором и после написано – «1917 года»[621].

Таким образом, в 1920–1930-е гг. была проделана огромная работа по публикации архива Л.А. Тихомирова и отдельных его работ и писем. Этот процесс был частью масштабного проекта по публикации дореволюционных источников, в том числе тех, которые должны были играть пропагандистскую роль по обличению «старого режима». При этом чаще всего материалы Л.А. Тихомирова были необходимы для восстановления пробелов в истории отечественного революционного движения. Публикуемые из архива Л.А. Тихомирова материалы проходили тщательную подготовку и подвергались осмыслению, в рамках которого издатели давали сопроводительные комментарии и примечания. Эта информация чаще всего содержала оценку достоверности сообщаемых Л.А. Тихомировым сведений, а также оценки его ренегатства и проправительственной деятельности, которые носили явно критический характер. Огромную роль в процессе публикации материалов Л.А. Тихомирова сыграли его бывшие товарищи, которые не только преследовали цель увековечить историю революционного народничества, но и пытались реконструировать природу ренегатства Л.А. Тихомирова и скорректировать сообщаемые им факты.

2.2. Образ Л.А. Тихомирова и его наследие в эго-документах революционеров-народников

Революционеры, воодушевленные свержением самодержавия и победой левых сил, включились в работу над историописанием отечественного освободительного движения с опорой на свой личный опыт в духе революционного романтизма. Такой подход предопределил и выбор формата эго-документов, которые позволяли здесь и сейчас сохранить историю о прошлом. К эго-документам относятся источники личного происхождения, которые созданы конкретным

[621] ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 27. См. обложку.

человеком и, как правило, написаны от первого лица: мемуары, автобиографии, дневники, письма и т.д. От других исторических источников эго-документы отличаются субъективностью, так как отражают внутренний мир автора, его социально-культурные установки и личные переживания.

Именно в 1920–1930-х гг. было создано огромное количество эго-документов революционеров-народников, в которых затрагивалась судьба Л.А. Тихомирова. Такого всплеска эго-документов революционеров не было ни до, ни после 1920–1930-х гг., что объясняется вполне объективными причинами. Во-первых, новая власть первое время не только не мешала публиковать историко-революционные мемуары, но даже способствовала этому. Во-вторых, героизация революционного прошлого и конкретных революционеров повышала мотивацию революционеров к автобиографическому летописанию. В-третьих, в это время еще не оформилась единая государственная идеология, поэтому в формате мемуаров авторы часто вступали в заочные дискуссии с идеологическими противниками и даже сторонниками. В-четвертых, в условиях массовости только что открывшихся архивных источников и невозможности в короткие сроки их детально исследовать, авторы выбирали именно формат эго-документов, который освобождал от строгих научно-методологических требований к тексту. В-пятых, большое влияние оказало развитие психологической науки в начале XX в. На волне популярности фрейдизма и других психологических концепций революционеры делали выбор в пользу формата мемуаров, который давал возможность раскрыть психологическую сущность тех или иных поступков.

Особенностью этих материалов является то, что создавались они людьми, лично знавшими Л.А. Тихомирова, а потому отразившими факты из его биографии через призму своих личных и даже коллективных переживаний и представлений о нем, отягощенных психологической раной от его ренегатства. Анализ эго-документов революционеров-народников имеет важное значение для понимания особенностей раннесоветской историографии, так как дает представление о том, как эти материалы использовали профессиональные историки-марксисты при написании своих трудов и как оценивали образ Л.А. Тихомирова, сформированный

революционерами-народниками. Поэтому так важно реконструировать этот образ прежде, чем перейти к исследованию работ историков и научных дискуссий 1920–1930 гг.

Одна из центральных тем в эго-документах этого периода – ренегатство Л.А. Тихомирова и оценка его роли в революционном движении. Осмысление природы ренегатства Л.А. Тихомирова началось сразу же после официального объявления им о свершившейся идейной трансформации. Тогда же сложились основные версии произошедшего. Многие деятели, которые участвовали в обсуждении идейного поворота Л.А. Тихомирова с конца 1880-х гг., продолжили это делать и при советской власти, поэтому уже сложившиеся точки зрения перекочевали в исторический дискурс 1920–1930-х гг. Тем более в постреволюционном обществе появилась возможность открытого обсуждения и на официальных площадках. Многим современникам переход Л.А. Тихомирова от революционности к православию и монархии казался настолько экстраординарным, что они не могли рационально объяснить эту идейную метаморфозу, а потому искали причины в его психическом состоянии. В 1920-х – начале 1930-х гг. Л.А. Тихомиров часто фигурировал в мемуарах известных революционеров, издававшихся и переиздававшихся в эти годы в большом количестве. Многие мемуарные источники об этом событии переиздавали с дополнениями или даже без них. Поэтому дореволюционный процесс осмысления ренегатства перекинулся в еще только зарождающуюся советскую историческую науку и вызвал еще больший ажиотаж. В таких обстоятельствах очень сложно демаркировать дореволюционные дискуссии о ренегатстве и дискурс 1920–1930-х гг.

Февральский переворот привел к значительному ослаблению цензуры. Например, в июле 1917 г. в России возобновился выпуск журнала «Былое», который был ключевым местом аккумуляции мемуаристики об отечественном революционном движении. Журнал свободно выходил до 1925 г. Однако уже в 1926 г. из-за цензурных ограничений печать новых номеров была свернута, а 36-й и 37-й номера «Былого» были напечатаны только в 1991 г. В 1920-х гг. главной

темой журнала оставалась по-прежнему история революционного движения, написанием которой чаще всего занимались сами его участники. Поэтому авторы так или иначе освещали отдельные факты из биографии Л.А. Тихомирова, как, например, в статьях о дегаевщине[622], о пропавшем письме Я.В. Стефановича к Л.Г. Дейчу [623], о разгроме Женевской народовольческой типографии П.И. Рачковским[624].

В 1918 г. были опубликованы «Записки Георгия Гапона», текст которых подготовили к печати еще в 1906 г., но тогда не смогли опубликовать из-за цензурных ограничений[625]. «Записки» являлись мемуарами Г.А. Гапона. В них он сообщал о знакомстве с Л.А. Тихомировым, который произвел на него «жалкое впечатление»[626]. Также Г.А. Гапон сообщал о личной встрече с С.В. Зубатовым, на которой тот ему вручил «памфлет, изданный Тихомировым в то время, когда он отрекся от революционной партии и в котором он старался объяснить: “Как он перестал быть революционером”»[627]. На этой встрече С.В. Зубатов признался в своих конституционных взглядах и в планах использовать политические идеи Л.А. Тихомирова о привлечении на сторону самодержавия рабочих. Но, по словам Г.А. Гапона, идеи Л.А. Тихомирова нужны были С.В. Зубатову только лишь для того, чтобы через прочный самодержавный строй добиться политических реформ в России: «“Я сам конституционалист, но видите ли, сразу этого сделать нельзя, Лев Тихомиров, например, стоит за сохранение самодержавия и доказывает, что оно в настоящее время выгоднее для нашего дела, чем конституционный режим, и потому мы должны организовать рабочий класс без участия интеллигенции, которой так боится наше правительство. Когда мы это сделаем, мы можем вступить на более логический путь”»[628]. Это свидетельство, безусловно, требует дополнительного подтверждения, но оно рисует картину, в которой Л.А. Тихомиров предстает как

---

[622] Серебрякова Е.А. Встреча с Дегаевым // Былое. 1924. № 25. С. 65–71.
[623] Фигнер В. Прибылева-Корба А., Чернявская-Бохановская, Прибылев А. Л.Г. Дейч и «Народная воля» // Былое. 1924. № 25. С. 280–288.
[624] Налет П.И. Рачковского на народовольческую типографию // Былое. 1917, июль. № 1 (23). С. 277–283.
[625] Гапон Г. Записки Георгия Гапона. М., 1918. С. 4.
[626] Там же. С. 50.
[627] Там же. С. 36.
[628] Там же. С. 35–36.

инструмент в руках С.В. Зубатова и, возможно, многих других вышестоящих чиновников, на пути становления конституционного строя, и немногим его роль отличается от функционала той брошюры, которую вручил С.В. Зубатов Г.А. Гапону.

В опубликованных в 1917 г. воспоминаниях эсера П.М. Рутенберга, которые он написал еще в 1909 г. в Париже, было проиллюстрировано отношение Г.А. Гапона к Л.А. Тихомирову. П.М. Рутенберг участвовал в шествии к Зимнему дворцу 9 января 1905 г., а затем в эмиграции стал близким другом Г.А. Гапона и принял участие в организации его казни, когда стало известно, что последний является агентом полиции. В мемуарах он детально воспроизвел беседы с Г.А. Гапоном, в одной из которых тот назвал Л.А. Тихомирова предателем: «Будь спокоен. До сих пор полиция никого из своих не выдавала. Революционеры выдавали. Тихомиров, например, даже С–нов, говорят, выдавал»[629].

Несмотря на личные противоречия, современники находили много общего в Г.А. Гапоне и Л.А. Тихомирове. Корреспондент и советский разведчик А.Ф. Филиппов в письме к В.Н. Фигнер 28 февраля 1931 г. отметил их схожесть в попытке достичь реализации идеализированных идей через самодержавие: «Их обоих я знавал лично… оба они оставили по себе у меня впечатление. И оба – интересуют до сих пор, и будут еще долго интересовать многих загадочностью своих действий и непонятными целями… Л. Тихомирова с Г. Гапоном роднит одно: попытка (у обоих одинаково неудачная) через самодержавие и его аппарат, достигнув самых верхов его и используя личность самодержца, особенно такого, каким представлялся Николай II, достичь ровно того самого, что удалось сделать В.И. Ленину для народных масс и что уже вывело нашу страну из положения второразрядного и унизительно-угнетенного, после 1914–15 г. состояния духа и что должно вывести уже новые поколения на новый путь – не просто благосостояния, или официального “благоденствия”, а в такую ширь расцвета народной энергии и духа, которая бы звучала точно музыка: ведь это то самое, с чем Вы шли, когда были

[629] Рутенберг П. Два Гапона // Былое. 1917, август. № 2 (24). С. 48

молоды, на свой первый подвиг и о чем мечтали мы в конспиративных заседаниях…»[630]. А.Ф. Филиппов обладал всей необходимой информацией для такого сравнения, так как был лично знаком с Л.А. Тихомировым и Г.А. Гапоном, а про последнего он даже написал брошюру в 1913 г.[631].

Одна из центральных мемуарных работ этого периода – книга воспоминаний бывшей соратницы Л.А. Тихомирова по «Народной воле» В.Н. Фигнер «Запечатленный труд», первый том которой вышел в декабре 1921 г.[632]. В этой книге В.Н. Фигнер подчеркивала «ненормальность» Л.А. Тихомирова и указывала на зачатки «психологического переворота, который привел его к полному изменению прежней идеологии и сделал из революционера и республиканца – монархиста, из атеиста – религиозного ханжу, а из социалиста – единомышленника Каткова и Грингмута» [633]. В.Н. Фигнер, признавая былые революционные заслуги Л.А. Тихомирова, делала акцент именно на психологической сущности его идейного поворота. Первые признаки психологических «отклонений», по ее словам, можно было увидеть уже после 1-го марта 1881 г., когда он пришел «с траурной повязкой на рукаве, какую носили военные чиновники по случаю смерти Александра II»[634]. Еще один случай такого рода произошел, когда Л.А. Тихомиров «ходил в церковь и принес присягу новому императору» якобы только для того, «чтобы легализовать его в глазах дворника, который так любознателен, что забирается в квартиру, когда хозяев нет дома»[635]. В.Н. Фигнер описывала и другие примеры шпиономании Л.А. Тихомирова. Например, когда он проживал в Москве в съемной комнате, ему показалось, что, «соседи сделали отверстие в стене и подслушивают разговоры в его помещении. Тотчас он оставил эту квартиру и отправился на богомолье в Троицко-Сергиевскую лавру, чтобы, прописавшись там, засвидетельствовать этим свою благонадежность для дальнейшего проживания в

[630] Цит. по: Репников А.В. «Моя судьба – злая насмешка» (революционер и консерватор Лев Тихомиров) // Гуманитарные науки в творческом вузе: Сборник статей. Выпуск 3. М., 2010. С. 31.
[631] Филиппов А.Ф. Странички минувшего. О Гапоне. СПб., 1913.
[632] Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011. С. 504.
[633] Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Ч. 1. М., 1922. С. 243.
[634] Там же. С. 244.
[635] Там же. С. 244.

Москве. На такие махинации никто из нелегальных не пускался до него ни при каких обстоятельствах»[636].

«Запечатленный труд» глубоко задел Л.А. Тихомирова. В мае 1922 г.[637] он написал на 12 тетрадных листах свои замечания на книгу. Например, он указал на то, что В.Н. Фигнер «до сих пор не знает истории убийства Судейкина, и кто и как заставил Дегаева его убить»[638].

Однако подобная реакция на мемуары В.Н. Фигнер была не только у Л.А. Тихомирова. Л.Г. Дейч опубликовал свою заметку о книге в начале 1922 г. в журнале «Творчество». По его словам, В.Н. Фигнер допустила «историческую ошибку», недооценив роль Л.А. Тихомирова, так как от самого возникновения до почти полной гибели «Народной воли» он «играл одну из наиболее крупных ролей. В то время как Желябов являлся, так сказать, практическим глашатаем, трибуном террористического направления, “Тигрич”, как все мы называли Тихомирова, в течение многих лет талантливо защищал основы нового направления, был его теоретиком. В течение нескольких лет в России (от 1879 по 1882 г.), затем за границей до того времени, когда он “перестал быть революционером” (в 1889 г.), т.-е. целых десять лет он являлся единственным, к тому же наиболее образованным “основоположником” народовольчества. Почти исключительно его перу принадлежали все сколько-нибудь значительные статьи, а то и заметки, как в газете “Нар.[одная] В.[оля]”, так и в выходившем, главн.[ым] образом, под его редакцией, за границей (с 1883–88 г.) журнале “Вестника Нар. В.”. Но “Тигрич” не только был выдающимся теоретиком этого нового направления: он принимал также самое активное участие в обсуждениях всех важных политических предприятий и пр. Товарищи очень считались с его мнением, многие из них относились к нему с таким благоговением и почтением, с каким относятся к своим вожакам, лидерам. В течение целого десятилетия “Тигрич” пользовался огромной популярностью не только среди революционеров, но и вообще во всей тогдашней передовой

[636] Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Ч. 1. М., 1922. С. 244.
[637] ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 63. Л. 2.
[638] ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 63. Л. 12.

интеллигенции»[639]. Кроме того, как считал Л.Г. Дейч, в «Запечатленном труде» многое о Л.А. Тихомирове сознательно замалчивалось, так как В.Н. Фигнер «могла бы рассказать немало очень существенного; между тем она почему-то ограничилась упоминанием о нем уже после сообщения о полном почти разгроме “Исполнительного Комитета”, когда из первоначальных 28-ми его членов осталось всего восемь», тем более «для лиц, непосвященных в детали, могло бы быть полезно, если бы Вера Фигнер поподробнее сообщила и о положительной деятельности этого, несомненно, выдающегося члена “Нар. В”. Она могла бы, вероятно, разъяснить и некоторые спорные вопросы, которых касались на страницах “Былого” ее же товарищи – Н. Морозов, М. Фроленко, О. Любатович и др. Морозов и Любатович в своих воспоминаниях доказывали, будто Тихомиров вовсе не являлся главным теоретиком “Нар. В.”. А Ан. Пав. Корба-Прибылева сообщила, что знаменитое письмо “Исп. Ком.” к Александру III было редактировано Н. Михайловским, между тем до превращения “Тигрича” в ханжу и пр. многие видные народовольцы, в числе которых была М.Н. Ашанина, с гордостью заявляли, что это письмо принадлежало перу Тихомирова»[640]. Не согласен был Л.Г. Дейч и с точкой зрения В.Н. Фигнер, что Л.А. Тихомиров долгое время «носил в душе зачатки психологического переворота», так как после 1 марта 1881 г., когда это обнаружилось, затем резко «исчезло», а потом «в течение еще целых 5–6 лет “Тигрич” продолжал играть первую роль среди, правда, сильно поредевшей “Нар. Воли”»[641]. И очень странно, по мнению Л.Г. Дейча, что В.Н. Фигнер в книге «совершенно незаслуженно уделяет относительно много места» Герасиму Романенко, «далеко не игравшему такой роли, как Тихомиров, но тоже подвергшемуся “психологическому перевороту”», и «к тому же в сильной степени преувеличивает также его дарования и знания»[642].

Л.Г. Дейч, стремясь в этой статье защитить имя Л.А. Тихомирова от некоторых несправедливых, по его мнению, обвинений в его адрес, сам также

---

[639] Дейч Л. Записки шлиссельбургской узницы // Творчество. Январь–апрель, 1922. №1–4. С. 48.
[640] Там же. С. 48.
[641] Там же. С. 49.
[642] Там же. №1–4. С. 49.

высказывал критические замечания по поводу некоторых фактов из его биографии. Например, Л.Г. Дейч еще до революции указывал на отсутствие в характере Л.А. Тихомирова твердых революционных убеждений, что могло стать причиной «неизбежной» перемены взглядов. В мемуарах под названием «16 лет в Сибири», написанных в эмиграции в 1904 г., он отмечал следующее: «На сколько я знал и понимал характер Тихомирова, он никогда не был фанатично преданным делу революционером, безгранично верующим в целесообразность террора. Колебания и сомнения, вероятно, всегда были ему присущи, но это не мешало ему писать пламенные, зажигательные статьи в защиту террористической деятельности и всяких народовольческих взглядов»[643]. Эта книга Л.Г. Дейча была переиздана в СССР в 1924 г.[644]. А в 1919 г. в журнале «Голос минувшего» он опубликовал статью «Почему я стал революционером»[645], вышедшею также в 1921 г. в виде отдельной брошюры[646], название которой стало отсылкой к работе Л.А. Тихомирова «Почему я перестал быть революционером». Представления Л.Г. Дейча о Л.А. Тихомирове базировались на оценках членов Группы «Освобождение труда» и меньшевиков, теоретический фундамент которых заложил еще в конце 1880-х гг. Г.В. Плеханов. В статье «Неизбежный поворот» Г.В. Плеханов назвал теоретический фундамент народников ключевой причиной перехода Л.А. Тихомирова от революции к самодержавию. Изъяны народничества, по его словам, должны были рано или поздно привести революционных народников к изменению методов борьбы за социально-экономические изменения в стране. Л.А. Тихомиров, по словам Г.В. Плеханова, признавая герценовскую идею перехода России к социализму через крестьянскую общину, считал, что при современных ему условиях в народе невозможно было создать массовую революционную организацию, а потому им был выбран заговорщический путь с целью захвата власти в России, которая была нужна для того, чтобы «без большого труда могла бы повести общину по пути

[643] Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири. Женева, 1905. С. 200–201.
[644] Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири. М., 1924.
[645] Дейч Л.Г. Почему я стал революционером // Голос минувшего. Май–декабрь, 1919. №5–12. С. 5–39.
[646] Дейч Л.Г. Почему я стал революционером. Петербург, 1921.

социалистического развития»[647]. Но главной проблемой в реализации концепции Л.А. Тихомирова стало топтание на одном и том же революционном этапе – с момента разработки программы прошло много лет, а «дело захвата власти не подвинулось ни на шаг», и невозможно было даже предвидеть, когда эти обстоятельства бы изменились в необходимом для революционеров направлении[648]. И именно из этой стационарной точки, по словам Г.В. Плеханова, должен был следовать следующий шаг Л.А. Тихомирова – если много лет не получается захватить власть, то почему бы не перейти на сторону существующей власти, чтобы заниматься реализацией ключевой цели народничества – улучшением благосостояния народа. Тем более для Л.А. Тихомирова «интересы народной массы» были «дороже всего на свете», а пока он не у власти – нет возможности повлиять «на экономическое развитие нашей страны»[649].

Подобные идеи описывал в своих работах один из основателей «Черного передела» и организации «Народное право» О.В. Аптекман, симпатизировавший в начале XX в. меньшевикам. При этом О.В. Аптекман, так же как и Л.Г. Дейч, придавал большое значение характеру Л.А. Тихомирова. В марте 1922 г., описывая историю «Черного передела», он указывал на то, что Л.А. Тихомиров, обладая поверхностным литературным талантом, не имел никогда твердых убеждений, а потому был склонен к любого рода влияниям. На примере анализа передовой статьи Л.А. Тихомирова для пятого номера «Земли и воли» он указывал следующее: «Если читатель обратит внимание на “философские” суждения Тихомирова, он, смею думать, согласится со мною, что ум у Тихомирова – поверхностный ум, но гибкий, эластический, практический, короче: оппортунистический, с значительной примесью вульгарности. Ближайшие интересы данного момента, тускло освещаемые общим руководящим принципом, не говорю уж об идеале, – над последним он изощряет свои вульгарные выпады, – стоят у него на первом плане: он, как муха, – сказал бы я, – в совершенстве почти ориентируется в ограниченном

[647] Плеханов Г.В. Неизбежный поворот // Плеханов Г.В. Сочинения. Т.3. М., 1923. С. 34–35.
[648] Там же. С. 36.
[649] Там же. С. 36.

поле непосредственного его наблюдения. Никаких широких горизонтов, мещанская ограниченность, мещанский практицизм. Соответственно с этим у него и стиль такой легкий, скользкий, порою – вульгарный, но зато общедоступный, популярный. Нет силы в этом стиле, потому что нет силы в самом авторе: нет крепких принципиальных опор, нет твердых убеждений, нет, одним словом, идеала, этой "святая святых" всякого глубоко мыслящего и морально чувствующего человека» [650] . Подводя итог рассуждений о Л.А. Тихомирове, О.В. Аптекман отметил, что тот отмахивался «от "исторических законов", далеки, очень далеки, от него "высшие области идеалов", "высшее развитие": "будем практичны... малый прогресс все же лучше большого регресса"... Но это – рискованное движение по наклонной плоскости практицизма все ниже и ниже... в трясину... Но мы тогда не замечали этих опасных, фальшивых, совершенно беспринципных нот. Мы находились всецело тогда под влиянием непосредственно угнетающих нас злоб дня, неотложных, будто императивных требований практики, и думали, и действовали под несознаваемой нами чисто обывательской, по существу, психологией мышления и практики. По поговорке: не сули журавля в небе, дай синицу в руки! Подкупала нас, и стариков и молодых, соблазнительно легкая и увлекательная форма, в какую удалось Л. Тихомирову облечь свое изложение, пропаганду народничества»[651].

Однако в более ранних мемуарах О.В. Аптекман высказывался не так категорично. Он, наоборот, отмечал стойкость взглядов Л.А. Тихомирова и преданность его революционному делу. Вспоминая взаимоотношения с ним в конце 1870-х гг., О.В. Аптекман писал следующее: «Я любил эти беседы, и с каждым, днем я все более – скажу прямо – привязывался к Тихомирову или, как мы тогда его называли, к "Тигрычу". Он меня покорил своей, казалось мне, глубокой цельной преданностью революционному делу. Он, – казалось мне, – жил только для революции: туда ушли все его помыслы, желания и воля»[652]. Эти воспоминания о

---

[650] Аптекман О.В. Черный передел // Черный передел. Орган социалистов-федералистов 1880–1881 г. Т. 1. М.–Петроград, 1923. С. 61–62.
[651] Там же. С. 64.
[652] Аптекман О.В. Из истории революционного народничества. «Земля и воля»70-х гг. СПб., 1907. С. 185.

«Земле и воле» 1870-х гг. под названием «Из недавнего прошлого» были написаны О.В. Аптекманом еще в 1882–1883 гг., во время его пребывания в ссылке в Якутской области [653] . Несмотря на введение их в печать товарищами О.В. Аптекмана, он позже значительно переработал и дополнил первый вариант. Воспоминания были напечатаны впервые, за исключением лишь первых трех глав, в 1906–1907 гг. в журнале «Современная жизнь»[654]. Также они вышли отдельной книгой, вероятно, это произошло в 1907 г. [655]. Второе издание, которое вышло в 1924 г., является значительно дополненным и переработанным[656]. Однако данная формулировка была сохранена в неизменном варианте[657].

В 1923 г. Л.Г. Дейч опубликовал в журнале «Пролетарская революция» подробную статью мемуарного характера о разрыве Г.В. Плеханова и его сторонников с народовольцами, в которой большую часть ответственности за разрыв он возложил на Л.А. Тихомирова. Попытки сотрудничества с Г.В. Плехановым, по словам Л.Г. Дейча, объяснялись корыстными мотивами Л.А. Тихомирова, который «лишь прикидывался сочувствующим» воззрениям Г.В. Плеханова «из желания привлечь его к журналу»[658]. Л.Г. Дейч сообщил также несколько нелицеприятных фактов о Л.А. Тихомирове, которые позволяли сказать, что он «чрезвычайно злопамятен, мстителен, при этом труслив»[659]. Во-первых, Л.Г. Дейч познакомился с содержанием писем Л.А. Тихомирова к П.Л. Лаврову. Из этих писем он узнал «о неимоверной злобе», которую питал к нему Л.А. Тихомиров, и по этой причине выдумывал о нем «небылицы», чтобы представить П.Л. Лаврову его «единственным виновником возникшего» конфликта[660]. Во-вторых, Л.Г. Дейч рассказал об инциденте с перехваченным и вскрытым «обширным письмом», которое отправил ему Я.В. Стефанович.

---

[653] Аптекман О.В. Общество Земля и Воля 70-х гг. По личным воспоминаниям. Петроград, 1924. С. 7.
[654] Там же. С. 8.
[655] Аптекман О.В. «Земля и Воля» 70-х годов. По личным воспоминаниям. Ростов-на-Дону, б/г.
[656] Аптекман О.В. Общество Земля и Воля 70-х гг. По личным воспоминаниям. Петроград, 1924. С. 13.
[657] Там же. С. 361.
[658] Дейч Л. О сближении и разрыве с народовольцами (к истории возникновения группы «Освобождение Труда» // Пролетарская революция. 1923. № 8 (20). С. 36.
[659] Там же. С. 48.
[660] Там же. С. 48.

Л.Г. Дейч заподозрил в перехвате этого письма Л.А. Тихомирова и Е.Н. Ошанину. Они первоначально отрицали свою причастность к перехвату письма, но в итоге Л.А. Тихомиров выполнил посредническую роль в возвращении письма адресату, но только под расписку об отсутствии претензий к ним. Позднее историки выяснили, что в перехвате письма был замешан С.П. Дегаев, который, видимо, еще в Петербурге вскрыл письмо и прочел его, а затем отправил его за границу, но не адресату, а Л.А. Тихомирову и Е.Н. Ошаниной [661]. По словам Л.Г. Дейча, для Г.В. Плеханова и его товарищей именно этот «грустный факт стал последней каплей, переполнившей чашу», после которого они больше не желали иметь отношений с «Вестником “Народной воли”», хотя и приложили очень много усилий на его создание[662]. Однако о содержании самого «обширного письма» Л.Г. Дейч в статье сообщил немногое. Он рассказал только о том, что Я.В. Стефанович «не мало места» уделил «характеристикам некоторых видных членов “Исп. Ком.”, при этом он не стеснялся ни в выражениях, ни в красках. Особенно при этом досталось “Тигрычу”, которого Стефанович изображал интриганом, человеком неискренним, способным из личных расчетов на всякую низость, к тому же жалким трусом, но вместе с тем умеющим пускать пыль в глаза. Эта характеристика вполне подтвердилась как всем поведением Тихомирова во время переговоров с нами, так и в дальнейший период, когда он “перестал быть революционером”»[663]. Больше Л.Г. Дейч ничего не рассказал о содержании письма, сославшись на то, что «долго пришлось бы писать»[664]. Однако он умолчал, что в письме была также информация о переговорах Я.В. Стефановича с В.К. Плеве и Г.П. Судейкиным, из-за чего многие народовольцы стали считать Я.В. Стефановича предателем. Поэтому статья Л.Г. Дейча и скрытие им фактов из письма Я.В. Стефановича вызвали бурную реакцию в стане старых народовольцев. Так, например, А.П. Прибылева-Корба 4

---

[661] Неопубликованное письмо Я.В. Стефановича Л.Г. Дейчу / публ., вст.ст., примеч. Л.Я. Лурье и А.Б. Рогинского // Ученые записки Тартуского гос. университета: Труды по русской и славянской филологии. 369 выпуск. Т. 26. Тарту, 1975. С. 165.
[662] Дейч Л. О сближении и разрыве с народовольцами (к истории возникновения группы «Освобождение Труда» // Пролетарская революция. 1923. № 8 (20). С. 54.
[663] Там же. С. 53.
[664] Там же. С. 54.

декабря 1923 г. написала В.Н. Фигнер следующее: «Вообще его статья – грязный памфлет на “Н.[ародную] Волю” и Комитет. Дейч может нарваться на очень неприятные для себя последствия. До сих пор никто из нас еще живущих, на глазах которых произошли разные эпизоды с Стеф.[ановичем], не затрагивал этих вопросов и не поминал о них ни словом. Но если Дейч будет продолжать чернить “Н.[ародную] В.[олю]” то придется разоблачить главный пункт, это второе письмо Стеф.[ановича] к Дейчу, написанное им из тюрьмы, и которое вполне позорно для памяти Стеф.[ановича]. Как Дейч этого не понимает, может только удивлять. Но возможно, что он рассчитывает на то, что все, знающие прошлое Стеф.[ановича] уже умерли, и никто не откликнется на его отвратительные инсинуации»[665].

В 1924 г. в журнале «Былое» старые народовольцы В.Н. Фигнер, А.П. Прибылева-Корба, Г.Ф. Чернявская-Бохановская, А.В. Прибылев опубликовали коллективный ответ на статью Л.Г. Дейча, прямо обвинив Я.В. Стефановича в предательстве, ссылаясь его на «обширное письмо» [666]. Рукопись статьи была направлена в редакцию с сопроводительным письмом, в котором авторы подчеркивали, что «благодаря переполняющим» статью Л. Дейча «инсинуациям на “Народную Волю” и клеветам, допущенным автором по отношению к деятелям ее, должна была вызвать справедливую оценку и возражения еще оставшихся в живых представителей партии “Народная Воля”»[667]. В том числе авторы статьи встали на защиту Л.А. Тихомирова. Например, А.П. Прибылева-Корба объясняла происхождение злобы Л.А. Тихомирова на Л.Г. Дейча не потому, что «он был адресатом Стефановича, как предполагает Дейч, а потому, что из письма явствовала неразрывная дружба Стефановича и Дейча, настолько прочная, что Стефанович откровенно сознавался своему другу в деяниях, которые никто не назовет иначе, как низкими, даже преступными» [668]. Под

[665] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 675. Л. 34, 34 об.
[666] Фигнер В., Прибылева-Корба А., Чернявская-Бохановская, Прибылев А. Л.Г. Дейч и «Народная воля» // Былое. 1924. № 25. С. 280–288.
[667] Там же. С. 280.
[668] Там же. С. 285.

преступными действиями она имела в виду «полу-признание Стефановича в выдаче Богдановича и сношения его с Плеве»[669].

Л.Г. Дейч ответил на этот коллективный выпад статьей в третьем сборнике «Группы “Освобождение труда”». Он обвинил тех, кто был недоволен его предыдущей статьей в том, что они не знакомы с «литературой по затронутому вопросу» или у них проблемы с памятью[670]. Кроме того, Л.Г. Дейч отдельно акцентировал внимание на индивидуальных ошибках и недостатках «опровержений» старых народовольцев[671]. Ошибки А.П. Прибылевой-Корбы, по его мнению, проистекали «из чрезмерной ее самоуверенности и апломба при крайне слабой памяти и знаниях», из-за чего «почти во всех опубликованных ею воспоминаниях имеется много грубых ошибок, противоречий и пр.»[672]. Разбору текста А.П. Прибылевой-Корбы он посвятил много внимания еще и потому, что она пыталась защитить «невинно обиженного» им «бедного Льва Тихомирова, наравне с С. Дегаевым верой и правдой до конца дней своих служившего, как известно, лишь правде-истине и правде-справедливости», и с этой целью, по словам Л.Г. Дейча, она «чуть-чуть, слегка» изменила текст его статьи[673]. Остальным авторам также досталось от Л.Г. Дейча: 1) В.Н. Фигнер возмутилась тем, что Л.Г. Дейч взял два слова «в кавычки по вполне уважительной причине, в то же время она, очевидно, считает совершенно безобидным, дозволительным без всякой причины недвусмысленно высказать подозрение», что Л.Г. Дейч «взвалил небывальщину на “мертвых”, которые “не говорят”»[674]; 2) в тексте А.В. Прибылева, писал он, «по существу же немного оригинального» в сравнении с тем, что сообщали В.Н. Фигнер и А.П. Прибылева-Корба, но «зато в этом немногом достаточно неправильностей»[675], например, он так же, как и его жена, «без

[669] Фигнер В., Прибылева-Корба А., Чернявская-Бохановская, Прибылев А. Л.Г. Дейч и «Народная воля» // Былое. 1924. № 25. С. 285.
[670] Дейч Л. Основательно ли нападение? // Группа «Освобождение труда»: (из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча). Сб. 3. М.–Л., 1925. С. 260.
[671] Там же. С. 260.
[672] Там же. С. 263.
[673] Там же. С. 271.
[674] Там же. С. 277.
[675] Там же. С. 273.

малейших к тому оснований», обвинил Л.Г. Дейча и Я.В. Стефановича «в самых тяжких политических и этических преступлениях только потому, что не знают даже своей собственной литературы» [676] ; 3) Г.Ф. Чернявская-Бохановская, по его мнению, «еще менее содержательна и оригинальна, чем даже А. Прибылев: она только повторяет до тошноты надоевшие неправдивые фразы о неискренности присоединения Стефановича, о выдаче им Богдановича, о его вступлении в переговоры с Плеве и т.п. вздор клеветнического характера» [677] . Подытоживая, Л.Г. Дейч отметил, что, кроме неимоверной чувствительности и обидчивости, старым народовольцам присущи такие моральные правила, в рамках которых они гордятся тем, что «они в течение 40 с чем-то лет не сделали ни единого шага вперед, а лишь все топтались на одном месте; они ничему за истекшее время не научились и продолжают повторять удержавшиеся в их памяти обрывки того нелепого вздора, который несколько десятилетий тому назад распространял давно от всего отрекшийся и ставший злобным мракобесом, бывший некогда “властителем их дум”, ренегат Тихомиров» [678].

Л.Г. Дейч критиковал старых народовольцев за попытку обелить биографию Л.А. Тихомирова и в других работах. В статье «Плеханов в “Земле и воле”» он писал, что в передовой статье газеты «Народная Воля» №7 от 8 декабря 1881 г. «Лев Тихомиров, являвшийся столпом “Нар. Воли”, главным ее “теоретиком”, имел очень смутное представление о “политических радикалах” и “социалистах”, которые казались ему не более как “кличками”» [679]. В сноске он добавил, что со времени публикации этой «передовицы прошло 44 г., автор ее, давным-давно отрекшийся от всего своего прошлого, скончался в качестве отчаянного реакционера: между тем, здравствующие старые народовольцы продолжают с

[676] Дейч Л. Основательно ли нападение? // Группа «Освобождение труда»: (из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча). Сб. 3. М.–Л., 1925. С. 277.
[677] Там же. С. 276.
[678] Там же. С. 277.
[679] Дейч Л. Г.В. Плеханов в «Земле и воле» // Группа «Освобождение труда»: (из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча). Сб. 3. М.–Л., 1925. С. 64.

благоговением относиться к бессмысленной болтовне этого своего бывшего “теоретика”. Такова прочность освоенных ими в молодости предрассудков!»[680].

В 1925 г. А.П. Прибылева-Корба в журнале «Былое» опубликовала ответную статью Л.Г. Дейчу «Мнимое письмо Исполнительного Комитета “Народной Воли”». Поскольку Л.Г. Дейч обвинил ее в необоснованной попытке оправдать действия Л.А. Тихомирова, то она ответила ему следующим образом: «Мы видели, что другие члены Комитета московского периода были люди с прямыми, открытыми характерами, с чрезвычайно сильной волей, которые смело ставили себе цели жизни и напрягали все силы для их достижения. До известной степени Тихомиров составлял исключение из этих лиц. Его характер был менее резко выражен, сила воли иногда казалась в нем надломленной. Но настолько прямоты, искренности и честности было в Тихомирове, что никогда он в своих статьях в органе “Народной Воли” не отступал от направления, которое вырабатывали Комитет и сама партия “Народная Воля”. Его литературный талант, как автора “Письма Исполнительного Комитета к Александру III”, в свое время был признан всей читающей Россией. Его слава выдающегося писателя покоилась, кроме того, на том, что ему принадлежала большая часть передовых статей “Народной Воли”. Но, может быть, враги “Народной Воли” будут утверждать, что все это было до марта 1881 года, а потом Тихомиров покатился вниз по наклонной плоскости, которая для него кончилась позорною ролью ренегата и монархиста. Однако, факты опровергают такое мнение. Падение Тихомирова началось не ранее 1886 года, а в 1883 году, между прочим, он поместил в сборнике, изданном в Женеве под названием “На Родине”, свои примечания к автобиографии А.Д. Михайлова. Никто, читавший эти примечания, не станет отрицать, что они принадлежат перу талантливого писателя. В начале 1884 года в Париже Тихомировым была напечатана известная его статья по поводу убийства Судейкина и измены Дегаева. И в том же году, также в Париже, вышла в свет на французском языке его книга “Conspirateurs et Policiers”. Во все это время, вплоть до своего падения, Тихомиров

[680] Дейч Л. Г.В. Плеханов в «Земле и воле» // Группа «Освобождение труда»: (из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча). Сб. 3. М.–Л., 1925. С. 64 (см. сноску).

оставался добросовестным и выдающимся вожаком партии “Народная Воля”»[681]. Эта же статья была перепечатана в сборнике статей А. Прибылевой-Корбы 1926 г., в котором было внесено единственное изменение – вместо 1886 г., она указала, что «падение Тихомирова началось не ранее 1887 года»[682]. В этой характеристике А.П. Прибылева-Корба, в отличие от В.Н. Фигнер, подчеркнула, что долгое время не наблюдала у Л.А. Тихомирова какой-либо эволюции и даже каких-либо зачатков идейного поворота вплоть до 1886/1887 г. В том числе она не упоминала и каких-либо симптомов психических отклонений у Л.А. Тихомирова. При этом, как и другие товарищи Л.А. Тихомирова, А.П. Прибылева-Корба акцентировала внимание читателей на отсутствии у него волевых качеств в сравнении с другими революционерами, однако эти черты характера, по ее словам, никак не отразились на его литературной работе, которая до последнего момента перед ренегатством отличалась своей принципиальной приверженностью революционному делу. Учитывая ее близость с Л.А. Тихомировым и В.Н. Фигнер, такие размышления могут еще больше запутать исследователей при попытке разобраться в природе ренегатства.

После издания своих мемуаров В.Н. Фигнер продолжила и в других работах развивать мысль о психологической сущности идейного поворота Л.А. Тихомирова. Знаковой стала статья В.Н. Фигнер в книге «Воспоминания Льва Тихомирова». В процессе работы над этой статьей В.Н. Фигнер испытывала серьезные трудности. В письме 28 ноября 1925 г. к М.В. Новорусскому она сообщала об этом следующее: «Работа, в моих глазах, ответственная, и она у меня не ладится, п.[отому] ч.[то] материал громадный, сложный и для меня душепотрясающий <...>»[683]. Видимо, поэтому статья в итоге получилась не столько про анализ публикуемой части архива Л.А. Тихомирова, сколько про причины его идейной метаморфозы. Эти причины она объединила в две основные версии: ту, которую она сама долгие годы отстаивала, и версию Н.А. Морозова, образно

[681] Прибылева-Корба А. Мнимое письмо Исполнительного Комитета «Народной Воли» // Былое. №6 (34). 1925. С. 80–81.
[682] Прибылева-Корба А. «Народная воля». Воспоминания о 1870–1880-х гг. М., 1926. С. 218.
[683] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 239. Л. 229.

названную «всегда стоило ожидать». В статье она снова описала его действия после смертельного покушения на Александра II, когда симптом шпиономании побудил его «носить траурную повязку по императору, отправиться в церковь и принести присягу его преемнику, а в Москве кинуться в Троице-Сергиевскую лавру, чтоб “очиститься” от предполагаемого шпионства на квартире» [684] . В.Н. Фигнер отмечала, что этому «удивлялись, над этим смеялись, но считали не больше как комедией или болезненной подозрительностью, которая пройдет. Да эти факты скорее говорят в пользу моего мнения о психической болезни, о начинавшихся симптомах ее, чем за то, что “всегда можно было ожидать”…»[685]. Особое внимание В.Н. Фигнер акцентировала на свойственном Л.А. Тихомирову мистицизме, который, по ее словам, был проявлением психической болезни: «Возможно ли признать нормальным человека, одержимого такой обрядовой манией? Его суеверие не имеет границ: при зубной боли он мажет свою щеку маслом от св. Митрофания; за завтраком – крестит яйцо, прежде чем его съесть; после дурного сна спрашивает телеграммой брата о его здоровье; заказав молебен по поводу болезни друга, он рассуждает: а вдруг он умер? и записывает: “Ну, да молитва о. Валентина не бесполезна и на том свете”. Не звучит ли это цинизмом даже в ушах человека, совершенно чуждого религиозных верований?»[686]. При этом с позицией Н.А. Морозова о предрасположенности Л.А. Тихомирова к перемене взглядов В.Н. Фигнер частично соглашалась, отмечая, что всему виной был его склад характера, ведь «он был человек безвольный и бесхарактерный: он поддавался влияниям, которые могли поднимать его на высоту или спускать в низины. Это такая почва, на которой могли вырасти всевозможные сорные травы. Почва – была: “Можно было ожидать”, но на данной почве выросло злокачественное растение – психоз, превративший революционера, республиканца и атеиста в ретрограда,

[684] Фигнер В. По поводу записок Л. Тихомирова // Воспоминания Льва Тихомирова. М.–Л., 1927. С. XXIII.
[685] Там же. С. XXIV.
[686] Там же. С. XXXVI.

монархиста и ханжу»[687]. Эта статья вошла в Полное собрание сочинений В.Н. Фигнер, увидевшее свет в конце 1920-х гг.[688].

Публицист-меньшевик Б.И. Николаевский считал версию В.Н. Фигнер о психическом заболевании неубедительной. По следам статьи В.Н. Фигнер из книги «Воспоминания Льва Тихомирова» он писал следующее: «Совершенно иначе приходится расценить статью В.Н. Фигнер. Очень красиво построенная в архитектурном отношении, она много дает для понимания общего облика Т. и психологических причин его измены. Осторожно, почти даже бережно, но в то же время выпукло и четко вырисовывает она образ этого человека, никогда не отличавшегося силою души и потому согнувшегося под бременем нужды и одиночества. Думается только, что заключительный аккорд статьи автором взят не совсем верный: наличности у Т. психоза, как болезни, делающей его безответственным за свои поступки, Фигнер все же не доказала, если не считать больным всякого, кто делает аморальные поступки под влиянием нужды. А если так, то в том шлиссельбургском споре между нею и Н.А. Морозовым, о котором В.Н. Фигнер рассказывает в статье, правы оказались не они оба, а только Морозов»[689]. Взгляд Б.И. Николаевского на природу ренегатства Л.А. Тихомирова также является свидетельством о идеологическом и мировоззренческом базисе сторонников разных точек зрения: «заболел психически» и «всегда можно было ожидать». Материалистическая картина мира меньшевиков не позволяла им принимать серьезно в качестве объяснений перемены взглядов субъективные психолого-идеалистические представления старых народовольцев, теоретическим фундаментом которых являлась ошибочная, по мнению марксистов, концепция русского социализма Герцена.

В 1927 г. в «Энциклопедическом словаре Гранат» была опубликована биографическая статья В.Н. Фигнер о Л.А. Тихомирове. Написанная на основе личных воспоминаний статья, несмотря на энциклопедический формат, в большей

---

[687] Фигнер В. По поводу записок Л. Тихомирова // Воспоминания Льва Тихомирова. М.–Л., 1927. С. XXXVI.
[688] Фигнер В.Н. Лев Тихомиров // Полное собрание сочинений в шести томах. Т. 5: Очерки, статьи, речи. М., 1929. С. 282–299.
[689] Н-ский Б. О воспоминаниях Льва Тихомирова // Каторга и ссылка. Кн. 38. 1928. С. 179.

степени была посвящена ренегатству Л.А. Тихомирова и его революционной деятельности. На основании Таблицы 1[690] мы видим, что почти половина объема этой статьи – это рассказ, основанный на свидетельствах из дневника и воспоминаний самого Л.А. Тихомирова, о предпосылках и причинах ренегатства и основных его проявлениях. Около 40% статьи – это история участия Л.А. Тихомирова в революционном движении, и только 14% текста раскрывает его нереволюционную биографию. Но именно в контексте истории ренегатства статья В.Н. Фигнер является нетипичной для энциклопедического формата, так как в тексте четко прослеживаются личная вовлеченность и переживания автора при описывании событий. Например, в советских энциклопедических статьях второй половины XX в. авторы так не акцентировали внимание и тем более не высказывали своего личного отношения о ренегатстве Л.А. Тихомирова. Если у В.Н. Фигнер теме ренегатства уделено 47,83% текста статьи, то в «Большой советской энциклопедии» 1956 г. этой проблеме было посвящено только 19,38% текста, в «Советской исторической энциклопедии» – 22,48%, а в «Большой советской энциклопедии» 1976 г. всего 16%. Статья В.Н. Фигнер имела однозначный идеологический окрас, который проявился в обличительном характере описания политики российского самодержавия. В Таблице 2 мы видим, что, хотя В.Н. Фигнер ни разу не назвала Л.А. Тихомирова ренегатом, в ее работе используется гораздо больше идеологических маркеров, чем в энциклопедических статьях второй половины XX в.: столп православной церковности; ханжество; хвалитель удушающей цензуры; реакционер; религиозный ханжа; всегда можно было ожидать; заболел психически; горделивое помешательство; разбившаяся личность[691]. Кроме того, в статью перекочевал и риторический вопрос о природе ренегатства, который был поставлен В.Н. Фигнер в статье «По поводу записок Л. Тихомирова» на основе их спора с Н.А. Морозовым. При этом в статье для «Энциклопедического словаря Гранат» она подчеркнула правоту своей версии, сославшись на то, что «психиатр несомненно найдет в грустной повести Т.,

[690] См. Приложение. Таблица 1.
[691] См. Приложение. Таблица 2.

написанной им самим, черты и меланхолии и горделивого помешательства, на почве которых разбившаяся личность могла перевоплотиться в свою противоположность»[692].

В это же время сам Н.А. Морозов в своих мемуарах не уделил большого внимания ни мировоззренческому перевороту Л.А. Тихомирова, ни его биографии в целом. Его версию природы ренегатства читатели узнали от В.Н. Фигнер. Воспоминания Н.А. Морозов начал писать еще в начале XX в., находясь в заточении в Шлиссельбургской крепости. Потом, в 1912 г., он дописал основную часть мемуаров, которая в совокупности с первой частью и получила привычное читателям название «Повести моей жизни». Однако этот вариант воспоминаний включал события только до раскола «Земли и воли», история «Народной воли» тогда была им не рассказана[693]. Отдельные фрагменты воспоминаний о «Народной воле» и ее деятелях он дописал уже в советские годы, когда его мемуары пользовались популярностью. В советское время «Повести моей жизни» были переизданы семь раз, но «самым лучшим, самым полным и оптимально комментированным остается трехтомное издание 1947 г. под редакцией Б.П. Козьмина»[694]. Это издание вышло с небольшими дополнениями через год после смерти Н.А. Морозова. Поэтому в нашей работе мы использовали для анализа именно это издание. Н.А. Морозов констатировал тот факт, что, хотя Л.А. Тихомирова товарищи «считали вялым и непрактичным», они не могли предположить, что «через несколько лет он переменит все свои убеждения и перейдет на сторону самодержавия»[695]. При этом Н.А. Морозов акцентировал внимание на том, что уже в первый год деятельности «Народной воли» у него с Л.А. Тихомировым «очень обострились теоретические, а отчасти и моральные разногласия», из-за того, что тот «недостаточно искренне ведет дело с товарищами и хочет захватить над ними диктаторскую власть, низведя их путем сосредоточения всех сведений о их деятельности только в распорядительной комиссии из трех

[692] Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41: Ч. VIII: Течения морские–Торс. М., 1927. Стлб. 190.
[693] Твардовская В.А. Н.А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983. С. 3–4.
[694] Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. С. 33.
[695] Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 2. М., 1947. С. 516.

человек на роль простых исполнителей поручений, цель которых им не известна. Да и в статьях своих, казалось мне, он часто пишет не то, что думает и говорит иногда в интимном кругу»[696]. Отношения между ними еще более ухудшились, когда в начале 1880 г. была арестована типография «Народной воли» и у Н.А. Морозова главная «обязанность в организации внезапно упразднилась», а Л.А. Тихомиров в это время внезапно приобрел «очень сильное влияние на деятельность общества» и провел в «печать “решением большинства” написанную им программу, с которой значительная часть других товарищей», в том числе и Н.А. Морозов, «совершенно не были согласны»[697]. В более поздней части мемуаров причину теоретических разногласий с Л.А. Тихомировым он связывал со своим увлечением марксизмом, а не с личностными разногласиями. В очерке «Карл Маркс и “Народная воля” в начале 80-х годов», написанном к 50-летней годовщине со дня смерти Карла Маркса и опубликованном в журнале «Каторга и ссылка» в 1933 г., Н.А. Морозов указывал следующее: «А из немногих теоретиков одни, как Тихомиров, считали как бы долгом верности своему прошлому симпатизировать более народничеству, другие же, как я, допускали и эволюцию в своих теоретических представлениях. На меня еще до возникновения Народной воли огромное влияние произвело чтение “Капитала” Маркса. <…> Я понял, что только с этого момента политическая экономия стала действительно наукой, и вывел из основных положений Маркса дальнейшие последствия, в результате которых появилась первая программная трещина между мною и Тихомировым»[698]. Возможно, что такой ретроспективный разворот к марксизму престарелого Н.А. Морозова и акцент на этом аспекте в вопросе разрыва с народовольцами сделал возможным публикацию его мемуаров в 1947 г., когда история народничества находилась под жесткой цензурой. Но были и другие причины, которые, вполне вероятно, тоже сыграли свою роль в послевоенной публикации «Повестей моей жизни». Во-первых, Н.А. Морозов не был обычным народником на пенсии: он являлся признанным ученым и почетным

[696] Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 1. М., 1947. С. 20–21.
[697] Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 3. М., 1947. С. 292–293.
[698] Там же. С. 262.

академиком Академии наук СССР. Во-вторых, Н.А. Морозов, хоть и не вступил в ряды Коммунистической партии, в конце жизни был дважды награжден орденом Ленина: в 1944 и 1945 гг.[699]. Поэтому на фоне этих регалий логичным событием выглядит издание мемуаров в память об ушедшем из жизни в 1946 г. Н.А. Морозове, в том числе и тех работ, которые публиковались впервые.

Религиозность, мистицизм, шпиономанию и другие «отклонения» в поведении Л.А. Тихомирова отмечала не одна В.Н. Фигнер, но и многие другие товарищи по революции. В.Н. Фигнер в статье для «Энциклопедического словаря Гранат» писала, что версию о психической болезни поддерживали и другие революционеры-народники, которые лично знали Л.А. Тихомирова и «вместе с ним бывшие в организациях»: кроме себя, она указала С.А. Иванову-Борейшо, Н.А. Чарушина, А.И. Корнилову-Мороз[700].

Схожего мнения была член «Народной воли» и партии эсеров Н.М. Салова. В автобиографии, которую она написала в 1926 г., находясь в Чите[701], она указала следующее: «Л.А. Тихомиров – мягкий до бесхарактерности человек, уже в то время казался нервнобольным, несмотря на все усилия скрывать это. Он, например, мог работать (писать) только ночью при абсолютной тишине, напившись предварительно крепчайшего кофе, изрядный запас которого он брал к себе на ночь. Он был до смешного детски-непрактичен и равнодушен ко всяким житейским удобствам; блага земные не имели для него ни малейшего значения. Такой человек не мог стать “ренегатом”, как его обыкновенно называют; только болезнь, глубокое психическое расстройство, могла привести его в лагерь врагов»[702]. Н.М. Салова, будучи в эмиграции, даже жила какое-то время в семье Тихомировых в Женеве, поэтому действительно могла знать бытовые факты о нем.

Также тезис о психическом заболевании Л.А. Тихомирова озвучил бывший народоволец и эсер Л.В. Фрейфельд в статье для журнала «Каторга и ссылка»,

---

[699] Шикман А.П. Николай Морозов. Мистификация длинною в век. М., 2016. С. 192.
[700] Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41: Ч. VIII: Течения морские–Торс. М., 1927. Стлб. 190.
[701] Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. Репринтное изд. М., 1989. С. 211.
[702] Там же. С. 216.

посвященной революционерке-народнице С.М. Гинсбург: «Департамент полиции, перетянув на свою сторону уже психически ненормального Тихомирова, рассчитывал нанести партии решительный удар. Логика жизни, логика вещей делала, однако, свое дело»[703].

Большое значение психическим отклонениям, религиозности и мистицизму придавал и другой близкий товарищ Л.А. Тихомирова – народоволец из Киева А.Н. Бах. Свои размышления об этом он изложил в своих мемуарах, которые вышли отдельной книгой в 1929 г. Воспоминания А.Н. Баха печатались еще в 1907 г. в журнале «Былое», но тогда редактор В.Л. Бурцев вычеркнул из рукописи много материала и в публикации были указаны не все имена. В 1927 г. А.Н. Бах в процессе работы над книгой «Воспоминания Льва Тихомирова» и после ее выхода дополнил свои воспоминания новой информацией о Льве Тихомирове[704]. Поэтому данные мемуары мы отнесли к раннесоветскому периоду, когда они стали крайне актуальны на волне интереса к биографии Л.А. Тихомирова и были дополнены самим автором по следам новых источников. А.Н. Бах познакомился с Л.А. Тихомировым в эмиграции, приехав к нему в Париж. Причем первоначально А.Н. Бах, увидев Л.А. Тихомирова, был разочарован, так как облик Тихомирова не соответствовал сложившемуся у А.Н. Баха идеализированному образу революционера: коренастый человек «лет 33, ниже среднего роста, с широким, украшенным рыжевато-каштановой растительностью лицом и непрерывно двигающимися из стороны в сторону глазами. Такие лица встречаются сотнями среди смешанного населения Новороссийского края и Северного Кавказа. Но глаза его, несмотря на их неприятную беготню, несомненно блистали умом. Одет он был очень неряшливо. Платье его, которое, по-видимому, никогда не чистилось, было испещрено жирными пятнами, следами пищи»[705]. Но первоначальное впечатление, как отметил А.Н. Бах далее, развеялось после начала разговора, а вопросы, которые задавал ему Л.А. Тихомиров, «изобличали в нем очень умного человека, который отлично знал,

[703] Фрейфельд Л. Светлой памяти Софьи Михайловны Гинсбург // Каторга и ссылка. 1924, №5 (12). С. 262.
[704] Бах А.Н. Записки народовольца. М.–Л., 1929. С. XV.
[705] Там же. С. 195.

где лежат узловые пункты революционного движения, и не говорил пустых слов»[706].

А.Н. Бах в попытках объяснения причин ренегатства придал больше значение анализу присущих Л.А. Тихомирову религиозности и шпиономании, которые редко тогда можно было встретить у «образованных людей и никогда у революционеров»[707]. Однако, оставаясь сторонником многофакторного подхода в объяснении природы этого феномена, он ставил на первое место тезис о том, что Л.А. Тихомиров «никогда не был настоящим революционером» [708] . А.Н. Бах, опираясь прежде всего на личные впечатления о Л.А. Тихомирове, выделял следующие факторы, повлиявшие на уход последнего из революции: 1) религиозность; 2) шпиономания; 3) отсутствие революционных убеждений; 4) воздействие российской охранки; 5) разгром «Народной воли»; 6) влияние И.Я. Павловского; 7) болезнь сына. Но А.Н. Бах считал, что факторы с 4-го по 7-й, скорее, поспособствовали ренегатству, но не были первопричиной, а 1-й и 2-й пункты в совокупности являются основными доказательствами в пользу психического заболевания. Соответственно, размышления А.Н. Баха стали продолжением шлиссельбургского спора Н.А. Морозова и В.Н. Фигнер «“заболел психически” или “всегда можно было ожидать”», рассказанного В.Н. Фигнер.

А.Н. Бах считал, что немало ренегатству поспособствовали «болезнь его сына» и «сильное влияние» на него И.Я. Павловского, располагавшего «большими средствами», и который «в наиболее бедственные для Тихомирова моменты помогал ему деньгами и непрерывно возбуждал его против эмигрантов и революции вообще. А после того, как Тихомиров пришел к полному отрицанию революции, Павловскому не стоило труда убедить его сделать все логические выводы из положения и подать прошение о помиловании»[709]. И.Я. Павловский был профессиональным журналистом, бежал за границу из Архангельска по политическим мотивам, где зарабатывал написанием статей для газеты «Новое

[706] Бах А.Н. Записки народовольца. М.–Л., 1929. С. 195.
[707] Там же. С. 204.
[708] Там же. С. 205–206.
[709] Там же. С. 206–207

Время», подписываясь псевдонимом «И. Яковлев». В 1886 г. Л.А. Тихомиров при посредничестве И.Я. Павловского получил от парижского издательства «Savine'a» предложение написать книгу о современной России. Этой книгой стала «La Russie politique et sociale». По мнению А.Н. Баха, именно во время работы над книгой у Л.А. Тихомирова «возникла мысль о создании широкой партии, охватывающей все прогрессивные элементы русского общества, но партии умеренной, без террора. Он некоторое время носился с этой мыслью, но потом, под влиянием Павловского, который отлично использовал положение, Тихомиров стал отвергать всякое революционное действие и наконец признал, что царская власть является единственно-действенной общественной силой и что вне ее нет спасения»[710].

А.Н. Баха в религиозности Л.А. Тихомирова удивлял не столько сам факт наличия у него веры и не сам факт исполнения Тихомировым религиозных обрядов, сколько степень вовлеченности Тихомирова в вопросы веры и то, насколько вера была вплетена в повседневный быт Тихомирова. Так, он вспоминал, что Л.А. Тихомиров «был религиозен до ханжества и суеверен, как уездная купчиха», что, например, выражалось и в общении с трехлетним сыном, которому «он постоянно говорил о боге и о Христе. При чем это был не бог и не Христос, а “бозинька” и “хлистосик”. Когда в рождественское утро в башмаке мальчика под камином оказывались подарки, это значило, что “хлистосик” положил их туда. Прямо с души воротило! Я спросил раз Тихомирова, зачем он внушает мальчику такие несуразные мысли. Он окрысился и сказал: когда у вас будут свои дети, вы их будете воспитывать, как вам нравится» [711] . Также А.Н. Баха в поведении Л.А. Тихомирова поразил сильный мистицизм, который с христианством сочетался слабо. Однажды, вспоминал А.Н. Бах, Л.А. Тихомиров вернулся домой и «увидел у себя на камине великолепный букет желтых boutons d'or [712] , принесенный Вандакуровой», из-за которого он «страшно взволновался и рассердился: кого это черт дернул принести ему желтые цветы? Когда я его совершенно невинно спросил,

[710] Бах А.Н. Записки народовольца. М.–Л., 1929. С. 201.
[711] Там же. С. 203–204.
[712] С французского: золотые бутоны.

в чем дело, он мне ответил, что желтые цветы приносят несчастье! Видя мой недоуменный взгляд, он добавил: “Ну, вы этого не понимаете”»[713]. Не меньше А.Н. Баха удивляла шпиономания Л.А. Тихомирова. Симптомы шпиономании А.Н. Бах лицезрел уже в первый день знакомства с Л.А. Тихомировым: «<…> он на каждом перекрестке показывал мне шпика[714]. На пятом или шестом я не выдержал и сказал: ну, и черт с ним, ведь не на конспиративное свидание идем!»[715].

Сотрудники российской охранки действительно работали во Франции и следили за эмигрантами, и даже создавали провокации. В нескольких провокациях невольно поучаствовал Л.А. Тихомиров. Первый случай, согласно мемуарам А.Н. Баха, произошел, когда эмигрантам были написаны и отправлены «ругательные письма, пользуясь “агентурными сведениями” для того, чтобы задеть у каждого самое чувствительное место. Тихомирова эти письма приводили в неописуемое состояние»[716]. Второй эпизод случился, когда Л.А. Тихомиров «заказал себе визитные карточки, на имя: Léon de Tikhomiroff. Через некоторое время он получил ругательное письмо и сотню великолепно гравированных карточек на имя: Léon Tigritch[717] de Prokhvostof. Тихомиров реагировал на эту пошлость как на катастрофу. Прямо жалко было смотреть на него»[718].

Однако, в отличие от В.Н. Фигнер, А.Н. Бах считал, что религиозность, мистицизм и мания преследования, скорее, были чертами характера Л.А. Тихомирова, которые в совокупности делали его человеком изначально непригодным к революции, но не являлись признаками какого-либо серьезного психического заболевания: «Тихомиров был не более психически больным человеком, чем я и вы. Он жизнь прожил и, насколько известно, психиатрическому воздействию не подвергался. Так что объяснить его ренегатство банальным психическим расстройством, “сумасшествием”, совершенно не приходится»[719].

---

[713] Бах А.Н. Записки народовольца. М.–Л., 1929. С. 204.
[714] С жаргона революционеров – «шпион».
[715] Бах А.Н. Записки народовольца. М.–Л., 1929. С. 204–205.
[716] Там же. С. 205.
[717] Речь идет о революционной кличке Л.А. Тихомирова – «Тигрович».
[718] Бах А.Н. Записки народовольца. М.–Л., 1929. С. 205.
[719] Там же. С. 205–206.

Также А.Н. Бах отмечал, что «если бы Народная Воля процветала, если бы она победила, Тихомиров, конечно, не стал бы ренегатом». В действительности у Л.А. Тихомирова, по словам А.Н. Баха, никогда не было твердых революционных убеждений, так как «убеждения человека являются не результатом умственных выкладок, а определяются сложным взаимодействием психических данных, которые он только в исключительных случаях волен изменить. Истинным революционером, как и истинным поэтом, надо родиться, сделаться им нельзя. И если мы видим, что выдающийся революционер, один из крупнейших вождей партии Народной Воли, участник цареубийства, обернулся искренним монархистом – а в искренности Тихомирова тогда никто не сомневался, – то тут возможны только два объяснения: или Тихомиров пал жертвою серьезного психического расстройства, или же он никогда не был настоящим революционером, а был только случайным спутником революционного движения»[720].

Чтение воспоминаний Л.А. Тихомирова еще больше убедило А.Н. Баха в мысли, что тот не был никогда по-настоящему революционером, тем более что «в революцию он пошел не по собственной инициативе, не потому, что у него было непреодолимое стремление к революционной работе, а как будто был вовлечен в нее пассивно. И это похоже на правду. Тихомиров был несомненно умный, талантливый и притом честный человек. Но воли у него было мало. Попав в блестящую плеяду борцов Народной Воли первого призыва, он поддался их влиянию, жил волевыми импульсами, которые от них исходили, и применил свой талант для служения революционному делу. Но, когда их не стало, он остался без поддержки и заметался. Появились у него сомнения в целесообразности всей революционной борьбы, он уехал за границу в намерении жить совершенно частным человеком. Но революционные навыки у него еще были сильны, он подпал под влияние Оловенниковой, которая убедила его принять участие в качестве редактора в издании “Вестника Народной Воли”. Вместе с нею он ликвидировал дегаевское предательство, организовал Лопатинскую “Распорядительную

[720] Бах А.Н. Записки народовольца. М.–Л., 1929. С. 203.

Комиссию", словом, пошел по старому пути. И вдруг опять крах, на этот раз полный, непоправимый. Впереди было пустое место. И так как сама Марья Николаевна признавала это, то ясно, что Тихомиров не мог уже найти в ней ту поддержку, без которой он не мог существовать, как революционер. Он и отстал, вернулся в первобытное состояние, пошел туда, куда влекли его основные психические данные»[721].

Революционный писатель и издатель В.Л. Бурцев в воспоминаниях также отмечал в Л.А. Тихомирове крайнюю степень религиозности. Во время посещения Л.А. Тихомирова в начале XX в. в Москве, он поразил В.Л. Бурцева «религиозностью и своим ханжеством», и особенно его удивило то, как за едой тот «крестился чуть ли не при каждом куске, который клал в рот»[722].

В 1930 г. были переизданы мемуары О.С. Любатович, одну часть из которых она написала еще в конце 1895 г., а вторую окончила в 1906 г. специально для публикации в журнале «Былое» [723] . В этих мемуарах также присутствовала характеристика Л.А. Тихомирова. Причем эту характеристику, по словам С.Н. Валка, ей «пришлось ввести в повествование главным образом для того, чтобы противопоставить» Л.А. Тихомирова Н.А. Морозову[724]. Но ее воспоминания ценны еще и с другой точки зрения. О.С. Любатович рассказала историю празднования в Санкт-Петербурге Нового года (1880 г.), на котором присутствовали многие народовольцы. Так, по ее словам, кроме обычных для такого вечера действ, присутствующие на вечере устроили спиритический сеанс: «Кто-то предложил попробовать спиритическое гаданье; в одну минуту со смехом и шутками изготовили большой лист бумаги с четкими буквами, перевернули на нее блюдечко и сели за стол. Первым был вызван дух императора Николая I, его спросили, какою смертью умрет его сын, Александр II. Блюдечко долго неопределенно блуждало, и наконец получился странный ответ – от отравы... Этот ответ расхолодил всех, он показался лишенным всякого вероятия, так как некоторые из присутствующих

[721] Бах А.Н. Записки народовольца. М.–Л., 1929. С. 206.
[722] Бурцев В.Л. В погоне за провокаторами. М.–Л., 1928. С. 52.
[723] Любатович О. Далекое и недавнее. М., 1930. С. 17.
[724] Там же. С. 6.

знали, что готовится дворцовый взрыв, а всем вообще было известно, что яд не был тем оружием, которое употребляла бы организация Исполнительного Комитета “Народной Воли”. Этот неудачный ответ расхолодил настроение; гаданье бросили»[725]. В этом эпизоде проиллюстрирован мистицизм народовольцев, которые мало того, что принимали в данном обряде участие, не видя в нем ничего предосудительного, более того, судя по их реакции на итоги этого спиритического сеанса, относились они к нему вполне серьезно. И нельзя не отметить, что на фоне данного факта малоубедительно звучат претензии бывших товарищей Л.А. Тихомирова к его мистицизму.

О.С. Любатович еще в дореволюционное время уделяла внимание в воспоминаниях характеристике Л.А. Тихомирова. Она отмечала, что, несмотря на его «недюжинный литературный талант», его теоретические взгляды «были очень шатки, – они не имели ярко определенной чеканки. Он искал всегда вдохновения извне, но, как человек самолюбивый, искал этого вдохновения не в той сфере, где он вращался ежедневно, – хорошо понимая, что такая идейная неустойчивость могла повредить его престижу, – но там, где он был гостем»[726]. Также она вспомнила давний откровенный разговор с Л.А. Тихомировым, в котором он признался в отсутствии у него твердых революционных взглядов. Беседуя с О.С. Любатович «о народе, о терроре, о революционных перспективах вообще», Л.А. Тихомиров сказал ей, что не верит в успех революционного дела[727]. А на последовавший с ее стороны вполне закономерный вопрос, по какой же причине он тогда до сих пор находится в революционном кругу, Л.А. Тихомиров ответил: «А потому, что в нем мои старые товарищи»[728]. О.С. Любатович не сомневалась в искренности его покаяния. При этом для нее это покаяние не звучало как предательство, так как она была уверена, что Л.А. Тихомиров никогда не выдаст своих товарищей ради своей личной выгоды или даже самосохранения: «Впоследствии, когда я коротала дни в бессрочной ссылке на берегах Лены, но в

[725] Любатович О. Далекое и недавнее. М., 1930. С. 124.
[726] Там же. С. 112.
[727] Там же. С. 112.
[728] Там же. С. 112.

Сибири разнесся слух, что Тихомиров просил пощады у правительства и вернулся в Россию с семьей. Я знала, что он не лгал ради самосохранения; я знала, что он давно молчаливо носил нравственную смерть в своей душе, но я знала также, что если он купил себе свободу ценою своего личного достояния, ценою своего имени, то вверенные его чести свобода и жизнь товарищей не войдут в эту цену, не пострадают; я знала, что Тихомиров не может быть ни Гольденбергом, ни Дегаевым, и не ошиблась; а скольких мог бы он вернуть из административной ссылки если не на эшафот, как Дегаев вернул барона Штромберга, то в каторжную тюрьму!.. История все-таки это должна знать, помнить и быть справедливой... Горше доли, как доля Тихомирова, придумать трудно!..»[729].

С такой позицией О.С. Любатович не был согласен другой товарищ Л.А. Тихомирова – Н.С. Русанов. В своих мемуарах он писал, что Л.А. Тихомиров «никого не выдал грубо материально, не сделал определенного доноса на то или другое живое лицо» из-за своей «физической трусости», которая «могла остановить его на пути формального предательства: он знал, что и с разгромом террористической партии в России находилось все-таки еще достаточное число революционно настроенных людей, от которых Тихомирову было бы трудно спастись, если бы он занялся в буквальном смысле предательством. Затем ему, собственно, нечего и некого было выдавать. Старые организации были разрушены, старые товарищи погибли (или заживо схоронены правительством в каменных мешках Шлиссельбурга и в далеких снегах Сибири). Молодые организации были очень слабы, а с молодыми товарищами Тихомиров к тому времени и сам не хотел видаться»[730]. При этом для Н.С. Русанова предательством стали даже усилия Л.А. Тихомирова «дискредитировать идею, которой он раньше служил, загрязнить партию, одним из главнейших руководителей которой он раньше являлся, и притом о прошлом говорить тоном знатного иностранца, который словно ни к чему не был причастен, всячески затушевывать свою ответственность и всю вину валить на

[729] Любатович О. Далекое и недавнее. М., 1930. С. 112–113.
[730] Русанов Н.С. В эмиграции: [воспоминания]. М., 1929. С. 176.

других, то этой предательской деятельностью он занимался усердно в течение десятков лет»[731].

Н.С. Русанов принял особенно близко к сердцу ренегатство, так как в последние годы до этого события тесно взаимодействовал с Л.А. Тихомировым в рамках литературной работы. Н.С. Русанов был сторонником версии, что Л.А. Тихомиров был физически и психически не готов к революции. В своих мемуарах, написанных в 1923–1924 гг. в эмиграции и изданных в СССР в 1929 г., он настаивал на том, что у Л.А. Тихомирова была «особенность, которая от времени до времени проскальзывала у него» – это была «физическая трусость», которую «он, как человек умный, старался обыкновенно скрывать, но которая прорывалась у него порою с неприятною напряженностью»[732]. Один из таких эпизодов «трусости», по его словам, произошел осенью 1883 г. во время поездки Л.А. Тихомирова в Лондон: «И вот, рассказывая мне о своих лондонских впечатлениях, Тихомиров принялся необыкновенно длинно и взволнованно повествовать о том, как в вагоне его ужасно перепугал какой-то пьяный англичанин, который все время грозил убить его палкой. И глаза Тихомирова, страдавшего нистагмом, с каким-то особенным страхом прыгали по комнате. И тут же, придя в странное нервное состояние, он нескладно и путанно стал припоминать, как однажды в горах на Кавказе он испытал такое же сильное ощущение страха, когда ему сумрачным вечером показалось, что в кустах зашевелился кабан, и он кое-как вскарабкался на дерево и просидел там несколько часов до следующего утра, пока на тропинке не показались люди»[733]. Другой случай произошел в Париже, когда Л.А. Тихомиров получил шутливую открытку, написанную, видимо, сотрудниками тайной полиции: «Открытка была адресована по французски “Мосье Базилю Долинскому”, а по русски на ней было написано: “Лев Тигрыч де Прохвостов, не думай, что мы забыли о тебе. Под какими бы именами и прозвищами ты ни скрывался, знай, что мы захватим тебя в свои руки и отвезем в Россию, где ты, нераскаянный злодей, и примешь от палача давно

[731] Русанов Н.С. В эмиграции: [воспоминания]. М., 1929. С. 176.
[732] Там же. С. 110–111.
[733] Там же. С. 111.

заслуженную тобой казнь за твои адские преступления". Тихомиров буквально потерял от страха голову:

– Ах, Н.С., с этими ребятами шутить нельзя: шутка шуткой, а уж они со мной расправятся. Подумайте, ведь они узнали уже, что Долинский это Тихомиров, а тут еще французская полиция в дружбе с русской...

Тщетно я и другие товарищи Тихомирова старались представить ему всю невероятность этой перспективы, которую шпионы могли пугать только малых детей. Тихомиров никак не мог успокоиться. Он приводил нам примеры похищения итальянских революционеров австрийскими шпионами в Англии, детей американских миллиардеров бандитами с целью выкупа и т.п.»[734].

Мания преследования и усиление российской охранки во Франции на фоне русско-французского сближения вынудила Л.А. Тихомирова пойти на крайние меры. Он попросил П.Л. Лаврова устроить ему встречу Ж. Клемансо, который в то время был депутатом французского Парламента и потенциально мог обезопасить жизнь Л.А. Тихомирову от деятельности российской полиции. По воспоминаниям Н.С. Русанова, во время встречи с Ж. Клемансо Л.А. Тихомирова настиг приступ страха, в результате которого и так плохо говоривший по-французски Л.А. Тихомиров не смог связать и двух слов: «Вскоре мы узнали от одного из близких приятелей Клемансо об удручающем впечатлении, произведенном Тихомировым на знаменитого сокрушителя министерств.

Дело было не только в том, что Тихомиров, сносно читавший, но плохо говоривший по-французски, поручил объясняться за себя Лаврову, а сам прибавил едва несколько бессвязных фраз. Но Клемансо не мог, по его собственным словам, опомниться от изумления, когда увидел перед собою всю беспомощную фигуру Тихомирова:

– Вы понимаете, когда гражданин Лавров предупредил меня, что приведет на свидание со мной представителя Народной Воли за границей, я, признаюсь, ожидал встретить человека вроде наших знаменитых террористов великой революции. Я

[734] Русанов Н.С. В эмиграции: [воспоминания]. М., 1929. С. 111–112.

слышал, что Тихомиров был душою той героической партии, которая своею борьбой с царским абсолютизмом привлекла внимание всего мира. И я приготовлялся встретить героя из героев... Представьте же себе мое печальное, трижды печальное разочарование, когда вместо Дантона или по крайней мере Робеспьера, – да что, вместо любого из вождей наших оппортунистов, Ферри или Вальдэка Руссо, – я увидал человека вне себя от страха, с прыгающими по сторонам глазами, дрожащими руками, бессвязным лепетом “мосье Клемансо, мосье Клемансо”»[735]. Сам же Л.А. Тихомиров считал, что этот визит ему действительно помог. Так, в мемуарах он писал следующее: «Меня хотели застращать и заставить выехать из Франции, но благодаря заступничеству Клемансо дело кончилось тем, что министерство согласилось, чтобы я выехал только из Парижа на некоторое время, чтобы оно имело возможность “смотреть сквозь пальцы”»[736]. Зато инцидент на приеме у Ж. Клемансо сильно поразил и огорчил Н.С. Русанова. По его словам, М.Н. Ошанина, почувствовав этот настрой, попыталась объяснить поступок Л.А. Тихомирова: «Организатору приходится, Н.С., считаться с людьми разного типа и ставить каждого на свое место. В этом отношении Александр Михайлов был незаменим. Ему было достаточно поработать с кем-нибудь в течение нескольких недель, чтобы безошибочно определить, на что этот человек способен и чего от него нельзя ждать. И, главное, он понимал людскую душу. Когда надо было, он был страшно требовательным. В других случаях он поражал своею снисходительностью. Именно потому, что понимал, докуда может идти человек известного типа. Кто хорош как заговорщик, кто как литератор, а кто как “бомбардир”. На бомбы нечего ставить человека, умеющего писать, но не обладающего крепкими нервами... <…> Знаете, мне приходилось в течение своей конспиративной жизни встречаться с людьми разного рода. Всего, пожалуй, любопытнее тип человека, который проявляет замечательное мужество, когда, напр., нужно принять какое-нибудь чрезвычайно ответственное политическое решение, и в то же время физически труслив. Тут ничего не поделаешь. Это уже

[735] Русанов Н.С. В эмиграции: [воспоминания]. М., 1929. С. 112–113.
[736] Тихомиров Л.А. Тени прошлого. Воспоминания. М., 2000. С. 537.

чисто органическая особенность, с которой человек не может справиться. Возьмут его – он будет вести себя безупречно, никого не выдаст, но привезут его к эшафоту, он еще до повешения потеряет сознание от чисто физического страха»[737]. Но не только физическая трусость Л.А. Тихомирова беспокоила Н.С. Русанова. По его мнению, у Л.А. Тихомирова «не было никогда органически сросшихся с ним убеждений», и ключевую роль в его успешности как революционера играли «возбудители умственной и нравственной энергии в лице его глубоко убежденных, сильных умом и волею товарищей, целиком отдавших себя на служение высоким идеалам. И его слабая, восприимчивая душа настраивалась по их героическому камертону»[738]. Когда же Л.А. Тихомиров перешел в монархический лагерь, по мнению Н.С. Русанова, у него почти полностью исчез литературный талант, так как там он не встретил сопоставимых фигур, какими были его товарищи-революционеры: «Но можно ли было Тихомирову найти соответствующих возбудителей светлых мыслей и альтруистических чувств в монархическом лагере, особенно в реакционном авангарде его? Конечно, нет! И Тихомирову приходилось внешним образом усваивать новое, реакционное мировоззрение, перенимать монархическую аргументацию, подделываться под язык и стиль сторонников царского самодержавия, и сторонников по большей части корыстных. Конечно, при таких условиях, мог захиреть и исчезнуть и самый крупный литературный талант. И если не огромный, то выдающийся талант Тихомирова захирел и исчез»[739]. Поэтому в правительственном лагере, по словам Н.С. Русанова, Л.А. Тихомиров не добился ничего выдающегося, что удалось ему сделать в революционном движении: «Идейному изменнику не удалось, действительно, осуществить и одной десятой доли тех честолюбивых планов, которые развертывались перед его охваченной гипнозом огромного самолюбия душой. И то обстоятельство, что все-таки некоторую долю этих планов он осуществил, только усугубляет общее крушение его мечтаний. Он не стал ни первым министром, ни советником царя, ни

[737] Русанов Н.С. В эмиграции: [воспоминания]. М., 1929. С. 113.
[738] Там же. С. 179.
[739] Там же. С. 179–180.

даже влиятельным публицистом реакции, ни графом Дмитрием Толстым, ни Катковым и вряд ли даже Карлом-Амалией Грингмутом. Поистине примечательна сама неприметность его роли среди охранителей»[740]. Исходя из этого, как считал Н.С. Русанов, не нужно придавать большого значения ренегатству Л.А. Тихомирова, оно было не «великой трагедией великой души, а житейской драмой в общем второразрядного человека, которого жестокие условия русской действительности временно поставили на один из самых ответственных исторических постов. И он был раздавлен непомерною для него тяжестью роли, как раздавливается под несоответствующим грузом штукатурный пьедестал, выкрашенный под гранит»[741].

В отличие от других товарищей, Н.С. Русанов ознакомился с литературной работой Л.А. Тихомирова после ренегатства и подробно разобрал одну из книг монархического периода – «Начала и концы». В этой книге, по мнению Н.С. Русанова, Л.А. Тихомиров сознательно принижал свою роль в освободительном движении, желая показаться «не львом и не тигром, а невинным ягненком, который лишь стечением несчастных обстоятельств и тлетворным влиянием товарищей, в свою очередь зараженных общей атмосферой русского нигилизма, был заведен в лагерь революции, всегда оставаясь в душе любителем порядка и начальства» [742] . Н.С. Русанов считал, что «бескорыстный идейный ренегат» должен «ненавидеть прежде всего свое собственное прошлое» и осуждать «свою личную деятельность с еще большею страстностью, чем деятельность своих бывших товарищей», к которым должен относиться «гораздо более снисходительно», в отличие от того, как поступил Л.А. Тихомиров в книге[743]. В «Началах и концах» же, сетовал Н.С. Русанов, он был «наоборот, чрезвычайно резок в своих приговорах о революционной эпохе, необыкновенно строг в своих суждениях о единомышленниках, не щадя даже своих ближайших друзей», а «по отношению к самому себе в его душе струились неиссякаемые источники

[740] Т Русанов Н.С. В эмиграции: [воспоминания]. М., 1929. С. 178.
[741] Там же. С. 180.
[742] Там же. С. 177.
[743] Там же. С. 177.

снисхождения и симпатии»[744]. Кроме того, Н.С. Русанов указал на противоречия в изложении исторических фактов Л.А. Тихомировым. Так, в «Началах и концах», по словам Н.С. Русанова, Л.А. Тихомиров характеризует Н.И. Рысакова, как «малолетнего изверга, дерзнувшего поднять преступную руку на священную особу монарха»[745]. Чудовищность этой фразы заключалась, по мнению Н.С. Русанова, в том, что «все знали, что именно Тихомиров особенно настаивал на том, чтобы покушение на Александра II было поручено прежде всего Рысакову, что он толкал импульсивного, но не особенно стойкого юношу на цареубийство, что он почти буквально вложил бомбу в его руку»[746]. Именно такой цитаты о Н.И. Рысакове в «Началах и концах» нам найти не удалось ни в издании 1890 г.[747], ни в современном переиздании в рамках сборника «Критика демократии»[748]. Н.С. Русанов обвинил Л.А. Тихомирова еще в том, что тот в книге сообщает факты, которые носят «форму почти коллективного доноса на известные общественные круги, о том, что не надо думать, будто средства на покушения Исполнительный Комитет получал от радикальной интеллигенции, разночинцев, рабочих, – то все были, видите-ли, жалкие крохи, – нет, бюджет этого главного органа Народной Воли, достигавший 80.000 рублей в год, исключительно пополняется крупными пожертвованиями богатых либералов. Здесь, мол, правительство должно искать главных виновников революционной смуты...»[749].

Также Н.С. Русанов критиковал литературную работу Л.А. Тихомирова в «Московских ведомостях», на страницах которых «можно было найти целую уйму виртуозов мрачного охранительства куда талантливее Тихомирова. А по части клоунов охранительства веселого не было балагана занятнее для читателя, чем балаган “Нового Времени”. На долю же Тихомирова не выпадало даже успеха скандала. Его противники стали читать его, позевывая, а скоро и совсем перестали читать. Его друзья из охранительного лагеря по обязанности похваливали его, а в

[744] Русанов Н.С. В эмиграции: [воспоминания]. М., 1929. С. 177.
[745] Там же. С. 177.
[746] Там же. С. 177.
[747] Тихомиров Л. Начала и концы. Либералы и террористы. М., 1890.
[748] Тихомиров Л.А. Критика демократии: Статьи из журнала «Русское Обозрение», 1892–1897. М., 1997. С. 68–109.
[749] Русанов Н.С. В эмиграции: [воспоминания]. М. 1929. С. 177–178.

душе были рады, что в лице такого крупного перебежчика для них не выросло, как они того боялись раньше, опасного конкурента по уловлению расположения начальства. Лишь один раз Тихомиров был удостоен серьезной полемики с людьми прогрессивного лагеря. Это когда Владимир Соловьев, играючи, оттрепал нашего "назадняка" за его поистине изуверские размышления по поводу христианства вообще и православия в частности, показав, что и в этом вопросе, где Тихомиров считал себя специалистом, его невежество равнялось разве лишь его самомнению»[750].

Критика Вл.С. Соловьева, о которой сообщал Н.С. Русанов, была на статьи Л.А. Тихомирова в «Русском обозрении». Вл.С. Соловьев опубликовал ряд статей в «Вестнике Европы» с критикой религиозных представлений Л.А. Тихомирова: «Вопрос о "самочинном умствовании"»[751]; «Порфирий Головлев о свободе и вере»[752]; «Спор о справедливости»[753]; «Конец спора»[754]. Справедливости ради нужно отметить, что участниками этой полемики были еще и В.В. Розанов[755], который придерживался схожих с Л.А. Тихомировым идей, и Н.П. Аксаков, также критиковавший православных «неофитов»[756].

Но не только литературная работа Л.А. Тихомирова после отступничества вызывала осуждение Н.С. Русанова, но и его поведение. Так, например, его поразило первое политическое действо Л.А. Тихомирова, когда «он пошел в Петропавловский собор поклониться гробу Александра II. Сцена, действительно, достойная размышления! Внутри Петропавловской крепости, держащей в своих каменных объятиях русских революционеров, один из их бывших товарищей, – и из наиболее активных, – преклоняет колена перед изорванным телом им же в бозе

---

[750] Русанов Н.С. В эмиграции: [воспоминания]. М., 1929. С. 178–179.
[751] Соловьев Вл. С. Вопрос о «самочинном умствовании» // Вестник Европы. Кн. 12. Декабрь, 1892. С. 863–868.
[752] Соловьев Вл. С. Порфирий Головлев о свободе и вере // Вестник Европы. Кн. 2. февраль, 1894. С. 906–916.
[753] Соловьев Вл. С. Спор о справедливости // Соловьев Вл. С. Собрание сочинений. Т. 5. СПб., 1901–1907. С. 474–486.
[754] Соловьев Вл. С. Конец спора // Соловьев Вл. С. Собрание сочинений. Т. 5. СПб., 1901–1907. С. 487–512.
[755] Розанов В.В. Свобода и вера (по поводу религиозных толков нашего времени) // Русский вестник. Январь, 1894. №1 (№230). С. 265–287.
[756] См. напр.: Аксаков Н.П. Духа не угашайте! Петроград, 1894; Аксаков Н. Свобода, любовь и вера // Русская беседа. 1895, январь. Год первый. С. 5–18; Аксаков Н. Свобода, любовь и вера // Русская беседа. 1895, февраль. Год первый. С. 22–30; Аксаков Н. Свобода, любовь и вера // Русская беседа. 1895, март. Год первый. С. 29–50.

динамитированного монарха. Опять-таки, всем было известно, что последние месяцы перед 1-м марта никто чаще Тихомирова не напоминал своим товарищам о необходимости привести в исполнение решение Исполнительного Комитета казнить Александра II»[757].

Однако ко всем свидетельствам и оценкам Н.С. Русанова нужно относиться с настороженностью и подвергать их критическому анализу, так как они страдают крайним субъективизмом, порожденным разочарованием в Л.А. Тихомирове, который выступал для него авторитетом и другом. Этот субъективизм подметил автор предисловия к воспоминаниям Н.С. Русанова, советский историк И.А. Теодорович: «Автор изображает его самым вульгарным ренегатом, т.е. одним из экземпляров того типа, который встречается во все времена и у всех народов. Но это – несправедливо. Тихомиров, как ни гнусен его поступок, не был заурядным ренегатом. Подлинная трагедия его жизни была в том, что его ренегатству предшествовало глубоко им пережитое банкротство – и не только в его представлении, но и на самом деле – его руководящих идей. Он увидел, что остановить капитализм методами “левого крыла” не удалось. “Кто обманывает себя, тот спокоен”, – говорил Помяловский, но Тихомиров, действительно, не хотел себя обманывать и признал то, чего не хотели признать другие банкроты: старая карта бита. Другая его трагедия была в том, что он не увидел, не понял, не усвоил новой карты, с которой в игру вступил Плеханов. И вот открылась пропасть: старая карта не годится, – новых, как ему казалось, нет... Вот эта (разумеется, мнимая – как это известно только нам, марксистам) безвыходность и толкнула его к “исторической власти”, и не только его одного. Не говоря о целом ряде отступников, напомним хотя бы об абрамовщине, об архиправом народничестве, апеллировавшем к “уму и совести” господствующих классов и правительства»[758]. Считаем необходимым отметить, что, знакомясь с критикой И.А. Теодоровича в адрес Н.С. Русанова, нужно помнить, что в этой критике могли сыграть свою роль их идеологические разночтения, так как Н.С. Русанов активно поддерживал партию

[757] Русанов Н.С. В эмиграции: [воспоминания]. М. 1929. С. 177.
[758] Теодорович И.А. Предисловие // Русанов Н.С. В эмиграции: [воспоминания]. М., 1929. С. 13.

эсеров и по этой причине вынужден был эмигрировать после Октябрьской революции.

В 1930 г. была напечатана биография М.Н. Оловениковой[759], автором которой была Г.Ф. Чернявская-Бохановская. В этой небольшой по объему книге она уделила значительное место перемене взглядов Л.А. Тихомирова, несмотря на то что посвящена она была другому деятелю. Из примерно 25 страниц чистого текста около двух страниц приходится на размышления о ренегатстве, что составило около 8% от всего текста книги. При этом так же, как и другие товарищи Л.А. Тихомиров, его биографию она четко делила на два периода: революционный и монархический, границу между которыми она назвала «политическим самоубийством» и «политической смертью» Л.А. Тихомирова [760] . Однако самостоятельных объяснений причин ренегатства она не привела, ссылаясь только на те объяснения, которые описала ей в письме М.Н. Оловеникова: «До меня в Женеву не доходили слухи о постепенном изменении взглядов Тихомирова. Когда он прислал мне свою “Preface”[761], содержание ее привело меня в недоумение и отчаяние: он сходит с ума, – вот что стало передо мною. Я написала Марии Николаевне полное отчаяния письмо, спрашивая: что это за ужас? что такое с Тихомировым? Получила длинный разъяснительный ответ <...>»[762]. Г.Ф. Чернявская-Бохановская привела описание объяснений М.Н. Оловениковой: «Последняя книжка “Вестника Народной Воли” вышла в ноябре 1886 года. А уже в 87 году Мария Николаевна стала замечать у Тихомирова какое-то шатание мысли. Вначале Мария Николаевна приписывала прорывавшееся временами у Тихомирова злобно-презрительное отношение к людям, с которыми он до сих пор вместе работал и был связан общностью убеждений, тяжелым материальным условиям эмигрантской жизни, трудности найти работу, заработать нужные для содержания семьи средства. Она считала, что это явление временное, поверхностное, что с переменой условий существования к лучшему все это исчезнет. Но вскоре она убедилась, что эти злобные чувства имеют

[759] Девичья фамилия – М.Н. Ошанина.
[760] Чернявская-Бохановская Г.Ф. Мария Николаевна Оловеникова. М., 1930. С. 24.
[761] С фран. – «предисловие». Имеется ввиду второе издание книги Л.А. Тихомирова «La Russie politique et sociale».
[762] Чернявская-Бохановская Г.Ф. Мария Николаевна Оловеникова. М., 1930. С. 26–27.

глубокие корни. Одновременно с злобным презрением к прежним товарищам все более скреплялась связь, тесное сближение с Павловским (сотрудник “Нового Времени”) и его приятелями. Стало очевидным, что все его иронически-злобные выходки на счет революционеров и революции – не вспышки временного пессимизма, а показатель глубокого внутреннего изменения: перестал существовать Тихомиров-революционер, его заменил Тихомиров-монархист, ханжа и яростный хулитель всего революционного» [763] . При этом, по словам Г.Ф. Чернявской-Бохановской, М.Н. Оловеникова, тесно работавшая с Л.А. Тихомировым в рамках «Народной воли» и знавшая все его слабые стороны, «высоко ценила его ум, считала его глубоко убежденным и безусловно преданным революционному делу», а потому для нее ренегатство стало «страшным ударом»[764].

Сама Г.Ф. Чернявская-Бохановская в своих мемуарах писала о мировоззренческом повороте Л.А. Тихомирова как о поступке сознательном и решительном. Эти качества, по ее мнению, всегда были присущи Л.А. Тихомирову: «И вот внезапно, без всякой подготовки (в Париже им это было заметно, М.Н[765]. видела как с Тихомировым постепенно совершалось какое-то скверное превращение) получаю письмо М.Н., в котором она называет Л. Тихомирова, ренегатом, и отзывается о нем самым резким образом, без всяких смягчающих обстоятельств. Я не могла поверить… Написала ей, что он вероятно болен, помешался… Она ответила еще определеннее и резче, и прислала книгу “От чего я перестал быть революционером”. Я написала Тихомирову, спрашивая объяснения. Ответил длинным письмом: путем зрелых размышлений и тяжелых испытаний пришел к убеждению, что ошибался, что не теми путями надо идти и т.д. А, раз он в чем-нибудь убедился, для него это достаточно, он не из тех людей, которые идут за другими, а из тех, которые других ведут» [766] . Тем более, как отметила Г.Ф. Чернявская-Бохановская, что за все время их знакомства она не может «ничего

[763] Чернявская-Бохановская Г.Ф. Мария Николаевна Оловеникова. М., 1930. С. 26.
[764] Там же. С. 26.
[765] Речь о М.Н. Ошаниной.
[766] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 892. Л. 2 об., 3.

припомнить такого, что хотя бы сколько ниб.[удь] могло навести на мысль о той нравственной катастрофе, которая в нем подготовлялась»[767].

Также нужно отметить, что, несмотря на критику характера и деятельности Л.А. Тихомирова, большинство его товарищей признавало его литературный талант и авторитет в революционных кругах. Такие свидетельства можно найти в изданной в 1927 г. автобиографии М.Ф. Фроленко, которая была посвящена в основном революционному периоду 1870-х гг. Книга представляла из себя собрание разных статей, напечатанных первоначально в «Былом», «Минувших годах», в сборнике «О минувшем», в «Вестнике Европы», «Русском богатстве», «Современнике», «Каторге и ссылке»[768]. Туда же была помещена статья-комментарий на работу Н.А. Морозова «Возникновение “Народной воли”» из 12-го номера журнала «Былое» 1906 г. В этой статье М.Ф. Фроленко писал, что, несмотря на непрактичность и неловкость в обыденной жизни, а также боязнь шпионов, он был литературно-теоретическим «головой организации»[769].

В опубликованных в 1929 г. воспоминаниях бывшего товарища Л.А. Тихомирова по кружку чайковцев С.С. Синегуба, умершего еще в 1907 г., также содержалась мысль об авторитетности Л.А. Тихомирова. С.С. Синегуб так же, как и М.Ф. Фроленко, принял близко к сердцу отступничество товарища. Об этом свидетельствует его нежелание писать о нем в мемуарах. Но при этом он подчеркивал так же, как и М.Ф. Фроленко, и лидирующие позиции Л.А. Тихомирова в освободительном движении. Несмотря на то, что С.С. Синегуб считал, что Л.А. Тихомиров после ренегатства превратился в мракобеса и по этой причине ему было больно вспоминать о товарище, он писал, что он все равно «заслуживает того, чтобы о нем, о Тихомирове 70-х и начала 80-х годов, рассказать русскому обществу. Это был крупный человек, это был выдающийся борец за народную свободу»[770].

---

[767] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 892. Л. 2 об.
[768] Фроленко М.Ф. Записки семидесятника. М., 1927. С. 8.
[769] Там же. С. 182.
[770] Синегуб С. Записки чайковца. М.–Л., 1929. С. 133.

О своем болезненном восприятии ренегатства написал и другой товарищ Л.А. Тихомирова по кружку «чайковцев» – Н.А. Чарушин. В 1931 г. была издана вторая часть[771] мемуаров Н.А. Чарушина, которая была посвящена описанию его 17-летнего, с 1878-го по 1895 гг., периода жизни в Сибири: сначала на Карийской каторге, а затем на поселении. Это было второе издание, в котором в сравнении с первым 1929 г. он дополнил и поправил текст раздела «На Каре» и включил новый материал под названием «На поселении». Именно в последнем разделе Н.А. Чарушин затронул проблему «измены Тихомирова». В этой части книги Н.А. Чарушин описывал историю получения письма Л.А. Тихомирова в 1887 г., адресованного П.С. Ивановской, с которым его попросили ознакомить ссыльных в других поселениях. По словам Н.А. Чарушина, в этом письме Л.А. Тихомиров сообщал, что «он совершенно разочаровался в русской эмиграции и отошел от нее, что он ведет жизнь уединенную и усиленно занимается, поддерживая знакомство лишь с немногими видными французскими политическими деятелями» [772] . Несмотря на то, что письмо было написано им в «спокойном и дружественном тоне», уже в нем Н.А. Чарушин нашел свидетельства какого-то «серьезного душевного переживания», которое, однако, не давало «еще повода заключать об отходе Тихомирова от революции» и «об окончательном разрыве его со всем прошлым», поэтому показалось, что это был «лишь временный отход, что он вернется на прежние позиции, но уже с более солидной подготовкой»[773]. Ощущение временного характера ухода Л.А. Тихомирова возникало у его бывших товарищей потому, что революционное движение стояло на эволюционном распутье: террористическая тактика народовольцев в этот период уже изжила себя, но «народные массы по-прежнему оставались неподвижными», и наступил момент, когда нужно было «произвести переоценку ценностей», в рамках которой «отход Тихомирова был понятен и законен»[774].

---

[771] Первая часть мемуаров Н.А. Чарушина была издана еще в 1926 г. и освещала период деятельности кружка чайковцев и процесса 193-х.
[772] Чарушин Н.А. О далеком прошлом. М., 1931. С. 169.
[773] Там же. С. 169.
[774] Там же. С. 194.

Но такие ожидания Н.А. Чарушина и всех, кто познакомился с данным письмом Л.А. Тихомирова, сразу же развеялись, когда появилась информация о брошюре «Почему я перестал быть революционером?», которая произвела «впечатление разорвавшейся бомбы» и нанесла неожиданный, тяжелый и болезненный удар бывшим товарищам, так как это, по словам Н.А. Чарушина, уже было «всенародное, мотивированное отрешение от всего своего славного прошлого и полное примирение с русской действительностью. Русское самодержавие в этой добровольной сдаче Тихомировым всех своих позиций одерживало уже не только физическую, но, что гораздо существеннее, и моральную победу» [775]. Такое болезненное восприятие ренегатства Л.А. Тихомирова у Н.А. Чарушина связано не столько с личными взаимоотношениями в прошлом, но и с лидирующим положением Л.А. Тихомирова в революционном народничестве.

Рассказывал Н.А. Чарушин о своем отношении к перемене взглядов Л.А. Тихомирова и в личной переписке. Так, в письме В.Н. Фигнер 27 февраля 1925 г. он писал следующее: «Я никогда не смотрел на тихомировское превращение, как на простое предательство из какого-ниб.[удь] корыстного побуждения. Зная Тихомирова в прошлом, ничему подобному не верилось. Наоборот, мне всегда казалось, что новый Тихомиров, Тихомиров “Московских ведомостей”, есть плод какого-то сложного, но вполне искреннего психологического процесса, не без участия без сомнения и чисто психиатрического. Не раз по возвращении моем в Россию, бывал в Москве, я собирался повидать его. Мне все еще казалось, что он прежнего Тихомирова не смог совсем вытравить в себе, что там, где-то в глубине его, это прежнее все же отыщется. Но после визита Синегуба, кажется в 1906 г., желание это пропало. Впечатление, произведенное на него Тихомировым и всем укладом его жизни, было настолько жалко, что нечего было и думать, что найдешь в Тихомирове что-либо родственное из прежнего. Возврат к праотцам по-видимому был полный и ничем ненарушимый» [776]. В написанных Н.А. Чарушиным воспоминаниях о Л.А. Тихомирове и отправленных вместе с письмом, он

[775] Чарушин Н.А. О далеком прошлом. М., 1931. С. 195.
[776] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 817. Л. 11, 11 об.

детализировал историю посещения С.С. Синегубом квартиры Тихомировых. По его словам, беседа их с Л.А. Тихомировым была вымученной, так как встретились «люди когда-то близкие, но теперь совершенно чуждые друг другу, о чем красноречиво говорила и вся обстановка Тихомировского жилища, увешенного образами и лампадками, скорее походившего на монашескую обитель, а не на жилище интеллигентного человека. В полной гармонии с этой внешностью проходил и самый обед, начатый и законченный торжественным молитвословием, в котором принимала участие, очевидно, уже хорошо вымуштрованная и вся семья Тихомирова»[777]. Также Н.А. Чарушин возлагал надежду на то, что в разгадке тайны этого «сложного процесса» превращения помогут материалы архива Л.А. Тихомирова[778].

Из воспоминаний его бывших товарищей становится ясно, что даже за перемену взглядов Л.А. Тихомирова осуждали не все. Так, например, в уже упоминаемом нами письме от 28 февраля 1931 г. к В.Н. Фигнер А.Ф. Филиппов высказался категорично против клеймения его как «ренегата». В своих рассуждениях он отмечал уникальные черты характера и поступков Л.А. Тихомирова, которые в том числе выразились и в его ренегатстве: «Еще более я против того, чтобы прикреплять ярлык “ренегата”, да еще будто бы действовавшего из-за личных выгод – на Л. Тихомирова, Вам известного своей медлительной обдуманностью действий, точностью и оценкой результатов будущего. Идейного человека! Когда его имя ставят (и кто ставит – вот что удивительно) на эшафот истории и клеймят отступничеством, – то передо мной встают десятки солнечных дней и много лунных ночей в аллеях парка Петровско-Разумовского, где еще витает перед глазами нашего поколения тень не В. Короленко, а даже Нечаева, – там жил в 90-х годах на даче Л. Тихомиров. И его глубоко сердечные и поучительные признания – исповеди не как ренегата, а как революционера передо мной, студентом, перед которым ему не было надобности лгать и которого некуда и незачем было увлекать, ибо туда (“Моск[овские]

[777] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 817. Л. 19, 19 об.
[778] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 817. Л. 14.

Ведом[ости]"), куда попал Тихомиров, выпусти свою покаянную в 1889 г. "Почему я перестал быть революционером" – так мог быть он один, и то ценой душевной драмы соглашательства»[779].

Об авторитете Л.А. Тихомирова как теоретика и выдающегося революционного деятеля писали не только его близкие товарищи, с которыми он тесно взаимодействовал в революционный период, но и рядовые народники и им симпатизирующие. О таком отношении к Л.А. Тихомирову со стороны молодого поколения революционеров писала народоволка и член «Черного передела» О.К. Буланова-Трубникова: «Среди всей этой молодежи Тихомиров казался каким-то paterfamillias[780] по своей солидности. Не знаю, действительно ли так велика была разница в годах или просто он выглядел старше своих лет, но, например, Морозов, его ближайший товарищ по редакционной работе, казался совсем юнцом перед ним. Вообще, к Тигрычу (как его звали в товарищеском кругу) все относились с большим почтением, и его мнение считалось чуть ли не непреложным. Помню, как этот солидный господин категорически заявлял, "что у нас социальная революция произойдет самое позднее через два года", и это повторяли многие, указывая, что сам Тигрыч так говорит, значит, это правда»[781].

Уже упоминаемый О.В. Аптекман также отмечал большое влияние литературной работы Л.А. Тихомирова на умы молодежи. Вспоминая о передовой статье Л.А. Тихомирова для пятого номера «Земли и воли», он указывал, что статья имела популярность у публики и молодежь «читала эту статью с восторгом <…> да, одним словом, был большой спрос на популяризацию идей в Тихомировском духе. <…> Звезда Тихомирова, как идеолога революции, подымалась все выше и выше, его весьма охотно слушали, читали, преклонялись пред ним...»[782].

Перемена взглядов Л.А. Тихомирова поразила также некоего П.М. Иванова, который, будучи молодым человеком, посетил вместе со своими товарищами

---

[779] Цит. по: Репников А.В. «Моя судьба – злая насмешка» (революционер и консерватор Лев Тихомиров) // Гуманитарные науки в творческом вузе: Сборник статей. Выпуск 3. М., 2010. С. 32.
[780] С лат. – отец семейства.
[781] Буланова-Трубникова О. К. Три поколения. М.–Л., 1928. С. 157.
[782] Аптекман О.В. Черный передел // Черный передел. Орган социалистов-федералистов 1880–1881 г. Т. 1. М.–Петроград: Государственное издательство, 1923. С. 62–63.

Л.А. Тихомирова в 1880-х гг. [783] Воспоминания об этом посещении, которые хранятся в РГАЛИ, были записаны П.М. Ивановым в октябре 1930 г., поэтому в них имеются фактические неточности, но в целом в них передана атмосфера того времени: «Выйдя на улицу, мы – трое некоторое время молчали, потом как-то разговорились и тут я услышал от товарищей, что с нами говорил сам Лев Тихомиров, приехавший из-за границы, на что я, почувствовав, что Тихомиров переменил фронт, ответил: “так ему и надо”, имея в виду свое резкое заявление о захвате власти и высказывая вслух продолжение своей мысли: “пишет о захвате власти, а сам приехал с повинной к этой власти”»[784]. Удивительно, что П.М. Иванов вспомнил этот визит и решил записать воспоминания о нем, спустя столько времени. Вполне вероятно, на это повлияло празднование 50-летия «Народной воли» и массовое издание мемуаров революционеров, в том числе Л.А. Тихомирова, с которыми он мог ознакомиться.

Огромный пласт мемуаров народников с характерной для них романтизацией революционного движения повлиял и на развитие художественной литературы. В середине 1920-х гг. тогда еще молодой драматург В.В. Шкваркин написал пьесу, посвященную предательству С.П. Дегаева. В этой пьесе одним из действующих персонажей был и Л.А. Тихомиров, которого автор обозначил как «политического эмигранта» [785] . Л.А. Тихомиров появляется только в последнем, четвертом, действии первой картины пьесы. Эта часть пьесы уносит зрителя в 1883 г., когда П.Л. Лавров, М.Н. Ошанина и Л.А. Тихомиров принимали только что прибывшего С.П. Дегаева. Кроме основного сюжета, В.В. Шкваркин попытался вплести идеологическую схему об эволюционной связи народовольчества и марксизма. Так, В.В. Шкваркин вкладывал в уста М.Н. Ошаниной следующую реплику: «Я преклоняюсь перед системой Маркса. Верю: скоро по ней все, все люди будут строить свою жизнь»[786]. Также В.В. Шкваркин попытался проиллюстрировать в

[783] Возможно, П.М. Иванов перепутал год посещения, так как запись была сделана спустя несколько десятилетий после упомянутых событий.
[784] РГАЛИ. Ф. 1744. Оп. 1. Д. 25. Л. 10.
[785] Шкваркин В.В. В глухое царствование. (Предательство Дегаева): Драма в 4 актах, 6 картинах. М., 1926. С. 2.
[786] Там же. С. 35.

характере Тихомирова-революционера черты сомнения, неуверенности, которые должны были продемонстрировать зачатки будущего ренегатства. В пьесе В.В. Шкваркина Л.А. Тихомиров во время разговора с М.Н. Ошаниной и П.Л. Лавровым произнес следующую фразу: «А иногда мне кажется, что в России 100 лет просидят самодержцы, будут глухо, кроваво царствовать и тогда наши усилия... напрасный труд»[787].

Таким образом, ключевой причиной частого упоминания Л.А. Тихомирова в эго-документах, опубликованных в большом количестве в 1920-1930-х гг., стало его ренегатство. Огромную роль в освещении этой проблемы сыграли бывшие товарищи Л.А. Тихомирова – революционеры-народники. Чаще всего в мемуарах они заостряли внимание на проблеме ренегатства, порой опуская другие аспекты биографии и творчества Л.А. Тихомирова. Осложняло понимание природы этой идейной метаморфозы то, что бывшие товарищи по революционному движению отстаивали разные версии причин ренегатства: психическое заболевание; нерешительность и отсутствие у него качеств, необходимых революционеру; корыстные побуждения; давление обстоятельств, которым Л.А. Тихомиров не мог противостоять. Вопрос о наличии психической болезни Л.А. Тихомирова поднимался множество раз, но единой позиции так и не было сформировано. В качестве основных аргументов в пользу этой версии бывшие его товарищи приводили проявления у него мистицизма и религиозности, которые в атеистическом мировоззрении революционеров интерпретировались как умственное отклонение. Многие современники Л.А. Тихомирова придавали огромное значение давлению внешних обстоятельств, но редко кто считал это единственным фактором в перемене взглядов.

Именно эго-документы революционеров-народников оказали огромное влияние на закрепление в ранней советской историографии двойственного образа Л.А. Тихомирова. С одной стороны, ренегата и даже предателя своих товарищей, а с другой стороны, ключевого теоретика революционного народничества и

[787] Шкваркин В.В. В глухое царствование. (Предательство Дегаева): Драма в 4 актах, 6 картинах. М., 1926. С. 33–34.

литературного лидера «Народной воли». И, судя по мемуарам старых народовольцев, факт отступничества Л.А. Тихомирова был для них более важен, даже чем для него самого. Если Л.А. Тихомирову отказ от революционного прошлого нужен был для начала новой антиреволюционной жизни, то для старых революционеров отстаивание его ренегатства обретало смысл с точки зрения сохранения в неприкосновенности сакральности образа их революционной борьбы против царского режима. Девальвация факта ренегатства или объяснение его естественной эволюцией обрушивали состоятельность теории и практики всех народовольцев.

2.3. Основные проблемы осмысления в ранней советской исторической науке творчества и деятельности Л.А. Тихомирова

Утверждение на советском пространстве в 1920-е гг. марксистско-ленинской методологии отразилось на оценке революционного народничества и характеристике его места в отечественной истории. В советской научной и околонаучной литературе 1920–1930-х гг. Л.А. Тихомиров был интересен прежде всего с точки зрения его вклада в революционное наследие и его ренегатства. Однако период 1920–1930-х гг. сложно отнести к периоду научной актуализации как темы мировоззренческого поворота Л.А. Тихомирова, так и его творческого наследия. В эти годы происходило накопление исторического знания, аккумуляция источников и их публикация, а попытка критического анализа комплекса исторических источников в литературе только слабо проглядывалась. К тому же этот процесс осложнялся тем, что еще были живы свидетели изучаемых событий, имевших свой взгляд и оценку прошлого.

Поскольку в 1920-е гг. историческая наука осуществляла специфическую утилитарную функцию, и в какой-то степени историки выполняли зачастую механистическую роль – обработчиков источников и архивных аналитиков, то, с одной стороны, исторические работы этого периода отличались отсутствием глубины теоретической проработки материала и постепенно сужающимися

тематическими рамками, а с другой стороны, переплетением идеологии и личных взглядов автора на проблему, а также включением собственных воспоминаний в канву исторического повествования. Однако ключевым отличием работ профессиональных историков от, например, от эго-документов революционеров-народников, является то, что они пытались выстраивать нить исторического повествования через марксистскую методологию, пусть и иногда понимаемую ими вульгарно.

В 1920-е гг. в учебных заведениях вместо истории стали преподавать обществоведение, поэтому неизбежно часть исторической информации ушла в этот учебный курс. Например, в 1922 г. обществовед М.Б. Вольфсон упомянул Л.А. Тихомирова в своих «Очерках обществоведения» как одного из «вождей» «Народной воли»[788]. Не можем не отметить, что такие изменения не могли не сказаться на ухудшении исторического знания в целом.

Тема ренегатства Л.А. Тихомирова была настолько популярна в эти годы, что даже в именных указателях издатели старались сообщить о нем как об одной из ключевых вех его биографии. Например, подобная характеристика есть в примечаниях к изданию дневника жены генерала Е.В. Богдановича – А.В. Богданович, изданного в 1924 г. В именном указателе сообщается, что Л.А. Тихомиров – «бывший народоволец, один из вдохновителей дела 1 марта 1881 г.», перешедший потом в «реакционный лагерь», о его редакторстве в «Московских ведомостях» и его приверженности монархическим идеям до конца жизни[789]. Эта тема стала актуальной еще и потому, что в контексте осмысления места и роли революционного народничества и «Народной воли» в частности, ренегатство Л.А. Тихомирова потенциально могло обесценить все исторические достижения народников и выступало частным примером эволюции народничества вправо. Дискуссионность этого поступка усиливало еще и то, что в этот период разгорелись споры о наличии или отсутствии эволюционной связи народничества и социал-демократии. Именно по этой причине становится крайне популярной

[788] Вольфсон М.Б. Очерки обществоведения. М., 1922. С. 142.
[789] Три последних самодержца. Дневник А.В. Богданович. М.–Л., 1924. С. L.

исследовательской проблемой вопрос о взаимоотношениях Г.В. Плеханова и Л.А. Тихомирова, истории их назревавшего союза в период эмиграции и причинах его раскола. Эта тема подробно была описана непосредственно участниками и свидетелями этого раскола[790], в историческую суть этого вопроса попытались погрузиться и историки-большевики. Но раннесоветский период все же отличается не только количественными показателями. Именно в эти годы оформляется новая, большевистская, версия о причинах ренегатства, в рамках которой уже профессиональные историки попытались перевести историю идейной метаморфозы Л.А. Тихомирова из субъективно-психологической плоскости в научную.

Используя конкретно-проблемный метод анализа, мы можем отметить, что наследие Л.А. Тихомирова в ранней советской историографии рассматривалось в контексте трех основных тем: 1) ренегатство Л.А. Тихомирова и осмысление его причин (в том числе путем анализа его архива), а также оценка ренегатства; 2) роль Л.А. Тихомирова в революционном движении и ее оценка; 3) взаимоотношения Г.В. Плеханова и Л.А. Тихомирова и оценка причин разрыва в их отношениях.

Еще до окончания Гражданской войны официально вышли работы, посвященные истории революционного движения России. Одними из первых были две биографические брошюры из серии «Историко-революционная библиотека» известного дореволюционного публициста Н.П. Ашешова «Андрей Иванович Желябов»[791] и «Софья Перовская»[792]. В этих работах Н.П. Ашешов рассмотрел и деятельность Л.А. Тихомирова. Задачей этих работ было, по словам автора, «дать в популярной форме чисто хрестоматийную сводку, по возможности, всего имеющегося литературного материала, рассеянного по многочисленным источникам, собирание которых в настоящее время столь затруднительно, и тем самым облегчить читателям знакомство с революционными деятелями прошлого, по крайней мере, в тех узких пределах, какие созданы наличностью

[790] Еще в 1884 г. Г.В. Плеханов подробно раскрыл причины раскола. См. книгу: Плеханов Г.В. Наши разногласия. Женева, 1884.
[791] Ашешов Н. Андрей Иванович Желябов. Материалы для биографии и характеристики. Петроград, 1919.
[792] Ашешов Н. Софья Перовская. Материалы для биографии и характеристики. Петербург, 1920.

опубликованных до сих пор, преимущественно в “легальной” и “нелегальной” прессе, данных. Самостоятельные исследования – дело того, еще неблизкого будущего, когда будут использованы полностью архивы старого строя»[793]. Издание этих работ, вполне вероятно, было инициировано сверху. Например, брошюру, посвященную А.И. Желябову, издавал Петросовет, хотя сам автор в крупных революционных организациях не состоял.

Публицист, историк и литературовед, деятель позднего народовольческого движения, а с середины 1890-х гг. большевик, М.С. Ольминский[794] в мемуарно-публицистической работе «Из прошлого» вступил в заочный спор с Л.А. Тихомировым, не согласившись с идеями, которые тот высказал в период его увлеченности революционной борьбой. Суть полемики касалась вопроса о месте и роли классов в государственном строительстве: «Мы уже знаем, что, по мнению Ткачева, русское государство “висит в воздухе”. Ту же мысль проводил в начале 80-х годов народник Лев Тихомиров. Он уверял, что в России не классовая борьба создала данный государственный строй, а напротив, государственная власть создает, вызывает к жизни различные классы. <...> В последнее время и в русской исторической науке начала пробиваться струя более правильного отношения к историческим фактам. Но во время расцвета народничества в русской исторической науке, стоявшей на идеалистической точке зрения, целиком еще господствовали те представления, которые были формулированы Ткачевым и Тихомировым» [795]. М.С. Ольминский указывал на то, что большевистский взгляд на место и роль классов в Советской России уже не требует серьезных доказательств, а вот в конце XIX в. «уйма труда понадобилась», чтобы «доказать существование в России капитализма и наличность пролетариата, как класса. Вплоть до конца девятнадцатого века народники, – и не они одни, – ухитрялись мыслить класс капиталистов без пролетариата»[796]. Именно оценка социальной базы и движущей

[793] Ашешов Н. Софья Перовская. Материалы для биографии и характеристики. Петербург, 1920. С. 3.
[794] Настоящая фамилия Александров.
[795] Ольминский М. Из прошлого. М., 1919. С. 101.
[796] Там же. С. 67.

силы народниками и социал-демократами стала ключевым вопросом в дискуссиях о роли революционного народничества в отечественной истории.

Уже в начале 1920-х гг. ведущий советский историк М.Н. Покровский пытался обобщить весь имеющийся объем исторических источников и создать обобщающие труды по истории отечественного революционного движения. М.Н. Покровский выступал с лекциями по этой тематике на различных площадках. В лекциях, прочитанных им в коммунистическом университете имени Зиновьева 3–7 мая 1923 г., он описал исторические взгляды П.Л. Лаврова, выразив таким образом критическое отношение к революционному народничеству: «Вы помните, что в основе его исторического мировоззрения лежит теория, согласно которой народные массы представляют собой нечто инертное, малоподвижное, почти не меняющееся и что двигателем прогресса этих масс является критически мыслящая личность. Мелкобуржуазный характер этой теории, сводящей все развитие к влиянию индивидуумов, бьет в нос. Процесс Лаврову представляется так: известная идея зарождается в мозгу человека и оттуда, постепенно распространяясь, завладевает мозгами других личностей, а затем и всем обществом»[797]. В лекциях М.Н. Покровского для секретарей уездных комитетов РКП (б) зимою 1923–1924 гг. он высказался однозначно и о Л.А. Тихомирове – «это знаменитый предатель, один из лидеров “Народной Воли”, перешедший к царизму и за это пощаженный, сделавшийся редактором реакционных “Московских Ведомостей” на место Каткова и благополучно скончавшийся в Советской России несколько лет назад <...>»[798].

Но включил он его биографию в свои лекции не только для констатации этого факта. Подробно изучив мемуары Л.А. Тихомирова о «Земле и воле» и «Народной воле», М.Н. Покровский отметил два важных факта, которые для советской историографии были новыми и крайне актуальными: 1) уже «Земля и воля» была террористической организацией; 2) оценка численности «Народной воли» и причина выбора террористической тактики. О «Земле и воле» М.Н. Покровский

[797] Покровский М.Н. Борьба классов и русская историческая литература. Л., 1927. С. 75–76.
[798] Покровский М.Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX–XX веков. М.–Л., 1927. С. 62.

сделал следующий вывод: «До выхода записок Фигнер и до автобиографии Тихомирова считали, что “Земля и Воля” прежде всего пропагандистская организация, и только “Народная Воля” стала чисто террористической организацией. Уже воспоминания Фигнер открыли тот факт, что на самом деле и “Земля и Воля” была гораздо более организацией террористической, нежели организацией пропагандистской. А Тихомиров прямо заявляет в своей автобиографии, что уже в “Земле и Воле” в 1878 и 1879 гг. пропаганда была только ширмой, и изображает деревенщиков, членов партии, сгруппировавшихся в деревне и ведших там пропаганду, как своего рода околпаченных людей, которые воображали, что из центра действительно руководят этой пропагандой. На самом деле, рассказывает Тихомиров, эту пропагандистскую организацию приходилось поддерживать только из приличия и по традиции, потому что, – как в истории обыкновенно бывает, – нельзя сразу расстаться со старыми методами действия, со старыми привычками, со старыми лозунгами»[799]. И действительно, продолжает М.Н. Покровский, именно «на землевольческий период падают такие факты, как покушение Соловьева на Александра II, – покушение неудачное, потому что это было последнее покушение, совершенное при помощи револьвера. Дальше уже было решено твердо применять только динамит, и он в конце концов привел к цели»[800].

Вторым открытием для М.Н. Покровского стала причина, по которой народовольцы избрали тактику террора против правительства, ведь она, по его мнению, казалась «совершенно нелепым истреблением начальствующих лиц и охотой за царем, вместо того, чтобы вести массовую агитацию» [801] . М.Н. Покровский, ссылаясь на Л.А. Тихомирова, отмечал, что дело заключалось в малочисленности партии, так как «вокруг Исполнительного Комитета группировалось около 500 человек»[802]. Проблема была в том, что в пореформенный период еще не сложились объективные условия для начала пролетарской

[799] Покровский М.Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX–XX веков. М.–Л., 1927. С. 73.
[800] Там же. С. 74.
[801] Там же. С. 71.
[802] Там же. С. 71.

революции, поэтому пятьсот человек «ничего другого, кроме партизанской борьбы с правительством, предпринять не могли. Они, повторяю, были осуждены на то, чтобы или говорить слова, которые явно никакого действия не производили и их самих не удовлетворяли, или что-то сделать при помощи каких-то частичных выступлений партизанского характера, которые в конце концов и отлились в систему террора»[803]. Тем более в пользу террористической тактики, по словам М.Н. Покровского, играло то, что в период деятельности землевольцев получило развитие и широкое распространение взрывчатых веществ: «Мы знаем из воспоминаний о Желябове, как на него, на этого вождя “Народной Воли”, производило прямо чарующее впечатление видеть, как кусок динамита, небольшой кусочек вещества, который в добавок можно приготовить дома, кустарными способами, производит в буквальном смысле слова оглушительный и страшно разрушительный эффект. Динамит таким образом сделался тем техническим средством борьбы, которое могло сделать партизанскую тактику страшной и действительно сделало ее страшной: едва не взлетел на воздух царский поезд, отчасти взлетел на воздух царский дворец и в конце концов взлетел на воздух сам царь»[804]. Исходя из этих обстоятельств, по мнению М.Н. Покровского, нужно было пересмотреть оценки террористических методов «Земли и воли» и «Народной воли», которые сложились тогда, когда на революционной арене такими же средствами пользовались эсеры. Но, если «в 1905 году была уже революционная масса, и поэтому вести партизанскую борьбу не имело никакого смысла», а было необходимо «воззвать к этой массе, ее организовать, ее вести на вооруженное восстание, а не тратить силы на террор», то таких условий в 1870-х гг. не было – «тогда не было массы, которую можно было бы двинуть на вооруженное восстание», и потому «тогдашние революционеры могли идти или на террор, предпринимать какие-нибудь партизанские действия, или ограничиться бесплодным словоистечением» [805] . Следовательно, именно социально-

[803] Покровский М.Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX–XX веков. М.–Л., 1927. С. 71–72.
[804] Там же. С. 71–72.
[805] Там же. С. 72.

экономические условия в России, по мнению М.Н. Покровского, определяют историческую оценку деятельности тех или иных революционных организаций.

Хотя М.Н. Покровский не считал ренегатство Л.А. Тихомирова чем-то уникальным и исключительным, все же оно для него выступало своего рода сравнительным эталоном при описании других исторических примеров предательства. Например, в предисловии к XIII тому журнала «Красный архив» 1925 г., посвященного юбилею восстания декабристов, он сравнил оправдательную записку декабриста Н.И. Тургенева с ренегатством Л.А. Тихомирова: «Чтобы найти более совершенное отречение от революции, нужно спуститься до Льва Тихомирова» [806] . Еще он сравнил исторический талант Л.А. Тихомирова и Н.И. Тургенева, оправдательную записку которого некоторые историки воспринимали как исторический труд: «Отныне этот человек, на которого еще Пыпин ссылался, как на одного из главнейших историков заговора, остается чем угодно – экономистом, финансистом – но историк декабристов он такой же, как Тихомиров историк “Народной Воли”. “Записка” Тургенева дискредитирует “либеральную легенду” декабристов больше, чем это могла бы сделать дюжина критиков»[807].

В 1923 г. видный большевик Г.Е. Зиновьев в честь 25-летия партии РСДРП прочитал шесть лекций, посвященных истории партии. В этом же году лекции впервые были опубликованы и позже многократно переиздавались. В них Г.Е. Зиновьев посвятил целый раздел второй лекции полемике Г.В. Плеханова и Л.А. Тихомирова о роли пролетариата в революции, которая вылилась в компромисс, выразившийся в том, что народовольцы согласились вести пропаганду среди рабочих. Этот компромисс, по словам Г.Е. Зиновьева, был «величайшей уступкой» со стороны Л.А. Тихомирова[808]. Также Г.Е. Зиновьев обратился к теме ренегатства Л.А. Тихомирова, которое он оценил более сдержанно, чем это было принято делать в советской литературе этого периода: «Впоследствии этот Лев

[806] Покровский М.Н. Предисловие к XIII тому «Красного архива» // Покровский М.Н. Декабристы. Сборник статей. М.–Л., 1927. С. 86.
[807] Там же. С. 87.
[808] Зиновьев Г. История российской коммунистической партии (большевиков). Л., 1924. С. 204.

Тихомиров кончил тем, что перешел на службу к царизму и был сотрудником Меньшикова, одного из самых неукротимых мракобесов»[809], и «ухитрившегося докатиться от “Народной Воли” к подножию царского трона»[810]. Такой подход, вполне вероятно, базировался на представлении Г.Е. Зиновьева о Л.А. Тихомирове как о блестящем деятеле «Народной воли» и об одном «из главных членов ее исполнительного комитета» и лучшем «писателем этой организации»[811]. При этом для Г.Е. Зиновьева мировоззренческий поворот Л.А. Тихомирова не только не отбросил тень на его былые революционные заслуги, но и был заранее непрогнозируемым, так как «когда он был в зените своей славы, и никто не мог подозревать, что он припадет к стопам царского трона»[812]. В следующем, 6-м, издании, вышедшем в 1925 г., Г.Е. Зиновьевым была сделана только одна правка: он добавил к биографии Л.А. Тихомирова то, что он «был сотрудником “Московских Ведомостей” Каткова и Грингмута»[813].

Уже в первых работах историков-большевиков отчетливо прослеживалась идея о разложении народничества и идейной трансформации ее лидеров либо в социал-демократию, либо в правое политическое крыло.

В 1923 г. В.И. Невский окончил написание монографии «Очерки по истории РКП (большевиков)», которая стала результатом его работы лектором курса истории партии большевиков в Свердловском университете в 1920–1921 учебном году и работы в архивах в течение 1922 г.[814]. В этой книге В.И. Невский, описывая историю рабочего движения от петровской промышленности до первого съезда РСДРП включительно, уделил большое внимание эволюции и разложению народничества, которое на фоне отсутствия единства по теоретическим вопросам и революционным методам либо трансформировалось в социал-демократию, либо сливалось с либеральным течением. Первый путь был выбран чернопередельцами

[809] Зиновьев Г. История российской коммунистической партии (большевиков). Л., 1924. С. 55.
[810] Там же. С. 58.
[811] Там же. С. 55.
[812] Там же. С. 204.
[813] Зиновьев Г. История российской коммунистической партии (большевиков). Л., 1925. С. 55.
[814] Невский В.И. Очерки по истории РКП (большевиков). Т. 1. Петроград (на обложке Ленинград), 1923 (на обложке 1924). С. V.

и Г.В. Плехановым, а второй путь проделал, по мнению В.И. Невского, Л.А. Тихомиров, пытавшийся полемизировать и найти точки соприкосновения как с представителями первой группы, так и с отечественной либеральной интеллигенцией: «Взгляды Желябова об объединении всех элементов русского общества, способных к политической борьбе против самодержавия, скоро выродились в самый обыкновенный либерализм. Тихомиров, полагавший, что революционеры, захватив власть, немедленно приступят к осуществлению социалистической революции, Тихомиров-якобинец, еще в третьей книжке "Вестника Народной Воли" прямо и определенно отождествлял миросозерцание и идеалы революционеров-членов партии "Народной Воли" и идеалы "наиболее развитой, культурной части русского общества", при чем, по мнению Тихомирова, и революционеры и наиболее развитая культурная часть общества добиваются одного и того же, а именно: "осуществления прав человека и гражданина, разумной политической организации государства, обеспечения трудящегося, правильной организации национального производства"...

Как быть с террором, с захватом власти, с социалистической революцией, Тихомиров умалчивал, потому что "наиболее развитая культурная часть русского общества", т. е. попросту либералы, как черт ладана боялись и террора, и захвата власти революционерами, и социалистической революции. Принять же те демократические требования, какие предлагал Тихомиров, либералы готовы были всегда, лишь бы достижение всего этого не требовало борьбы и отдало бы власть в их руки»[815]. Далее он писал, что после казни первомартовцев «самых выдающихся вождей "Народной воли" – Желябова, Михайлова, Перовской, после других казней, арестов и ссылок, когда Тихомиров, один из уцелевших идейных вождей партии, эмигрировал заграницу, эволюция и вырождение народничества пошли еще дальше»[816].

[815] Невский В.И. Очерки по истории РКП (большевиков). Т. 1. Петроград (на обложке Ленинград), 1923 (на обложке 1924). С. 96–97.
[816] Там же. С. 97.

В.И. Невский подчеркивал коренное расхождение взглядов членов «Черного передела» и Л.А. Тихомирова уже в 1880 г., особенно на фоне идей последнего о «захвате власти и игнорированием роли и значения пролетариата»[817]. При этом В.И. Невский, в целом разделяя критику народовольчества Г.В. Плехановым за его социально-экономическую утопичность [818] , проводил преемственную связь народовольчества и социал-демократии через группу Бруснева[819].

В книге В.И. Невский ни разу не упомянул о ренегатстве Л.А. Тихомирова, хотя этот факт, конечно, для подтверждения тезиса «разложившемся и умирающем» [820] народничестве подходил крайне удачно. Вполне вероятно, что В.И. Невский на тот момент не был так погружен в его биографию, но уже во втором издании книги, которое появилось всего через год, он добавил уточняющую формулировку о ренегатстве: «Идея захвата власти, которую пропагандировал в начале 80-х годов народоволец Л. Тихомиров (впоследствии ренегат), несомненно, была заимствована им у якобинца Ткачева»[821].

Более подробно В.И. Невский обратился к теме ренегатства в рамках работы над книгой «Воспоминания Льва Тихомирова», для которой он написал предисловие. В этой статье В.И. Невский утверждал, что в идейном повороте «огромное значение имели и духовное происхождение Тихомирова, традиции духовной среды, в которой он вырос, традиции, несомненно заронившие в его душу еще в раннем детстве зерна верований, которые потом, под влиянием особых обстоятельств, расцвели таким пышным цветом; бесспорно и то обстоятельство, что никаких твердых знаний, которые бы с силою железных законов природы приводили к неизбежности одного решительного вывода, – революционного разрешения общественных противоречий, у него не имелось; бесспорно, наконец, и то, насколько об этом можно судить и по словам самого Тихомирова и по свидетельству его товарищей, что психологически и морально он не принадлежал

[817] Невский В.И. Очерки по истории РКП (большевиков). Т. 1. Петроград (на обложке Ленинград), 1923 (на обложке 1924). С. 182.
[818] Там же. С. 187.
[819] Там же. С. 631 (см. схему).
[820] Там же. С. 267.
[821] Невский В.И. Очерки по истории Российской коммунистической партии. Т. 1. Л., 1925. С. 90.

к той группе народовольцев. которая немедленно превращала свое “слово” в “дело”»[822]. Но будучи марксистом, В.И. Невский отмечал, что основную роль в перемене взглядов сыграла закономерная эволюция народнического движения, в рамках которого были заложены теоретические ошибки, вынудившие многих разочароваться в революционной деятельности, а феноменальность эволюции взглядов Л.А. Тихомирова заключалась в его авторитете и высоком положении в революционном движении, а также в кардинальной смене взглядов – от революции к монархизму, что возбудило и привело в движение его соратников и в целом весь революционный лагерь[823]. Поэтому В.И. Невский этот феномен объяснял «не только личными свойствами ренегата, не только наступившей реакцией, а прежде всего тем, что социальная природа партии радикалов, как бы они ни назывались, как бы они революционны ни были, неминуемо, рано или поздно, по мере того как на сцене все больше и больше выдвигался новый носитель революции – пролетариат, должна была вызвать эволюцию вправо к либерализму: ход вещей, неудачи “Народной Воли”, наступившая реакция только ускорили эту эволюцию. В эту эволюцию был втиснут и Тихомиров, а личные его свойства и условия его воспитания (духовная среда, отсутствие глубоких знаний и т. п.) доделали все остальное, – превратили его из сомневающегося в ренегата»[824].

Позже В.И. Невский развил эту мысль в предисловии к книге «Заговорщики и полиция», изданной в 1928 г. Он писал, что главной причиной мировоззренческого поворота Л.А. Тихомирова стал эволюционный тупик утопического крестьянского социализма, который был связан с разложением народничества и расколом его на две части, одна из которых сблизилась с научным марксистским социализмом, а другая, наоборот, шагнула вправо, проделав сложный путь и трансформировавшись в конечном пути в контрреволюционность: «Скажем только, что вопрос этот разъясняется при рассмотрении эволюции, изменения, какое претерпело народничество в течение 70-х и 80-х годов. Изменение это шло

[822] Невский В. Герой политического безвременья // Воспоминания Льва Тихомирова. М.–Л., 1927. С. IV.
[823] Там же. С. XX.
[824] Там же. С. XX–XXI.

двумя путями: часть мелко-буржуазной революционной интеллигенции, постепенно отказываясь от того же мелко-буржуазного утопического социализма, отчасти пришла к радикализму “Народной Воли”, отчасти шагнула вправо и выродилась в типичных либералов, а отчасти, проходя через последние стадии славянофильства, присущего в некоторой степени и старому народничеству, добрела прямо до контр-революции»[825].

Меньшевик Б.И. Николаевский критично отнесся к позиции В.И. Невского, идентифицировавшего эволюцию Л.А. Тихомирова как переход к либерализму. В статье «О воспоминаниях Льва Тихомирова», опубликованной в журнале «Каторга и ссылка» в 1928 г., он писал следующее: «Но совершенно ошибочная в самой своей основе, эта новая, намеченная Невским схема развития от народовольчества к “освобожденчеству” к вопросу о причинах ренегатства Т. вообще никакого отношения не имеет, – это последнее политически, так же, как и психологически, было явлением совсем иного порядка, не количественно только, но и качественно отличным от эволюции Присецкого и др. Эволюция к либерализму для народника всегда была в большей или меньшей мере связана с освобождением от пут народнической идеологии, с переходом на городскую ориентацию. Эволюция типа Т., – ее можно ставить на одну принципиальную доску с эволюцией Юзова-Каблица, Сазонова и некоторых других (вот здесь мы имеем дело с разницей, действительно только количественной), – идет в прямо обратном направлении: укрепляясь в своей вере в благодетельность для народа “самобытных” форм экономических отношений в деревне, – форм азиатских, отсталых, – Тихомировы логично приходили к выводу о необходимости закрепления на веки вечные и тех политических форм, которые одни только и благоприятствуют сохранению отсталой самобытности»[826]. Этот подход Б.И. Николаевского к вопросу ренегатства Л.А. Тихомирова, которое, в его представлении, является не эволюцией к либерализму, а регрессом в сторону реакции, похож на рассуждения Г.В. Плеханова

[825] Невский В. Предисловие // Л. Тихомиров. Заговорщики и полиция. М.–Л., 1928. С. 4–5.
[826] Н-ский Б. О воспоминаниях Льва Тихомирова // Каторга и ссылка. Кн. 38. 1928. С. 179.

в известной брошюре «Новый защитник самодержавия или горе г. Л. Тихомирова» в 1889 г.

Для меньшевистской литературы была характерна определенная оппозиционность взглядам большевиков. Поэтому не только Б.И. Николаевский публиковал исторические работы, которые имели отличный от историков-большевиков взгляд на историю отечественного революционного движения. Одной из таких работ была изданная в 1922 г. в Берлине книга грузинского меньшевика Н.Н. Жордании, который отождествлял бланкистскую политическую концепцию Л.А. Тихомирова и политические установки большевиков, а также считал, что концепция новой экономической политики В.И. Ленина и большевиков была вовсе не новой, ее «предвосхитил теоретик партии “Народной Воли”, Лев Тихомиров, перекочевавший позже в стан самодержавия и продолжавший свою публицистическую деятельность во славу Царизма» [827] . По поводу сходства политических концепций Н.Н. Жордания писал: «Политическая концепция Тихомирова и большевиков совершенно тождественна: социалисты захватывают власть, организуют крупное производство и через него перейдут к коммунизму. Ленин только опоздал на четыре года: об этом нужно было думать до провозглашения “Коммунизма”, т.е. до разгрома всего народного хозяйства»[828].

В 1925 г. был издан 11-й том фундаментальной работы по отечественной истории известного советского историка Н.А. Рожкова. Н.А. Рожков долгое время состоял в партии меньшевиков и только под угрозами высылки согласился выйти из враждебной большевикам политической организации и сотрудничать с советской властью. У него был собственный взгляд, отличный от маркистско-ленинской концепции, не только на развитие исторических процессов, но и на причины ренегатства. Так, он считал, что Л.А. Тихомиров не «мог искренне перевернуть вверх дном все свое мировоззрение. Надо считать несомненным, что этот умный и талантливый человек превратился из Савла реакции в ее Павла не по идейным причинам, а по соображениям совершенно иного порядка. Он был

[827] Жордания Н. Большевизм. Берлин, 1922. С. 57.
[828] Там же. С. 58.

честолюбив непомерно и издавна отличался очень слишком развитым инстинктом самосохранения, заставлявшим его страдать шпиономанией и носить траур по Александре II. Его революционная карьера была блестяща, и, конечно, если бы революция победила, перед ним открылись бы широкие перспективы и в смысле высокого, почетного и властного положения, и в отношении соответствующей обеспеченности. Но он увидел, что надежды на победу, по крайней мере скорую, нет, а Мефистофель – Рачковский говорил ему, как Фауст Маргарите, “почти то же самое, что и пастор, только иными словами”. Соблазн покоя, безопасности и обеспеченности был слишком велик, и Тихомиров его не выдержал, “сжег все, чему поклонялся, поклонился тому, что сжигал”. Всякий беспристрастный человек должен признать, что ренегатство Тихомирова бесконечно далеко от искреннего отступничества Достоевского. И расстояние, отделяющее Тихомирова от Достоевского в этом отношении, лучше всего показывает ту бездну падения, которая открылась в последнюю четверть века перед 1905 годом для реакционной диктатуры»[829]. И если старых славянофилов, по словам Н.А. Рожкова, можно было называть «консерваторами с прогрессом», то их последователи неославянофилы, к которым иногда причисляют исследователи и Л.А. Тихомирова, «стали почти совершенно чистыми реакционерами», при этом они «не только вырождались в реакционное дворянство, но и перерождались в консервативную буржуазию, не чуждую уже в значительной степени прогрессивных стремлений» [830] . О публицистической работе Л.А. Тихомирова в проправительственном лагере Н.А. Рожков высказался также однозначно: «Реакционная литература выродилась в беззастенчивый идейный разврат у Суворина и в искание покоя и достатка у Льва Тихомирова, тщетно пытавшегося литературно объяснить с идейной точки зрения, почему он перестал быть революционером»[831].

Меньшевики также часто использовали мысль Г.В. Плеханова о том, что, в сущности, Л.А. Тихомиров сменил только сторону, но основа его мировоззрения не

[829] Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. М.–Л., 1925. Т. 11. С. 303–304.
[830] Там же. С. 304.
[831] Там же. С. 400.

изменилась. В этом ключе, пусть и с долей сомнения в искренности Л.А. Тихомирова, давал характеристику идейному перевороту публицист В. Левицкий [832], который был младшим братом Ю.О. Мартова. О ренегатстве Л.А. Тихомирова он писал следующее: «Когда-то Тихомиров писал, что в России есть только две силы: народ и государственная власть. В народ вместе с другими народовольцами Тихомиров потерял веру давно. Но он верил в силу революционной партии, которая путем террора или захвата государственной власти сделает последнюю своим орудием в интересах народа. Теперь, разочаровавшись в партии, во главе которой он стоял семь лет, он обратился к существующей государственной власти, от которой в письме к Александру III в 1881 г. требовал реформ, – но на этот раз не с бомбой в руке и не с угрозой государственного переворота, а "припадая к стопам", вымаливая себе пощаду и выражая готовность служить царю, чтобы тем самым якобы служить народу»[833]. Анализируя работу «Конституционалисты в эпоху 1881 года», он обратил внимание на то, что Л.А. Тихомиров оправдывал свой переход на сторону монархии тем, что «террористическая борьба "Народной воли" шла на пользу либеральной буржуазии, главному врагу народа – крестьянства», поэтому «новая форма антибуржуазности Тихомирова была тем прикрытием, под которым он пробирался в лагерь откровенной реакции, под сень лозунга "единения царя с народом"» [834]. В. Левицкий также рассмотрел вопрос о разрыве соглашения о сотрудничестве в издании «Вестника "Народной воли"», объясняя его влиянием С.П. Дегаева, который став «предателем, но еще не раскрывшего своего предательства, окрылил надеждами заграничных народовольцев», рассказав «о воссоздании в России народовольческого центра, и Тихомиров и Ошанина решили, что им нет больше никакой нужды идти на компромисс с черноперельцами»[835].

Советский историк В.Ф. Малаховский позднее писал о книге В. Левицкого, что, хоть она «не претендует на научное значение», при этом «является в наше

[832] Настоящее имя В.О. Цедербаум.
[833] Левицкий В. Партия «Народная воля». Возникновение. Борьба. Гибель. М.–Л., 1928. С. 189.
[834] Там же. С. 190.
[835] Там же. С. 203.

время единственной систематической, хотя и компилятивной, популярно написанной историей “П.[артии]Н.[ародная]В.[оля]”, предназначенной для широкого пользования. В этой книге потресовская методология[836] господствует, ею пропитана вся книга. Справедливости ради, надо сказать что в заключительных страницах своей книги В. Левицкий, ссылаясь на манифест I съезда РСДРП и “Что делать?” Ленина, в порядке “исторического беспристрастия” признает большое значение и огромные заслуги “Н.[ародной]В.[оли]” в истории революционного движения. Но все освещение истории народовольчества тем не менее ведется в старом меньшевистском духе»[837].

Сам В.Ф. Малаховский в истории раскола Л.А. Тихомирова и членов группы «Освобождения труда» придерживался точки зрения Г.В. Плеханова об изначальной ошибочности теоретического фундамента народников, на почве которого легко можно было «сделать реакционные выводы и из революционера превратиться даже в защитника самодержавия» [838] . А резкие высказывания Г.В. Плеханова в адрес Л.А. Тихомирова в «Наших разногласиях», по его словам, были связаны не только с теми «нападками, которым подвергалась Группа “Освобождение труда” за первый год своего существования, а главным образом потому, что в виднейшем теоретике “Народной воли” Плеханов увидал шаги народовольчества назад, к ошибкам и иллюзиям 70-х годов. Его вера в то, что народовольчество является антитезой народничества, высказанная так определенно и твердо в брошюре “Социализм и политическая борьба”, оказалась сильно подорванной новыми писаниями Тихомирова и Лаврова. Вот почему он так бешено напал на Тихомирова»[839].

Не обошел стороной историю разрыва Г.В. Плеханова и Л.А. Тихомирова и другой историк-меньшевик, М.С. Балабанов[840], который был родом с территории Украины и долгое время там работал. Он писал, что статья «Социализм и

---

[836] Речь идет о книге меньшевика А.Н. Потресова 1906 г. «Этюды о русской интеллигенции».
[837] Малаховский Вл. На два фронта (к оценке народовольчества). Тверь, 1930. С. 48–49.
[838] Там же. С. 18.
[839] Малаховский В. Плеханов о социальной сущности народничества // Маркс, Ленин и Плеханов о народничестве и «Народной воле». М., 1931. С. 55.
[840] Наст. имя – Самуил. Иногда писал под псевдонимом М. Дубровский.

политическая борьба» Г.В. Плеханова «переворачивала вверх дном все программно-тактические положения народничества, и вполне естественно, что Тихомиров соглашался дать ей место в “Вестнике Народной воли” лишь с редакционным примечанием, которое должно было позволить редакции отмежеваться от Плеханова. В конце концов, переговоры о слиянии были прерваны, и каждая из сторон пошла своей дорогой»[841].

Также концептуально отличались исторические взгляды и других противников большевиков – анархистов. Активный участник московского анархического движения Т. Пиро, получивший известность как составитель первой библиографии трудов П.А. Кропоткина, представил свое видение разложения движения анархистов-бакунистов, в которое он вписал и ренегатство Л.А. Тихомирова, и появление революционных политических партий в России. Эта схема была им изложена в 1926 г. в статье «Бакунизм и реакция». По мнению Т. Пиро, течение «бакунистов» распалось по трем направлениям: первые «совершенно отказались от общественной деятельности»; вторые «дошли до открытого восхваления русского самодержавия, православия, и народности. Таков, например, Лев Тихомиров»; третьи, которых «было подавляющее большинство, свернули во многом на путь западно-европейских политических противников, став активными деятелями и основоположниками тех разложившихся бакунистских ячеек, из которых распухли впоследствии такие исторические в России партии, как “Р.С.Д.Р.П.” (Плеханов, Аксельрод, Дейч и другие) и “П.С.Р.” (Шишко, Брешковская и другие)»[842].

В начале 1920-х гг. формировались и региональные центры исследования истории отечественного революционного движения. Одним из таких стала Белорусская ССР. В 1923 г. в Гомеле был издан сборник статей «Возникновение Социал-демократии в России и ее первые шаги», который был посвящен 25-летию создания партии большевиков. В этом сборнике опубликовал свои очерки

[841] Балабанов М. Очерк истории революционного движения в России. Ч. 1. Л., 1929. С. 123.
[842] Пиро Т. Бакунизм и реакция // Очерки истории анархического движения в России. М., 1926. С. 219.

советский историк Н.Н. Батурин[843], работавший с сентября 1920 г. в Истпарте[844]. В одном из них, посвященном группе «Освобождение труда», он затронул проблему разрыва в отношениях Г.В. Плеханова и Л.А. Тихомирова. По его мнению, соглашение о печатании статей Г.В. Плеханова в «Вестнике Народной воли» было «расстроено стараниями Л. Тихомирова, при ближайшем участии известного провокатора Дегаева. Тихомиров, заступивший место Степняка в редакции "Вестника Народной Воли", сначала очень примирительно относился к социал-демократическому направлению, которое хотел придать журналу Плеханов; приехавший заграницу Дегаев, уже тогда находившийся в сношении с начальником департамента полиции Судейкиным, внушал Тихомирову, будто молодые товарищи очень не сочувствуют его сближению с бывшими чернопередельцами. Опасаясь, потерять свою популярность среди революционеров в России, Тихомиров поспешил резко переменить свое отношение к социал-демократии, и Плеханову пришлось выйти из редакции»[845]. Подобную мысль о роли российской охранки уже значительно позже самих событий высказывал и сам Г.В. Плеханов, о чем мог знать и Н.Н. Батурин. В газете «Искра» в 1903 г. он писал, что «Дегаев уже был тогда в сношениях с Судейкиным, чего не подозревали ни мы, ни г. Тихомиров. Стало быть, Дегаевская поездка за границу для передачи г. Тихомирову мнения "молодых товарищей" о сближении его с нами не обошлась без участия Судейкина»[846].

В 1925 г. Н.Н. Батурин в №10 журнала «Пролетарская революция» опубликовал рецензию на брошюру Л.А. Тихомирова «Плеханов и его друзья», в которой дал ему оценку как революционному деятелю. Н.Н. Батурин сетовал на то, что автору предисловия и примечаний П.С. Попову совершенно не удалось понять и разгадать «этой политической фигуры» [847]. По мнению Н.Н. Батурина,

---

[843] Наст. фамилия – Замятин.

[844] Батурин Н.Н. Curriculum vitae // Сочинения / Н. Н. Батурин; под ред. А. И. Елизаровой [и др.]; подгот. к печ. М. М. Мальт. М.–Л., 1930. С. 42.

[845] Батурин Н. Группа «Освобождение труда» // Возникновение Социал-демократии в России и ее первые шаги: юбилейный сборник материалов и статей (к 25-летию Р.К.П.). Гомель, 1923. С. 33–34.

[846] Плеханов Г.В. Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника Народной Воли» // Искра. №54. 1 декабря, 1903. С. 4.

[847] Батурин Н.Н. Лев Тихомиров, Плеханов и его друзья // Сочинения / Н. Н. Батурин; под ред. А. И. Елизаровой [и др.]; подгот. к печ. М. М. Мальт. М.–Л., 1930. С. 445.

Л.А. Тихомирову как политическому деятелю «исключительно не везло», так как поддерживаемые им силы были в итоге разгромлены, что привело его к разочарованию сначала в революционном пути, а потом «три революции, и в особенности последняя, если не превратили его снова в революционера, то, во всяком случае, заставили в значительной степени “разочароваться” и в силе самодержавия»[848]. Но все-таки, в представлении Н.Н. Батурина, он не был только жертвой обстоятельств, так как очерк о Г.В. Плеханове, написанный Л.А. Тихомировым одним из последних, давал возможность увидеть в «более чистом виде» присущую ему «во всех стадиях его политического бытия» политическую беспринципность, которая делала его «антиподом Плеханова»[849]. Именно эта «чудовищная беспринципность» и может объяснить причину, почему «“идейный руководитель” революционной партии не затруднился не только стать редактором ее журнала (на что у него было неизмеримо меньше данных, чем у Лаврова), но и превратился в редактора “Московских ведомостей”»[850]. И если Г.В. Плеханов несмотря на весь трагизм его последних дней благодаря «огромной революционной роли в прошлом» сохранит, по мнению Н.Н. Батурина, «свое значение и для будущего», то Л.А. Тихомиров «со всеми его превращениями и “разочарованиями” войдет в историю, как в высокой степени комическая фигура. И его печальные размышления об уделе “нашей” жизни звучат, как не ко времени и не к месту поданная реплика шута...»[851].

В 1924 г. профессор Белорусского государственного университета С.Я. Вольфсон в биографической монографии, посвященной Г.В. Плеханову, в качестве ключевой причины раскола народовольцев со сторонниками Г.В. Плеханова назвал идеологические разногласия, так как первые не захотели признать единственно правильным научный социализм: «Вместо того, однако, чтобы мужественно выбраться из той трясины, в которую попала русская

[848] Батурин Н.Н. Лев Тихомиров, Плеханов и его друзья // Сочинения / Н. Н. Батурин; под ред. А. И. Елизаровой [и др.]; подгот. к печ. М. М. Мальт. М.–Л., 1930. С. 445–446.
[849] Там же. С. 446.
[850] Там же. С. 447.
[851] Там же. С. 447.

социалистическая мысль, народничество продолжает топтаться на старом месте, жалко цепляясь за обанкротившиеся доктрины, встречая брюзжанием и злобными нападками всякую смелую попытку перейти от славянофильских утопий к научному социализму. Неспособное постичь динамику русской общественной жизни, рассматривающее действительность как какую-то неподвижную картину, оно устами Льва Тихомирова проповедует “помолодевший ткачевизм” и предает анафеме первых русских марксистов» [852] . Также С.Я. Вольфсон, разбираясь в причинах разногласий Л.А. Тихомирова и Г.В. Плеханова, отмечал, что статья последнего «Социализм и политическая борьба» – это «первая марксистская разведка в самом же народническом лагере, первая попытка, предпринятая Плехановым в осуществление его новой тактики – оздоровить народничество изнутри. Но эта попытка сразу же наткнулась на сопротивление. Лев Тихомиров снабдил статью примечанием, оспаривавшим основные мысли Плеханова. Последний пожелал в свою очередь ответить оппоненту, на что редакция “В. Н. В.” не согласилась – это обстоятельство и послужило поводом к окончательному разрыву»[853]. Приводя здесь высказывания С.Я. Вольфсона, считаем необходимым отметить, что он не был профессиональным историком, специализируясь прежде всего на социологии, философии и праве.

Таким образом, в раннесоветские годы разногласия Л.А. Тихомирова и Г.В. Плеханова объяснялись советскими историками не только с точки зрения личностной конкуренции лидеров и психологической плоскости конфликта, а еще и в контексте эволюции народничества и социал-демократии. Поэтому данные разногласия оценивались, как первый шаг Л.А. Тихомирова к ренегатству на фоне деградации народовольчества и усиления позиций марксизма.

На фоне дискуссии советских историков об исторической роли «Народной воли», начавшейся из-за празднования 50-летнего юбилея партии, сместились акценты в оценке наследия Л.А. Тихомирова. Исторические споры о значении «Народной воли» и ее месте в отечественном освободительном движении еще

---

[852] Вольфсон С.Я. Плеханов. Минск, 1924. С. 79.
[853] Там же. С. 68.

больше подогрели дискуссии об исторической роли Л.А. Тихомирова в революции и в последующей политической жизни России. Поскольку наследие Л.А. Тихомирова в ранней советской историографии было интересно только с точки зрения раскрытия отдельных аспектов истории революционного движения, то и дальнейшая исследовательская судьба этого самого наследия полностью зависела от итогов дискуссий о революционном народничестве на фоне нарастания цензурных ограничений в историко-культурном пространстве СССР. Если в 1920-е гг. осуждению подвергались его проправительственная деятельность и ренегатство, то в начале 1930-х гг. критике подвергся и тот период его жизни, когда Л.А. Тихомиров был активным участником революционной деятельности. Это произошло из-за признания народнической теории и практики враждебными советскому строю, поэтому и революционное наследие Л.А. Тихомирова стало восприниматься как враждебное.

Переломным событием в осмыслении роли «Народной воли» в истории революционного движения России стал выход в журнале «Каторга и ссылка» статьи И.А. Теодоровича «Историческое значение партии “Народной Воли”» к 50-летнему юбилею организации. В статье он заявил, что историческое значение «Народной воли» заключалось не только в ее вкладе в копилку отечественного освободительного движения, но и в том, что «в своей борьбе она накопила громадный политический, тактический и организационный опыт, который умело использовали, соответственно модифицировав его, революционные марксисты»[854]. И.А. Теодорович сформулировал и пытался доказать концепцию, в рамках которой российская социал-демократия родилась из левого фланга «Народной воли»: «Наоборот, на левом фланге образовывалась группа пролетария-отца, все более и более переходящая в группу пролетария-сына, отчего появлялся левый уклон, уклон “пред-социалдемократический”. Чтоб понять все эти моменты, нужно помнить диалектичность развития экономической жизни и идеологических форм. Правый уклон, отпочковавшись от народовольчества, развивался через

[854] Теодорович И. Историческое значение партии «Народной Воли» // Каторга и ссылка. 1929. № 8–9 (57–58). С. 32.

народоправчество и освобожденство к кадетизму и близким к нему системам»[855]. Но И.А. Теодорович не ограничился только доказательством преемственности между народовольцами и большевиками. В статье он утверждал, что народовольцы в свое время уже «нащупывали, в одних случаях – более, в других – менее ясно», политические и социально-экономические установки, которые впоследствии применили на практике большевики в рамках октября 1917 г. и последующего построения Советского государства[856]. Среди таких установок И.А. Теодорович выделил следующие: 1) разбить старую государственную машину; 2) на развалинах буржуазной формы государства создать новый его тип – «государство Советов»; 3) воспользоваться новым типом государства для того, чтоб начать взращивать элементы социалистической экономики; 4) установить, что этот процесс взращивания предполагает существование, более или менее продолжительное, так называемого «переходного периода»[857]. Причем, по мнению И.А. Теодоровича, революционные народники раннего периода имели в своих представлениях «переходного периода» прообразы военного коммунизма, а народовольцы – «идею НЭПа, предпосылая ей идею диктатуры, но, конечно, не пролетариата, а “революционного народа”[858]. Поскольку программные установки «Народной воли» формировались при непосредственном участии Л.А. Тихомирова, а в некоторых эпизодах – им индивидуально, то эти рассуждения напрямую касались наследия Л.А. Тихомирова, который, правда, в статье И.А. Теодоровича был даже не упомянут.

Эта статья И.А. Теодоровича инициировала широкую дискуссию историков, которые пытались понять причины усиленного внимания к истории «Народной воли» и попыток произвести переоценку ее места в отечественном революционном движении. Эти дискуссии проходили как очно, так и заочно – в советской периодике. В спор с И.А. Теодоровичем в конце 1929-го – начале 1930 гг. вступили

[855] Теодорович И. Историческое значение партии «Народной Воли» // Каторга и ссылка. 1929. № 8–9 (57–58). С. 50.
[856] Там же. С. 36.
[857] Там же. С. 36.
[858] Там же. С. 41.

В.Ф. Малаховский и И.Л. Татаров [859] на страницах газет «Правда» [860] и «Известия» [861], критиковавшие его за антиленинское описание исторического вклада «Народной воли». Площадкой для очной дискуссии стали заседания Общества историков-марксистов. В обществе в начале 1930 г. было проведено три заседания, посвященных обсуждению роли «Народной воли»: на первом заседании, 16 января, с главным докладом выступил В.И. Невский, а содокладчиками были И.А. Теодорович и И.Л. Татаров; на втором, 25 января, в формате прений по докладу И.А. Теодоровича от 16 января, выступили В.Ф. Малаховский, Э.Я. Газганов, С.И. Мицкевич, А.Ф. Рындич, М.А. Поташ; на третьем, 4 февраля, с докладами выступили М.А. Югов, Ц[862]. Фридлянд, П.О. Горин, Ем. Ярославский, Э. Генкина.

Критики «неонароднической» концепции И.А. Теодоровича сформулировали две основные претензии к содержанию его статьи. Во-первых, по словам противников концепции, И.А. Теодорович вел происхождение ленинизма от народничества. Во-вторых, он сблизил крестьянский социализм с пролетарским, отождествляя борьбу мелкобуржуазного крестьянина за демократические права и свободы с процессом «перехода крестьянства на рельсы социализма под руководством пролетариата в стране строящегося социализма» [863]. Необходимо отметить, что остроту дискуссии и ее популярность, по всей видимости, усиливала проходящая в СССР коллективизация, которая была частью концепции построения социализма в отдельно взятой стране. Одними из ключевых элементов коллективизации стали борьба с кулачеством и разрушение традиционных общинных устоев. Народнические установки на защиту крестьян, в том числе и

[859] Настоящая фамилия – Каган.
[860] Малаховский Вл. О юбилейном славословии // Правда. 1929. 20 декабря. №300 (4434). С. 6; Теодорович И.А. Побольше исторической объективности (В порядке обсуждения) // Правда. 1929. 26 декабря. № 306 (4440). С. 5; Малаховский Вл. Реставрация Ленина? (Ответ т. И. Теодоровичу) // Правда. 1929. 27 декабря. № 307 (4441). С. 5;
[861] Татаров И.Л. Попытка воскресить народничество // Известия. 1929. 27 декабря. №307 (3843). С. 5; Теодорович И. Письмо в редакцию // Известия. 1930. 9 января. №9 (3856). С. 5; Татаров И.Л. Несущественный ответ на вопрос по существу. (Ответ тов. Теодоровичу) // Известия. 1930. 9 января. №9 (3856). С. 5; Теодорович И. А. Письмо в редакцию. // Известия 1930. 14 января. №14 (3861) С. 4.
[862] Цви. Также использовалось обращение Григорий Самойлович, хотя Фридлянд при рождении получил имя Гирш (отчество – Сроль-Шмуйлович).
[863] Дискуссия о «Народной воле». М., 1930. С. 2.

мелкотоварного производителя, шли вразрез с социально-экономическими преобразованиями в СССР, а значит, воспринимались партией и правительством как враждебные идеи, а их последователи или люди, реанимирующие и восхваляющие народничество, не могли остаться без внимания со стороны общества и власти. Вряд ли такое внимание было бы приковано к статье И.А. Теодоровича, выйди она не в 1929 г., а 1919 г., в честь 40-летия партии или в 1924 г. в честь 45-летия партии.

Параллельно заседаниям Общества историков-марксистов продолжились публикации дискуссионных статей и писем историков об оценке исторической роли «Народной воли» в советских газетах[864]. 5 февраля в «Вечерней Москве» вышла статья А. Кута, в которой описывались итоги дискуссии в Обществе историков-марксистов. Смысл статьи сводился к обличению точки зрения И.А. Теодоровича.

Кроме того, исторический спор шел и в исторических журналах: «Историк-марксист» [865]; «Каторга и ссылка» [866]; «Большевик» [867]; «Пролетарская революция» [868]. Издавали советские историки и отдельные монографии, посвященные исторической роли народовольцев. Например, в 1930 г. И.А. Теодорович издал сборник своих статей, писем и речей конца 1920-х – начала 1930-х гг. под общим названием «Историческое значение партии “Народной воли”»[869]. В этом же году вышла монография В.Ф. Малаховского «На два фронта (к оценке народовольчества)», основной целью которой было изложить правильный, большевистский, взгляд на историю «Народной воли» и окончательно разоблачить

---

[864] Кут А. В спорах о народовольцах. К 50-летнему юбилею партии «Народной воли» // Вечерняя Москва. 1930. 17 января. №14 (1828). С. 3; Теодорович И.А. Письмо в редакцию // Вечерняя Москва. 1930. 20 января. №16 (1830). С. 3; Кут А. Ответ тов. Теодоровичу // Вечерняя Москва. 1930. 20 января. №16 (1830). С. 3; Горин П. Классовая борьба в СССР и современная историческая наука // Известия 1930. 24 января. №23 (3870) С. 4; Ярославский Ем. Маркс, Энгельс и Ленин о «Народной Воле». (К пятидесятилетию «Народной Воли») // Правда. 1930. 30 января. №29 (4474). С. 2; Ярославский Ем. Ленин о социализме «Народной воли» // Правда. 1930. 4 февраля. №34 (4479). С. 4; Кут А. В спорах о русских истоках большевизма // Вечерняя Москва. 1930. 5 февраля. №29 (1843). С. 2.

[865] Покровский М.Н. По поводу юбилея Народной воли // Историк-марксист. 1930. Т. 15. С. 74–85; Татаров И.Л. Право-оппортунистическая апология «Народной воли» // Историк-марксист. 1930. Т. 18–19. С. 185–200.

[866] Теодорович. И.А. Тартарэн на Альпах ленинизма. (Ответ И. Татарову) // Каторга и ссылка. 1930. №1 (62). С. 108–127; Теодорович И.А. К спорам о «Народной воле» // Каторга и ссылка 1930 №2 (63). С. 90–105; Теодорович И.А. О народной воле // Каторга и ссылка. 1930. №3 (64). С. 7–44; Малаховский В. Правда ли, что народовольчество предвосхитило ленинизм? // Каторга и ссылка. 1930. №3 (64). С. 45–63.

[867] Теодорович И.А. Надо рассеять недоразумение // Большевик. 1930. №3–4. С. 116–121; Ярославский Ем. Недоразумение ли? (Ответ тов. Теодоровичу) // Большевик. 1930. №3–4. С. 121–126.

[868] Рындич А. К вопросу о классовой природе революционного народничества // Пролетарская революция. №5 (100). Май. 1930. С. 176–207; Поташ М. Как не следует писать о революционном народничестве и народовольчестве // Пролетарская революция. №5 (100). Май. 1930. С. 208–223.

[869] Теодорович И.А. Историческое значение партии «Народной воли». М., 1930.

взгляды И.А. Теодоровича и другие ошибочные исторические концепции о народовольцах[870]. Также в 1930 г. была опубликована монография «Народнический социализм» М.А. Поташа, целью которой было изложение, как это представлял себе автор, марксистско-ленинского представления об идеологических, тактических и организационных основах народнического социализма[871].

Исходя из оценок места и роли «Народной воли» в отечественном освободительном движении, определялась и оценка революционной деятельности Л.А. Тихомирова и его ренегатства. Если считать народовольцев сторонниками мелкобуржуазного социализма, который эволюционировал в политических противников большевиков – эсеров, то ренегатство Л.А. Тихомирова не выглядит роковым в динамике развития отечественного революционного движения. Но если считать «Народную волю» предтечей большевизма, как «Черный передел» стал предтечей меньшевизма, то и поступок Л.А. Тихомирова, пусть и не в такой степени, как для старых народовольцев, выглядел для большевиков отступничеством от политически правильного эволюционного пути.

На заседании Общества историков-марксистов 19 марта 1930 г. и вовсе была принята резолюция, которая провозглашала принцип, что «каждого антимарксиста приходится рассматривать как потенциального вредителя», так как в условиях мирового экономического кризиса и социалистического строительства в СССР очень сложно различить, где «кончается “несогласие с марксизмом” и начинается прямое вредительство»[872]. Также на этом заседании члены общества выступили с призывом «пересмотреть весь наличный состав научных работников исследовательских институтов с точки зрения обеспечения подлинного марксистско-ленинского изучения стоящих в порядке дня проблем»[873].

В апреле в дискуссию вмешался отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП (б). В газете «Правда» 9 апреля были опубликованы тезисы в честь 50-летия «Народной

[870] Малаховский Вл. На два фронта (к оценке народовольчества). Тверь, 1930.
[871] Поташ М. Народнический социализм. М.–Л., 1930.
[872] Резолюции, принятые на общем собрании Общества историков-марксистов от 19.III. 30 года // Историк-марксист. 1930. № 15. С. 165.
[873] Там же. С. 167.

воли», которые описывали историю возникновения, становления и упадка «Народной воли», а также отражали официальную позицию властей по осмыслению «под углом зрения ленинских указаний и ленинских оценок» места народовольцев в истории отечественного революционного движения[874]. Отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП (б) была организована кампания по борьбе «против переоценки революционного народничества и народовольчества, против идеализации народничества и народовольчества», и для преодоления остатков «меньшевистских[875] воззрений»[876]. Поэтому в тезисах подчеркивалась идея о том, что «марксизм и народничество – две различных идеологии двух различных классов. Марксизм, использовав практический опыт предшествующего ему революционного движения, возник, сложился и рос в непримиримой идейной борьбе со всем народничеством в целом и со всеми народническими партиями»[877]. Такое противостояние было обусловлено тем, по мнению партийных идеологов, что «теоретическая, программная и тактическая позиция, облеченная в социалистический наряд как всего народничества, так в частности и народовольчества, была позицией, выражавшей интересы мелкого товаропроизводителя, стремившегося освободиться от крепостнических пут, питавшего иллюзии об избавлении от мук капитализма, опираясь на идеализированные отношения, характеризующие экономический строй мелкого производителя, составлявшего на деле самую глубокую и прочную основу капитализма»[878]. Также историческая оценка народовольчества и его наследия, с точки зрения авторов тезисов, была важна для советского общества, так как имела «актуальное значение в связи с правильным пониманием взаимоотношений пролетариата и крестьянства» [879], союз которых позже был провозглашен в Конституции 1936 г. Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП (б) не обошел стороной и взгляды И.А. Теодоровича, которые вели «к неправильному

[874] Тезисы к 50-летию «Народной воли» // Правда. 1930. 9 апреля. №98 (4543). С. 4.
[875] Видимо, это намек на схожесть высказанных идей И.А. Теодоровича на тезисы меньшевика Н.Н. Жордании.
[876] Тезисы к 50-летию «Народной воли» // Правда. 1930. 9 апреля. №98 (4543). С. 4.
[877] Там же. С. 4.
[878] Там же. С. 4.
[879] Там же. С. 4.

представлению о том, каким путем крестьянство переводится на рельсы социализма в обстановке диктатуры пролетариата, к умалению руководящей роли пролетариата»[880]. Так как его «попытка смазать различие между научным и утопическим социализмом, попытка прикрашивания народовольчества» ведет к возрождению «старой народнической теории о том, что крестьянство самостоятельным путем, “самотеком” идет к социализму»[881].

Также авторы тезисов выделили три группы народовольцев с точки зрения отношения к политической борьбе. К первой группе были отнесены «“чистые” сторонники террора, которым террор должен был расчистить путь для конституции (Морозов)»; ко второй группе были причислены Л.А. Тихомиров и М.Н. Ошанина как сторонники «якобинских, ткачевских взглядов», согласно которым было необходимо захватить власть путем заговора и таким путем непосредственно осуществить переход к социалистическому строю; в третью группу отнесли тех, кто «идя на террор, как на одно из средств политической борьбы, видели главную задачу партии в свержении самодержавия и установления политических свобод, так как только на этой почве будет возможна дальнейшая борьба против основ современного общества» – сторонниками этих «взглядов были Желябов, Ал. Михайлов»[882].

В 1931 г. был издан специальный сборник «Маркс, Ленин и Плеханов о народничестве и “Народной воле”». Появлению этой книги также способствовал 50-летний юбилей «Народной воли», празднование которого и возникшая на этом фоне дискуссия вызвали «необходимость вновь поставить вопрос об оценке исторической роли революционной партии»[883]. Главной задачей сборника было приведение оценок революционного народничества к тем оценкам, которые давал В.И. Ленин, что помогло бы «широким массам читателей правильно усвоить марксистско-ленинскую оценку революционного народничества и самостоятельно разобраться во всех тех спорных вопросах, которые выявились во время дискуссии

[880] Тезисы к 50-летию «Народной воли» // Правда. 1930. 9 апреля. №98 (4543). С. 4.
[881] Там же. С. 4.
[882] Там же. С. 4.
[883] Маркс, Ленин и Плеханов о народничестве и «Народной воле». М., 1931. С. 3.

в связи с 50-летним юбилеем “Народной воли”»[884]. В сборнике, помимо трех статей, были опубликованы тезисы отдела культуры и пропаганды ЦК ВКП (б) к 50-летию «Народной воли».

В годы большого террора большая часть участников дискуссии об оценке роли «Народной воли» была репрессирована. Причем репрессирован был не только И.А. Теодорович, но и его критики. И.А. Теодоровича арестовали в 1937 г., и по обвинению в участии в антисоветской террористической организации суд его приговорил к расстрелу. Кроме И.А. Теодоровича, были расстреляны А.Ф. Рындич, Э.Я. Газганов, Ц. Фридлянд, П.О. Горин, В.И. Невский. Были арестованы М.А. Югов и И.Л. Татаров. По версии современного историка А.Л. Литвина, часть из них оговорил в симпатиях к троцкистам в 1936 г. историк Н.Н. Ванаг[885]. Участники упомянутой дискуссии не единственные, кто тогда был подвергнут либо репрессиям, либо резкой критике. В частности, ученики М.Н. Покровского и он сам будут подвергнуты в середине 1930-х гг. резкой критике. Хотя эта критика зачастую подавалась с оговоркой, что якобы сам автор пересмотрел свои исторические взгляды в конце жизни. Например, в газете «Правда» в 1936 г. была напечатана статья о преподавании истории в советской школе, в которой отмечалось, что М.Н. Покровский «в одной из своих предсмертных статей признал ненаучность своей схемы, защищаясь только от упрека, что она – антиленинская. Но ненаучная схема не может не быть антиленинской. Борьба с антиленинскими традициями школы Покровского и в методе, и в конкретной картине русской истории, преодоление традиций школы Покровского являются условием создания марксистско-ленинской истории СССР»[886].

Статья И.А. Теодоровича «Историческое значение партии “Народной Воли”» получила отклик в эсеровском общественно-политическом и литературном журнале «Воля России», издававшемся с 1924-го по 1932 гг. сначала в Праге, а затем в Париже. В первом номере журнала за 1930 г. была опубликована статья эсера

---

[884] Маркс, Ленин и Плеханов о народничестве и «Народной воле». М., 1931. С. 8.
[885] Литвин А.Л. Без права на мысль. (Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб). Казань, 1994. С. 53–54.
[886] Преподавание истории в нашей школе // Правда. 27 января, 1936. №26 (6632). С. 1.

О.С. Минора «К 50-летию “Народной воли”», в которой взгляды И.А. Теодоровича на историю «Народной воли» он представил как официальную точку зрения всей большевистской историографии. По его мнению, советские историки хотели «реабилитировать» партию «Народной воли», чтобы доказать, что большевики «являются прямыми потомками народовольчества» и именно они «самые верные его последователи» [887] . Следовательно, в представлении О.С. Минора, И.А. Теодорович преследовал цель «оправдать политику и тактику большевистской диктатуры толкованием народовольческих взглядов. Но, чтобы в глазах диктаторов не скомпрометировать себя, Теодоровичу, прежде всего, пришлось доказать, что партия “Народной воли” была партией определенно социалистической. <...> Теодорович сумел подобрать действительно совершенно убедительный материал для доказательства того, что партия “Народной воли” была по существу не буржуазной, а социалистической» [888] . И, подытоживая заочный спор с И.А. Теодоровичем о наследстве народовольцев, О.С. Минор отметил, что «Народная воля» поняла «великое значение крестьянства и рабочих и их способность бороться в освобожденной России во имя социализма. Она в неравной борьбе была временно побеждена, но ее идеи восприняла в новой исторической обстановке партия социалистов-революционеров, а не ВКП, которая явилась наследницей “черного передела”. И не ВКП победила самодержавие в 1917 г., а подлинные наследники “Народной воли”, победу которых стремится присвоить большевицкая диктатура. Историческое значение “Народной воли” заключается в том, что она первая поставила во всю широту вопрос о необходимости завоевания демократической свободы для обеспечения возможности борьбы за социализм. Нет возможности связать обращение всего трудового народа в рабское состояние большевиками с той действительной свободой человека, которая была основной задачей “Народной воли”. Вся статья Теодоровича, написанная с целью доказать свое родство с партией, юбилей которой будет праздноваться 17–21 апреля 1930-го

[887] Минор О. К 50-летию «Народной воли» // Воля России. Г. 8. 1930. Январь. №1. С. 53.
[888] Там же. С. 55.

года. Вопреки воле автора, она доказала лишь что партия “Народной воли” была и демократической и социалистической»[889].

Параллельно шедшим спорам об исторической роли «Народной воли» в начале 1930-х гг. вспыхнула дискуссия об оценке роли Л.А. Тихомирова в народовольческом движении и революционной журналистике. Инициирована она была выходом книги бывшего эсера Д. Кузьмина [890] «Народовольческая журналистика». В этой книге автор поставил под сомнение сформированный народовольцами образ Л.А. Тихомирова как непререкаемого теоретика и литературного лидера «Народной воли» и отметил излишнюю идеализацию его роли в редакции и недооценку вклада других деятелей в публицистику партии, например, Н.А. Морозова [891] . По мнению Д. Кузьмина, требовался пересмотр оценки фигуры Л.А. Тихомирова как «личности, свойств его таланта», так и «особенностей его индивидуальной организации», в том числе потому, что исследователям стали доступны новые источники, как, например, дневниковые записи Л.А. Тихомирова, позволявшие реконструировать его реальные взгляды[892]. Опираясь в основном на комплекс источников личного происхождения, Д. Кузьмин пришел к выводу, что реальным лидером «Народной воли» был А.Д. Михайлов, который наряду с другими народовольцами стал «источником тихомировской публицистики», так как сам Л.А. Тихомиров не был способен к «самостоятельной выработке своих политических взглядов», будучи зависим от той среды, в которой вращался, поэтому в партии он занял роль всего лишь «литературного рупора»[893]. Проанализировав комплекс революционно-публицистических работ Л.А. Тихомирова, Д. Кузьмин пытался доказать, что по содержанию его статьи были написаны под «несомненным и большим влиянием» Н.К. Михайловского, так как часто «порою они представляют почти дословную <...> передачу или перефразу взглядов» Н.К. Михайловского, хорошо «известных по его сочинениям»[894]. Именно

[889] Минор О. К 50-летию «Народной воли» // Воля России. Г. 8. 1930. Январь. №1. С. 59–60.
[890] Настоящее имя – Е.Е. Колосов.
[891] Кузьмин Д. Народовольческая журналистика. М., 1930. С. 56–58.
[892] Там же. С. 71.
[893] Там же. С. 76–77.
[894] Там же. С. 79.

политическая несамостоятельность и потребность в поддержке товарищей, наряду с психическими отклонениями, по мнению Д. Кузьмина, сыграли ключевую роль в перемене взглядов Л.А. Тихомирова [895] . Опираясь на свидетельства самого Л.А. Тихомирова, Д. Кузьмин отметил, что с сильными духом и самостоятельным мышлением людьми «Тихомиров действительно мог многое сделать и делал фактически. Но когда он окончательно лишился этой поддержки, когда рухнули всякие надежды на близкую возможность хотя бы частичной победы над самодержавием; когда во весь свой рост поднялся на глазах его в лице Александра III настоящий Чингизхан, вооруженный всеми приобретениями полицейской техники, готовый задушить всякие проблески жизни и на всю Россию накинуть саван мертвеца, – тогда Тихомиров не нашел в себе больше сил, чтобы внутренне противостоять этому бурелому реакции, и пал раздавленный к ногам самодержавного палача когда-то возглавлявшийся им революции»[896].

В 1931 г. на книгу Д. Кузьмина вышла статья-рецензия историка-большевика П.И. Анатольева. В ней он не только проанализировал содержание книги, но и поставил вопрос о неподконтрольности со стороны историков-марксистов массового выпуска материалов о «Народной воле». Данное обстоятельство привлекло внимание благодаря 50-летнему юбилею и выходу статьи И. Теодоровича «Историческое значение партии “Народная воля”», которая попала под удары критики историков. Но, как писал П.И. Анатольев, статья И. Теодоровича – «это только маленький уголок всей литературы, куда попал коммунист, и то ставший не на классово-пролетарскую, а на неонароднические точку зрения» [897] . Поэтому задачей историков-марксистов, по мнению П.И. Анатольева, должна была стать работа по изучению всего материала, который выходит об эпохе «Народной воли», тем более что часть изданий выпускается и распространяется без комментариев.

---

[895] Кузьмин Д. Народовольческая журналистика. М., 1930. С. 169–170.
[896] Там же. С. 170.
[897] Анатольев П. Эсеровщина в советской исторической литературе. Д. Кузьмин. Народовольческая журналистика, Москва, 1930 (рецензия) // Историк-марксист. Т. 21. 1931. С. 128.

В этой статье П.И. Анатольев критиковал книгу Д. Кузьмина за то, что тот не проанализировал влияние идей «Народной воли» на «теоретическую работу хотя бы даже Михайловского и Тихомирова» в легальной прессе и как народовольческие идеи с их помощью проникали в «научно-теоретическую работу тогдашней литературы»[898]. Как указывал П.И. Анатольев, «исследование хотя бы того, о чем писал Тихомиров в “Деле” в тысячу раз более объяснило бы читателю, как и какие народовольческие идеи проникали в теоретическую мысль легальной прессы, чем тщательно составленный “алфавит” Д. Кузьмина» [899] . Также П.И. Анатольев оспорил высказанную Д. Кузьминым точку зрения, что автором передовой статьи второго номера «Народной воли» был Н.А. Морозов. По словам П.И. Анатольева, это не соответствовало действительности, так как автором этой статьи, в которой «ясны все мелкобуржуазная сущность и колебания», был Л.А. Тихомиров, а не Н.А. Морозов[900]. Однако главная претензия П.И. Анатольева к книге и к ее автору заключалась в том, что он пытался эсеровскую идеологию «легализовать в советской прессе под скромным прикрытием старой народовольческой завесы»[901]. Этот подход Д. Кузьмин пытался реализовать, по словам П.И. Анатольева, выставляя «Тихомирова и Михайловского как антиподов народовольческой журналистики» и кропотливо доказывая, что «Тихомиров до своего падения отнюдь не являлся самостоятельной революционной величиной, которая общеизвестна по литературе “Народной воли”, а просто находился на поводу у других» [902] . П.И. Анатольев не был согласен с таким подходом к оценке роли Л.А. Тихомирова в «Народной воле», который у Д. Кузьмина превратился, по мнению П.И. Анатольева, из вождя организации в человека неспособного мыслить самостоятельно и только литературно транслирующего мысли других, что произошло из-за того, что Д. Кузьмин стремился «причесать всю “Народную волю” под Михайловского и снова воскресить взгляды В.Я. Богучарского, реставрировать

[898] Анатольев П. Эсеровщина в советской исторической литературе. Д. Кузьмин. Народовольческая журналистика, Москва, 1930 (рецензия) // Историк-марксист. Т. 21. 1931. С. 129.
[899] Там же. С. 129.
[900] Там же. С. 130.
[901] Там же. С. 130–131.
[902] Там же. С. 131.

либеральные идейки»[903]. Однако в попытке искусственно принизить роль Л.А. Тихомирова и возвысить Н.К. Михайловского в «Народной воле» Д. Кузьмин, по словам П.И. Анатольева, показал свою идейную сущность как сторонника эсеровщины, которому вполне логично «вести свою родословную от либерального народничества» и его основателя Н.К. Михайловского, идейные потомки которого «в наше время находятся в лагере контрреволюции. Книга Дм. Кузьмина есть ответ эсеровщины на итоги нашей дискуссии[904] о “Народной воле”»[905]. Тем более, как указывал П.И. Анатольев, эта книга появилась в период коллективизации, когда советская власть пыталась уничтожить кулачество как класс, и в разгар первого этапа индустриализации, когда особенно обострилась идеологическая и политическая борьба с эсерами и меньшевиками, выступавшими в союзе с буржуазией против пролетариата и крестьянства, а в начале 1930-х гг. и вовсе выступили «единым фронтом кадетско-эсеровски-меньшевистско-монархической эмиграции, взявшей под свою защиту участников Промпартии и открыто идущей единым фронтом в подготовке интервенции против страны Советов»[906].

При всей резкости оценок Д. Кузьмина П.И. Анатольевым все же основным оппонентом Д. Кузьмина в дискуссии о роли Л.А. Тихомирова стала В.Н. Фигнер. Она выступила в защиту уже сложившегося в народовольческих кругах исторического образа Л.А. Тихомирова. Свои основные тезисы она изложила в послесловии к самой книге Д. Кузьмина[907]. Фрагменты книги, написанные о Л.А. Тихомирове и Н.К. Михайловском, В.Н. Фигнер назвала «заупокойными» Исполнительному комитету и «Народной воле», в которых «что ни шаг, серьезнейшим тоном говорятся вещи, совершенно не соответствующие действительности и изложение которых надо бы сделать в другой форме»[908]. Нападки на Л.А. Тихомирова она расценивала как нападки на всю партию, поэтому

---

[903] Анатольев П. Эсеровщина в советской исторической литературе. Д. Кузьмин. Народовольческая журналистика, Москва, 1930 (рецензия) // Историк-марксист. Т. 21. 1931. С. 131.
[904] Речь о дискуссии в рамках общества историков-марксистов в 1930 г.
[905] Анатольев П. Эсеровщина в советской исторической литературе. Д. Кузьмин. Народовольческая журналистика, Москва, 1930 (рецензия) // Историк-марксист. Т. 21. 1931. С. 131–132.
[906] Там же. С. 130.
[907] Фигнер В.Н. Послесловие // Кузьмин Д. Народовольческая журналистика. М., 1930. С. 231–275.
[908] Там же. С. 232.

критика Д. Кузьмина была воспринята ею близко к сердцу: «Отнимая у Тихомирова ответственность, как политическую, так и литературную, Кузьмин грабит не только Тихомирова, но и Исполнительный Комитет. Это уже действительное “за упокой!” А мы-то, неразумные и наивные, считали до сих пор ответственными себя и литературно, и политически, и морально и с этой ответственностью (не по закону статей таких-то: 279 и пр.) одни шли на эшафот, другие в Алексеевский равелин и в Шлиссельбург… Да в том же заблуждении находилось не только самодержавное правительство, но и все знакомые с историей “Народной Воли”»[909].

В этой связи очень ценны замечания современного российского историка О.В. Шемякиной о внутренних психических переживаниях В.Н. Фигнер, возникших на фоне этой дискуссии: «Противоположный подход можно встретить у самой В. Фигнер, для которой история “Народной Воли” представляла самостоятельную ценность вне ее связи с другими идеологиями, партиями и последующими событиями. Ее целью было сохранение памяти о революционном поколении 1870-х гг. с его особым практическим опытом, психологией и этикой. Фигнер не просто фиксировала прошлое, а постоянно находилась в процессе его детального изучения и осмысления. Свою литературную работу она воспринимала как долг перед погибшими товарищами и стремилась отразить в ней коллективную точку зрения. <…> Книга Колосова с преувеличением роли Михайловского, не являвшегося в понимании Фигнер частью революционной среды и принижением роли Тихомирова, дальнейшая судьба которого крайне болезненно была воспринята всеми народовольцами, оказалась для Фигнер нарушением неких предустановленных ею границ»[910].

Далее спор переместился на страницы журнала «Каторга и ссылка», где в 1932 г. Д. Кузьмин опубликовал ответную статью на «Послесловие» В.Н. Фигнер, попытавшись отстоять свою версию событий[911]. При этом сама В.Н. Фигнер отказалась что-либо отвечать на эту статью. Редакция журнала сообщила, что

---

[909] Фигнер В.Н. Послесловие // Кузьмин Д. Народовольческая журналистика. М., 1930. С. 274.
[910] Шемякина О.В. Дискуссия вокруг книги Е.Е. Колосова «Народовольческая журналистика» в 1930–1932 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 464.
[911] Кузьмин Д. Газета «Народная Воля» и ее редакторы // Каторга и ссылка. Кн. 1 (86). 1932. С. 105–143.

напечатала статью Д. Кузьмина в выпуске «исключительно ради полнейшего его (Д. Кузьмина. – В.С.) разоблачения» и отказалась больше «предоставлять ему страницы своих изданий»[912]. В том же номере высказался о позиции Д. Кузьмина редактор журнала И.А. Теодорович, объемная статья которого стала заглавной в номере и носила обличительный характер[913]. В этом же году в журнале было опубликовано письмо в редакцию М.Ф. Фроленко. В нем он выступил в защиту уже сложившегося образа Л.А. Тихомирова и обвинил в лживости отсылок, сделанных Д. Кузьминым, на работы М.Ф. Фроленко, в которых он писал о Л.А. Тихомирове[914]. В журнале на этом дискуссия была окончена. Однако Д. Кузьмин, лишенный возможности публиковаться в «Каторге и ссылке», опубликовал 15 июня 1932 г. открытое письмо к М.Ф. Фроленко, напечатанное на машинке. В нем Д. Кузьмин попытался опровергнуть утверждения М.Ф. Фроленко, указывая на то, что тот глубоко заблуждается и напрасно допускает те же поступки, в которых его обвинил[915]. В письме Д. Кузьмин еще раз подчеркнул свои мысли относительно роли Л.А. Тихомирова, за которые на него обрушилась критики: «Мое настоящее преступление состоит в том, что не желая идеализировать Льва Тихомирова, я категорически отказываюсь присваивать ему такие качества, которыми он не обладал. <...> Мое второе преступление еще большее! Не желая присваивать Тихомирову такие качества, которыми он не обладал, я вместе с тем отказываюсь ПОРОЧИТЬ Исп.[олнительный] Комитет, считая того, Льва Тихомирова, головой организации»[916].

Журнал не был единственной площадкой для споров о книге Д. Кузьмина и роли Л.А. Тихомирова. Дискуссия активно шла в 1931 г. на заседаниях народовольческого кружка, функционировавшего при Обществе бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев с 1925-го по 1935 гг. Поскольку в общество

[912] Кузьмин Д. Газета «Народная Воля» и ее редакторы // Каторга и ссылка. Кн. 1 (86). 1932. С. 105.
[913] Теодорович И. По поводу полемики В.Н. Фигнер с Е. Колосовым // Каторга и ссылка. Кн. 1 (86). 1932. С. 5–104.
[914] Фроленко М. Письмо в редакцию // Каторга и ссылка. 1932. Кн. 3 (88). С. 203–204.
[915] РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 347. Л. 1.
[916] Там же. Л. 1 об.

входили не только убежденные большевики, но и бывшие политические заключенные с иными взглядами, это еще больше усиливало остроту дискуссий.

По материалам книги Д. Кузьмина в обществе прошло несколько выступлений докладчиков с последующим обсуждением. На заседании 3 ноября 1931 г. с докладом «К вопросу о роли Н.К. Михайловского и Л.А. Тихомирова в редакции “Народной воли”» выступил эсер-публицист Н.Я. Быховский [917] . Внимательно изучив и изложив позиции Д. Кузьмина и В.Н. Фигнер, докладчик пришел к выводу, что «Кузьмин сам лишен этой объективности, ибо он заранее поставил перед собой, хотя и bonafide[918] но все же предвзятую цель доказать, что вдохновителем и руководителем “Н.[ародной]В.[оли]” был не будущий ренегат Лев Тихомиров, а оставшийся навсегда верным своим идеалам Михайловский»[919].

На заседании 22 апреля 1932 г. Д. Кузьмин выступил в защиту своей позиции, представив присутствующим сообщение «Лев Тихомиров и “Народная Воля”», в котором акцентировал внимание на роли Л.А. Тихомирова не в партии, а в издании газеты «Народная воля»[920]. Самим сообщением докладчика мы не располагаем, но на заседании велся протокол, в котором секретарь зафиксировал основные тезисы Д. Кузьмина. Согласно протоколу, Д. Кузьмин сослался «на фактические данные, установленные им не свидетельскими показаниями (мемуары, воспоминания), а объективным библиографическим методом, докладчик решительно отверг установившиеся мнение о Тих[омиро]-ве как основной литературной силе, на которой главным образом, если не целиком, держалась народовольческая журналистика, и квалифицировал такое мнение как своего рода абстракцию. То, что в абстракции этой оказываются и товарищи Т[ихомиро]-ва, не останавливает докладчика»[921]. Далее в том же протоколе следует вывод от Д. Кузьмина о значении ренегатства Л.А. Тихомирова не как факта сугубо его личной биографии, а как действия, дискредитировавшего всю партию: «“Таков реальный Тихомиров, а не в

[917] РГАЛИ. Ф. 280. Оп. 1 Д. 19. Л. 1.
[918] С англ.: добросовестный.
[919] РГАЛИ. Ф. 280. Оп. 1 Д. 19. Л. 2.
[920] Там же. Л. 21.
[921] Там же. Л. 22, 22 об.

легенде”. Такими словами докладчик закончил свое сообщение и присоединил к ним следующее соображение: если верно, что программа Н.В. была делом Т-ва, то его последующее ренегатство не может не ложиться темным пятном на партию. Если Тихомиров был отголоском чужих мнений – людей, действительно создававших партию Н.В., последующее ренегатство Т-ва, – факт, существенного отношения к Н.В. не имеющий. Этим соображением докладчик как бы подводил моральное основание для своей настойчивой борьбы с тем, что он назвал “легендой о Тихомирове”»[922].

Также на упомянутых уже заседаниях кружка его участники, помимо обсуждения книги Д. Кузьмина, коснулись и вопроса о ренегатстве Л.А. Тихомирова и его причинах. В частности, на заседании 3 ноября 1931 г. после выступления Н.Я. Быховского А.П. Прибылева-Корба выступила с замечанием, что «не подлежит сомнению, что Тихомиров изменил своему прошлому только потому, что заболел душевно – подвергся религиозной мании. При этих условиях было бы несправедливо лишать его уважения, заслуженного Тихомировым в прошлом»[923]. В ответ В.И. Сухомлин, также знавший лично Л.А. Тихомирова, указал на то, что «медики в политической трансформации Л. Тихомирова не усматривали признаков душевной болезни», а докладчик Н.Я. Быховский отметил, что необходимо признавать заслуги Л.А. Тихомирова в народовольческом прошлом вне зависимости от того, «кем он стал впоследствии, будучи психически больным или оставаясь психически нормальным»[924]. Хотя тот же В.И. Сухомлин в сборнике статей и документов «Клочки воспоминаний», посвященном известному киевскому «процессу 12-ти» 1884 г., и изданном в 1935 г. в связи с 75-летием со дня рождения автора этих статей М.П. Шебалина, высказал уже другую точку зрения. В этой книге ренегатство он объяснял постигшим Л.А. Тихомирова «психозом (нечто вроде религиозной мании)»[925].

---

[922] РГАЛИ. Ф. 280. Оп. 1 Д. 19. Л. 23.
[923] Там же. Л. 14 об.
[924] Там же. Л. 14 об.
[925] Сухомлин В.И. Введение // М.П. Шебалин. Клочки воспоминаний. М. 1935. С. 315.

На заседании 22 апреля 1932 г. после сообщения Д. Кузьмина революционер-народник Н.Ф. Цвиленев добавил ремарку из собственных воспоминаний о встрече с Л.А. Тихомировым в период, когда тот уже был редактором «Московских ведомостей». Н.Ф. Цвиленев отметил, что Л.А. Тихомиров был «при встрече как будто смущен. Разговор был непродолжителен. Т[ихомиро]-в пересыпал то, что говорил, упоминаниями божьего имени, словом: “господь” и пр., хотя для этого не было видимой надобности. Осталось общее впечатление ненормального человека»[926].

В середине 1930-х гг. дискуссии об истории «Народной воли» и народничества трансформируются в открытую идеологическую кампанию против исторического наследства народничества и народовольчества. 14 июня 1935 г. в «Комсомольской правде» было издано постановление ЦК ВКП (б) «О пропагандистской работе в ближайшее время», которое стало началом открытой борьбы большевиков со старыми революционерами-народниками. В этом постановлении особо подчеркивалось, что марксизм в СССР «вырос и окреп в борьбе с народничеством (народовольчество и т. п.), как злейшим врагом марксизма, и на основе разгрома его идейных положений, средств и методов политической борьбы (индивидуальный террор, исключающий организацию массовой партии», а «потом в борьбе с меньшевиками и эсерами»[927].

В 1937 г. была издана книга-брошюра Ем. Ярославского, целью которой было доказать враждебность народничества марксизму и показать, что К. Маркс и Ф. Энгельс были первыми критиками народничества, а В.И. Ленин возглавил борьбу рабочей партии против народничества и разгромил его. Кроме того, среди борцов с народничеством Ем. Ярославский отметил еще и «вождя пролетариата» И.В. Сталина[928], что свидетельствует об утверждении культа личности Сталина ко времени выхода книги. Основоположники марксизма-ленинизма, в представлении Ем. Ярославского, видели ошибки народничества, которые заключались в том, что

---

[926] РГАЛИ. Ф. 280 Оп. 1 Д. 19. Л. 24, 24 об.
[927] О пропагандистской работе в ближайшее время. Постановление ЦК ВКП(б) // О политическом воспитании комсомольцев. Хабаровск, 1936. С. 6.
[928] Ярославский Ем. Разгром народничества. М., 1937. С. 5.

народники «объявляли капитализм в России упадком, регрессом, шагом назад»[929], верили в «самобытность России» и были склонны к «идеализации крестьянства»[930]. Поскольку уже родоначальники большевиков считали народничество ошибочным, то и борьба с этим движением была вполне оправдана. Ем. Ярославский в брошюре проиллюстрировал такую историческую схему, в которой марксизм боролся с народничеством на всех этапах, начиная с того времени, когда «марксизм пробивал себе дорогу в нашей стране, преодолевая народническую идеологию, разоблачая не только неправильные, ненаучные, мелкобуржуазные теории народников, но и негодные, вредные для пролетариата методы и средства борьбы, которые практиковали народники». Эта идейная борьба марксистов с народничеством, по словам Ем. Ярославского, стала «предпосылкой создания массовой рабочей партии», которая «на всех этапах борьбы с врагами рабочего класса, с отклонениями от марксизма-ленинизма», безустанно «боролась с народничеством, какие бы формы оно не принимало», и без полного его разгрома невозможна была бы победа «большевизма, завоевание диктатуры пролетариата», а затем и «разгром его организаций, вставших на путь контрреволюционной борьбы»[931].

Соответственно и народовольцы, по мнению Ем. Ярославского, ошибались в своих теоретических и практических установках, так как у них не было «опоры в революционизирующихся массах рабочих и крестьян»[932], и они не понимали «классового характера русского государства, не видя, что самодержавие воплощает в себе господство помещиков-крепостников», считали достаточным для кардинальных изменений в России «снять правительственную “верхушку”»[933]. Поэтому народовольцы также были врагами марксистов, так как их индивидуальный террор, когда он «направлялся против царя и его слуг, мешал рабочему классу создавать свою партию, он подменял революционную деятельность масс эффективными, но политическими бесцельными,

[929] Ярославский Ем. Разгром народничества. М., 1937. С. 20.
[930] Там же. С. 21.
[931] Там же. С. 3–4.
[932] Там же. С. 36.
[933] Там же. С. 47.

террористическими актами. Он гасил революционную энергию масс, воспитывая в этих массах иллюзии – будто освобождение этих масс может прийти извне – от кучки “героев”»[934]. В конце книги Ем. Ярославский и вовсе намекнул, что индивидуальный террор народовольцев унаследовали правые эсеры, которые были в «период пролетарской диктатуры прямыми союзниками контрреволюционной буржуазии и империалистических правительств и направивших оружие террора против вождя пролетариата – Владимира Ильича Ленина». Позже террористические методы, как у правых эсеров, использовала «троцкистско-зиновьевская банда агентов фашистов», направив «против вождя пролетариата, против товарища Сталина, но «советский народ в лице Верховного суда вынес свой беспощадный и справедливый приговор убийцам С.М. Кирова, направившим оружие индивидуального террора против руководителей партии и советского правительства»[935].

Таким образом, советские историки перешли от обороны в вопросе отстаивания исторической исключительности и независимости партии большевиков к наступлению против всех врагов марксизма-ленинизма, в число которых были зачислены все несогласные с политикой партии. Финальным аккордом этой исторической политики стало издание в 1938 г. краткого курса истории ВКП (б), который представлял историю становления партии от первых шагов рабочего движения в России до построения социализма в СССР. В рамках этого процесса очевидным образом авторы затронули историю народничества, ставшего до появления марксизма первым революционным течением, озаботившимся не только положением крестьян, но и рабочего класса. Однако упор в описании истории народничества в России был сделан на противопоставлении и даже враждебности его марксизму, так как оно было ключевым «идейным препятствием на пути распространения марксизма и социал-демократического движения»[936]. Поэтому характеристика этого народничества свелась к

[934] Ярославский Ем. Разгром народничества. М., 1937. С. 79.
[935] Там же. С. 79.
[936] История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под редакцией комиссии ЦК ВКП(б). М. 1938. С. 12.

критическому разбору его теоретической и практической тупиковости. Основные претензии к народникам со стороны теоретиков и идеологов курса истории ВКП (б) были следующими: 1) народники не понимали передовой роли рабочего класса в предстоящей революции, так как «ошибочно считали, что главной революционной силой является не рабочий класс, а крестьянство, что власть царя и помещиков можно свергнуть путем одних лишь крестьянских “бунтов”»[937]; 2) во время «хождения в народ» крестьяне не пошли за народниками, так как «они и крестьян, как следует, не знали и не понимали», поэтому они «продолжили борьбу против царского самодержавия одними своими силами, без народа»[938]; 3) индивидуальный террор был ошибкой, потому что таким путем невозможно достичь революции, так как «политика индивидуального террора исходила из неправильной народнической теории активных “героев” и пассивной “толпы”, ждущей от “героев” подвига. Эта ложная теория говорила, что только отдельные выдающиеся одиночки делают историю, а масса, народ, класс, “толпа”, как презрительно выражались народнические писатели, неспособна к сознательным, организованным действиям, она может только слепо идти за “героями”»[939]; 4) «народники отвлекли внимание трудящихся от борьбы с классом угнетателей бесполезными для революции убийствами отдельных представителей этого класса. Они тормозили развитие революционной инициативы и активности рабочего класса и крестьянства»; «Народники мешали рабочему классу понять его руководящую роль в революции и задерживали создание самостоятельной партии рабочего класса»[940].

Подобные ретроспективные сентенции нужны были не для строгого научного анализа и не для критики самой по себе, а для идеологического обоснования политики советской власти дня настоящего. Народники, пусть и бывшие, – это представители политической силы, защищавшей крестьянство, но с той поправкой, что после разгрома «Народной воли» большинство народников «отказалось от

[937] История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под редакцией комиссии ЦК ВКП(б). М. 1938. С. 12.
[938] Там же. С. 12.
[939] Там же. С. 12–13.
[940] Там же. С. 13.

революционной борьбы с царским правительством, стало проповедовать примирение, соглашение с царским правительством. Народники в 80-х и 90-х годах стали выразителями интересов кулачества» [941] . А к 1936 г. в СССР в рамках процесса коллективизации кулачество было «полностью ликвидировано, как класс, а единоличный сектор не играл уже никакой серьезной роли в экономике страны» [942] . Вероятно, эта идеологическая кампания имела вполне реальные причины, связанные с использованием народовольческой идеологии в контрреволюционной деятельности. Например, УНКВД по Северо-Кавказскому краю 8 октября 1936 г. сообщало, что в станице Пришибской была ликвидирована группа молодежи, именовавшаяся «Народной волей» и планировавшая создание «подпольной типографии для печатания листовок, ограбления кассы колхоза для создания фонда для к.-р. работы, о похищении оружия, об организации террора над местными работниками, об отравлении скота в колхозе, об установлении связи с заграницей»[943].

Идеологический запрет на исследование темы революционного народничества и наследия Л.А. Тихомирова можно проследить на примере первого издания «Большой советской энциклопедии». Всего с 1926 по 1947 гг. было издано 65 томов в алфавитном порядке и один дополнительный том, посвященный специально СССР. В 54-м томе, изданном в 1946 г., в котором могла бы быть биографическая статья о Л.А. Тихомирове, ее не оказалось[944]. Было ли изначально в планах писать и публиковать статью о нем, выяснить не удалось, но учитывая, что такая статья была опубликована в энциклопедическом словаре Гранат в 1927 г., а также по наличию статей о революционерах-народниках в первой половине томов «Большой советской энциклопедии», то можно с уверенностью сказать, что если бы 54-й том выпустили до середины 1930-х гг., то статья о Л.А. Тихомирове там точно была бы.

---

[941] История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под редакцией комиссии ЦК ВКП(б). М. 1938. С. 16.
[942] Там же. С. 327.
[943] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 4. С. 321.
[944] Большая советская энциклопедия. В 65 томах Т. 54. М., 1946.

В середине 1930-х гг. процесс изучения истории «Народной воли» и народничества прекратился по цензурным соображениям, поэтому и публикация разного рода источников по этой теме, за редким исключением, была приостановлена. Однако в этот период имя Л.А. Тихомирова и его биография, видимо, не были под полным запретом. Например, в 1936 г. художник Н.М. Лисогорский, сотрудничавший с журналом «Крокодил», написал шарж на Л.А. Тихомирова. В качестве основы сюжета для картины было выбрано его ренегатство. На иллюстрации Л.А. Тихомиров изображен перечеркивающим листок «Народной воли» на стене, и вешающим себе на грудь медаль с российским бело-сине-красным триколором [945] . Судя по тому, что в этом же году Н.М. Лисогорский нарисовал шаржи на Дегаева [946] и Михайловского [947], то эти рисунки, видимо, представляли из себя серию. Установить, для каких целей и куда их поместили или должны были поместить, пока не удалось.

В 1939 г. окончил написание воспоминаний, получивших название «Революционная Москва», советский историк и партийный деятель С.И. Мицкевич[948]. В этой работе он передал атмосферу студенческой жизни конца 1880-х гг., когда силы «революции были разбиты; покушение на жизнь Александра III 1 марта 1887 года и последовавшие за ним репрессии еще более придавили общественное настроение. Правительство торжествовало свою победу» [949] . И в этих условиях, писал он, осенью 1888 г. «идейный вождь народовольцев Лев Тихомиров издает в Париже брошюру “Почему я перестал быть революционером?”, пишет царю о своем раскаянии и просит разрешения вернуться на родину, после чего переходит в лагерь крайней реакции – в редакцию “Московских ведомостей”. Большой разброд и смущение произвело это событие и в без того разрозненных кругах русских революционеров. Частым явлением стал в

---

[945] Лисогорский Н.М. Тихомиров-ренегат. Шарж на народника Л.А. Тихомирова // Госкатолог.РФ. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=25199770. (Дата обращения 23.03.2020). См. Приложение 18.
[946] Лисогорский Н.М. Провокатор Дегаев идет из охранки // Госкатолог.РФ. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=25199210. (Дата обращения 23.03.2020). См. Приложение 17.
[947] Лисогорский Н.М. Шарж на Н.К. Михайловского // Госкатолог.РФ. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=25200107. (Дата обращения 23.03.2020). См. Приложение 16.
[948] Мицкевич С.И. Революционная Москва. М., 1940. С. 7.
[949] Там же. С. 52.

этот период отход не только старых революционеров от революции, но и либералов от либерализма. “Поумнел”, – вот ходячее выражение для этих отходящих. Литература[950] того времени полна картин этого разброда и отхода размагниченного интеллигента от революции, от прогрессивного общественного движения. <...> Эта политическая и общественная реакция отразилась и на студенчестве. Среди него господствующим настроением в это время был аполитизм, скептическое отношение к революционным программам»[951]. Данный эпизод имеет очень важное значение в понимании степени воздействия поступка Л.А. Тихомирова, так как свидетельства большинства революционеров, которые находились в большинстве своем либо в эмиграции, либо на каторге или в ссылке, не давали объективной картины реального процесса, охватившего российское общество. Оставил С.И. Мицкевич и свои впечатления от прочтения брошюры «Почему я перестал быть революционером?», которые дополняют настроения, царившие тогда в обществе: «Тяжело она на меня подействовала. Думалось, если вождь народовольчества, который знал и испытал всесторонние условия борьбы с самодержавием, теперь разочаровался в успехе этой борьбы и пошел на примирение с ним, то где же эти силы, которые могли бы вновь начать более успешную борьбу? То, что я видел в Москве, те ликвидаторские настроения, которые захватили большую часть студенческой молодежи, действовали удручающе. Тяжелые сомнения овладевали мной...»[952]. Однако речь в мемуарах о Л.А. Тихомирове идет не только в контексте упадка революционного народничества и его мировоззренческом повороте, но и вполне свободно автор рассуждает и о самом народничестве. И это в годы, когда, казалось бы, был однозначно провозглашен исторический поворот, в рамках которого революционное народничество было объявлено враждебным коммунизму.

[950] Мицкевич С.И. упомянул следующие произведения, которые были, по его словам, созданы под влиянием ухода Л.А. Тихомирова из революции: сказки Салтыкова-Щедрина «Либерал», «Премудрый пескарь»; романы Боборыкина «Поумнел», «На ущербе»; повести А.П. Чехова «Скучная история», «Хмурые люди», «Тоска», и его пьеса «Иванов»; стихотворение Надсона «Нет, я больше не верую в ваш идеал и вперед я гляжу равнодушно»; рассказы Гаршина «Красный цветок», «Attalea princeps».
[951] Мицкевич С.И. Революционная Москва. М., 1940. С. 52–53.
[952] Там же. С. 58.

Возможно, на отсутствие цензурных ограничений на издание этой книги повлияла биография и авторитет С.И. Мицкевича. Он был одним из организаторов первой в Москве марксистской группы в 1893 г., принял активное участие в Декабрьском вооруженном восстании в Москве во время Первой русской революции. Во время Гражданской войны в армии занимался медицинскими вопросами, поскольку окончил медицинский факультет МГУ. После окончания Гражданской войны занялся историческими исследованиями, а также в 1922–1924 гг. был членом Коллегии Истпарта и директором Музея революции с 1924-го по 1934 гг. Во-вторых, мог сыграть свою роль жанр работы С.И. Мицкевича, который хоть и претендовал на историческое исследование, но только отчасти, так как в первую очередь это – его собственные воспоминания.

Таким образом, начавшийся в начале 1920-х гг. процесс исследования наследия Л.А. Тихомирова в контексте изучения темы отечественного революционного движения прервался в середине 1930-х гг. из-за начавшейся идеологической кампании по борьбе с осколками «Народной воли» и исторической памятью о революционном народничестве, которое было объявлено враждебным элементом в СССР. Профессиональных историков под влиянием революционной мемуаристики более всего интересовал вопрос о причинах и оценке ренегатства Л.А. Тихомирова. Советские историки, в отличие от товарищей Л.А. Тихомирова по революции, интерпретировали этот поступок с точки зрения эволюции революционного народничества, которое, зайдя в исторический тупик, должно было эволюционировать в двух направлениях: либо вправо – в неославянофильство или либеральное народничество, либо влево – в социал-демократию. Если в первом случае социальная база оставалась прежней, то во втором случае менялась с крестьянства на пролетариат. Кроме того, несколько отличался взгляд на ренегатство Л.А. Тихомирова у историков-меньшевиков, которые отказывались видеть в этом процессе эволюцию, считая ренегатство мировоззренческим регрессом. В соответствии с такой логикой ренегатство Л.А. Тихомирова воспринималось советской историографией не как следствие психологических особенностей его личности, а как часть объективного исторического процесса

разложения революционного народничества на фоне окончания промышленного переворота и подъема сил пролетариата. Начавшийся в СССР процесс построения социализма в отдельно взятой стране предопределил разгром всех классово враждебных элементов и изменение идеологической работы, в рамках которой была пересмотрены и подходы в исторической науке. В результате история революционного народничества и вместе с ним наследие Л.А. Тихомирова выпали из советской историографии на несколько десятилетий.

* * *

Таким образом, советская историография рассматривала наследие Л.А. Тихомирова в основном в контексте истории революционного движения. В 1920–1930-х гг. был актуализирован его архив и в первую очередь рассматривался вопрос его ренегатства, в обсуждении которого принимали участие не только профессиональные историки, но и современники Л.А. Тихомирова и его бывшие товарищи по революционному народничеству. Монархические и религиозно-философские взгляды Л.А. Тихомирова в таких условиях, если и упоминались, то только для того, чтобы подчеркнуть их враждебность существующему строю или лишний раз показать заблуждения автора.

В 1920–1930-е гг. версия о психическом заболевании Л.А. Тихомирова вновь стала популярной среди его бывших товарищей-революционеров. С этой версией соглашались, ее оспаривали, но ее особенность заключалась в том, что сторонники и противники версии о его психическом заболевании, так и не смогли предоставить весомых доказательств, кроме личных воспоминаний и ощущений. Тем более к моменту дискуссий Л.А. Тихомирова уже не было в живых, а при жизни, как справедливо отмечали многие скептики версии заболевания, он не проходил медицинских обследований и за психиатрической помощью к врачам не обращался. Такое же можно сказать и о версии о изначальной предрасположенности Л.А. Тихомирова к такому повороту. При этом среди старых народовольцев, несмотря на всю критику в адрес Л.А. Тихомирова, с их стороны неизменным

оставалось признание его авторитета как революционера не только среди товарищей-революционеров, но и сточки зрения влияния на умы молодежи.

Во второй половине 1930-х гг. в советской исторической науке и культуре произошел разворот к прошлому. Стало ясно, что в условиях напряженной международной обстановки и в процессе решения фундаментальных экономических задач на одном интернационализме и героях революции и Гражданской войны невозможно сформировать советского человека. Начиналась широкая кампания по поиску и реабилитации дореволюционных героев, которые могли помочь в решении идеологических задач. Однако такие герои должны были, кроме наличия у них выдающихся достижений, соответствовать еще и таким важным критериям: быть близки к народу и преданы Отечеству. И по этим аспектам Л.А. Тихомиров не подходил, так как был олицетворением идеолога-реакционера и ассоциировался с предательством своих идеалов. Поэтому Л.А. Тихомиров выпал из официальных изданий не только как бывший революционер-народник, но и как дореволюционный публицист и государственный деятель, да и ренегатство как частный эпизод научной закономерности в предвоенные годы перестало интересовать исследователей.

После оформления единой концепции партийного взгляда на отечественную историю в середине 1930-х гг. и в связи с политической конъюнктурой история революционного народничества была фактически изъята из текущей исследовательской повестки, соответственно, данный запрет коснулся и наследия Л.А. Тихомирова.

ГЛАВА 3. НАСЛЕДИЕ Л.А. ТИХОМИРОВА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

3.1. Наследие Л.А. Тихомирова в контексте советских исследований революционного народничества во второй половине XX века

Новый этап изучения революционного народничества начался в период «оттепели». В связи с возрождением исследовательского интереса к народничеству вернулось в отечественную историографию и наследие Л.А. Тихомирова.

Переломным моментом для советской исторической науки стал XX съезд КПСС, который привел не только к изменениям в обществе и культуре, но и к пересмотру историками «направления и результатов своей работы». Пересмотр проводился в процессе «дальнейшего глубокого изучения истории человеческого общества на всех этапах его развития», поэтому время, прошедшее «после XX съезда КПСС, характеризуются значительным размахом научно-исследовательской работы советских историков»[953].

Однако одних идеологических перемен было бы недостаточно, если бы советские историки весь период с середины 1930-х и до середины 1950-х гг. в частном порядке не знакомились с материалами по истории революционного народничества. 2 сентября 1951 г. советский историк Е.В. Тарле сообщал писателю и поэту Е.Л. Ланну: «Я читаю запоем, поступившие из переплета тома “Кр[асного] архива”. Это – Шехерезада. Требую, чтобы Вы: 1) прочли воспоминания скорбного, но подлого полупрохвоста Льва Тихомирова (в “Кр[асном архиве]”), 2) немедленно после этого перечитайте Чехова “Рассказ неизвестного человека”. Л. Тихом[иров] несчастен и антипатичен до necplusultra[954], – “Неизвестн[ый] человек” несчастен и благороден. Навеяло ли Чехову или независимо? Без этого типа 80-е годы были бы неполны и Чехов был бы неполон. Перечитайте то и другое»[955]. Следовательно,

[953] Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. М., 1962. С. 3.
[954] С лат. «до крайности».
[955] Тарле Е.В. Е.Л. Ланну. 2 сентября 1951 г. // Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М., 1981. С. 266.

Е.В. Тарле не только читал номера «Красного архива», но и был знаком с историей перемены взглядов Л.А. Тихомирова. Однако интерес к истории отечественного революционного движения у Е.В. Тарле возник не одномоментно. Он еще до революции был знаком с соответствующей литературой. Например, 13 июня 1906 г. он писал историку В.Я. Богучарскому[956], что собирается подготовить материалы для альбома-сборника о М.А. Бакунине и планирует написать о нем биографический очерк, а также отмечал, что увлечен чтением журнала «Былое»[957]. После революции Е.В. Тарле и вовсе вошел в состав редакции «Былого», о чем он сообщил в письме 10 сентября 1917 г. к Г.В. Плеханову[958]. На примере Е.В. Тарле видно, что даже в годы, когда был наложен запрет на изучение народничества, историки продолжили знакомиться с уже имеющейся литературой, и это позволило укрепить исследовательский фундамент истории народничества и вместе с ним наследия Л.А. Тихомирова.

Знаковой стала статья П.С. Ткаченко 1956 г. в журнале «Вопросы истории», в которой автор сетовал на малоизученность и отсутствие новых актуальных исследований по истории революционного народничества: «В целом же можно сказать, что исследованию истории революционного народничества, особенно за последние годы, уделялось очень мало внимания; в современной советской исторической литературе нет ни одной монографии, посвященной этой теме. В нашей литературе наиболее полно освещены проблемы революционного движения начала 60-х годов, деятельность революционных демократов и “Земли и воли” 60-х годов и др. Сравнительно полно изучены и освещены вопросы революционного движения второй половины 80-х и 90-х годов XIX века. Однако из поля зрения исследователей выпал большой, охватывающий не менее пятнадцати лет период деятельности революционных народников»[959]. Кроме того, он отметил, что данная тенденция была характерна не только для выбора тем исторических исследований,

[956] Наст. фамилия – Яковлев.
[957] Тарле Е.В. В.Я. Богучарскому. 13 июня 1906 г. // Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М., 1981. С. 189.
[958] Тарле Е.В. Г.В. Плеханову. 10 сентября 1917 г. // Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М., 1981. С. 207.
[959] Ткаченко П.С. О некоторых вопросах народничества // Вопросы истории. №5. Май, 1956. С. 36.

но и для процесса издания исторических источников, освещающих историю революционного народничества: «По истории революционного народничества за последние двадцать лет почти ничего не издавалось. Прекращено начатое в 1934 г. издание избранных сочинений Лаврова, Ткачева; почти ничего не опубликовано о Михайловском. Важнейшие материалы революционного народничества, собранные В.Я. Богучарским и опубликованные в сборнике “Революционная журналистика 70-х годов”, стали сейчас библиографической редкостью. Прекращено издание воспоминаний народников. Можно указать лишь на издание “Повестей моей жизни” Н.А. Морозова, вышедшее в 1946 году»[960]. В статье П.С. Ткаченко акцентировал внимание на ошибочности оценок деятельности революционных народников в ранней советской историографии, в том числе закрепленных в «Кратком курсе истории ВКП (б)», которые противоречили ленинской точке зрения[961]. Поэтому, по словам автора, нужно «глубоко и всесторонне оценить деятельность революционных народников и показать последующее вырождение революционного народничества в народничество либеральное»[962].

В этом же году вышел очередной том второго издания «Большой советской энциклопедии», в котором была напечатана статья о Л.А. Тихомирове[963]. Поскольку статья была небольшой по объему, то она была опубликована без указания авторства[964]. В самой статье был сделан упор на революционную биографию Л.А. Тихомирова и историю его ренегатства. Однако, учитывая тот факт, что в первом издании «Большой советской энциклопедии», вышедшем за 10 лет до этого, совсем не было статьи о Л.А. Тихомирове, то изменение отношения к его наследию можно оценить как кардинальное.

Вернулся в 1950-е гг. к теме революционного народничества и такой знаток истории отечественного общественного движения, как Б.П. Козьмин.

---

[960] Ткаченко П.С. О некоторых вопросах народничества // Вопросы истории. №5. Май, 1956. С. 36–38.
[961] Там же. С. 39.
[962] Там же. С. 45.
[963] Большая советская энциклопедия. В 51 томе. Т. 42.: ТАТАРЫ–ТОПРИК. М., 1956. С. 499.
[964] Там же. С. 667.

Революционную тематику он начал разрабатывать еще на закате молодости, в 1919 г., а пик его исследовательской работы выпал на 1920–1930-е гг., когда в печати вышло огромное количество его статей, рецензий и монографий[965]. В 1957 г. в журнале «Вопросы литературы» он опубликовал свою статью «“Народники” и “народничество”», в которой попытался выяснить истоки происхождения терминов «народник» и «народничество». Сославшись на статью Л.А. Тихомирова «Что такое народничество?» из журнала «Русское обозрение» 1892 г., Б.П. Козьмин отметил вклад Л.А. Тихомирова в «существенное добавление в историю этого термина»[966]. Так, он писал, что в этом деле Л.А. Тихомиров не только «не противоречил показаниям других участников революционного движения 1870-х гг., но пополняет и уточняет их»[967]. В 1959 г. вышла одна из последних его статей. Она была опубликована в журнале «Исторические записки» и называлась «Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России». В этой статье исследователь использовал наследие Л.А. Тихомирова в основном в качестве исторического источника, ограничившись единственной характеристикой Л.А. Тихомирова в сноске: «видный народоволец, позднее ренегат»[968]. Б.П. Козьмин сослался на его статью «Шатанье нашей политической мысли» из журнала «Дело»[969] и записи его дневника, опубликованные в «Красном архиве»[970].

Одна из первых монографий нового периода изучения народничества – это работа Ш.М. Левина «Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX века», изданная в 1958 г. При этом Л.А. Тихомирова в книге он упомянул только шесть раз: два раза в сноске[971] и ссылке[972] и четыре раза в тексте при перечислении революционеров[973]. Тема для историка не была новой, так как он в 1920-х гг.,

---

[965] Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 732–743.
[966] Козьмин Б. «Народники» и «народничество» // Вопросы литературы. 1957, декабрь. №9. С. 118.
[967] Там же. С. 119.
[968] Козьмин Б.П. Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России // Б.П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 688.
[969] Там же. С. 679, 688, 724.
[970] Там же. С. 707.
[971] Левин Ш.М. Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX века. М., 1958. С. 364.
[972] Там же. С. 493.
[973] Там же. С. 387, 486, 487, 491.

работая в Музее революции в Петрограде и Петроградском историко-революционном архиве, был активным участником концептуального оформления темы истории революционного движения в советской исторической науке. В процессе этой работы он, чтобы уточнить некоторые исторические обстоятельства, не только использовал архивные источники, но и контактировал с бывшими революционерами, в том числе и товарищами Л.А. Тихомирова. 8 сентября 1924 г. В.Н. Фигнер в письме просила Н.А. Чарушина оказать содействие тогда еще молодому Ш.М. Левину в написании истории кружка чайковцев: «Извещаю вас, во-первых, что здесь в Историко-револ.[юционном] архиве (в здании б.[ывшего] сената) есть материал по кружку Чайковцев. Во 2-х, работающий в архиве Шнеер Менделеевич Левин (Пушкинская 18, кв. 15) пишет книжку о нем. Он интересуется ролью и личностью Низовкина[974] и просит в ваших воспом.[инаниях] остановиться подробнее [перечеркнуто В.Н. Фигнер]. Он хотел бы написать вам, но стесняется и у него есть какие-то вопросы, кот.[орые] могли бы вы решить»[975].

В итоге Н.А. Чарушин сам написал Ш.М. Левину 18 сентября 1924 г. В ответном письме 29 сентября 1924 г. Ш.М. Левин, кроме основных вопросов переписки, задал Н.А. Чарушину частный вопрос: «Не помните ли Вы, кто был автором переделки “Истории крестьянина” Эркмана-Шатриана – Клеменц или Тихомиров (мне кажется, что первый)?»[976]. Более детальные вопросы о биографии Л.А. Тихомирова Ш.М. Левин уточнял у Н.А. Чарушина в 1926 г. в процессе работы над книгой «Воспоминания Льва Тихомирова». Ш.М. Левину прислали для редактирования примечания к этой книге, составленные «в Москве одним из работников Центрархива»[977]. Первый вопрос касался некоего «К.», об исключении которого из кружка чайковцев упоминал в воспоминаниях Л.А. Тихомиров, второй

---

[974] А.В. Низовкин был удален из кружка чайковцев из-за того, что «отступал от того ригоризма в личной жизни, который составлял характерную черту того времени: кружок ни за что не принял бы в свою среду человека, неспособного отказаться от перчаток или крахмальной рубашки; и, любящего выпить или легко относящегося к женщине. На одном из заседаний кружка С. Перовская заявила о неискренности вышеупомянутого товарища, который старался казаться ригористом, а, между тем, позволял себе лишние траты на наряды». Шишко Л.Э. Собрание сочинений. Петроград–М., 1918. Т. 4. С. 137.

[975] РГАЛИ. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 77. Л. 5.

[976] Чарушин Н.А. О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. М., 1973. С. 283.

[977] Там же. С. 294.

– уточнение роли революционера-народника Ф.Н. Лермонтова в кружке чайковцев[978].

Не меньшую роль в исследовании революционного наследия Л.А. Тихомирова сыграло молодое поколение историков, жизненный опыт которых не был отягощен контактами с ветеранами революцинного движения.

В начале 1960-х гг. темой революционного народничества занялся советский историк Б.С. Итенберг. В статье 1962 г. «Некоторые вопросы изучения истории общественного движения пореформенной России» он указал на перелом в изучении народничества в СССР после XX съезда партии. Б.С. Итенберг отметил, что после съезда ситуация начала постепенно исправляться, так как историки «обратились к литературному наследию Ленина» и вышла «История Коммунистической партии Советского Союза», в которой авторы отказались от «нигилистической односторонней трактовки народничества, характерной для краткого курса “Истории ВКП (б)”», и дали высокую оценку революционному крестьянскому демократизму народников, указав при этом на «непонимание ими законов общественного развития России»[979].

В 1965 г. вышла монография Б.С. Итенберга «Движение революционного народничества». Работа была посвящена периоду «хождения в народ» 1870-х гг., возможно, по этой причине деятельность Л.А. Тихомирова в ней не получила детального осмысления, поэтому автор ограничился только его упоминанием[980] и ссылками на две книги: «Заговорщики и полиция»[981] и «Воспоминания Льва Тихомирова»[982]. Л.А. Тихомиров упоминался и в биографической книге Б.С. Итенберга, посвященной П.Л. Лаврову, изданной уже в 1980-е гг.[983].

В 1960-е гг. начали издавать литературу для высших учебных заведений, где рассказывалось об основных вехах народничества. Авторы учебных пособий

---

[978] Чарушин Н.А. О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. М., 1973. С. 294–295.
[979] Итенберг Б.С. Некоторые вопросы изучения истории общественного движения пореформенной России // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. М., 1962. С. 259.
[980] Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. М., 1965. С. 143, 188.
[981] Там же. С. 236, 358, 394.
[982] Там же. С. 169, 188, 237.
[983] Итенберг Б.С. П.Л. Лавров в русском революционном движении. М., 1988.

раскрывали деятельность многих революционеров, в том числе и Л.А. Тихомирова, но без освещения дискуссионных вопросов о его роли в революционных организациях[984]. В специализированном учебном пособии для учителей 1965 г. В.Ф. Антонова по истории революционного народничества фамилия Тихомирова встречается восемь раз[985]. Причем упоминается она в тексте без какой-либо существенной конкретизации его деятельности, за исключением, возможно, сообщения о том, что он являлся автором передовой статьи в пятом номере «Земли и воли»[986]. Нет в пособии информации и о его ренегатстве. Конечно, сам характер издания задает определенные границы повествования и формат изложения исторического материала, но сложилось впечатление, что автор сознательно избегал упоминания о Л.А. Тихомирове. Для сравнения, например, Н.А. Морозов назван в тексте 21 раз (в совокупности со ссылками на его работы), С.Л. Перовская – 17 раз, А.И. Желябов – 35 раз, В.Н. Фигнер – 47 раз, а учению П.Л. Лаврова, М.А. Бакунина и П.Н. Ткачева и вовсе посвящены отдельные разделы пособия. Также для подтверждения слов о предвзятости автора отметим, что в пособии в качестве сопроводительного иллюстративного материала использованы портреты революционеров, среди которых нет Л.А. Тихомирова, хотя присутствуют изображения не только ключевых деятелей революционного народничества, но и второстепенных.

В 1964 г. в 7-м выпуске сборника статей по отечественному источниковедению, приуроченном к 75-летию С.Н. Валка, была напечатана заметка ленинградского историка С.С. Волка об истории создания и дискуссии вокруг письма Исполнительного комитета «Народной воли» к заграничным товарищам, в котором была высказана идея захвата верховной власти. Дискуссия о подлинности данного документа разгорелась еще в середине 1920-х гг. между Л.Г. Дейчем и группой старых народовольцев, которые называли письмо «фальшивым». В статье С.С. Волк пришел к выводу, что в этой дискуссии прав оказался Л.Г. Дейч,

---

[984] Напр.: Ткаченко П.С. Революционная народническая организация «Земля и воля» (1876–1879 гг.). М., 1961; Антонов В.Ф. Революционное народничество: пособие для учителей. М., 1965.
[985] Антонов В.Ф. Революционное народничество: пособие для учителей. М., 1965. С. 153, 165, 219–220, 222, 238.
[986] Там же. С. 220.

считавший, что документ подлинный, но ошибившийся в его датировке. Л.Г. Дейч считал, что письмо было написано в начале февраля 1882 г., но С.С. Волк установил, что это произошло на полтора месяца раньше – в середине декабря 1881 г.[987]. Также С.С. Волк отметил, что почерковедческая экспертиза подтверждает версию о том, что автором письма был Л.А. Тихомиров[988].

Важным событием в новом витке исследования истории «Народной воли» во второй половине XX в. в СССР можно считать выход в 1966 г. монографии С.С. Волка «Народная воля. 1879–1882». Исследователь уделил большое внимание деятельности Л.А. Тихомирова в революционном движении, сохранив уже устоявшуюся в советской историографии негативную оценку его идейного переворота. При этом ренегатство, по мнению С.С. Волка, стало закономерным шагом разочаровавшегося из-за краха «Народной воли» бывшего революционера: «С арестом Оржиха и Богораза (успевших выпустить незадолго до ареста в 1886 г. №3 “Листка Народной воли”) исчезают последние кружки и группы, преемственно связанные со старой “Народной волей”. В том же году прекращается выпуск заграничного “Вестника Народной воли”, а его редактор, бывший теоретик партии Л.А. Тихомиров, разочарованный крахом движения, в 1888 г. вымаливает у царя пощаду и переходит на службу монархии. Впоследствии его назначают редактором реакционнейшего правительственного официоза “Московские ведомости”. Ренегатство Тихомирова отражало упадок народовольчества»[989]. Также С.С. Волк воспроизвел точку зрения части исследователей и мемуаристов 1920–1930-х гг. о том, что Л.А. Тихомиров не был самостоятельным и оригинальным мыслителем: «Виднейший публицист “Народной воли” Тихомиров не обладал качествами самостоятельного и оригинального мыслителя, а другие руководители “Народной воли”, в первую очередь А.И. Желябов, несомненно являвшийся крупным теоретиком, были слишком поглощены разного рода практической деятельностью,

[987] Волк С.С. Письмо ИК «Народной воли» к заграничным товарищам // Исследования по отечественному источниковедению: сб. ст., посвящ. 75-летию С.Н. Валка. М.–Л., 1964. С. 184.
[988] Там же. С. 184.
[989] Волк С.С. Народная воля. 1879–1882. М.–Л., 1966. С. 151.

чтобы заниматься литературным выражением идей партии»[990]. Также С.С. Волк сравнил теоретико-литературные способности Л.А. Тихомирова и Н.И. Кибальчича далеко не в пользу первого: «В народовольческой публицистике можно найти, однако, статью, написанную на более высоком теоретическом уровне, чем это было доступно Тихомирову. Автором ее был Н.И. Кибальчич. В своей статье “Политическая революция и экономический вопрос” (№ 5 “Народной воли”) Н.И. Кибальчич несомненно имел в виду и Тихомирова, вряд ли знавшего труды Маркса и Энгельса и тем не менее безапелляционно судившего о них по сочинениям буржуазных авторов» [991] . Но несмотря на критику теоретико-литературного таланта, С.С. Волк назвал Л.А. Тихомирова «признанным теоретиком “Народной воли”»[992], а также «главным»[993] и «ведущим публицистом “Народной воли”»[994].

Огромный вклад в советскую послевоенную историографию революционного народничества внес московский историк М.Г. Седов. Он одним из первых после снятия идеологических ограничений обратился к теме домарксистского периода революционной борьбы. Хотя начал он свою научную карьеру еще до Великой Отечественной войны с исследования отечественной общественной мысли XVIII в. В 1937 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Раннее просветительство в России». В 1943 г. он был репрессирован, и только в 1955 г. ему удалось вернуться к научной работе[995]. В 1959 г. вышла его брошюра «Революционное движение в России 60–70 годов XIX века» [996] , а в 1964 г. – «Предшественники русской социал-демократии»[997]. Как вспоминала его ученица А.А. Сундиева, М.Г. Седова отличала собственная научная программа изучения отечественного общественного движения, которая включала «пересмотр

[990] Волк С.С. Народная воля. 1879–1882. М.–Л., 1966. С. 163–164.
[991] Там же. С. 189.
[992] Там же. С. 193.
[993] Там же. С. 180.
[994] Там же. С. 188.
[995] Мухина Е.Н. Седов Михаил Герасимович // Энциклопедический словарь Московского Университета. Исторический факультет. Под общей редакцией С.П. Карпова. М., 2024. С. 413.
[996] Седов М.Г. Революционное движение в России 60–70 годов XIX века. М., 1959.
[997] Седов М.Г. Предшественники русской социал-демократии. М., 1964.

односторонних оценок революционного народничества, преодоление обезличивания исторического процесса, постижение народничества во всех его проявлениях, включая разработку таких до того времени совершенно не исследовавшихся тем, как теория “малых дел”, религиозные искания народников, ренегатство Л.А. Тихомирова»[998]. М.Г. Седов с конца 1950 – начала 1960-х гг. отстаивал ленинский взгляд на народничество. Например, он выступал с докладом на совместной научной конференции Института истории СССР АН СССР и МГУ в 1959 г., а также участвовал в дискуссии, которая развернулась в 1960–1963 гг. на страницах журналов «Вопросы истории» и «История СССР»[999]. М.Г. Седов преподавал на историческом факультете МГУ, где он в 1970-х гг. организовал спецсеминар, посвященный проблемам народничества, в котором принимали участие его студенты, аспиранты и соискатели. В журнале «Вопросы истории» в 1965 г. вышла его историографическая статья «“Народная воля” перед судом истории»[1000], и в этом же году в историографическом сборнике «История и историки» была напечатана его статья «Советская литература о теоретиках народничества»[1001]. Были у него и биографические работы. Например, в 1969 г. в журнале «Вопросы истории» была напечатана статья, посвященная П.Л. Лаврову[1002]. Однако во всех этих работах практически не затрагивалось наследие Л.А. Тихомирова. Одной из главных работ М.Г. Седова по истории революционного народничества стала монография 1966 г. «Героический период революционного народничества (Из истории политической борьбы)», в которой он рассмотрел революционную деятельность и публицистику Л.А. Тихомирова, а также использовал его творческое наследие в качестве исторического источника. При этом М.Г. Седов отметил, что теоретические построения Л.А. Тихомирова не были самостоятельными, так как многие революционные идеи до него уже были

[998] Сундиева А.А. «Некарьерный семинар»: взгляд изнутри. Воспоминания об учителе // «Будущего нет и не может быть без наук...». (Памяти профессора Московского Университета Михаила Герасимовича Седова). М., 2005. С. 446.
[999] Аникин А.В., Сундиева А.А. Памяти М.Г. Седова // «Будущего нет и не может быть без наук...». (Памяти профессора Московского Университета Михаила Герасимовича Седова). М., 2005. С. 482.
[1000] Седов М.Г. «Народная воля» перед судом истории // Вопросы истории. 1965. №12. С.54–62.
[1001] Седов М.Г. Советская литература о теоретиках народничества // История и историки. 1965. М., С. 246–267.
[1002] Седов М.Г. П.Л. Лавров в революционном движении России // Вопросы истории. 1969. №3. С. 55–72.

изложены Н.К. Михайловским[1003]. Про творчество Н.К. Михайловского М.Г. Седов знал не понаслышке, так, например, еще в 1965 г. была опубликована его статья «К вопросу об общественно-политических взглядах Н.К. Михайловского» в сборнике, посвященном 80-летию Б.П. Козьмина[1004]. Кроме того, Л.А. Тихомиров, по словам историка, никогда не играл в «Народной воле» первостепенной роли, несмотря на значительное положение в ней[1005]. Однако ни эти факты, ни то, что в дальнейшем Л.А. Тихомиров стал ренегатом, не должны, по мнению М.Г. Седова, обесценивать его вклад в революционное движение, так как задолго до идейной метаморфозы «он делал все, что мог, для “Народной воли” и ее интересов»[1006].

С середины 1950-х гг. с исследования истории «Народной воли» начала свою научную карьеру известный советский историк революционного народничества и общественно-политической мысли России XIX в. В.А. Твардовская, старшая дочь поэта и писателя А.Т. Твардовского. В 1960 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Возникновение революционной организации “Народная Воля”: 1879–1881»[1007]. В 1965 г. была опубликована ее статья «Вторая революционная ситуация в России и борьба “Народной воли”» в сборнике, посвященном 80-летию со дня рождения Б.П. Козьмина[1008]. В 1969 г. вышла ее монография «Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880 гг.», в которой были освещены литературный вклад Л.А. Тихомирова в деятельность «Народной воли» и его роль в формировании идеологии партии[1009]. При этом в книге отсутствовали традиционные для советской историографии штампы относительно фигуры Л.А. Тихомирова, и описание его деятельности в книге носит безоценочный характер.

[1003] Седов М.Г. Героический период революционного народничества (Из истории политической борьбы). М., 1966. С. 130.
[1004] Седов М.Г. К вопросу об общественно-политических взглядах Н.К. Михайловского // Общественное движение в пореформенной России. Сборник статей к 80-летию со дня рождения Б.П. Козьмина. М., 1965. С. 179–210.
[1005] Седов М.Г. Героический период революционного народничества (Из истории политической борьбы). М., 1966. С. 352.
[1006] Там же. С. 293.
[1007] Твардовская В.А. Возникновение революционной организации «Народная Воля»: 1879–1881: дис. ... канд. ист. наук. М., 1960.
[1008] Твардовская В.А. Вторая революционная ситуация в России и борьба «Народной воли» // Общественное движение в пореформенной России. Сборник статей к 80-летию со дня рождения Б.П. Козьмина. М., 1965. С. 61–93.
[1009] Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880 гг. М., 1969.

В 1970-х гг. исследовательский интерес В.А. Твардовской трансформировался: от изучения отечественного революционного движения XIX в. она перешла к изучению общественно-политической мысли пореформенной Российской империи. В 1976 г. была опубликована монография «Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания)»[1010], а в 1980 г. она защитила докторскую диссертацию по этой же теме[1011]. В упомянутой книге имя Л.А. Тихомирова встречается один раз и то в постраничной ссылке[1012].

В начале 1980-х гг. В.А. Твардовской вернулась к теме революционного народничества. В 1983 г. вышла ее биографическая монография, посвященная Н.А. Морозову. В книге уделено внимание взаимоотношениям Н.А. Морозова и Л.А. Тихомирова, а литературную роль последнего В.А. Твардовская охарактеризовала следующим образом: «Л.А. Тихомирову было поручено (с учетом предварительных обсуждений) составить проект программы, выражавший точку зрения большинства. Со своим литературным опытом и умением уловить главенствующую точку зрения в революционной среде в каждый данный момент Тихомиров явился вполне подходящей фигурой для этой цели еще и потому, что сам никаких ярко выраженных убеждений не имел. Он был не творцом, а рупором народовольческих идей, проводником мыслей руководителей организации А.Д. Михайлова и А.И. Желябова (Не случайно после их ареста его роль теоретика “Народной воли” сразу пошла на убыль, публицистика потускнела и потеряла определенность)»[1013].

В эти же годы историю народовольцев активно исследовал крупный советский историк из Саратова Н.А. Троицкий. Одной из первых его работ по истории народничества стала небольшая монография 1963 г. «Большое общество пропаганды», посвященная чайковцам[1014]. Эта книга стала итогом его работы над

[1010] Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1976.
[1011] Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия: (М.Н. Катков и его издания): автореф. дис. ... док. ист. наук. М., 1980.
[1012] Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1976. С. 225.
[1013] Твардовская В.А. Н.А. Морозов в русском освободительном движении. М. 1983. С. 97.
[1014] Троицкий Н.А. Большое общество пропаганды. 1871–1874. (т.н. «чайковцы»). Саратов, 1963.

диссертацией, которую он защитил также в 1963 г.[1015]. В 1991 г. эта книга была переиздана после значительной ее доработки автором. В этих работах Л.А. Тихомиров, с одной стороны, выступает как действующий исторический персонаж, так как он не только состоял в кружке, но и «пользовался заметным влиянием» в нем [1016], а с другой стороны, его творческое наследие было использовано Н.А. Троицким в качестве исторического источника о деятельности «чайковцев». При этом Н.А. Троицкий отдельно остановился на биографии Л.А. Тихомирова «ввиду редкостной эволюции его жизненного пути», приведшей его к тому, что он «стал злостным ренегатом и отъявленным реакционером-монархистом»[1017]. В объяснении причин ренегатства, по мнению Н.А. Троицкого, не может быть другого объяснения, кроме как бесхарактерности и подверженности Л.А. Тихомирова различным влияниям, так как «пока революционное движение шло в гору, и Тихомиров оставался вместе с ним на высоте, но как только оно было разгромлено, у Тихомирова не нашлось сил для дальнейшей борьбы, и он скатился в низину реакции» [1018]. Однако Н.А. Троицкий, несмотря на критику Л.А. Тихомирова за безволие и безхарактерность, все же признавал его литературный вклад в революционное движение, так как он «в свое время и на своем месте был ценным революционным работником и принес много пользы тем организациям, в которых ему довелось участвовать»[1019].

В начале 1970-х гг. Н.А. Троицкий начал исследовать историю революционного движения с точки зрения судебной практики и отклика на судебные процессы в обществе. В 1971 г. вышла его монография «“Народная воля” перед царским судом» [1020], которая была позже исправлена и значительно дополнена, и переиздана в 1983 г. в честь 100-летия «Народной воли»[1021]. В этих

[1015] Мезин С.А. Памяти Николая Алексеевича Троицкого // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 121.
[1016] Чарушин Н.А. О далеком прошлом Ч. I и II. Кружок чайковцев: из воспоминаний о революционном движении 1870-х гг. М., 1926. С. 117.
[1017] Троицкий Н.А. Первые после блестящей плеяды (Большое общество пропаганды. 1871–1874 гг.). Саратов, 1991. С. 96.
[1018] Там же. С. 96–97.
[1019] Там же. С. 97.
[1020] Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1971.
[1021] Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1983.

книгах Н.А. Троицкий ограничился эпизодическими упоминаниями Л.А. Тихомирова и ссылками на его работы. В такой же стилистике были написаны монографии «Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871–1880 гг.»[1022] и «Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг.»[1023], а в книге «Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866–1895 гг.» он отметил перемену взглядов Л.А. Тихомирова, которая, по его словам, стала редким историческим примером «жизненного кульбита» даже среди ренегатов[1024]. В 1976 г. была опубликована его статья о дегаевщине в журнале «Вопросы истории». В ней Н.А. Троицкий ограничился тем, что в сноске упомянул Л.А. Тихомирова, который, по его словам, «сделавшись ренегатом», ввел в обиход легенду о том, что якобы С.П. Дегаев вместе с Г.П. Судейкиным редактировал центральный орган «Народной воли»[1025].

Н.А. Троицкий стал также автором биографической статьи о Л.А. Тихомирове для «Советской исторической энциклопедии», посвященной истории народов всего мира, первый том которой вышел в 1961 г. Первоначально планировалось издать всего 12 томов[1026], но в процессе работы над изданием энциклопедия выросла до 16 томов. Статья о Л.А. Тихомирове была опубликована в 14-м томе в 1973 г.[1027]. Как и оставшийся неизвестным автор статьи в «Большой советской энциклопедии» 1956 г. Н.А. Троицкий сделал акцент на участии Л.А. Тихомирова в революционном движении и на его ренегатстве. При этом, несмотря на то что статья Н.А. Троицкого публиковалась в специализированной энциклопедии по истории, ее объем был меньше, чем в соответствующей статье в «Большой советской энциклопедии».

[1022] Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871–1880 гг. Саратов, 1976.
[1023] Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. М., 1978.
[1024] Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866–1895 гг. М., 1979. С. 105.
[1025] Троицкий Н.А. Дегаевщина // Вопросы истории. 1976. №3. С. 132.
[1026] Советская историческая энциклопедия. В 16 т. Т. 1. М., 1961. Стл. 9–10.
[1027] Советская историческая энциклопедия. В 16 т. Т. 14. М., 1973. Т. 14. Стл. 245–246.

Всего через три года была опубликована статья о Л.А. Тихомирове в третьем издании «Большой советской энциклопедии» [1028] . Эта статья имела ряд особенностей, которые свидетельствовали об изменении в историко-методологическом и идеологическом отношении к наследию Л.А. Тихомирова. Во-первых, статья начиналась не с того, что Л.А. Тихомиров был революционером, а указывалось, что он – «русский общественный деятель»[1029]. Во-вторых, в статье он ни разу не был назван ренегатом, а также отсутствовали другие идеологические маркеры, которые были в издаваемых ранее энциклопедиях [1030] . Хотя в целом содержание статьи было схожим с содержанием предыдущих послевоенных энциклопедических статей второй половины XX в.: большая часть информации была посвящена его революционной деятельности и переходу на сторону правительства. При этом по объему эта статья уступает аналогичным статьям из других советских энциклопедий, что, вероятно, объясняется тем обстоятельством, что в целом третье издание «Большой советской энциклопедии» по объему и количеству томов уступает предыдущим ее изданиям. Если обратить внимание на данные Диаграммы 5, то прослеживается явное уменьшение объема статей о Л.А. Тихомирове: «Энциклопедический словарь Гранат» – 7021 символов; «Большая советская энциклопедия» 1956 г. – 903 символов; «Советская историческая энциклопедия» 1973 г. – 636 символов; «Большая советская энциклопедия» 1976 г. – 475 символов[1031].

В 1972 г. вышла монография В.А. Малинина «Философия революционного народничества», в которой автор в повествовательном ключе раскрыл роль Л.А. Тихомирова в революционном народничестве[1032]. Но в своем исследовании автор по каким-то причинам в тексте и ссылках гораздо чаще использовал его псевдоним И. Кольцов, нежели настоящее имя: псевдоним И. Кольцов был использован в монографии 20 раз, а настоящее имя – 12 раз.

[1028] Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 25. М., 1976. С. 595.
[1029] Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 25. М., 1976. С. 595.
[1030] См. Приложение. Таблица 2.
[1031] См. Приложение. Диаграмма 5.
[1032] Малинин В.А. Философия революционного народничества. М., 1972.

Признаки изменения отношения к вопросу ренегатства прослеживаются в коллективной монографии «Революционная традиция в России 1783–1883 гг.». В главе 10, написанной историками Е.Г. Плимаком и В.Г. Хоросом, ренегатство Л.А. Тихомирова представлено не как персонифицированное отклонение в поведении революционера, а как закономерный этап угасающего революционного терроризма[1033]. Е.Г. Плимак и В.Г. Хорос писали следующее: «Все эти признаки углублявшегося распада не были случайными. “Народная воля” с ее узким подпольным руководящим центром, недемократическим принципом функционирования была весьма уязвима в организационном и человеческом планах»[1034]. Поэтому в таких обстоятельствах, утверждают упомянутые авторы, закономерно среди народовольцев возникали и учащались случаи отступничества, предательства и ренегатства, а поступок Л.А. Тихомирова – это всего лишь один из примеров этой закономерности, которая стала следствием упадка «Народной воли», проистекающего из ее организационной структуры.

Одной из последних книг в СССР, посвященных революционному народничеству, стала работа Л.М. Ляшенко «Революционные народники» для учеников старших классов школы, опубликованная в 1989 г. В этой книге Л.М. Ляшенко затронул тему ренегатства, дав ему вполне стандартную для советских историков оценку: «Оказались среди деятелей революционного народничества люди уставшие, отчаявшиеся, разуверившиеся в правильности выбранного ими в молодости пути. Участник кружка “чайковцев”, редактор землевольческой газеты, член Исполнительного Комитета “Народной воли” Лев Тихомиров в 1888 г. отрекся от революционного прошлого и напечатал брошюру “Почему я перестал быть революционером?”. Тогда же он испросил помилование и вернулся в Россию, где стал сотрудником презираемого всеми честными людьми М. Каткова. С быстротой, удивившей даже его нового шефа, Тихомиров становится монархистом и святошей...»[1035].

[1033] Пантин И.К. Революционная традиция в России 1783–1883 гг. / И.К. Пантин, Е.Г. Плимак, В. Г. Хорос. М., 1986. С. 263–264.
[1034] Там же. С. 264.
[1035] Ляшенко Л.М. Революционные народники. М., 1989. С. 141.

Во второй половине XX в. в СССР переиздавали мемуары народников, хотя и в значительно меньшем количестве, чем до Великой Отечественной войны. Например, в 1965 г. были переизданы «Повести моей жизни» Н.А. Морозова[1036], а в 1973 г. – мемуары Н.А. Чарушина[1037].

В 1980 г. в журнале «Москва», в статье «Первый штурм», посвященной 75-летию декабрьского вооруженного восстания, А.Н. Пономарев и И.Ф. Угаров привели выдержки из записей дневника Л.А. Тихомирова за 6, 10, 11 и 12 декабря[1038]. За основу была взята публикация «Красного архива» №4–5 за 1930 г.

Публиковались и новые архивные источники. Так, например, Ю.А. Пелевин опубликовал в 1979 г. материалы о А.Д. Михайлове, А.П. Прибылевой-Корбе и Л.А. Тихомирове[1039]. Он же под руководством профессора М.Г. Седова в 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию «А.Д. Михайлов в революционном движении 1870-х–1880-х годов», в которой большое внимание было уделено Л.А. Тихомирову[1040]. Хотя нельзя не отметить, что в большой степени такой подход был связан с тесными взаимоотношениями этих двух революционеров.

На волне нового интереса к народничеству во второй половине XX в. началось изучение биографий известных революционеров-социалистов. В подобных работах так или иначе затрагивалась и роль Л.А. Тихомирова[1041]. Оценки, если они и присутствовали в этих публикациях, сводились к уже устоявшимся в советской науке взглядам на роль Л.А. Тихомирова в революционном движении. Так, например, в книге из серии «Жизнь замечательных людей («ЖЗЛ»), посвященной биографии Степана Халтурина, В.А. Прокофьев писал: «Тихомиров вял, раздражителен, чувствует себя случайным попутчиком среди этих подвижников и фанатиков активного действия, ему по душе роль теоретика

[1036] Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 2. М., 1965.
[1037] Чарушин Н.А. О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. М., 1973.
[1038] Пономарев А.Н., Угаров И.Ф. Первый штурм // Москва. 1980. № 12. С. 7–8.
[1039] Пелевин Ю.А. Новые материалы о народовольцах А.Д. Михайлове, А.П. Прибылевой-Корбе и Л.А. Тихомирове // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1979. №3. С. 65–77.
[1040] Пелевин Ю.А. А.Д. Михайлов в революционном движении 1870-х – 1880-х годов. Дис. … канд. ист. наук. М., 1984.
[1041] См. напр.: Прокофьев В.А. Степан Халтурин. М., 1958; Павлюченко Э.А. Софья Перовская. М., 1959; Черняк А.Я. Николай Кибальчич – революционер и ученый. М., 1960; Матвеева И. Вера Фигнер. М., 1961; Сегал Е. Софья Перовская. М., 1962.

народничества, фрондирующего писателя, но по возможности подальше от России. Он готов признать правоту Морозова с тем только уточнением, что нужен крестьянский террор, избиение крестьянами местных властей»[1042].

Несколько выбивается из общей массы оценка ренегатства Л.А. Тихомирова, данная советской исследовательницей Е.А. Таратутой. В книге, посвященной исследованию биографии С.М. Степняка-Кравчинского, она утверждала, что ключевую роль в уходе Л.А. Тихомирова из революции сыграли провокации российской охранки и лично заведующего заграничной агентурой Департамента полиции П.И. Рачковского[1043]. При этом Е.А. Таратута в этой истории представила Л.А. Тихомирова безвольной «жертвой российского самодержавия, еще одной жертвой среди казненных, замученных в тюрьме и на каторге», которая оказалась бессмысленной для правительства, так как в итоге «последователей у него не было»[1044]. Если такое мнение о роли российской полиции бытовало в советской историографии и ранее, то стремление поставить в один ряд и даже уравнять «предотступнические страдания» Л.А. Тихомирова и «жертвенность» революционеров, отправленных на эшафот, в тюрьму или на каторгу, проявилось впервые в этой работе.

Популярность революционного народничества в исторической среде привела к усилению интереса к этой теме в художественной литературе. С конца 1950-х гг. Ю.В. Давыдов, получивший известность как автор документальных книг о русских моряках, начал разрабатывать революционную тематику. Уже в 1959 г. вышло первое его произведение в жанре исторического романа «Март», посвященное первомартовцам[1045]. В 1968 г. был издан новый роман о народовольцах – «Глухая пора листопада», в котором Ю.В. Давыдов выделил одну из центральных ролей Л.А. Тихомирову[1046]. В 1975 г. был опубликован роман «Завещаю вам, братья», посвященный Александру Михайлову[1047]. Литературным творениям

[1042] Прокофьев В.А. Степан Халтурин. М., 1958. С. 170.
[1043] Таратута Е. С.М. Степняк-Кравчинский – революционер и писатель. М., 1973. С. 382–383.
[1044] Там же. С. 383.
[1045] Давыдов Ю.В. Март. М., 1959.
[1046] Давыдов Ю.В. Глухая пора листопада. М., 1968.
[1047] Давыдов Ю.В. Завещаю вам, братья. М., 1975.

Ю.В. Давыдова присущи как документальная точность в освещении исторических событий, так и глубина в создании образов исторических персонажей. Кроме того, при написании романов Ю.В. Давыдов активно изучал и использовал архивные материалы, многие из которых не были опубликованы. Поэтому Ю.В. Давыдова можно с полной уверенностью назвать одним из ключевых отечественных знатоков тихомироведения второй половины XX в.

Таким образом, начавшаяся в середине 1950-х гг. десталинизация в значительной степени повлияла на возобновление в советской исторической науке исследований революционного народничества, в рамках которых историки снова обратились к наследию Л.А. Тихомирова. Огромную роль в этом процессе сыграли те историки, которые еще в 1920–1930-х гг. были погружены в тему революционного народничества. Фундаментом для новых работ стал огромный комплекс источников, опубликованных в довоенный период. В первые годы после начала десталинизации наследие Л.А. Тихомирова было интересно советским историкам, прежде всего, в качестве исторического источника о революционном народничестве, и серьезного внимания к нему как к самостоятельному объекту изучения и оценки не получило. Даже популярный у многих исследователей мировоззренческий переворот не получил во второй половине XX в. детального осмысления, а его оценки во многом перекочевали из ранней советской историографии. В послевоенный период советские историки уделяли большее внимание осмыслению роли Л.А. Тихомирова в революционном движении в целом, и в «Народной воли» в частности, чем это делали исследователи довоенного периода, фокусировавшие свой взор в основном на проблеме ренегатства. Более того, в советской историографии второй половины XX в. оценка роли Л.А. Тихомирова в революционном движении в большинстве случаев была «отвязана» от проблемы его ренегатства, и, соответственно, этот факт из биографии Л.А. Тихомирова перестал оказывать какое-либо влияние и на оценку всего революционного народничества.

3.2. Трансформация исследовательского интереса к наследию Л.А. Тихомирова в 1960-х – 1980-х гг.: от осмысления роли в революционном движении к исследованию монархизма

После смягчения идеологического курса в стране советские исследователи в своих трудах стали затрагивать не только вопросы революционной деятельности Л.А. Тихомирова и поворота в его мировоззрении, но и начали анализировать его деятельность в проправительственном лагере. Если первоначально это были только фрагментарные вставки в общей канве повествования об истории дореволюционной России, обличающего политику царизма в разных аспектах, то позже историки взялись за комплексное изучение наследия Л.А. Тихомирова, используя для этого уже имеющиеся исторические наработки в изучении как биографии, так и творчества Л.А. Тихомирова. Советские историки с середины 1960-х гг. обращались к наследию Л.А. Тихомирова в контексте исследования нескольких тематических направлений: 1) роль Л.А. Тихомирова в революционном народничестве и ее оценка; 2) ренегатство Л.А. Тихомирова и его оценка; 3) роль Л.А. Тихомирова в решении рабочего вопроса в Российской империи и ее оценка; 4) место деятельности Л.А. Тихомирова в политической жизни позднего российского самодержавия, в том числе в период столыпинщины, и оценка этой деятельности; 5) монархическая теория Л.А. Тихомирова и ее оценка.

В 1964 г. опубликовал монографию историк А.Ф. Вовчик по истории рабочего вопроса в Российской империи[1048], а в 1966 г. он защитил докторскую диссертацию по этой теме[1049]. В этих работах он проанализировал идеи Л.А. Тихомирова по решению рабочего вопроса. Они, по словам А.Ф. Вовчика, носили характер реакционных, так как являлись попыткой отвлечь рабочих от революционной борьбы: «Очень скоро у Зубатова появились новые “кадры” для идеологической работы среди рабочих – редактор “Московских ведомостей” Грингмут, перешедший еще в 80-х гг. XIX ст. от народовольчества к защите царизма и православия Лев

[1048] Вовчик А.Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период. Львов, 1964.
[1049] Вовчик А.Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в конце XIX – начале XX ст.: автореф. … док. ист. наук. Киев, 1966.

Тихомиров и другие. Они стремились воспитать у рабочих покорность, смирение, преданность самодержавию, национализм и таким образом отвлечь их внимание от революционной борьбы»[1050]. Такая оценка не являлась новой, наоборот, она полностью соответствовала марксистко-ленинскому пониманию политики царского правительства в отношении рабочих.

С тех же позиций рассматривал роль Л.А. Тихомирова в попытке решения рабочего вопроса В.Я. Лаверычев. В монографии 1972 г. «Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917 гг.)» он писал: «С другой стороны, еще в конце января 1902 г. к зубатовским организациям в Москве, не без поощрения администрации, все больший интерес обнаруживает духовенство и ренегат Л.А. Тихомиров, ведущий сотрудник "Московских Ведомостей". Зубатовские организации рабочих они предполагали превратить в школы монархического воспитания. Особенно активизировался Тихомиров, написавший ряд записок и лекций с "критикой" революционного пути решения рабочего вопроса и возражавший против постановки его исключительно на экономическую почву (т.е. взаимоотношений капиталистов и рабочих). В качестве важнейшей цели новой организации он выдвигает задачу идеологического воздействия на рабочую массу, по существу, трактуя ее в духе старых "истинно русских" идей: "православие, самодержавие, народность"»[1051].

Одновременно с изучением политики «царизма» по рабочему вопросу советские историки обратились к другим аспектам истории позднего российского самодержавия. С 1960-х гг. исследованием политики российского самодержавия в начале XX века занимался А.Я. Аврех. Он представлял «новое направление» в советской исторической науке, сторонники которого оспаривали официально признанные выводы в отношении Октябрьской социалистической революции. А.Я. Аврех выпустил серию монографий, которые в совокупности освещали политическую историю Российской империи от окончания Первой российской революции до февральского переворота: в 1966 г. была опубликована книга

[1050] Вовчик А.Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период. Львов, 1964. С. 118–119.
[1051] Лаверычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917 гг.). М., 1972. С. 153.

«Царизм и третьеиюньская система», в 1985 г. – «Распад третьеиюньской системы», в 1989 г. вышла книга «Царизм накануне свержения», а в 1991 г. – «Столыпин и судьбы реформ в России». Для А.Я. Авреха личность Л.А. Тихомирова не представляла особого исследовательского интереса, поэтому, хотя исследователь и упоминает его имя при освещении им рабочего вопроса, анализа политики П.А. Столыпина и предреволюционного самодержавия, эти упоминания носят сугубо утилитарный характер и потому в большинстве своем лишены оценочных суждений [1052] . При этом его проправительственная деятельность позиционировалась А.Я. Аврехом как реакционная, что полностью соответствовало сложившемуся в советской историографии образу Л.А. Тихомирова. Очень показательно высказывание историка о программе Л.А. Тихомирова по рабочему вопросу: «Вывод очевиден: “новаторский”, “антиполицейский” проект Тихомирова – не что иное, как старые, полностью обанкротившиеся зубатовщина и гапоновщина, тот же самый “полицейский социализм”, который был самым решительным образом осужден и предпринимателями, и комиссией Коковцова. Рабочий вопрос вернулся на круги своя. Смелый “теоретик” из бывших народовольцев оказался безнадежным консерватором и рутинером. Это не свидетельство личной ограниченности Тихомирова. Его многословное прожектерство лишний раз показало, что у режима просто не было позитивных средств решения рабочего вопроса в свою пользу»[1053]. При этом можно отметить увеличение частоты упоминания Л.А. Тихомирова и более подробного освещения его деятельности в более поздних книгах А.Я. Авреха.

С середины 1960-х гг. в советской исторической науке стала набирать популярность тема политической истории позднего российского самодержавия. Исследуя эту проблему, историки не могли обойти стороной персону Л.А. Тихомирова и его дневник.

[1052] Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966; Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985; Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989; Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991.
[1053] Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 121–122.

Одним из первых этой темой занялся известный московский историк П.А. Зайончковский. Однако в двух своих книгах он ограничился только ссылками на Л.А. Тихомирова. В книге 1964 г. «Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов» он упомянул работу «Конституционалисты в эпоху 1881 года» в списке литературы [1054], а в монографии 1970 г. ссылался на публикацию фрагментов дневника Л.А. Тихомирова в «Красном архиве», которые иллюстрировали настроения в российском обществе на фоне поражений российского флота в русско-японской войне[1055].

В 1967 г. была опубликована монография ленинградского историка В.С. Дякина под названием «Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917)»[1056]. В книге описана роль класса буржуазии в политическом кризисе российского самодержавия. Однако в ней, несмотря на ее значительный объем, Л.А. Тихомиров даже не упомянут. Скорее всего, это объясняется тем, что в период Первой мировой войны Л.А. Тихомиров уже не занимался политикой и издательской деятельностью, а также не был представителем буржуазии, потому что в последующих книгах В.С. Дякина ситуация меняется. В книге 1978 г. «Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг.» Л.А. Тихомиров не просто упоминается – его дневник был использован в качестве исторического источника[1057]. Однако какой-либо характеристики самого Л.А. Тихомирова или его роли в событиях в книге нет. В 1988 г. была опубликована книга В.С. Дякина «Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы», ставшая связующим звеном для двух предыдущих. В этой монографии Л.А. Тихомиров также упоминается только эпизодически, что, конечно, слабо соответствует и масштабу его личности, и его роли в происходивших событиях, но при этом, и это – главное, в книге ему была дана характеристика. В одном случае

[1054] Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 500.
[1055] Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970. С. 51.
[1056] Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967.
[1057] Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 97, 100, 133.

В.С. Дякин назвал его политически «правым» [1058], а в другом – «ренегатом народовольчества»[1059]. Причем Л.А. Тихомиров в книге представлен не просто как исторический персонаж, а как деятель, обладающий субъектностью и участвующий в общественно-политических интригах[1060].

Схожей темой занимался другой ленинградский историк – Ю.Б. Соловьев. Он, также как и В.С. Дякин, был сотрудником Ленинградского отделения Института истории АН СССР. В своих книгах Ю.Б. Соловьев делал акцент на политике позднего российского самодержавия и взаимоотношениях верховной власти и дворянства в контексте развития кризисных явлений и крушения монархии. Из-под пера автора вышло три монографии: «Самодержавие и дворянство в конце XIX века» 1973 г.[1061], «Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг.» 1981 г.[1062] и «Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг.» 1990 г.[1063]. На примере этих книг также можно проследить тенденцию изменения отношения к личности Л.А. Тихомирова. Если в первой Л.А. Тихомиров совсем не упоминается, то уже в последующих двух книгах Ю.Б. Соловьев уделил должное внимание его проправительственной деятельности. Отличается и эмоциональный окрас описания личности Л.А. Тихомирова в двух разных по времени монографиях Ю.Б. Соловьева. В монографии 1981 г., посвященной периоду 1902–1907 гг., на основе анализа деятельности Л.А Тихомирова и его дневниковых записей Ю.Б. Соловьев дал ему следующую характеристику: «Бывший революционер, а теперь ярый приверженец самодержавия Лев Тихомиров, в этом именно качестве рассматривая происходящее и оценивая действия власти, закрепляет за собой роль не знающего снисхождения прокурора, которому бывает даже трудно подыскать подходящие слова, чтобы изобразить глубину падения и деградации режима»[1064]. А в монографии 1990 г. авторская позиция по отношению к Л.А. Тихомирову была

[1058] Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С. 18.
[1059] Там же. С. 59.
[1060] Там же. С. 19, 59, 195.
[1061] Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973.
[1062] Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981.
[1063] Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990.
[1064] Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981. С. 142.

уже значительно смягчена и Ю.Б. Соловьев акцентировал внимание на мировоззренческом дуализме Л.А. Тихомирова, который, по мнению исследователя, выражался в его стремлении спасти самодержавие и в осознании обреченности монархии: «Бедственное состояние дел на правом фланге с выраженной тенденцией к дальнейшему ухудшению вызывало в этой среде ширящуюся тревогу, принимавшую разную степень остроты, у иных доходившую до окончательной уверенности, что все пропало и неоткуда ждать спасения. На одном из первых мест здесь оказывается Л.А. Тихомиров. Все эти годы он находится в постоянном смятении, раз за разом переходящем в неудержимое отчаяние. Его не оставляет ощущение неотвратимо надвигающейся беды, развала всего и вся и полнейшей безысходности и непоправимости сущего. Он с нарастающей отчетливостью осознает, что отстаивает безнадежное, гиблое дело. Он уверяет, что старый мир, то, что он называет старой Россией, который он всеми силами старался уберечь от гибели, приходит в необратимый упадок, прежде всего потому, что его защитники пали так низко, что им ничто не поможет и они обречены вместе со всем тем, что держалось столетия, уцелело и после реформы 1861 г., и после революции и еще так недавно было как будто бы еще во всей силе, а теперь рушится на глазах. Рисуемая им картина выдержана прямо-таки в апокалипсических тонах с разверзшейся под ногами бездной. Это то же настроение, в каком он жил в годы революции, каждый день находясь в опасении конца и виня слуг режима во всяческом непотребстве, нечестии и вопиющей негодности. И в одержавшем в конце концов вопреки ожиданиям верх самодержавии он не видит победителя, а лишь на шаг отступившего от края пропасти, но влекомого все туда же»[1065].

В 1976 г. вышла монография Е.Д. Черменского, посвященная деятельности Четвертой Государственной думы. В книге были использованы дневниковые записи Л.А. Тихомирова для иллюстрации отношения его как монархиста к событиям Первой мировой войны [1066] и для анализа его взаимоотношений с

[1065] Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990. С. 152.
[1066] Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 177, 184, 189.

П.А. Столыпиным[1067] и другими государственными деятелями[1068]. Е.Д. Черменский еще в 1930-х гг. начал заниматься историей российского самодержавия в начале XX в. Ему даже удалось защитить кандидатскую диссертацию по теме «Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг.», которая была опубликована в 1939 г. в виде монографии. Уже в процессе работы над этой монографией Е.Д. Черменский ознакомился с дневниковыми записями Л.А. Тихомирова, опубликованными в «Красном архиве»[1069]. В 1970 г. эта книга была переиздана[1070]. После перерыва, связанного с участием в Великой Отечественной войне, Е.Д. Черменский вновь занялся научной работой, которая вылилась в защиту им докторской диссертации по теме «Борьба классов и партий в IV Государственной думе: (1912–1917)». Этот материал и был опубликован в виде монографии в 1976 г.

В предперестроечные годы вышла солидная коллективная монография «Кризис самодержавия в России. 1895–1917». Для такой объемной работы в 664 страницы выглядит странным (даже с поправкой на ее обличительно-тенденциозный характер) то, что фигура Л.А. Тихомирова, и так редко упоминаемая и только в определенном контексте, «теряется» на страницах огромной монографии. Так, например, он был упомянут только для того, чтобы подчеркнуть негативный характер консервативной идеологии и обреченность попыток спасти монархию: «Идею самодержавия единодушно отстаивали такие представители правой печати, как Л.А. Тихомиров, Н. Энгельгард, В.П. Мещерский. Однако за этим единодушием отчетливо проступали признаки кризиса консервативной идеологии. Они проявлялись прежде всего в судорожных попытках охранителей любыми средствами подновить и усовершенствовать систему правового обоснования самодержавной власти»[1071]. При этом авторы не посчитали нужным подкрепить данное утверждение какими-либо доказательствами, ограничившись только ссылкой на книгу современного историка

[1067] Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 34, 66.
[1068] Там же. С. 28, 236.
[1069] Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. М.–Л., 1939. С. 134.
[1070] Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970.
[1071] Кризис самодержавия в России. 1895-1917 / Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, Б.Б. Дубенцов, В.С. Дякин, С.И. Потолов. Л., 1984. С. 25.

В.В. Ведерникова «Кризис консервативной идеологии и его отражение в печати (1895–1902 гг.)».

Отдельно стоит выделить работы Б.И. Есина, который занимался исследованием русской дореволюционной печатной прессы. Но, несмотря на большое внимание к газете «Московские ведомости» и анализу пропагандистского подхода к освещению событий в ней, ни в монографии 1971 г.[1072], ни в более поздней в книге 1981 г.[1073] Л.А. Тихомиров даже не упомянут. Вполне вероятно, это объясняется огромным объемом анализируемого материала и широкими хронологическими рамками, из-за чего для Л.А. Тихомирова просто «не хватило» места в книге. Б.И. Есин продолжил развивать данную тему и в современной России. Например, в 2013 г. в журнале «Вестник Московского университета» вышла его статья под названием «“Московские ведомости” под редакцией Л. Тихомирова»[1074].

Первую попытку целостного рассмотрения разных аспектов жизни и трудов Л.А. Тихомирова совершил еще один ученик М.Г. Седова – В.Н. Костылев. В.Н. Костылев долго работал над диссертацией «Тихомиров на службе царизма (Из истории общественно-идейной борьбы в России в конце XIX – начале XX века)», которую он защитил в конце 1980-х гг. По данным современного российского исследователя С.В. Чеснокова, диссертацию В.Н. Костылев защитил не в 1987 г., как указано на титульном листе, а в 1989 г., видимо, из-за каких-то задержек[1075]. Часть положений диссертации были опубликованы уже после смерти ее автора в журнале «Вопросы истории», в статье «Выбор Льва Тихомирова», подготовленной к печати В.И. Харламовым[1076]. В.Н. Костылев выбрал тему для диссертации еще в середине 1970-х гг. на волне возникшего у советских историков интереса к изучению российского самодержавия начала XX в. Неудивительно, что именно

[1072] Есин Б.И. Русская дореволюционная газета. 1702–1917 гг. М., 1971.
[1073] Есин Б.И. Русская газета и газетное дело в России. М., 1981.
[1074] Есин Б.И. «Московские ведомости» под редакцией Л. Тихомирова // Вестник Московского университета. Серия 10: журналистика. 2013. №3. С. 52–56.
[1075] Чесноков С.В. Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской истории и культуре конца XIX – XX веков: дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 123.
[1076] Костылев В.Н. Выбор Льва Тихомирова // Вопросы истории. 1992. №6–7. С. 30.

выходец из исторической школы М.Г. Седова и активный участник его спецсеминара первым в СССР исследовал наследие Л.А. Тихомирова. По воспоминаниям А.В. Аникина и А.А. Сундиевой, на одном из заседаний семинара был сделан доклад о Л.А. Тихомирове и его программе монархического устройства России[1077]. Был ли докладчиком В.Н. Костылев, к сожалению, установить не удалось. Еще в 1980 г. в журнале «Проблемы истории СССР», издававшемся при МГУ, В.Н. Костылев опубликовал статью, в которой разобрал причины ренегатства Л.А. Тихомирова, проанализировал отклик на этот поступок в революционной среде и последствия этого переворота[1078]. В этой статье, опираясь на марксистско-ленинский подход, он отметил многофакторность идейного переворота Л.А. Тихомирова. С одной стороны, по мнению В.Н. Костылева, идейная метаморфоза объясняется во многом особенностями взглядов и характера Л.А. Тихомирова, выводами, к которым он пришел, наблюдая за парламентской Францией, трудностями эмигрантской жизни, беспрецедентной травлей и провокациями заграничной агентуры департамента полиции, личными обстоятельствами, а, с другой стороны, как считал автор статьи, имелись и более глубокие причины, согласно которым ренегатство было «крайним проявлением кризиса и упадка революционного движения, процесса, повлекшего за собой и определенные идейные издержки и теоретические шатания, учащение случаев отступничества и прямого предательства»[1079]. При этом В.Н. Костылев указал, что ренегатство сыграло роковую роль в истории народовольчества, так как оно способствовало усилению реакции правительства и привело к «окончательному крушению “Народной воли”»[1080]. Однако, по выражению В.Н. Костылева, ренегатство хоть и способствовало отходу из революции части сомневающихся и колеблющихся деятелей, эффект от перехода на сторону самодержавия Л.А. Тихомирова все же оказался не таким большим, как рассчитывало

[1077] Аникин А.В., Сундиева А.А. Памяти М.Г. Седова // «Будущего нет и не может быть без наук...». (Памяти профессора Московского Университета Михаила Герасимовича Седова). М., 2005. С. 487.
[1078] Костылев В.Н. Ренегатство Л.А. Тихомирова и русское общество в конце 80-х – начале 90-х годов XIX в. // Проблемы истории СССР. МГУ им. М.В. Ломоносова. Исторический факультет. Выпуск 11. 1980. С. 151–169.
[1079] Там же. С. 153.
[1080] Там же. С. 166.

правительство, и даже в некоторых случаях был достигнут обратный результат, так как «для определенной части молодежи это ренегатство дало толчок к переоценке ценностей, к поискам новых революционных теорий, и принятию марксизма»[1081].

Появление этой статьи сложно назвать кардинальным или концептуальным переворотом в изучении биографии и творчества Л.А. Тихомирова в отечественной историографии, так как в советской историографии проблема ренегатства была исследована подробно. Заслугой В.Н. Костылева стало то, что ему удалось обобщить уже имеющиеся в литературе объяснения причин ренегатства Л.А. Тихомирова и проанализировать их с опорой на марксистско-ленинскую методологию. Поэтому переломным моментом в отечественном тихомироведении нужно считать все же диссертацию В.Н. Костылева. В этом исследовании В.Н. Костылев проанализировал многие работы Л.А. Тихомирова историко-философского характера, которые в советское время игнорировались и не издавались. Например, впервые в советской историографии были изложены основные идеи монархической теории Л.А. Тихомирова. Но, оценивая как положительный факт ввода в научный оборот В.Н. Костылевым трудов Л.А. Тихомирова, нельзя не отметить, что в этой диссертации исследователь не отошел ни от шаблонной историографической оценки его проправительственной деятельности, ни от марксистско-ленинской методологии, лежащей в ее основе. У В.Н. Костылева Л.А. Тихомиров – продолжатель дела М.Н. Каткова и К.П. Победоносцева[1082], создатель «монархической утопии»[1083]. В.Н. Костылев также считал, что Л.А. Тихомиров первым из лагеря реакционеров-консерваторов понял обреченность российской монархии[1084], а служение «обреченному делу постепенно привело к хорошо прослеживаемой по дневникам Тихомирова деградации личности публициста, все чаще вынужденного отстаивать в своих печатных работах те идеи и положения, в справедливость или осуществимость

[1081] Костылев В.Н. Ренегатство Л.А. Тихомирова и русское общество в конце 80-х – начале 90-х годов XIX в. // Проблемы истории СССР. МГУ им. М.В. Ломоносова. Исторический факультет. Выпуск 11. 1980. С. 167.
[1082] Костылев В.Н. Лев Тихомиров на службе царизма: (Из истории общественно-идейной борьбы в России в конце XIX – начале XX вв.): дис. … канд. ист. наук. М., 1987. С. 239.
[1083] Там же. С. 242.
[1084] Там же. С. 246.

которых сам он давно уже не верил»[1085]. Именно В.Н. Костылев одним из первых обратил внимание на компилятивный характер «Монархической государственности» Л.А. Тихомирова. В частности, в своей диссертации он утверждал: «Не способствовало цельности, внутренней согласованности монархической утопии Тихомирова и характерное для него стремление примирить интересы антагонистических классов, учесть все точки зрения, широкое заимствование им целого ряда основополагающих идей и концепций не только реакционно-консервативной, но и либеральной и даже демократической мысли, апелляция к авторитету популярных среди русской интеллигенции западноевропейских философов и экономистов. Все это накладывало на книгу Тихомирова отпечаток эклектизма, усиливало присущие ей противоречия»[1086].

Маркером идеологического поворота от историографии, базирующейся на марксистско-ленинской идеологии, к только еще нарождающейся российской историографии, для которой характерно отсутствие единого общепринятого подхода при анализе исторических фактов и идеологических запретов на исследование каких-либо тем, можно назвать книгу И.А. Исаева «Политико-правовая утопия в России (конец XIX – начало XX в.)», изданную в 1991 г. В ней автор рассмотрел работы К.Н. Леонтьева, Н.А. Бердяева, В.С. Соловьева, П.И. Новгородцева, а также проанализировал политико-правовые взгляды Л.А. Тихомирова[1087]. Уже сам факт появления такой работы, в которой были рассмотрены труды представителей «реакционного» для советской историографии лагеря, свидетельствует о значительном смягчении идеологической политики в СССР. В этом очерке И.А. Исаев, отметив значимость идеократической концепции Л.А. Тихомирова, написал о ней следующее: «Л. Тихомирову удалось наиболее определенно сформулировать одну из важнейших идей, развитую и подхваченную последователями, – идею идеократии, т.е. такой системы авторитарного властвования, в которой консолидация осуществляется на основе некоего

[1085] Костылев В.Н. Лев Тихомиров на службе царизма: (Из истории общественно-идейной борьбы в России в конце XIX – начале XX вв.): дис. … канд. ист. наук. М., 1987. С. 247.
[1086] Там же. С. 220.
[1087] Исаев И.А. Политико-правовая утопия в России (конец XIX – начало XX в.). М., 1991. С. 45–55.

руководящего принципа, мировоззрения или идеала»[1088]. Но при этом следует подчеркнуть, что И.А. Исаев уже в самом названии книги – «Политико-правовая утопия в России (конец XIX – начало XX в.)» – повторяет характеристику монархических идей Л.А. Тихомирова, данную В.Н. Костылевым. Он же чуть позже, в 1993 г., опубликовал в журнале «Родина» статью, посвященную концепциям К.Н. Леонтьева, Л.А. Тихомирова и В.С. Соловьева[1089], в которой уже отсутствовали советские идеологические штампы.

В качестве отличительных особенностей нарождавшейся в перестроечный период новой отечественной историографии можно отметить ее постепенное сближение в подходах и оценках истории России конца XIX – начала XX вв. с эмигрантским наследием, базирующимся в своей основе на антисоветском дискурсе, а также начавшуюся подготовку к переизданию трудов Л.А. Тихомирова, результаты которой начали появляться уже в начале 1990-х гг. Например, в 1992 г. вышло репринтное издание «Монархической государственности», причем в качестве основы для копирования было использовано аргентинское издание «Российского имперского союза-ордена»[1090], а в 1993 г. была переиздана отдельной книгой «Единоличная власть как принцип государственного строения»[1091] и она же была напечатана в провинциальном журнале «Кубань» по книге, вышедшей в 1943 г. в Нью-Йорке[1092]. В 1992 г. В.Н. Назаров опубликовал в журнале «Вопросы философии» письма Л.А. Тихомирова к религиозному философу М.В. Лодыженскому, которые насыщены религиозной тематикой и потому вряд ли могли быть опубликованы в советские доперестроечные годы[1093]. Кроме того, о возросшем интересе к личности и трудам Л.А. Тихомирова в современной российской историографии свидетельствует гораздо больший объем публикаций и защищенных диссертаций, посвященных наследию Л.А. Тихомирова. Например,

---

[1088] Исаев И.А. Политико-правовая утопия в России (конец XIX – начало XX в.). М., 1991. С. 55.
[1089] Исаев И. Превращения монархической идеи // Родина. 1993. №1. С. 14–31.
[1090] Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992.
[1091] Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения. М., 1993.
[1092] Тихомиров Л. Единоличная власть как принцип государственного строения // Кубань. №1–2. Январь–февраль. 1993. С. 54–72.
[1093] Тихомиров Л.А. Письма к М.В. Лодыженскому (предисловие к публикации В.Н. Назарова) // Вопросы философии. № 5. 1992. С. 137–144.

если в советские годы по этой теме была защищена только одна диссертация, то в период с 1992 по 2025 гг. по данным научной электронной библиотеки Elibrary таких диссертаций значится – 17[1094].

Таким образом, наметившийся в конце 1960-х гг. интерес к социально-политической истории царской России конца XIX – начала XX вв. привел к тому, что наследие Л.А. Тихомирова советские историки начали анализировать не только в тех аспектах, что отражали его революционную работу, но и в тех, что касались и его проправительственной деятельности. Чаще всего творческое наследие Л.А. Тихомирова использовалось в качестве исторического источника и не выступало самостоятельным предметом исследования. Однако советские историки внимательно изучили вклад Л.А. Тихомирова в решение рабочего вопроса. Кульминацией развития советской историографии проправительственного наследия Л.А. Тихомирова стала диссертация В.Н. Костылева, которую он защитил в период перестройки. Данная диссертация стала первым отечественным комплексным трудом, в котором были рассмотрены разные аспекты деятельности и взглядов Л.А. Тихомирова. Поскольку ее автор В.Н. Костылев строго придерживался марксистко-ленинской методологии, поэтому и его выводы свелись к оценке воззрений Л.А. Тихомирова как утопичных и реакционных.

* * *

Таким образом, начавшийся в конце 1950-х гг. исследовательский бум, связанный с интересом к истории революционного народничества, привел к возвращению имени Л.А. Тихомирова на страницы советских изданий. Повышение внимания к наследию Л.А. Тихомирова в 1960-х – 1980-х гг. было вызвано несколькими факторами.

Во-первых, революционный период деятельности и творчества попал в фокус исследований из-за трансформации политических и идеологических установок, которые стали частью процесса десталинизации в СССР. Снятие запрета на изучение истории революционного народничества и возвращение к ленинскому

[1094] См. Приложение 19.

пониманию его роли в отечественном освободительном движении привели к новому осмыслению роли Л.А. Тихомирова и его творчества, которое, нужно отметить, идеологически и качественно шагнуло далеко вперед по сравнению с ранней советской историографией.

Во-вторых, часть историков была уже знакома с наследием Л.А. Тихомирова еще по работе с ним в раннесоветский период, что позволило в короткие сроки его актуализировать.

В-третьих, смягчение идеологического курса в стране коснулось в исторической науке не только изучения периода революционного народничества, но и периода поздней Российской империи. Уже в середине 1960-х гг. появился исследовательский интерес к проблеме рабочего вопроса и политической истории царствования Николая II. В контексте изучения этих тем историки неизбежно обращались к другой стороне наследия Л.А. Тихомирова – к его проправительственной деятельности и творчеству этого периода.

В-четвертых, исследователи революционного народничества и социально-политической истории России конца XIX – начала XX вв. подготовили солидный фундамент для более глубокого и основательного погружения в наследие Л.А. Тихомирова. Защита диссертации В.Н. Костылевым в конце 1980-х гг. стала финальным аккордом в изучении наследия Л.А. Тихомирова на базе марксистско-ленинской идеологии, став своеобразным прологом к новому, российскому, этапу изучения его творчества, отличающемуся идеологическим плюрализмом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творческое наследие Л.А. Тихомирова нашло отклик в литературе еще в дореволюционное время. Причем авторов интересовали разные аспекты его творчества: религиозно-церковные взгляды, монархическая теория и идеи по решению рабочего вопроса. В советской и зарубежной историографии до 1970-х гг. такого тематического разнообразия не существовало, так как интерес исследователей ограничивался в основном вниманием к истории его участия в революционном движении и проблеме ренегатства. Частично унаследовала дореволюционный дискурс белая эмиграция, сфокусировавшая свое внимание на монархической теории Л.А. Тихомирова. Советская и зарубежная историография развивались по большей части самостоятельно и независимо друг от друга, поэтому каждой из них присущи свои отличительные особенности.

Советская и западная историографии различались, прежде всего, методологическими подходами и идеологическим фундаментом, на базе которых анализировалось наследие Л.А. Тихомирова. Например, даже диссертация советского историка В.Н. Костылева, посвященная исследованию монархизма Л.А. Тихомирова и защищенная в перестроечное время, была написана полностью в духе марксистского подхода, а основные выводы свелись к оценке взглядов Л.А. Тихомирова как утопичных и реакционных. Западные авторы если и указывали на утопичность его политических идей, то не по причине их антагонистичности коммунизму, а исходя из оценки возможности их успешной реализации в Российской империи в начале XX в.

Кроме того, исследования западных авторов свободны от предвзятого отношения к личности Л.А. Тихомирова, чего нельзя сказать о работах, увидевших свет в советское время. В советской историографии наследие Л.А. Тихомирова воспринималось как враждебное по двум причинам: он был предателем дела революции и идейным защитником русского самодержавия и православия. Огромную роль в формировании субъективного восприятия наследия

Л.А. Тихомирова сыграли его бывшие товарищи по революционному народничеству, чьи творения (мемуары, автобиографии, комментарии и др.) особенно отличались предвзятым отношением. В попытках разобраться с причинами его ренегатства они часто вплетали личные чувства и эмоции в канву исторического повествования. От этого оценка роли Л.А. Тихомирова в революционном движении и его ренегатства приобретала личностно-психологическое измерение, в рамках которого вся дискуссия сводилась к двум противоположным версиям, закрепившимся благодаря статье В.Н. Фигнер «По поводу записок Л. Тихомирова»: «всегда можно было ожидать или заболел психически». Такой подход не только противоречил материалистическому пониманию истории, которого придерживались профессиональные советские историки, но и в целом был крайне субъективен. Историки-большевики чаще всего видели в ренегатстве Л.А. Тихомирова пример объективного исторического процесса, связанного с разложением революционного народничества. Видимо, по этой причине даже в западной историографии исследователи ренегатства старались абстрагироваться от версий соратников Л.А. Тихомирова и пытались найти вполне осязаемые, объективные причины ренегатства: влияние российской охранки, сложное материальное положение в эмиграции и т.д. Но излишняя теоретизация причин ренегатства, характерная для советской историографии, была чужда зарубежным авторам, которые использовали в основном индуктивный метод анализа и описательный способ изложения исторических фактов.

К другим отличительным особенностям советской историографии относятся, во-первых, ее неравномерное, скачкообразное развитие и, во-вторых, огромное влияние партийной цензуры на исследования советских историков, которое в значительной степени сказалось на развитии отечественного тихомироведения. В ранней советской историографии наследие Л.А. Тихомирова рассматривалось в основном в контексте истории революционного движения, а остальные факты его биографии упоминались лишь для того, чтобы подчеркнуть враждебность взглядов бывшего члена «Народной воли» господствующей в Советском Союзе идеологии. Однако отсутствие в раннесоветский период единых подходов в осмыслении

прошлого и вульгарное понимание отдельными авторами марксизма, а также политические противоречия в СССР в 1920-х – начале 1930-х гг., повлиявшие на развитие исторической науки, приводили к поляризации оценок наследия Л.А. Тихомирова. Яркий пример этого – возникшие в 1920-е – 1930-е гг. сразу после публикаций фрагментов архива Л.А. Тихомирова острейшие дискуссии, в которых принимали участие как профессиональные историки, так и любители, преимущественно старые народовольцы.

В середине 1930-х гг. в СССР оформился единый партийный взгляд на отечественную историю, в рамках которого народничество было признано враждебным коммунизму. Поэтому до середины 1950-х гг. действовал негласный запрет на исследования революционного народничества, а следовательно, и творчества Л.А. Тихомирова. Лишь в середине 1960-х гг. наметилась тенденция изучения социально-политических проблем дореволюционной России, в рамках которой в советской историографии была освещена и проправительственная деятельность Л.А. Тихомирова.

С 1950-х гг. зарубежная историография, в особенности американская и английская, развивалась эволюционно, то есть, с одной стороны, не было периодов, когда деятельность Л.А. Тихомирова и его труды целенаправленно оставались без внимания со стороны зарубежных исследователей, а с другой – не было и периодов, когда фигура Л.А. Тихомирова становилась предметом повышенного ажиотажа.

При этом, несмотря на видимые различия, в зарубежной и советской историографии прослеживаются и общие черты.

Во-первых, общими являются основные причины, вследствие которых наследие Л.А. Тихомирова стало популярным объектом исследований как в Советском Союзе, так и за рубежом: с одной стороны, оно позволяло дополнить историю российского революционного движения, а с другой – представляло ценность для исследователей и само по себе, так как помогало понять причины ренегатства Л.А. Тихомирова, более всего интересовавшие историков. Кроме того, формирование историографии наследия Л.А. Тихомирова как институционального

научного процесса в СССР и за рубежом началось примерно в одно и то же время – в 1950-е гг.

Во-вторых, в западной и советской историографии второй половины XX в. прослеживается интерес к одним и тем же аспектам наследия Л.А. Тихомирова. В частности, пусть и в разные годы, но в центре внимания и советских, и западных историков были одни и те же темы: роль Л.А. Тихомирова в революционном движении, проблема ренегатства, его предложения по решению рабочего вопроса и монархическая теория.

В-третьих, характерной чертой западной и советской историографии является серьезный перекос в сторону исследований революционного этапа биографии Л.А. Тихомирова и проблемы его ренегатства. Именно в контексте этих тем чаще всего историки обращались к наследию Л.А. Тихомирова.

В-четвертых, и на Западе, и в СССР были защищены специализированные диссертации, посвященные монархизму Л.А. Тихомирова (Х.Ф. Дуэйн и В.Н. Костылев). При этом диссертация В.Н. Костылева была не только единственным трудом о монархической теории Л.А. Тихомирова, но и единственным крупным исследованием в СССР, посвященным исключительно наследию Л.А. Тихомирова. В зарубежной историографии работ, посвященных персонально наследию Л.А. Тихомирова, было больше: диссертации американских историков Д.А. Дюрана и Х.Ф. Дуэйна, статьи К. Тидмарша, Э. Глисона, Х. Вада и других зарубежных исследователей.

В-пятых, несмотря на расхожее мнение о скудности источниковой базы зарубежных исследователей, пополнение которой часто зависело от посещения ими советских архивов, зарубежное тихомироведение и в этом аспекте не только не отстало от советской историографии, но и превзошло его в некоторых вопросах. Например, работы японского историка Х. Вада, работавшего в советских архивах, заслужили высокую оценку среди современных российских историков, занимающихся исследованием наследия Л.А. Тихомирова. Но он был не единственным, кто посещал советские архивы. Например, использовал архивные материалы в своих статьях и американский историк Н.М. Нэймарк.

Несколько обособленно в историческом дискурсе творческого наследия Л.А. Тихомирова, на первый взгляд, находится наследие русской и советской эмиграции. В русском зарубежье труды Л.А. Тихомирова получили дополнительную популярность за счет ностальгии эмигрантов по досоветской России и распространенности реваншистской идеи в среде белой эмиграции, которая не скрывала своей враждебности большевизму. Но при этом интеллектуальное наследие русской эмиграции имеет схожие черты и точки пересечения с зарубежной историографией.

Во-первых, западные историки в своих исследованиях использовали работы русских эмигрантов в качестве источника информации. Например, часто в зарубежных исследованиях встречаются ссылки на биографическую брошюру В.А. Маевского «Революционер-монархист: памяти Льва Тихомирова».

Во-вторых, переизданные эмигрантами книги Л.А. Тихомирова («Монархическая государственность» и «Единоличная власть как принцип государственного строения») расширяли источниковую базу для иностранных ученых.

В-третьих, некоторые тезисы из работ эмигрантов перекочевали в работы зарубежных авторов, как это произошло, например, с утверждением о том, что монархическая теория Л.А. Тихомирова была предтечей русского фашизма.

В-четвертых, американские и английские историки в период холодной войны включились в антикоммунистическую идеологическую борьбу, цели которой совпадали с целями русской эмиграции. И, исходя из этих задач, зарубежные авторы и эмигранты обращались к наследию Л.А. Тихомирова, в котором идеализировалась самодержавная Россия. При этом такого влияния на советскую историографию не было и не могло быть, поскольку в СССР белая эмиграция позиционировалась как враг советской власти, а книги, изданные в русском зарубежье, хранились в библиотеках в специальных хранилищах, доступ к которым был не у всех граждан.

Но не все представители западной исторической науки попадали под влияние русских эмигрантов, в частности многие западные слависты имели историческую

связь с территорией Российской империи, а потому имели собственные представления о ее истории, независимые от идеологических установок белой эмиграции. Поэтому можно сказать, что влияние творчества русской эмиграции на зарубежную историографию наследия Л.А. Тихомирова было косвенным.

Работы зарубежных историков и авторов русского зарубежья отличались по характеру и формату. Так как эмигранты своими работами в первую очередь пропагандировали антикоммунистические идеи, и научная составляющая их не сильно заботила, они, за исключением нескольких монографий, выпускали издания небольшого объема, содержание которых не было отягощено эпистемологическим нарративом. Кроме того, было разным и отношение к личности Л.А. Тихомирова: если для эмигрантов он являлся одним из ключевых идеологов самодержавной России, то для зарубежных исследователей – одним из деятелей русской истории, пусть и незаурядным.

В развитии советской историографии наследия Л.А. Тихомирова второй половины XX в. прослеживается прямая эволюция: от изучения революционного этапа биографии Л.А. Тихомирова к исследованию его монархической теории. Изучение наследия возобновилось после двадцатилетнего перерыва в середине 1950-х гг., и если ранее в фокусе внимания ученых была деятельность Л.А. Тихомирова, так или иначе связанная с его участием в революционной борьбе, то постепенно их внимание переключилось на исследование взглядов Л.А. Тихомирова на решение рабочего вопроса, его проправительственной деятельности, а уже на излете существования советской историографии – его монархической теории. Эти исследования подготовили почву для современной российской историографии. И уже в полной мере и детально монархизм Л.А. Тихомирова был исследован современными российскими учеными.

Тот факт, что зарубежная историческая наука в исследовании наследия Л.А. Тихомирова в некоторых аспектах опередила российскую стимулировал отечественных деятелей науки обратиться к этой проблематике. Кроме того, на становлении современной российской культуры и гуманитаристики прослеживается влияние интеллектуального наследия отечественной эмиграции.

Это проявилось и в отношении наследия Л.А. Тихомирова. Самый яркий пример такого влияния – это репринтное переиздание в России в 1992 г. «Монархической государственности», основой которого стало аргентинское издание, подготовленное «Российским имперским союзом-орденом», и такое же переиздание в 1993 г. другой книги Л.А. Тихомирова – «Единоличная власть как принцип государственного строения». Кроме этого, в качестве своеобразного наследства русского зарубежья в современную отечественную историографию перешла и оценка наследия Л.А. Тихомирова не только как антикоммунистического, но и носящего в себе элементы фашизма, пусть в открытую и не декларируемого.

Таким образом, интеллектуальное наследие отечественной эмиграции, советская и зарубежная историография оказало непосредственное влияние на становление тихомироведения в современной России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

И С Т О Ч Н И К И

1. Историографические источники

1.1. Неопубликованные материалы

1.1.1. Архивные материалы

Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)

1. Ф. 234 (Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) – писатель, публицист, общественный деятель).
2. Ф. 280 (Леткова Екатерина Павловна (по мужу Султанова; 1856–1937) – писательница).
3. Ф. 1185 (Фигнер Вера Николаевна (1852–1942) – публицист, мемуаристка).
4. Ф. 1642 (Чарушин Николай Аполлонович (1851–1937) – публицист, издатель).
5. Ф. 1744 (Коллекция воспоминаний народовольцев).

Российский государственный исторический архив (РГИА)

6. Ф. 1410 (Вещественные доказательства к делам Министерства Юстиции).

1.2. Опубликованные материалы

1.2.1. Монографии

7. Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – 286 с.
8. Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. – М.: Наука, 1985. – 260 с.
9. Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. – М.: Наука, 1966. – 182 с.
10. Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. – М.: Наука, 1989. – 256 с.
11. Балабанов М.С. Очерк истории революционного движения в России. – Ч. 1. – Л.: Прибой, 1929. – 304 с.
12. Бэрон С.Х. Г.В. Плеханов – основоположник русского марксизма. – СПб.: Российская национальная библиотека, 1998. – 494 с.
13. Вовчик А.Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период. – Львов: Издательство Львовского университета, 1964. – 323 с.

14. Волк С.С. Народная воля. 1879–1882. – М.–Л.: Издательство «Наука», 1966. – 491 с.
15. Вольфсон С.Я. Плеханов. – Минск: «БЕЛТРЕСТПЕЧАТЬ», 1924. – 363 с.
16. Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. – Л.: «Наука», 1988. – 228 с.
17. Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). – Л.: «Наука», 1967. – 373 с.
18. Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. – Л.: «Наука», 1978. – 246 с.
19. Есин Б.И. Русская газета и газетное дело в России. – М.: Издательство Московского университета, 1981. – 132 с.
20. Есин Б.И. Русская дореволюционная газета. 1702–1917 гг. – М.: Издательство Московского университета, 1971. – 88 с.
21. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. –М.: Издательство Московского университета, 1964. – 510 с.
22. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). – М.: «Мысль», 1970. – 444 с.
23. Захаров Н.А. Система русской государственной власти: юридическое исследование. – Новочеркасск: Электро-тип. Ф. Туникова, 1912. – 312, XII с.
24. Зиновьев Г. История российской коммунистической партии (большевиков). – Л.: Государственное издательство, 1925. – 264 с.
25. Исаев И.А. Политико-правовая утопия в России (конец XIX – начало XX в.). – М.: Наука, 1991. – 272 с.
26. Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. – М.: «Наука», 1965. – 443 с.
27. Итенберг Б.С. П.Л. Лавров в русском революционном движении. – М.: Наука, 1988. – 304 с.
28. Казанский П.Е. Власть Всероссийского императора: очерки действующего русского права. – Одесса: Типография «Техник», 1913. – XL, 960 с.

29. Кризис самодержавия в России. 1895–1917 / Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, Б.Б. Дубенцов, В.С. Дякин, С.И. Потолов. – Л.: «Наука», 1984. – 664 с.
30. Кузьмин Д. Народовольческая журналистика. – М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1930. – 287 с.
31. Кункль А.А. Долгушинцы. – М.: Издательство политкаторжан, 1933. – 248 с.
32. Лаверычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917 гг.). – М.: издательство «Мысль», 1972. – 340 с.
33. Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. – М.: Текст, 1994. – 431 с.
34. Левин Ш.М. Дмитрий Александрович Клеменц. Очерк революционной деятельности. – М.: Издательство Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. – 128 с.
35. Левин Ш.М. Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX века. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. – 512 с.
36. Левицкий В. (Цедербаум В.О.). Партия «Народная воля». Возникновение. Борьба. Гибель. – М.–Л.: Государственное издательство, 1928. – 211 с.
37. Малаховский В. На два фронта (к оценке народовольчества). – Тверь: Издательство Коммунистического ун-та им. Я.М. Свердлова, 1930. – 140 с.
38. Малинин В.А. Философия революционного народничества. – М.: Издательство «Наука», 1972. – 340 с.
39. Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 448 с.
40. Милевский О.А. Лев Тихомиров: две стороны одной жизни. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. – 496 с.
41. Невский В.И. Очерки по истории РКП (большевиков). – Т. 1. – Петроград (на обложке Ленинград): Рабочее издательство «Прибой», 1923 (на обложке 1924). 662 с.
42. Невский В.И. Очерки по истории Российской коммунистической партии. – Т. 1. – Л.: Рабочее издательство «Прибой», 1925. – 708 с.

43. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. – Т. 1. – Белград: Общество распространения русской национальной и патриотической литературы, 1939. – 386 с.
44. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. – Т. 2. – Мюнхен: Общество распространения русской национальной и патриотической литературы, 1949. – 260 с.
45. Ольминский М. Из прошлого. – М.: Государственное издательство, 1919. – 120 с.
46. Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М.: Независимая газета, 1993. – 421 с.
47. Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики. Исследование политической культуры. – М.: Новое издательство, 2008. – 252 с.
48. Пантин И.К. Революционная традиция в России 1783–1883 гг. / И.К. Пантин, Е.Г. Плимак, В. Г. Хорос. – М.: «Мысль», 1986. – 343 с.
49. Плеханов Г.В. Наши разногласия. – Женева: тип. Группы «Освобождение труда», 1884. – XXIV, 322 с.
50. Покровский М.Н. Борьба классов и русская историческая литература. – Л.: Рабочее издательство «Прибой», 1927. – 124 с.
51. Покровский М.Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX–XX веков. – М.–Л.: Государственное издательство, 1927. – 200 с.
52. Поташ М. Народнический социализм. – М.–Л.: Гос. изд-во, 1930. – 176 с.
53. Потресов А.Н. Этюды о русской интеллигенции. – СПб.: Издательство О.Н. Поповой, 1906. – 314 с.
54. Прокофьев В.А. Степан Халтурин. – М.: «Молодая гвардия», 1958. – 284 с.
55. Репников А.В. Две жизни Льва Тихомирова / Репников А.В., Милевский О.А. – М.: Academia, 2011. – 560 с.
56. Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 527 с.
57. Репников А.В. Размышления о русском консерватизме: статьи, рецензии, воспоминания, библиография. – М: Прометей, 2024. – 1032 с.

58. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. – Т. 11. – М.–Л.: Издательское товарищество «Книга», 1925. – 406 с.
59. Романовский Д. Антоний Храповицкий. – Краков: Księgarnia Akademicka, 2013. – 306 с.
60. Сегал Е. Софья Перовская. – М.: «Молодая гвардия», 1962. – 396 с.
61. Седов М.Г. Героический период революционного народничества (Из истории политической борьбы). – М.: Издательство «Мысль», 1966. – 364 с.
62. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. / под ред. В.Н. Гинева. – Л.: «Наука», 1981. – 256 с.
63. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. – Л.: «Наука», 1990. – 270 с.
64. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. – Л.: «Наука», 1973. – 385 с.
65. Солоневич И.Л. Народная монархия. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 624 с.
66. Таратута Е.А. С.М. Степняк-Кравчинский – революционер и писатель. – М.: «художественная литература», 1973. – 544 с.
67. Твардовская В.А. Н.А. Морозов в русском освободительном движении. – М.: Наука, 1983. – 190 с.
68. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). – М.: Наука, 1976. – 279 с.
69. Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880 гг. – М.: Издательство «Наука», 1969. – 241 с.
70. Теодорович И.А. Историческое значение партии «Народной воли». – М.: Издательство Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930. – 280 с.
71. Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. – М.: «Мысль», 1978. – 323 с.
72. Троицкий Н.А. Большое общество пропаганды. 1871–1874. (т.н. «чайковцы»). – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1963. – 107 с.

73. Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002. – 372 с.
74. Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. – Саратов: Издательство саратовского университета, 1971. – 238 с.
75. Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. – Саратов: Изд-во СГУ, 1983. – 424 с.
76. Троицкий Н.А. Первые после блестящей плеяды (Большое общество пропаганды. 1871–1874 гг.). – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1991. – 312 с.
77. Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866–1895 гг. – М.: «Мысль», 1979. – 350 с.
78. Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871–1880 гг. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1976. – 389 с.
79. Тун А. История революционных движения в России. – Петроград: Типография П.П. Сойкина, 1917. – 292 с.
80. Тун А. История революционных движений в России. – М.–Петроград: Государственное издательство, 1924. – 272 с.
81. Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. – М.: «Мысль», 1976. – 320 с.
82. Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. – М.–Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. – 376 с.
83. Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. – М.: «Мысль», 1970. – 448 с.
84. Черняк А.Я. Николай Кибальчич – революционер и ученый. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. – 95 с.
85. Baron S.H. Plekhanov: the father of russian marxism. – Stanford: Stanford university press, 1963. – 400 p.
86. Cronin G. Disenchanted wanderer: the apocalyptic vision of Konstantin Leontiev. – Ithaca: Cornell University Press, 2021. – 276 p.
87. Cronin G. The Enduring Enigma of Lev Tikhomirov. – Ithaca: Cornell University Press, Northern Illinois University Press, 2025. – 333 p.

88. Ely C. Russian populism. – London: Bloomsbury academic, 2022. – 262 p.
89. Gurko V.I. Features and figures of the past: Government and Opinion in the Reign of Nicholas II. – New-York: Russel and Russell, 1970. – 760 p.
90. Hare R. Portraits of Russian personalities between reform and revolution. – London: Oxford University Press, 1959. – 360 p.
91. Ideology in Russian Literature. – London: Palgrave Macmillan, 1990. – 214 p.
92. Laqueur W. Black hundred: the rise of the extreme right in Russia. – New York: Harper Collins, 1993. – 318 p.
93. Miller M.A. Kropotkin. – Chicago: University of Chicago Press, 1976. – 342 p.
94. Miller M.A. The Russian Revolutionary Emigres, 1825–1870. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986. – 310 p.
95. Offord D. The Russian revolutionary movement in the 1880-s. – Cambridge: Cambridge university press, 2004. – 196 p.
96. Pipes R. The Degaev Affair. Terror and the treason in Tsarist Russia. – New Haven–London: Yale University press, 2003. – XI, 153 p.
97. Pospielovsky D. Russian Police Trade Unionism: Experiment or Provocation? – London: Weidenfield and Nicolson, 1971. – 189 p.
98. Rogger H. Russia in the age of modernisation and revolution, 1881–1917. – London–New York: Longman, 1983. – 323 p.
99. Schneiderman J. Sergei Zubatov and Revolutionary Marxism: The Struggle for the Working Class in Tsarist Russia. – Ithaca, London: Cornell University Press, 1976. – 401 p.
100. Senn A.E. The Russian Emigre Press: From Herzen's Kolokol to Lenin's Iskra. – Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas, 2008. – 120 p.
101. Thaden E.C. Conservative nationalism in nineteenth-century Russia. – Seattle: University of Washington press, 1964. – 271 p.
102. Utechin S.V. Russian political thought: a concise history. – New York–London: Frederick A. Praeger, 1964. – 320 p.
103. Venturi F. Roots of revolution. A History of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth Century Russia. – New York: Alfred A. Knopf, 1960. – 850 p.

104. Yarmolinsky A. Road to revolution: A Century of Russian Radicalism. – New York: The Macmillan company, 1959. – 369 p.
105. Zernov N. The Russian religious renaissance of the twentieth century. – New York: Harper and Row, 1963. – 410 p.

1.2.2. Диссертации и авторефераты

106. Вовчик А.Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в конце XIX –начале XX ст.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Киев, 1966 – 39 с.
107. Давиденко А.В. Эволюция правомонархических концепций политического устройства России (1900–1917 гг.): дис. … канд. ист. наук. – Хабаровск, 2001. – 285 с.
108. Ефименко А.Р. Эволюция социально-исторических и философских взглядов Л.А. Тихомирова: дис. … канд. филос. наук. – М., 2000. – 215 с.
109. Карцов А.С. Политическая теория Л.А. Тихомирова: дис. … канд. полит. наук. – СПб., 1998. – 256 с.
110. Костылев В.Н. Лев Тихомиров на службе царизма: (Из истории общественно-идейной борьбы в России в конце XIX – начале XX вв.): дис. … канд. ист. наук. – М., 1987. – 400 с.
111. Милевский О.А. Л.А. Тихомиров: из истории формирования консервативной мысли в России в конце XIX – начале XX веков: дис. … д-ра ист. наук. – Барнаул, 2006. – 601 с.
112. Милевский О.А. Л.А. Тихомиров: от революционности к монархизму: дис. … канд. ист. наук. – Томск, 1996. – 244 с.
113. Митић А. Руски конзервативизам: правно-политички аспект. Докторска дисертација. Универзитет у Нишу. – Ниш, 2013. – 301 с.
114. Пелевин Ю.А. А.Д. Михайлов в революционном движении 1870-х – 1880-х годов: дис. … канд. ист. наук. – М., 1984. – 367 с.
115. Петричко Ю.В. Наследие Л.А. Тихомирова в отечественной историографии: автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 2007.
116. Петричко Ю.В. Наследие Л.А. Тихомирова в отечественной историографии: дис. … канд. ист. наук. – М., 2007. – 237 с.

117. Понежин М.Ю. Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова (философско-правовой анализ): дис. … канд. юр. наук. – Ростов-на-Дону, 2000. – 145 с.
118. Пролубников А.В. Концепция монархической государственности Л.А. Тихомирова: автореф. дис. … канд. полит. наук. – М., 1998. –24 с.
119. Пыхарев Ф.Г. Эмигрантский период в жизни и творчестве Льва Тихомирова: дис. … канд. ист. наук. – М., 2013. – 209 с.
120. Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX – начала XX веков: дис. … д-ра ист. наук. – М., 2006. – 496 с.
121. Репников А.В. Проблемы государственной власти в концепции русских консервативных мыслителей конца XIX – начала XX вв. (исторический аспект): дис. … канд. ист. наук. – М., 1997. – 211 с.
122. Рязанов С.М. Рабочий вопрос в системе социально-экономических представлений российских консерваторов в конце XIX – начале XX века: дис. … канд. ист. наук. – Пермь, 2009. – 231 с.
123. Сергеев С.М. Идеология творческого традиционализма в русской общественной мысли 80–90-х гг. XIX в.: дис. … канд. ист. наук. – М., 2002. – 273 с.
124. Смолин М.Б. Государственно-правовые идеи Л.А. Тихомирова: дис. … канд. ист. наук. – СПб., 2004. – 273 с.
125. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия: (М. Н. Катков и его издания): автореф. дис. … док. ист. наук. – М., 1980. – 42 с.
126. Твардовская В.А. Возникновение революционной организации «Народная Воля»: 1879–1881: дис. … канд. ист. наук. – М., 1960. – 304 с.
127. Тимохова Е.А. Лев Тихомиров и русский консерватизм рубежа XIX – XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Самара, 2001. – 223 с.
128. Цыганов В.И. Идея русского самодержавия и ее развитие в творчестве Л. А. Тихомирова: дис. … канд. юр. наук. – Нижний Новгород, 2000. – 213 с.

129. Чесноков С.В. Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской истории и культуре конца XIX–XX веков: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Нижний Новгород, 2005. – 22 с.
130. Чесноков С.В. Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской истории и культуре конца XIX–XX веков: дис. … канд. ист. наук. – Нижний Новгород, 2005. – 218 с.
131. Шерстюк М.В. Л.А. Тихомиров: обретение религиозного мировоззрения: дис. … канд. ист. наук. – М., 2010. – 352 с.
132. Duran J.A. Lev Alexandrovich Tikhomirov and the End of the Age of Populism in Russia. Ph.D. – University of Illinois at Urbana-Champaign, 1957. – 361 p.
133. Gamblin G.J. Russian populism and its relations with anarchism 1870–1881. Ph.D. – The University of Birmingham, 1999. – 347 p.
134. Hardesty V.D. Lev A. Tikhomirov and the Autocratic Principle: A Study of His Conservative Thought. Ph.D. – The Ohio State University, 1974. – 244 p.
135. Tidmarsh K.R. A study of Russian reactionary writers in the second half of the nineteenth century. Ph.D. – University of Oxford, 1956. – 415 p.
136. Williams H.S. Periodical publishing by Russian radical emigres in the second half of the nineteenth century. MPhil. – The University of London, 1997. – 208 p.

1.2.3. Статьи в журналах и сборниках

137. Аксаков Н. Свобода, любовь и вера // Русская беседа. – 1895, март. – Год первый. – С. 29–50.
138. Аксаков Н. Свобода, любовь и вера // Русская беседа. – 1895, февраль. – Год первый. – С. 22–30.
139. Аксаков Н. Свобода, любовь и вера // Русская беседа. – 1895, январь. – Год первый. – С. 5–18.
140. Алексеев Н.Н. Христианство и идея монархии // Путь. – 1927, январь. – №6. – С. 15–31.
141. Батурин Н. Группа «Освобождение труда» // Возникновение Социал-демократии в России и ее первые шаги: юбилейный сборник материалов и статей

(к 25-летию Р.К.П.). – Гомель: Кооперативное издательство «Гомельский рабочий», 1923. – С. 28–42.

142. Бердяев Н.А. Царство Божие и царство Кесаря // Путь. – 1925. – № 1. – С. 31–52.

143. Бодрожић Ђ. Нација и глобализација – идентитет и интерес // Политичка ревија. – Година (XXIII) X. – vol=28. – Бр. 2 / 2011. – С. 17–40.

144. Вада Х. Лев Тихомиров: его духовный мир в последние годы жизни (1913–1923) // Вада Харуки. Политическая история России. Избранные труды. 1960–2017. – М.: АИРО-XXI, 2018. – С. 278–321.

145. Валк С. Вокруг 1 марта 1881 г. // Красный архив. – 1930. – Т. 3 (40). – С. 176–184.

146. Валк, С. К истории процесса 21. С предисловием С. Валка. (Окончание) // Красный архив. – 1930. – Т. 1 (38). – С. 70–108.

147. Валк С. К истории процесса 21. (Продолжение) // Красный архив. – 1929. – Т. 6 (37). – С. 102–137.

148. Валк С. К истории процесса 21. С предисловием С. Валка // Красный архив. – 1929. – Т. 5 (36). – С. 122–179.

149. Валк С. П.Л. Антонов в Петропавловской крепости. С предисл. С. Валка // Красный архив. – 1928. – Т. 6 (31). – С. 103–117.

150. Валк С. Побег Сергея Дегаева // Красный архив. – 1928. – Т. 6 (31). – С. 219–222.

151. Валк С. «Социалист», орган юго-западной группы партии «Народной воли» // Красный архив. – 1929. – Т. 2 (33). – С. 204–211.

152. Вишняк М. Пятый год // Современные записки. – 1930. – № XLIV. – С. 396–422.

153. Волк С.С. Письмо ИК «Народной воли» к заграничным товарищам // Исследования по отечественному источниковедению: сб. ст., посвящ. 75-летию С.Н. Валка. – М.–Л., 1964. – С. 178–185.

154. Волынский А. Полемическая перестрелка // Северный вестник. – Октябрь, 1894. – №10. – Отд. 2. – С. 69–75.

155. Гордейчик Е. Творческий консерватизм Льва Тихомирова // А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: Сб. ст. по материалам междунар. науч. конф., состоявшейся 14–17 апреля 2004 г. в г. Москве в Литературном ин-те им. А. М. Горького. Т. 1 / Отв. ред. Б. Н. Тарасов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – С. 241–249.

156. Гордейчик Е. Творческий консерватизм Льва Тихомирова [Электронный ресурс] // Православно-аналитический сайт Правая.ru. URL: https://www.pravaya.ru/govern/392/653/ (Дата обращения 21.11.2022).

157. Дейч Л. О сближении и разрыве с народовольцами (к истории возникновения группы «Освобождение Труда» // Пролетарская революция. 1923. – № 8 (20). – С. 5–54.

158. Дейч Л. Основательно ли нападение? // Группа «Освобождение труда»: (из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча). – Сб. 3. – М.–Л.: Государственное издательство, 1925. – С. 260–277.

159. Дейч Л.Г. Первые шаги группы «Освобождение труда» // Группа «Освобождение труда»: (из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча). – Сб. 1. – М.: Государственное издательство, 1923. – С. 9–50.

160. Дейч, Л. Г.В. Плеханов в «Земле и воле» // Группа «Освобождение труда»: (из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча). Сб. 3. – М.–Л.: Государственное издательство, 1925. – С. 44–67.

161. Дейч Л.Г. Почему я стал революционером // Голос минувшего. – Май–декабрь, 1919. – №5–12. – С. 5–39.

162. Есин Б.И. «Московские ведомости» под редакцией Л. Тихомирова // Вестник Московского университета. Серия 10: журналистика. – 2013. – №3. – С. 52–56.

163. Исаев И. Превращения монархической идеи // Родина. – 1993. – №1. – С. 14–31.

164. Итенберг Б.С. Некоторые вопросы изучения истории общественного движения пореформенной России // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. – С. 258–275.

165. Козьмин Б. «Народники» и «народничество» // Вопросы литературы. – 1957, декабрь. – №9. – С. 116-135.
166. Козьмин Б.П. Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России // Б.П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. – С. 638–727.
167. Костылев В.Н. Выбор Льва Тихомирова // Вопросы истории. – 1992. – №6–7. – С. 30–46.
168. Костылев В.Н. Ренегатство Л.А. Тихомирова и русское общество в конце 80-х – начале 90-х годов XIX в. // Проблемы истории СССР. МГУ им. М.В. Ломоносова. Исторический факультет. – Выпуск 11. – 1980. – С. 151–169.
169. Кузьмин Д. Газета «Народная Воля» и ее редакторы // Каторга и ссылка. – Кн. 1 (86). – 1932. – С. 105–143.
170. Кускова Е. Крен налево // Современные записки. – Париж. – 1930. – № XLIV. – С. 366–395.
171. Лебедев Р. Русский монархизм и идеология фашизма // Лев Тихомиров о русском монархизме и национальной революции. – М.: б. и., 2021. – С. 20–52.
172. Малаховский В. Плеханов о социальной сущности народничества // Маркс, Ленин и Плеханов о народничестве и «Народной воле». – М.: СОЦЭКГИЗ, 1931. – С. 42–108.
173. Малаховский В. Правда ли, что народовольчество предвосхитило ленинизм? // Каторга и ссылка. – 1930. – №3 (64). – С. 45–63.
174. Милевский О.А. «Московские ведомости» о социально-экономической политике правительства в 1909 – 1911 годах анализ передовиц Л.А. Тихомирова // Российская Империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Сер. «Монографии». – Воронеж, 2004. – С. 370–376.
175. Минор О. К 50-летию «Народной воли» // Воля России. – Г. 8. – 1930. Январь. – №1. – С. 53–60.
176. Пайпс Р. Лев Тихомиров: революционер поневоле // Неприкосновенный запас. – 2010. – №4 [72]. – С. 116–153.

177. Пиро Т. Бакунизм и реакция // Очерки истории анархического движения в России. – М.: Книгоиздательство «Голос труда», 1926. – С. 217–220.

178. Плеханов Г.В. Лев Тихомиров. Почему я перестал быть революционером // Плеханов Г.В. Сочинения. – Т. 3. – М.: Государственное издательство, 1923. – С. 41–44.

179. Плеханов Г.В. Неизбежный поворот // Плеханов Г.В. Сочинения. – Т. 3. – М.: Государственное издательство, 1923. – С. 31–40.

180. Покровский М.Н. Ленин в русской революции // Вестник Коммунистической Академии. – № 7. – 1924. – С. 8–21.

181. Покровский М.Н. По поводу юбилея Народной воли // Историк-марксист. – 1930. – Т. 15. – С. 74–85.

182. Полтавский И. Савинков в терроре // Загадка Савинкова. – Л.: Издательство ГУБКОМПОМА, 1925. – С. 6–66.

183. Пономарев А.Н. Первый штурм / А.Н. Пономарев, И.Ф. Угаров // Москва. – 1980. – № 12. – С. 3–11.

184. Поташ М. Как не следует писать о революционном народничестве и народовольчестве // Пролетарская революция. – №5 (100). – Май. 1930. – С. 208–223.

185. Прибылева-Корба А. Мнимое письмо Исполнительного Комитета «Народной Воли» // Былое. – №6 (34). – 1925. – С.75–83.

186. Розанов В.В. Свобода и вера (по поводу религиозных толков нашего времени) // Русский вестник. – №1 (№230). – Январь, 1894.– С. 265–287.

187. Рындич А. К вопросу о классовой природе революционного народничества // Пролетарская революция. – №5 (100). – Май. 1930. – С. 176–207.

188. Рязанов С.М. Рабочий вопрос в произведениях Л.А. Тихомирова (опыт контент-анализа) // Вестник Пермского университета. Серии: история и политология. – № 2 (6 Политология – 9 История). – 2009. – С. 114–122.

189. Седов М.Г. К вопросу об общественно-политических взглядах Н.К. Михайловского // Общественное движение в пореформенной России. Сборник

статей к 80-летию со дня рождения Б.П. Козьмина. – М.: Издательство «Наука», 1965. – С. 179–210.

190. Седов М.Г. «Народная воля» перед судом истории // Вопросы истории. – 1965. – №12. – С.54–62.

191. Седов М.Г. П.Л. Лавров в революционном движении России // Вопросы истории. – 1969. – №3. – С. 55-72.

192. Седов М.Г. Советская литература о теоретиках народничества // История и историки. 1965. – М.: Издательство «Наука», 1965. – С. 246–267.

193. Соловьев Вл.С. Вопрос о «самочинном умствовании» // Вестник Европы. – Кн. 12. – Декабрь, 1892. – С. 863–868.

194. Соловьев Вл.С. Конец спора // Соловьев Вл. С. Собрание сочинений. Т. 5. – СПб.: Издание Товарищества «Общественная польза», 1901–1907. – С. 487–512.

195. Соловьев Вл.С. Порфирий Головлев о свободе и вере // Вестник Европы. – Кн. 2. – Февраль, 1894. – С. 906–916.

196. Татаров И.Л. Право-оппортунистическая апология «Народной воли» // Историк-марксист. – 1930. – Т. 18–19. – С. 185–200.

197. Твардовская В.А. Вторая революционная ситуация в России и борьба «Народной воли» // Общественное движение в пореформенной России. Сборник статей к 80-летию со дня рождения Б.П. Козьмина. – М.: Издательство «Наука», 1965. – С. 61–93.

198. Теодорович И. Историческое значение партии «Народной Воли» // Каторга и ссылка. – 1929. – № 8–9 (57–58). – С. 7–53.

199. Теодорович И.А. К спорам о «Народной воле» // Каторга и ссылка. – 1930. – №2 (63). – С. 90–105.

200. Теодорович И.А. Надо рассеять недоразумение // Большевик. – 1930. – №3–4. – С. 116–121.

201. Теодорович И.А. О народной воле // Каторга и ссылка. – 1930. – №3 (64). – С. 7–44.

202. Теодорович И. По поводу полемики В.Н. Фигнер с Е. Колосовым // Каторга и ссылка. – Кн. 1 (86). – 1932. – С. 5–104.

203. Теодорович И.А. Тартарэн на Альпах ленинизма. (Ответ И. Татарову) // Каторга и ссылка. – 1930. – № 1 (62). – С. 108–127.

204. Ткаченко П.С. О некоторых вопросах народничества // Вопросы истории. – №5. – Май, 1956. – С. 34–46.

205. Троицкий Н.А. Дегаевщина // Вопросы истории. – 1976. – №3. – С. 125–133.

206. Фигнер В. Л.Г. Дейч и «Народная воля» / В. Фигнер, А. Прибылева-Корба, Чернявская-Бохановская, А. Прибылев // Былое. – 1924. – № 25. – С. 280–288.

207. Шемякина О.В. Дискуссия вокруг книги Е.Е. Колосова «Народовольческая журналистика» в 1930–1932 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2020. – Т. 19. – № 2. – С. 448–467.

208. Шемякина О.В. Тихомиров и его воспоминания в восприятии «старых народовольцев» // Исторический архив. – 2022. – №4. – С. 114–144.

209. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 22. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. – С. 11–52.

210. Ярославский Ем. Недоразумение ли? (Ответ тов. Теодоровичу) // Большевик. – 1930. – №3–4. – С. 121–126.

211. Baron S.H. Plekhanov on Russian Capitalism and the Peasant Commune, 1883–1885. // The American Slavic and East European Review. – Dec., 1953. – Vol. 12, No. 4. – Pp. 463–474.

212. Cronin G. Konstantin Leont'ev: creative reaction // Ideology in Russian Literature. London, 1990. Pp. 99-115.

213. Gleason A. The Emigration and Apostasy of Lev Tikhomirov // Slavic Review. – Sep., 1967. – Vol. 26, No. 3. – Pp. 414–429.

214. Hare R.A Repentant Social Revolutionary // The Slavonic and East European Review. – Dec., 1958. – Vol. 37, No. 88. – Pp. 242–246.

215. Kappeler A. Zur Charakteristik russischer Terroristen (1878-1887) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. – Bd. 27, H. 4. – 1979. – Pp. 520–547.

216. Miller M.A. The Transformation of the Russian Revolutionary Emigre Press at the end of the Nineteenth Century // Russian History. – 1989. – Vol. 16, No. 2/4, Festschrift for Leopold H. Haimson. – Pp. 197–207.
217. Murvar V. Messianism in Russia: Religious and Revolutionary // Journal for the Scientific Study of Religion. – Winter, 1971. – Vol. 10, No. 4. – Pp. 277–338.
218. Naimark N.M. The Workers Section and the Challenge of the «Young»: Narodnaia Volia, 1881–1884 // The Russian Review. – Jul., 1978. – Vol. 37, No. 3. – Pp. 273–297.
219. Pipes R. Narodnichestvo: A Semantic Inquiry // Slavic Review. – Sep., 1964. – Vol. 23, No. 3. – Pp. 441–458.
220. Pipes R. Russian Conservatism in the Second Half of the Nineteenth Century // Slavic Review. – Mar., 1971. – Vol. 30, No. 1. – Pp. 121–128.
221. Rogger H. Reflections on Russian Conservatism: 1861–1905 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. – Juni, 1966. – Bd. 14, H. 2. – Pp. 195–212.
222. Rogger H. Was There a Russian Fascism? The Union of Russian People // The Journal of Modern History. – Dec., 1964. – Vol. 36, No. 4. – Pp. 398–415.
223. Romanowski D. Od civitas dei do kościoła: metamorfozy rosyjskiej myśli konserwatywnej – od metropolity Antoniego (Chrapowickiego) do Lwa Tichomirowa // Politeja. – 2012. – No. 21. – Pp. 33–48.
224. Thaden E.C. The Beginnings of Romantic Nationalism in Russia // The American Slavic and East European Review. – Dec., 1954. – Vol. 13, No. 4. – Pp. 500–521.
225. Tidmarsh K. Lev Tikhomirov and a Crisis in Russian Radicalism // The Russian Review. – Jan., 1961. – №1, Vol. 20. – Pp. 45–63.
226. Tidmarsh K. The Zubatov Idea // The American Slavic and East European Review. – Oct., 1960. – Vol. 19. No. 3. – Pp. 335–346.
227. Walker F.A. P.L. Lavrov's Concept of the Party // The Western Political Quarterly. – Jun., 1966. – Vol. 19, No. 2. – Pp. 235–250.
228. Walker F.A. The Morality of Revolution in Pyotr Lavrovich Lavrov // The Slavonic and East European Review. – Dec., 1962. – Vol. 41, No. 96. – Pp. 196–207.

1.2.4. Рецензии, отзывы, предисловия и послесловия

229. Анатольев П. Эсеровщина в советской исторической литературе. Д. Кузьмин. Народовольческая журналистика, Москва, 1930 (рецензия) // Историк-марксист. – Т. 21. – 1931. – С. 128–132.

230. Батурин Н.Н. Лев Тихомиров, Плеханов и его друзья // Сочинения / Н. Н. Батурин; под ред. А. И. Елизаровой [и др.]; подгот. к печ. М. М. Мальт. – М.–Л.: Гос. изд-во, 1930. – С. 445–447.

231. Валк С. Воспоминания Льва Тихомирова // Пролетарская революция. – 1927. – №8–9. (67–68). – С. 429–434.

232. Валк С.Н. «Заговорщики и полиция» – Л. Тихомирова и «Из недавнего прошлого» – Г. Гершуни // Красная летопись. – 1929. – 2 (29). – С. 254–258.

233. Горбунов М.Л. Тихомиров Заговорщики и полиция // Каторга и Ссылка. – 1928. – №12 (49). – С. 184–186.

234. Дейч Л. Записки шлиссельбургской узницы // Творчество. – Январь–апрель, 1922. – №1–4. – С. 47–53.

235. Мороховец Е. Воспоминания Льва Тихомирова // Историк-марксист. – 1927. – №6. – С. 281–283.

236. Н-ский Б. О воспоминаниях Льва Тихомирова // Каторга и ссылка. – Кн. 38. – 1928. – С. 174–180.

237. Невский В. Герой политического безвременья // Воспоминания Льва Тихомирова. М.–Л.: Государственное издательство, 1927. – С. III–XXI.

238. Невский В. Предисловие // Л. Тихомиров. Заговорщики и полиция. – М.–Л.: Молодая гвардия, 1928. – С. 2-6.

239. От редакции // Воспоминания Льва Тихомирова. – М.–Л.: Государственное издательство, 1927. – С. XXXVI–XL.

240. От редакции // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 3–4.

241. Покровский М.Н. Предисловие к XIII тому «Красного архива» // Покровский М.Н. Декабристы. Сборник статей. – М.–Л., 1927. – С. 84–88.

242. Попов П.С. Предисловие // Тихомиров Л. Плеханов и его друзья. – Л.: «Колос», 1925. – С. 5–15.

243. Предисловие // Маркс, Ленин и Плеханов о народничестве и «Народной воле». – М.: СОЦЭКГИЗ, 1931. – С. 3–8.

244. Сухомлин В.И. Введение // М.П. Шебалин. Клочки воспоминаний. – М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. – С. 313–317.

245. Теодорович И. Предисловие // Русанов Н.С. В эмиграции. – М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1929. – С. 5–13.

246. Фигнер В. По поводу записок Л. Тихомирова // Воспоминания Льва Тихомирова. – М.–Л.: Государственное издательство, 1927. – С. XXII–XXXVI.

247. Фигнер В.Н. Послесловие // Кузьмин Д. Народовольческая журналистика. – М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1930. – С. 231–275.

248. Фроленко М.Ф. Попытка освобождения Войнаральского 1 июля 1878 г. (по поводу «Воспоминаний» Л. Тихомирова) // Каторга и ссылка. – 1928. – № 4. – С. 82–89.

1.2.5. Брошюры, заметки, очерки и другие малостраничные издания

249. Аксаков Н.П. Духа не угашайте! Петроград: Издание «Благовеста», 1894. – 113 с.

250. Ашешов Н. Андрей Иванович Желябов. Материалы для Биографии и характеристики. – Петроград: Издание Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов, 1919. – 159 с.

251. Ашешов Н. Софья Перовская. Материалы для биографии и характеристики. – Петербург: Государственное издательство, 1920. – 143 с.

252. Билинский Л. Катехизис русского монархизма: мистика и эмпирика монархической идеологии. – Париж: Франко-русская печать, 1924. – 80 с.

253. Восторгов И.И. Что такое монархия? (Краткое изложение в катехизической форме мыслей соч. Л. А. Тихомирова «Монархическая государственность») // Восторгов И.И. Полное собрание сочинений. – Т. 4. – М.: Б. и. – 1916. – С. 508–561.

254. Горячкин Ф.Т. Первый русский фашист Петр Аркадьевич Столыпин. – Харбин: Тип. «Меркурий», 1928. – 104 с.

255. Дейч Л.Г. Г.В. Плеханов. Материалы для биографии. – М.: «Новая Москва», 1922. – 110 с.

256. Дейч Л.Г. Почему я стал революционером. – Петербург: Государственное издательство, 1921. – 47 с.

257. Жордания Н. Большевизм. – Берлин: Русская типография Е.А. Гутнова, 1922. – 85 с.

258. Катехизис русского монархизма. – Прага: издание Центра Законопослушных в ЧСР, 1925. – 32 с.

259. Колобов М. Азбука Русского монархизма. – [Пекин: Б. и., 1926]. – [4], 12 с. – Экз.: без тит. л. и обл., деф.: нет окончания.

260. Ильин И.А. О монархии и республике // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4 / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 1994. – С. 45–147.

261. Корнилова-Мороз А. Софья Львовна Перовская. Член Исполнительного комитета партии «Народная воля». – М.: Издательство Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930. – 45 с.

262. Кусаков Н.П. Православие и монархия. – б.м., б.г. – 100 с.

263. Маевский Вл.А. Революционер-монархист: памяти Льва Тихомирова. – Новый сад: Русская типография С. Филонова, 1934. – 110 с.

264. Матвеева И. Вера Фигнер. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961. – 72 с.

265. Павлюченко Э.А. Софья Перовская. – М.: Учпедгиз, 1959. – 80 с.

266. Плеханов Г.В. Новый защитник самодержавия или горе г. Л. Тихомирова // Плеханов Г.В. Сочинения. – Т.3. – М.: Государственное издательство, 1923. – С. 45–82.

267. По поводу одного предисловия. – Женева: М.К. Элпидин, [1888]. – 16 с.

268. Русанов Н.С. Революция или эволюция?: [По поводу предисл. Л.А. Тихомирова ко 2 изд. «Russie politique et sociale» / С послесл. П.Л. Лаврова]. – Женева: Вольная рус. тип., [1888]. – 8 с.

269. Седов М.Г. Предшественники русской социал-демократии. – М.: Знание, 1964. – 46 с.

270. Седов М.Г. Революционное движение в России 60–70 годов XIX века. – М.: Знание, 1959. – 48 с.
271. Семенов П.Н. Самодержавие как государственный строй. – СПб.: Сенатская типография, 1905. – 39 с.
272. Серафим (Соболев), архиепископ. Об истинном монархическом миросозерцании. – М.–СПб.: «Лествица», «Диоптра», 2002. – 544 с.
273. Серафим (Соболев), архиепископ. Русская идеология. – СПб.: Издательство имени А.С. Суворина, 1992. – 104 с.
274. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? (1990) // Солженицын А.И. Публицистика. – Т. 1. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. – С. 538–598.
275. Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией (1980–1983) // Солженицын А.И. Публицистика. – Т. 1. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. – С. 457–503.
276. Солженицын А.И. «Русский вопрос» к концу XX века (1994) // Солженицын А.И. Публицистика. – Т. 1. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. – С. 616–702.
277. Филиппов А.Ф. Странички минувшего. О Гапоне. – СПб.: А.Л. Гарязин, 1913. – 36 с.
278. Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России / Редактор-составитель, автор предисловия и комментариев В. Н. Акулинин. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 350 с.
279. Ярославский, Ем. Разгром народничества. – М.: Партиздат ВКП(б), 1937. – 80 с.
280. Јовановић Хаџи Ђакон Ненад М. Српски мислиоци о хришћанским основама монархије. – Београд: Центар за проучавање религије и верску толеранцију, 2020. – 212 с.

1.2.6. Документы личного происхождения

281. 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. – 1930. – Т. 1 (38). – С. 20–69.

282. 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. – 1930. – Т. 2 (39). – С. 47–75.

283. 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. – 1930. – Т. 3 (40). – С. 59–96.

284. 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. – 1930. – Т. 4-5 (41-42). – С. 103–147.

285. Аптекман О.В. «Земля и Воля» 70-х годов. По личным воспоминаниям. – Ростов-на-Дону: А. Сурат, б/г. – 239 с.

286. Аптекман О.В. Из истории революционного народничества. «Земля и воля» 70-х гг. – СПб: А. Сурат, 1907. – 239 с.

287. Аптекман О.В. Из истории революционного народничества. «Земля и воля»70-х гг. – СПб., 1907. – 239 с.

288. Аптекман О.В. Общество Земля и Воля 70-х гг. По личным воспоминаниям. – Петроград: Колос, 1924. – 460 с.

289. Аптекман О.В. Черный передел // Черный передел. Орган социалистов-федералистов 1880–1881 г. Т. 1. – М.–Петроград: Государственное издательство, 1923. – С. 5–103.

290. Бах А.Н. Записки народовольца. – М.–Л.: Молодая гвардия, 1929. – 253 с.

291. Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник А.В. Богданович. – М.–Л.: Издательство Л.Д. Френкель, 1924. – 504 с.

292. Буланова-Трубникова О. К. Три поколения. – М.–Л.: Госиздат, 1928. – 215 с.

293. Бурцев В.Л. В погоне за провокаторами. – М.–Л.: Молодая гвардия, 1928. – VIII, 267 с.

294. Бух Н.К. Воспоминания. – М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1928. – 199 с.

295. Бухбиндер Н.А. Из жизни Л. Тихомирова. По неизданным материалам // Каторга и ссылка. – 1928. – №12 (49). – С. 59–70.

296. Г.В. Плеханов и Ф. Энгельс. Переписка, с предисл. Л. Дейча // Группа «Освобождение труда»: (из архивов Г В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча). – Сб. 2. – М.: Государственное издательство, 1924. – С. 306–338.

297. Гапон Г. Записки Георгия Гапона. – М.: Типография Вильде, 1918. – 104 с.
298. Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири. – М.: Изд-во «Девятое января» транпосекции, 1924. – 360 с.
299. Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири. – Женева: Склад изданий, P. Axelrod, 1905. – 330 с.
300. Из архива В.Я. Богучарского. I. Лев Тихомиров и С.С. Синегуб; II. Смерть Д.И. Гамова // Каторга и ссылка. – 1927. – №2 (31). – С. 95–100.
301. Из архива Л. Тихомирова // Красный архив. – 1924. – Т. 6. – С. 124–194.
302. Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив. – 1935. – Т. 6 (73). – С. 170–190.
303. Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив. — 1936. – Т. 1 (74). – С. 162–191.
304. Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив. – 1936. – Т. 2 (75). – С. 171–184.
305. Из дневника Л. Тихомирова. С предисловием Вл. Максакова // Красный архив. – 1933. – Т. 6 (61). – С. 82–128.
306. Из дневника Льва Тихомирова (Период столыпинщины). С предисловием Вл. Максакова // Красный архив. – 1935. – Т. 5 (72). – С. 120–159.
307. Ильин И.А. Письмо Л.В. Сердаковскому от 18 апреля 1949 года // Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). – Т.14. / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 1999. – С. 217–219.
308. Кантор Р.М. К истории революционного движения 1870–1880-х годов. (Неизданная записка Льва Тихомирова) // Каторга и ссылка. – 1926. – №3 (24). – С. 110–122.
309. Куприн А.И. Хроника событий глазами белого офицера, писателя, журналиста, 1919–1934. – М.: Собрание, 2006. – 672 с.
310. Любатович О. Далекое и недавнее // Былое. – Июнь, 1906. – №6. – С. 108–154.
311. Любатович О. Далекое и недавнее. – М.: Издательство политкаторжан, 1930. – 144 с.

312. Маклаков В. Из прошлого // Современные записки. – 1933. – № LI. – Париж. – С. 228–250.

313. Малахов-Камартин К. Лев Тихомиров и Плеве // Красная летопись. – 1923. – №7. – С. 199–207.

314. Мицкевич С.И. Революционная Москва. – М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1940. – 494 с.

315. Морозов Н.А. Повести моей жизни. – Т. 1. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1947. – 505 с.

316. Морозов Н.А. Повести моей жизни. – Т. 2. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1947. – 564 с.

317. Морозов Н.А. Повести моей жизни. – Т. 2. – М.: «Наука», 1965. – 702 с.

318. Морозов Н.А. Повести моей жизни. – Т. 3. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1947. – 415 с.

319. Неизданные записки Л. Тихомирова // Красный архив. – 1928. – Т. 4 (29). – С. 139–174.

320. Николадзе Н. Переговоры священной дружины с партией «Народной воли» в 1882 г. – Петроград: б. и., 1917. – 40 с.

321. Пелевин Ю.А. Новые материалы о народовольцах А.Д. Михайлове, А.П. Прибылевой-Корбе и Л.А. Тихомирове // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 1979. – №3. – С. 65–77.

322. Письма Льва Тихомирова к П.Л. Лаврову // Группа «Освобождение труда»: (из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча). – Сб. 1. – М.: Государственное издательство, 1923. – С. 245–255.

323. Письмо редактора «Московских ведомостей» Л.А. Тихомирова к Н.В. Плеве, от 1 ноября 1913 г. // Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. Составил А. Черновский. – М.–Л.: Государственное издательство, 1929. – С. 162–163.

324. Письмо С.С. Синегуба Льву Тихомирову. Сообщил Н. Чарушин // Каторга и ссылка. – 1925. – № 4 (17). – С. 80–85.

325. Прибылева-Корба А. «Народная воля». Воспоминания о 1870–1880-х гг. – М.: Издательство Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1926. – 232 с.
326. Русанов Н.С. В эмиграции. – М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1929. – 312 с.
327. Рутенберг П. Два Гапона // Былое. – 1917, август. – № 2 (24). – С. 6–67.
328. Синегуб С. Записки чайковца. – М.–Л.: Молодая гвардия, 1929. – 344 с.
329. Тарле Е.В. В.Я. Богучарскому. 13 июня 1906 г. // Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. – М.: «Наука», 1981. – С. 189–191.
330. Тарле Е.В. Е.Л. Ланну. 2 сентября 1951 г. // Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. – М.: «Наука», 1981. – С. 266–267.
331. Тарле Е.В. Г.В. Плеханову. 10 сентября 1917 г. // Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. – М.: «Наука», 1981. – С. 207–208.
332. Тихомиров Л. Тени прошлого. Степан Халтурин. С примеч. М.Ф. Фроленко // Каторга и ссылка. – 1926, №4 (25). – С. 82–96.
333. Фигнер В.Н. Запечатленный труд. – Ч. 1. – М.: Задруга, 1922. – 318 с.
334. Фигнер В.Н. Лев Тихомиров // Полное собрание сочинений в шести томах. – Т. 5: Очерки, статьи, речи. – М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1929. – С. 282–299.
335. Фрейфельд Л. Светлой памяти Софьи Михайловны Гинсбург // Каторга и ссылка. – 1924. – №5 (12). – С. 259–272.
336. Фроленко М.Ф. Записки семидесятника. – М. Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1927. – 340 с.
337. Чарушин Н.А. О далеком прошлом. – М.: Издательство общества политкаторжан, 1931. – 232 с.
338. Чарушин Н.А. О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. – М.: Издательство «Мысль», 1973. – 408 с.
339. Чарушин Н.А. О далеком прошлом. – Ч. I и II. Кружок чайковцев: из воспоминаний о революционном движении 1870-х гг. – М.: Издательство

Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1926. – 222 с.

340. Чернявская-Бохановская Г.Ф. Мария Николаевна Оловеникова. – М.: Издательство политкаторжан, 1930. – 32 с.

1.2.7. Сборники документов, резолюции и т.д.

341. Дискуссия о «Народной воле». – М.: Издательство Коммунистической академии, 1930. – 205 с.

342. «Народная воля» в документах и воспоминаниях / под ред. А. В. Якимовской-Диковской; М. Ф. Фроленко; И. И. Попова и др. – М.: Издательство общества политкаторжан, 1930. – 288 с.

343. Народовольцы после 1-го марта 1881 г.: Сборник статей и материалов, составленный участниками народовольческого движения / Под ред. А. В. Якимовой-Диковской [и др.]. – М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1928. – 191 с.

344. О пропагандистской работе в ближайшее время. Постановление ЦК ВКП(б). – Хабаровск: Дальгиз, 1936. – 91 с.

345. Резолюции, принятые на общем собрании Общества историков-марксистов от 19.III. 30 года // Историк-марксист. – 1930. – № 15. – С. 165–168.

346. Тезисы к 50-летию «Народной воли» // Правда. –1930. 9 апреля. – №98 (4543). – С. 4.

1.2.8. Учебная литература

347. Антонов В.Ф. Революционное народничество: пособие для учителей. – М.: «Просвещение», 1965 – 268 с.

348. Вольфсон М.Б. Очерки обществоведения. – М.: Государственное издательство, 1922. – 196 с.

349. Историография истории России до 1917 г.: учебник для вузов. – Т. 2. Под ред. М.Ю. Лачаевой. – М.: Гуманитарное издательство центр ВЛАДОС, 2004. – 383 с.

350. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под редакцией комиссии ЦК ВКП(б). – М.: Издательство ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. – 351 с.

351. История. История России, 1825–1914 гг.: 9-й класс: учебник / В.Р. Мединский, А.В. Торкунов. – М.: Просвещение, 2025. – 339 с.

352. Ляшенко Л.М. Революционные народники: Кн. для учащихся ст. классов. – М.: Просвещение, 1989. – 143 с.

353. Религиоведение: библиография российских изданий (1990–2002) / сост. Т.С. Григорьева, Л.А. Кренделева, И.В. Кульганек, А.Н. Швечиков. Под. ред. А.Н. Швечикова. – СПб.: ИПЦ Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (СПбГУПТД), 2005. – 215 с.

354. Ткаченко П.С. Революционная народническая организация «Земля и воля» (1876–1879 гг.). – М.: «Высшая школа», 1961. – 298 с.

1.2.9. Энциклопедии, словари, справочники

355. Большая советская энциклопедия. В 30 томах. – Т. 25. – М.: «Советская энциклопедия», 1976. – 600 с.

356. Большая советская энциклопедия. В 51 томе. – Т. 42. – М.: «Большая советская энциклопедия», 1956. – 668 с.

357. Большая советская энциклопедия. В 65 томах. – Т. 54. – М.: «Советская энциклопедия», 1946. – 416 с.

358. Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. – Репринтное изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 832 с.

359. Красный архив. Исторический журнал 1922–1941: аннотированный указатель содержания. – М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960. – 252 с.

360. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – 872 с.

361. Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века: книги и периодические издания. – Ч. 2. – М.: Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, 1982. – 232 с.

362. Советская историческая энциклопедия. В 16 томах. – Т. 14. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – 524 с.

363. Энциклопедический словарь Гранат. – Т. 41: Ч. VIII: Течения морские–Торс. – М.: Рус. библиогр. ин-т Гранат, 1927. – 329 с.

1.2.10. Газетные статьи, открытые письма и другие публикации в газетах

364. Горин П. Классовая борьба в СССР и современная историческая наука // Известия. – 1930, 24 января. – №23 (3870). – С. 4.

365. Еще один ренегат // Американские известия. – VOL. VII. – №143. – 10 сентября, 1924. – С. 2.

366. Казанцев Н. Кричать о Солженицыне // Наша страна. – 6 мая, 1969. – №1002. – С. 1.

367. Кут А. В спорах о народовольцах. К 50-летнему юбилею партии «Народной воли» // Вечерняя Москва. – 1930, 17 января. – №14 (1828). – С. 3.

368. Кут А. В спорах о русских истоках большевизма // Вечерняя Москва. – 1930, 5 февраля. – №29 (1843). – С. 2.

369. Кут А. Ответ тов. Теодоровичу // Вечерняя Москва. – 1930, 20 января. – №16 (1830). – С. 3.

370. Лавров П.Л. Письмо товарищам в России по поводу брошюры Л.А. Тихомирова. – Женева: Б. и., 1888. – 32 с.

371. Малаховский Вл. О юбилейном славословии // Правда. – 1929, 20 декабря. – №300 (4434). – С. 6.

372. Малаховский Вл. Реставрация Ленина? (Ответ т. И. Теодоровичу) // Правда. – 1929, 27 декабря. – № 307 (4441). – С. 5.

373. Новые издания Центроархива // Советская Сибирь. – 7 марта, 1925. – №55 (1594). – С. 11.

374. Преподавание истории в нашей школе // Правда. – 27 января, 1936. – №26 (6632). – С. 1.

375. Плеханов Г.В. Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника Народной Воли» // Искра. – 1 декабря, 1903. – №54. – С. 2–4.

376. Серебряков Э.А. Открытое письмо Льву Тихомирову. – Женева: Вольн. рус. тип., [1888]. – 8 с.

377. Солженицын А. Раковый корпус // Наша страна. – 15 апреля, 1969. – №999. – С. 3.

378. Солженицын А. Раковый корпус // Наша страна. – 22 апреля, 1969. – №1000. – С. 4.

379. Солженицын А. Раковый корпус // Наша страна. – 29 апреля, 1969. – №1001. – С. 4.

380. Солженицын А. Пасхальный крестный ход // Наша страна. – 6 мая, 1969. – №1002. – С. 1.

381. Солоневич И. Великая фальшивка Февраля // Наша страна. – 13 октября, 1951. – №91. – С. 1–2.

382. Солоневич И. Великая фальшивка Февраля // Наша страна. – 27 октября, 1951. – №93. – С. 1–2.

383. Солоневич И. Великая фальшивка Февраля // Наша страна. – 24 ноября, 1951. – №97. – С. 1–2.

384. Солоневич И.Л. Миф о Николае Втором // Наша страна. – 16 апреля, 1949. – №16. – С. 2–3.

385. Солоневич И.Л. Парламент и собор // Наша страна. – 18 марта, 1950. – №40. – С. 1–3.

386. Татаров И.Л. Несущественный ответ на вопрос по существу. (Ответ тов. Теодоровичу) // Известия. – 1930, 9 января. – №9 (3856). – С. 5.

387. Татаров И.Л. Попытка воскресить народничество // Известия. – 1929, 27 декабря. – №307 (3843). – С. 5.

388. Теодорович И.А. Письмо в редакцию // Вечерняя Москва. – 1930, 20 января. – №16 (1830). – С. 3.

389. Теодорович И. Письмо в редакцию // Известия. – 1930, 9 января. – №9 (3856). – С. 5.

390. Теодорович И.А. Письмо в редакцию // Известия. – 1930, 14 января. – №14 (3861). – С. 4.

391. Теодорович И.А. Побольше исторической объективности (В порядке обсуждения) // Правда. – 1929, 26 декабря. – № 306 (4440). – С. 5.

392. Фроленко М. Письмо в редакцию // Каторга и ссылка. – 1932. – Кн. 3 (88). – С. 203–204.

393. Хроника литературы и искусства // Вечерняя Москва. – 8 сентября, 1925. – № 204. – С. 3.

394. Шаронов М. Всемирно-исторический судебный процесс // Правда. – 31 августа, 1924. – №197. – С. 3.

395. Ярославский Ем. Ленин о социализме «Народной воли» // Правда. – 1930, 4 февраля. – №34 (4479). – С. 4.

396. Ярославский Ем. Маркс, Энгельс и Ленин о «Народной Воле». (К пятидесятилетию «Народной Воли») // Правда. – 1930, 30 января. – №29 (4474). – С. 2.

1.2.11. Художественная литература

397. Булгаков С.Н. На пиру богов (Pro и contra): Современные диалоги // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – С. 234–295.

398. Давыдов Ю.В. Глухая пора листопада. – М.: Молодая гвардия, 1968. – 319 с.

399. Давыдов Ю.В. Завещаю вам, братья. – М.: Издательство политической литературы, 1975. – 382 с.

400. Давыдов Ю.В. Март. – М.: Детгиз, 1959. – 336 с.

401. Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30 т. – Т. 5. – М.: «Время», 2010. – 560 с.

402. Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30 т. – Т. 8. – М.: «Время», 2007. – 536 с.

403. Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30 т. – Т. 14. – М.: «Время», 2008. – 736 с.

404. Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30 т. – Т. 15. – М.: «Время», 2010. – 624 с.

405. Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30 т. – Т. 26. – М.: «Время», 2015. – 512 с.

406. Шкваркин В.В. В глухое царствование. (Предательство Дегаева): Драма в 4 актах, 6 картинах. – М.: МОДП и К, 1926. – 40 с.

2. Исторические источники

2.1. Неопубликованные материалы

2.1.1. Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

407. Ф. 109 (Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии).

408. Ф. 634 (Тихомиров Лев Александрович, публицист, участник народнического движения 1870-х гг., сотрудник и редактор газеты «Московские ведомости»).

Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)

409. Ф. 2 (Александров Анатолий Александрович (1861–1930) – литератор, редактор-издатель).

410. Ф. 75 (Бурцев Владимир Львович (1862–1942) – историк революционного движения, публицист).

411. Ф. 345 (Новикова Ольга Алексеевна (урожд. Киреева; 1840–1925) – писательница).

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры

«Государственный центральный театральный музей имени А.А. Бахрушина»

412. Коллекция архивных документов «Театральный роман: Россия – Болгария».

2.2. Опубликованные материалы

2.2.1. Источники личного происхождения

413. Аксакова-Сиверс Т. А. Семейная хроника. – М.: «Захаров», 2020. – 768 с.

414. Аптекман О.В. Георгий Валентинович Плеханов. Из личных воспоминаний. – Л.: Колос, 1924. – 96 с.

415. Волков С.А. Возле монастырских стен. Мемуары. Дневники. Письма. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2000. – 608 с.

416. Воспоминания Льва Тихомирова. – М.–Л.: Государственное издательство, 1927. – 515 с.

417. Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А.В. Репников. – М.: РОССПЭН, 2008. – 440 с.

418. Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. / сост.: А. В. Репников, Б. С. Котов. – М.: РОССПЭН, 2015. – 597 с.

419. Дневник Л.А. Тихомирова. 1908–1910 гг. / сост.: А. В. Репников, Б. С. Котов. – М.: НПК, 2019. – 372 с.

420. К истории освобождения Н.Г. Чернышевского. Сообщил П. Садиков // Красный архив. – 1928. – 6 (31). – С. 214–219.

421. Лавров – годы эмиграции: Арх. материалы в 2 т. – Т. 2: От «Вперед» к «Группе Старых Народовольцев» / Отобрал, снабдил примеч. и вступительным очерком Борис Сапир. – Dordrecht–Boston: D. Reidel Publishing Company, 1974. – XVI, 669 с.

422. Налет П.И. Рачковского на народовольческую типографию // Былое. – 1917, июль. – № 1 (23). – С. 277–283.

423. Николаев Г.Б. Эсхатологический триптих // Эсхатологический сборник / отв. ред. Д.А. Андреев, А.И. Неклесса, В.Б. Прозоров. –СПб.: Алетейя, Ист. книга, 2006. – С. 296–358.

424. Николай II и самодержавие в 1903 г. // Былое. – 1918, февраль. – № 2 (30). – С. 190–222.

425. Письма Г.В. Плеханова к В.И. Засулич // Группа «Освобождение труда»: (из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча). – Сб. 3. М.–Л.: Государственное издательство, 1925. – С. 227–242.

426. Серебрякова Е.А. Встреча с Дегаевым // Былое. – 1924. – № 25. – С. 65–71.

427. Т.А. Аксакова. Дочь генеалога. Публикация Л. Остроумова // Минувшее: исторический альманах. – 4. – М.: Прогресс: Феникс, 1991. – С. 7–92.

428. Терапиано Ю. Встречи. – Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953. – 206 с.

429. Тихомиров Л. Воспоминания. – М.: Государственная публичная историческая библиотека, 2003. – 617 с.

430. Тихомиров Л.А. – Письма к М.В. Лодыженскому (предисловие к публикации В.Н. Назарова) // Вопросы философии. – 1992. – № 5. С. – 137–144.

431. Фомин С.В. Из дневника Л.А. Тихомирова // …И даны будут жене два крыла. Сборник к 50-летию Сергея Фомина. – М.: Паломник, 2002. С. 556–626.

432. Фудель С.И. Собрание сочинений: в 3 т. / Сост. и коммент. прот. Н.В. Балашова, Л.И. Сараскиной; предисл. прот. В.Н. Воробьева. – Т. 1. – М.: Русский путь, 2001. – 648 с.

2.2.2. Сборники документов

433. Как проводить чистку партии: сборник директивных статей и материалов. – М.–Л.: Государственное издательство, 1929. – 175 с.

434. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. – Т. 4. 1935–1939 гг. – М.: РОССПЭН, 2012. – 983 с.

2.2.3. Изобразительные источники

435. Лисогорский Н.М. Тихомиров-ренегат. Шарж на народника Л.А. Тихомирова [Электронный ресурс] // Госкатолог.РФ. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=25199770. (Дата обращения 23.03.2020).

436. Лисогорский Н.М. Провокатор Дегаев идет из охранки [Электронный ресурс] // Госкатолог.РФ. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=25199210. (Дата обращения 23.03.2020).

437. Лисогорский Н.М. Шарж на Н.К. Михайловского [Электронный ресурс] // Госкатолог.РФ. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=25200107. (Дата обращения 23.03.2020).

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Диссертации и авторефераты

438. Чубыкин И.В. Российские социалисты-революционеры в эмиграции (1920-е гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1996. – 25 с.

2. Монографии

439. Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2004. – 431 с.
440. Вернадский Г.В. Русская историография. – М.: «Аграф», 1998. – 448 с.
441. Гарскова И.М. Историческая информатика: эволюция междисциплинарного направления. – СПб.: Алетейя, 2018. – 408 с.
442. Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. – М.: Высшая школа, 1987. – 160 с.
443. Заболотный Е.Б. Очерки современной историографии истории России с древнейших времен до начала XX века / Е.Б. Заболотный, В.Д. Камынин, И.Г. Шишкин. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2003. – 388 с.
444. Источниковедение истории СССР / Под ред. И.Д. Ковальченко. – М.: «Высшая школа», 1973. – 560 с.
445. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М.: «Наука», 2003. – 486 с. – Текст: непосредственный.
446. Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). – Омск–Екатеринбург: Изд-во ОмГУ, Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 226 с.
447. Иконников В.С. Опыт русской историографии. В 2 т. – Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира: Т. 1. Кн. 1. – 1891. – С. 1283. – Т. 1. Кн. 2. – 1892. – С. 1016. – Т. 2. Кн. 1. – 1908. – С. 1113. – Т. 2. Кн. 2. – 1908. – С. 1054.
448. Кан Г.С. «Народная воля»: идеология и лидеры. – М.: «Пробел», 1997. – 196 с.
449. Литвин А.Л. Без права на мысль. (Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб). – Казань: Татарское кн. изд-во, 1994. – 191 с.
450. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. – М.: «Наука», 1991. – 400 с.
451. Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. – М.: Издательство «Наука», 1975. – 281 с.

452. Репников А.В. Размышления о русском консерватизме: статьи, рецензии, интервью, воспоминания, библиография. – М.: Прометей, 2024. – 1032 с.
453. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. – М.: Госполитиздат, 1941. – 642 с.
454. Стефан Д. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции (1925–1945). – М.: Слово, 1992. – 441 с.
455. Шикман А.П. Николай Морозов. Мистификация длинною в век. – М.: Издательство «Весь Мир», 2016. – 288 с.
456. Шишко Л.Э. Собрание сочинений. – Т. 4. – Птр–М.: Революционная мысль, 1918. – 288 с.
457. Юнге М. Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921–1935. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 640 с.
458. Lowenthal D. The past is a foreign country. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – P. 490.

3. Статьи в журналах и сборниках

459. Алеврас Н.Н. Источниковедение историографии и историографический источник в контексте источниковедческой парадигмы как повод для историографических заметок и размышлений // Мир историка: историографический сборник. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. – С. 100–121.
460. Алеврас Н.Н. Предмет историографии: версии современной науки // IMAGINES MUNDI: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. – 2010. – Вып. 4. – № 7. Интеллектуальная история. – С. 173–190.
461. Аникин А.В. Памяти М.Г. Седова / А.В. Аникин, А.А. Сундиева // «Будущего нет и не может быть без наук...». (Памяти профессора Московского Университета Михаила Герасимовича Седова). – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2005. – С. 479–488.
462. Батурин Н.Н. Curriculum vitae // Н.Н. Батурин. Сочинения. – М.–Л.: Гос. изд-во, 1930. – С. 41–42.
463. Вада Х. Путь историка // Вада Х. Политическая история России. Избранные труды. 1960–2017. – М.: АИРО-XXI, 2018. – С. 11–14.
464. В.М. Фриче // Архивное дело. – Выпуск III (20). – 1929. – С. 3–4.

465. Гершельман А.С. Эмиграция // Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов. – М.: НП «Посев», 2008. – С. 489–624.

466. Донской казачий хор имени атамана Платова // Родимый край. – Париж. – 1930. – №12. – С. 34–35.

467. Заболотный Е.Б. О.А. Васьковский – историк исторической науки / Е.Б. Заболотный, В.Д. Камынин, А.Т. Тертышный // Россия в XX в.: история и историография: сборник научных статей. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. – С. 6–19.

468. Исаев Д.П. «Историографический источник»: проблемы истории и интерпретации понятия // Новое прошлое. – 2019. – № 2. – С. 98–114.

469. Камынин В.Д. Диссертация по историографии: из опыта методологического и теоретического обоснования исследований // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI века. – Челябинск: Энциклопедия, 2011. – С. 78–88.

470. Камынин В.Д. Историографические исследования в эпоху постмодерна // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. – 2015. – Вып. 17, ч. 2: История и историк в ситуации интердисциплинарности. – С. 68–81.

471. Камынин В.Д. Уральская историографическая школа / В.Д. Камынин, Е.А. Цыпина // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 29. – С. 67–75.

472. Крих С.Б. Две парадигмы в современной отечественной историографии / С.Б. Крих, О.В. Метель // Вопросы истории. – 2014. – № 1. – С. 159–166.

473. Корзун В.П. Коммуникативное поле исторической науки: новые ракурсы историографического исследования // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сборник статей. – Челябинск: Энциклопедия, 2011. – С. 290–302.

474. Корзун В.П. Коммуникативное поле современной исторической науки от размышлений историографов к опытам описания / В.П. Корзун, В.Г. Рыженко // Диалог со временем. – 2011. – № 37. – С. 24–44.

475. Корзун В.П. Поиск нового образа историографии в современном интеллектуальном пространстве (размышления об учебным пособием Л.П. Репиной, В.В. Зверевой, М.Ю. Парамоновой «История исторического знания») / В.П. Корзун, В.Г. Рыженко // Мир Клио: сб. ст. в честь Л.П. Репиной. – М.: ИВИ РАН, 2007. – Т. 2. – С. 266–278.

476. Маловичко С.И., Румянцева, М.Ф. Источниковедение историографии как предметное поле интеллектуальной истории // Мир историка: историографический сборник. – Вып. 11. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. – С. 77–99.

477. Максаков В.В. Деятельность Центрархива РСФСР и очередные задачи архивного строительства // Архивное дело. – 1927. – Т. X. – С. 14–53.

478. Максаков В. 10 лет архивного строительства // Архивное дело. – 1929. – Выпуск III (20). – С. 5–12.

479. Махнова Г.П. К истории журнала «Красный архив» // История и историки: историографический ежегодник, 1973. – М.: Наука, 1975. – С. 70–84.

480. Мезин С.А. Памяти Николая Алексеевича Троицкого // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2014. – Т. 14, вып. 2. – С. 121–122.

481. Мухина Е.Н. Седов Михаил Герасимович // Энциклопедический словарь Московского Университета. Исторический факультет. Под общей редакцией С.П. Карпова. – М.: Издательство МГУ; «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2024. – С. 413–414.

482. Мягкова Е.М. Научное издание дневников Л.А. Тихомирова. 1915–1917 // Вестник архивиста. – 2010. – №1. – С. 305–308.

483. Неопубликованное письмо Я.В. Стефановича Л.Г. Дейчу / публ., вст. ст., примеч. Л.Я. Лурье и А.Б. Рогинского // Ученые записки Тартуского гос. университета: Труды по русской и славянской филологии. – 369 выпуск. – Т. 26. – Тарту, 1975. – С. 161–208.

484. Нечкина М.В. История истории // История и историки. Историография истории СССР. Сборник статей. – М.: «Наука», 1965. – С. 6–21.

485. Панькин И.Д. Научные школы в уральской историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 11 (25): в 2-х ч. Ч. I. – С. 138–143.

486. Полторацкий Н.П. Монархизм и непредрешение И.А. Ильина // Иван Александрович Ильин: жизнь, труды, мировоззрение. Сборник статей. – Тенафлай: «Эрмитаж», 1989. – С. 193–205.

487. Пронин А.А. Историография историографии российской эмиграции // Интеллигенция и мир. – № 2. – 2010. – С. 80–95.

488. Репников А.В. «Моя судьба – злая насмешка» (революционер и консерватор Лев Тихомиров) // Гуманитарные науки в творческом вузе: Сборник статей. – Выпуск 3. – М.: Российская академия театрального искусства – ГИТИС, 2010. – С. 25–46.

489. Репников А.В. Лев Александрович Тихомиров // Отечественная история. – 2008. – №2. – С. 146–160.

490. Репников А.В. «…Погибла Родина, погиб мой народ, моя церковь, мои политические идеалы…» (Лев Тихомиров и его дневник) // IV Сургучевские чтения: «Локальная литература и мировой литературный процесс»: Сборник материалов Международной научно-практической конференции / Ред. и сост. А.А. Фокин. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2007. – С. 352–359.

491. Репников А.В. «Я… уголек, выпавший из распаявшегося самовара прежней России» (дороги Льва Тихомирова) // Тетради по консерватизму: Альманах. – 2020. – № 1. – С. 355–369.

492. Ситдиков В.В. Реформы Петра I в оценках Льва Тихомирова // Инновационное развитие профессионального образования. – 2020. – № 4 (28). – С. 146–153.

493. Сундиева А.А. «Некарьерный семинар»: взгляд изнутри. Воспоминания об учителе // «Будущего нет и не может быть без наук...». (Памяти профессора

Московского Университета Михаила Герасимовича Седова). – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2005. – С. 444–450.

494. Шмидт С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии: к 75-летию акад. М.В. Нечкиной: сб. ст. – М.: Наука, 1976. – С. 264–274.

495. Усманов С.М. Интеллигенция и будущее России в диалогах С.Н. Булгакова «На пиру богов» // Интеллигенция и мир. – 2009. – №3. – С. 85–100.

496. Федоров Р.И. Интеллектуальная история как направление в методологии исторических исследовании // История. Экономика. Геополитика. – 2016. – №2. – С. 47–60.

497. Эшворт Дж.Г. От истории к наследию – от наследия к идентичности: в поисках понятий и моделей // Неприкосновенный запас. – № 4. – 2017. – С. 154–171.

498. Якуб А.В. Валентина Павловна Корзун – основательница Омской историографической школы. К юбилею / А.В. Якуб, С.П. Бычков // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2018. – №4. – С. 7–8.

499. Erickson E.L. General Program of the Committee on Documentary Reproduction, American Historical Association // College and research libraries. – July, 1953. – Vol. 14, № 3. – Pp. 303–306, 316.

500. Klier J.D. Hans Rogger, 1923–2002 // East European Jewish Affairs. – 2002. – Vol. 32, No. 1. – Pp. 149–152.

501. Schouten F.F.J. Heritage as historical reality // Heritage, tourism and society. – London; New York: Mansell, 1995. – Pp. 21–31.

4. Учебная литература

502. Бычков С.П. Введение в историографию отечественной истории XX в.: учеб. пособие / С.П. Бычков, Корзун В.П. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. – 358 с.

5. Энциклопедии, словари, справочники

503. Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии: опыт мартиролога. – М.: Русский путь, 2004. – 624 с.

504. Советская историческая энциклопедия. В 16 томах. – Т. 1. – М.: Советская энциклопедия. 1961. – 530 с.

505. Советская историческая энциклопедия. В 16 томах. – Т. 12. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 496 с.

6. Труды Л.А. Тихомирова

506. Тихомиров Л.А. Андрей Иванович Желябов: [1 (13) марта 1881 года]. – Carouge-Geneve: M. Elpidine, 1899. – 74 с.

507. Тихомиров Л. В подполье. Очерки из жизни русских революционеров 70–80-х гг. – СПб.: Друг народа, 1907. – 176 с.

508. Тихомиров Л.А. В последние дни: эсхатологическая фантазия. – М.: Артос-Медия, 2004. – 287 с.

509. Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения. – М.: Издательство «Трим», 1993. – 192 с.

510. Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения. – Нью-Йорк: National Printed, Publishing Co, 1943. – 143 с.

511. Тихомиров Л. Единоличная власть как принцип государственного строения // Кубань. – №1–2. Январь–февраль. – 1993. – С. 54–72.

512. Тихомиров Л.А. Заговорщики и полиция. – М.–Л.: Молодая гвардия, 1928. – 230 с.

513. Тихомиров Л. Заговорщики и полиция. – М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1930. – 175 с.

514. Тихомиров Л.А. Критика демократии: Статьи из журнала «Русское Обозрение», 1892–1897. – М.: Редакция журнала «Москва», 1997.

515. Тихомиров Л. Монархија. – Београд: Укронија; Логос, 2008. – 614 с.

516. Тихомиров Л. Монархическая государственность. – Буэнос-Айрес: «Русское слово», 1968. – 680 с.

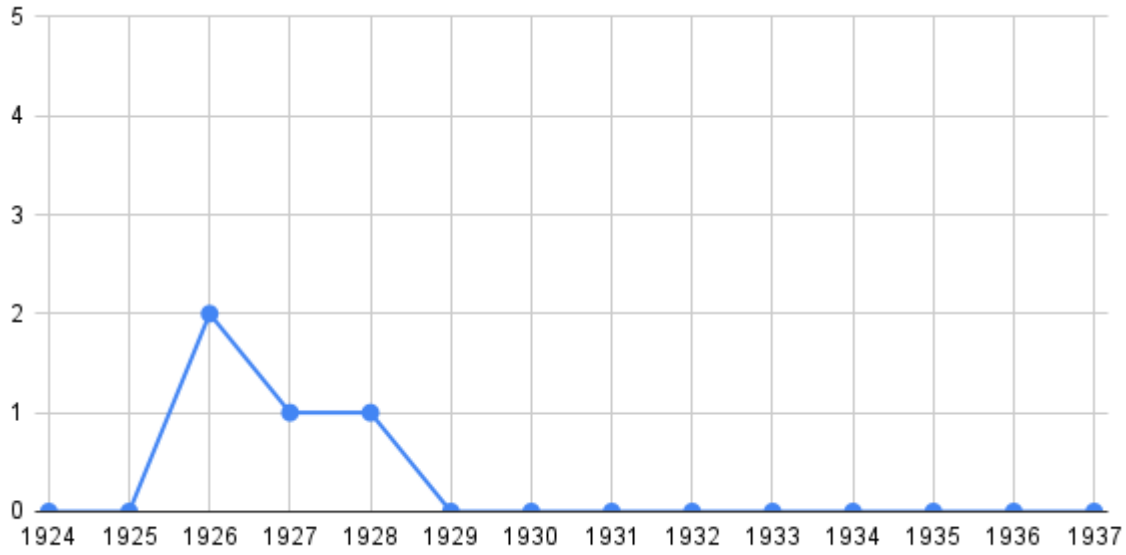
517. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – СПб.: АО Комплект, 1992. – 674 с.

518. Тихомиров Л. Монархическая государственность. Т. 1. – Мюнхен: Издание Технического Центра Зарубежных Организаций Русской Национально-Мыслящей Молодежи, 1923. – 132 с.
519. Тихомиров Л. Начала и концы. Либералы и террористы. – М.: Университетская типография, 1890. – 123 с.
520. Тихомиров Л. Носитель Идеала // Памяти Императора Александра III. Сборник «Московских Ведомостей». – М.: Университетская типография, 1894. – С. 303–311.
521. Тихомиров Л. Плеханов и его друзья. – Л.: «Колос», 1925. – 51 с.
522. Тихомиров Л. Почему я перестал быть революционером. – М.: Типография Вильде, 1895. – 127 с.
523. Тихомиров Л. Почему я перестал быть революционером. – Париж, 1888. – 39 с.
524. Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. – М.: Изд-во журнала «Москва», 1997. – 587 с.
525. Тихомиров Л.А. Тени прошлого. Воспоминания / Сост., вступ. статья и примеч. М.Б. Смолин. – М.: Издательство журнала «Москва», 2000. – 720 с.
526. Tikhomirov L. La Russie politique et sociale. – Paris: E. Giraud, 1886. – IV, 560 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

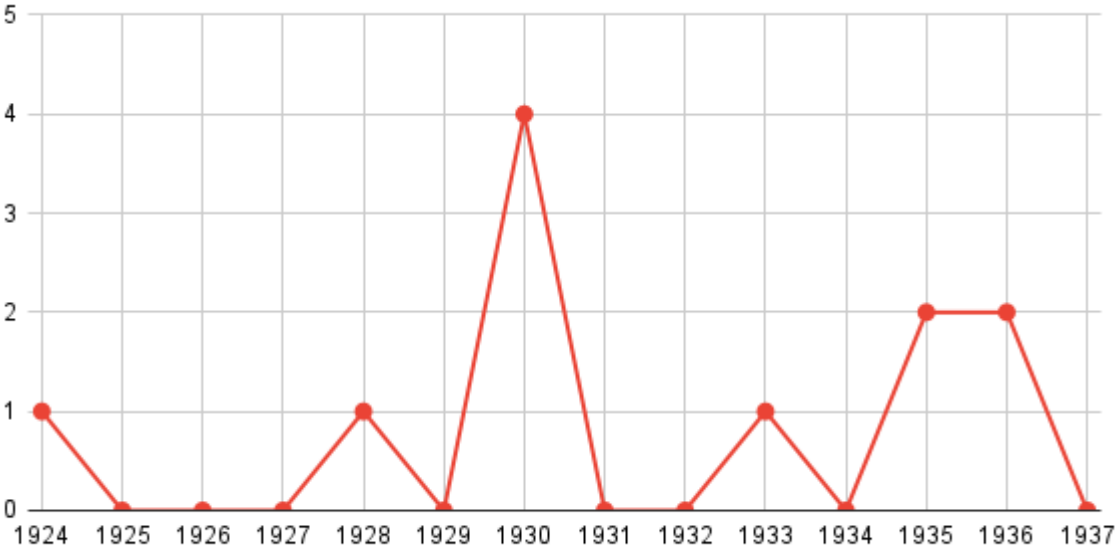
Приложение 1

Диаграмма 1. Публикация наследия Л.А. Тихомирова в журнале «Каторга и ссылка»



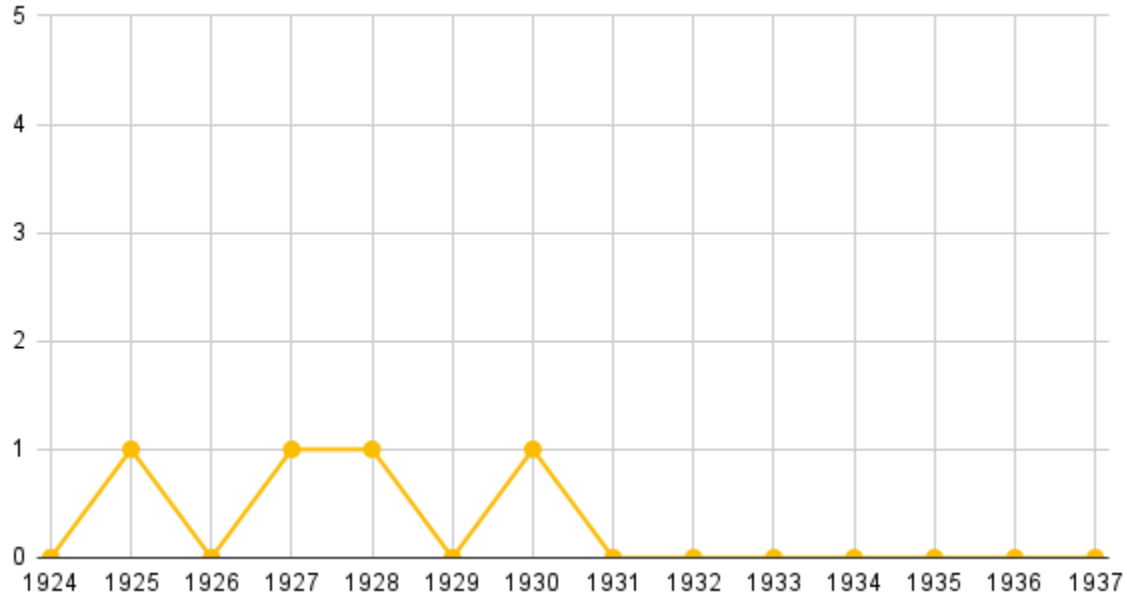
Приложение 2

Диаграмма 2. Публикация наследия Л.А. Тихомирова в журнале «Красный архив»



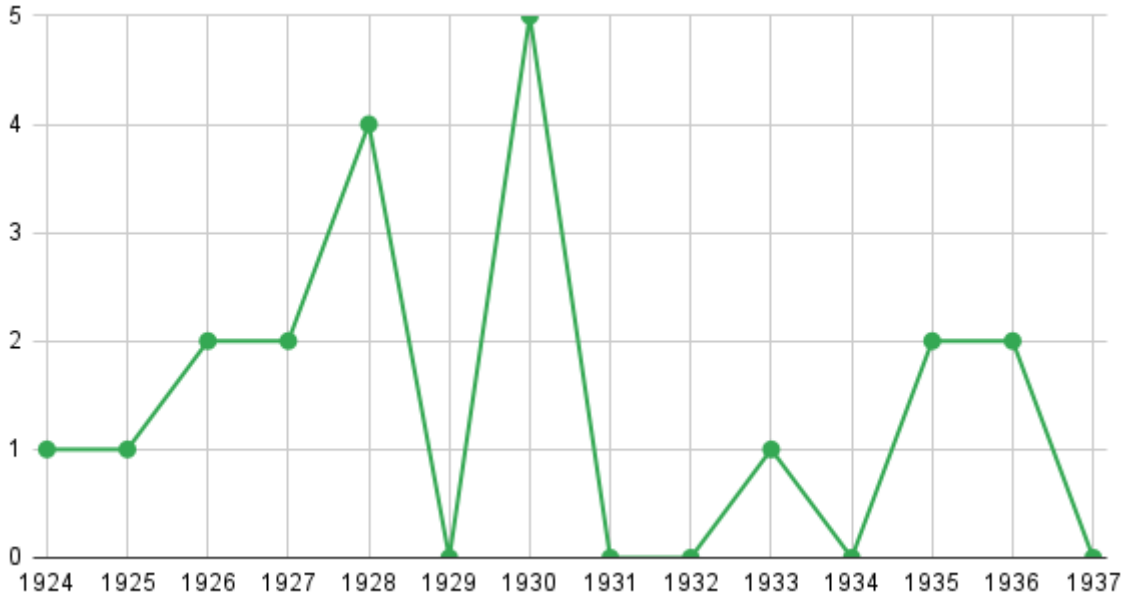
Приложение 3

Диаграмма 3. Отдельные публикации наследия Л.А. Тихомирова



Приложение 4

Диаграмма 4. Общее количество публикаций наследия Л.А. Тихомирова

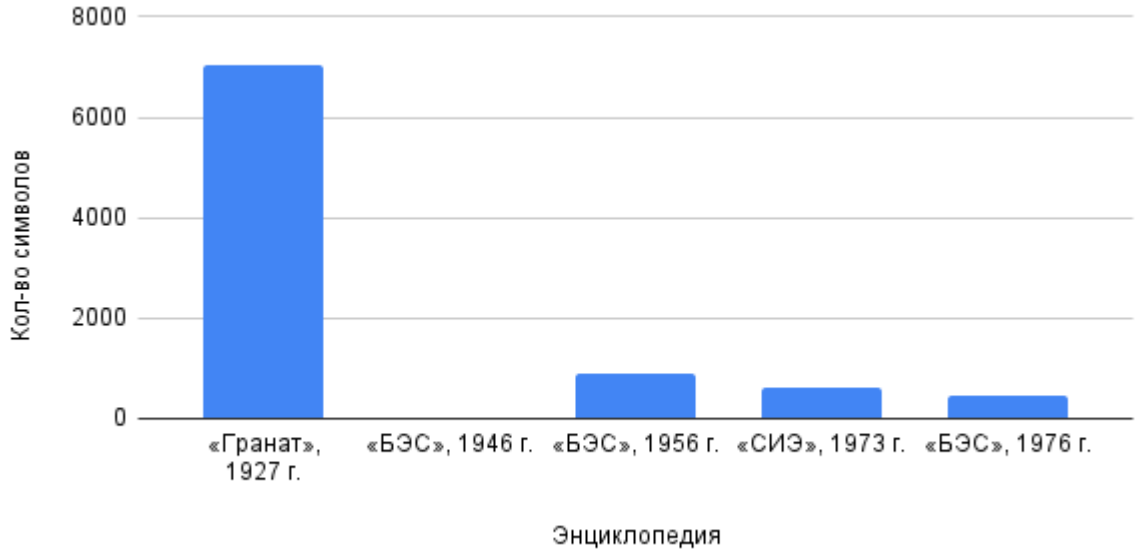


Приложение 5

Диаграмма 5. Общее количество публикаций наследия Л.А. Тихомирова по типам издания

Приложение 6

Диаграмма 6. Количество символов в статьях о Л.А. Тихомирове в советских энциклопедиях



Приложение 7

Таблица 1. Объем[1095] и содержание биографический статей о Л.А. Тихомирове в советских энциклопедиях (характеристика по количеству символов)

	«Гранат», 1927 г.		БЭС, 1946 г.		БЭС, 1956 г.		СИЭ, 1973 г.		БЭС, 1976 г.	
	Кол-во символов	% от общего кол-ва	Кол-во символов	% от общего кол-ва	Кол-во символов	% от общего кол-ва	Кол-во символов	% от общего кол-ва	Кол-во символов	% от общего кол-ва
Революционная деятельность	2678	38,14	-	-	514	56,92	377	59,28	262	55,16
Ренегатство	3358	47,83	-	-	175	19,38	143	22,48	76	16
Проправительственная деятельность	420	5,98	-	-	89	9,86	49	7,7	53	10,79
Неполитические эпизоды биографии и сопроводительная информация[1096]	565	8,05	-	-	125	13,84	67	10,53	84	20,37
Всего	7021	100	-	-	903	100	636	100	475	100

[1095] Учитывались только буквенные и цифровые символы, без учета знаков препинания, кавычек, дефисов и пробелов.
[1096] Кроме библиографии, ФИО Тихомирова, даты рождения и смерти.

Приложение 8

Таблица 2. Идеологическое наполнение биографический статей о Л.А. Тихомирове в советских энциклопедиях

	«Гранат», 1927 г.	БЭС, 1956 г.	СИЭ, 1973 г.	БЭС, 1976 г.
Идеологические слова/словосочетания-маркеры	столп православной церковности; ханжество; хвалитель удушающей цензуры; реакционер; религиозный ханжа; всегда можно было ожидать; заболел психически; горделивое помешательство; разбившаяся личность	ренегат	ренегат	-

Приложение 9

Таблица 3. Ренегатство Л.А. Тихомирова в раннесоветском дискурсе

Причина ренегатства	Ключевые сторонники версии	Оценка роли в революционном движении	Отношение к архиву	Оценка деятельности после 1888 года
1. Психическая болезнь	В.Н. Фигнер и др.	Лидер	Это достоверный исторический источник, но местами искаженный из-за его психической болезни	Проявление психологического заболевания
2. «Всегда можно было ожидать»[1097]	Н.А. Морозов и др.	Не лидер, а ведомый	Нельзя доверять, так как он никогда не имел твердых революционных убеждений	Рупор пропаганды, но реальных убеждений у него не было
3. Личная эволюция взглядов, смена политического лагеря и методов, но не смена мировоззрения	Л.А. Тихомиров	Лидер	История эволюции взглядов, объяснение тупиковости революционной идеи и попытка предотвратить революцию	«Кассандра»[1098]
4. Закономерный этап эволюции революционного народничества	Г.В. Плеханов, историки-марксисты	Лидер	Имеет ценность, но творчество после идейного переворота искажено. А также это источник, по которому можно реконструировать частный случай эволюции/регресса от народничества к реакции	Пример того, как народничество приводит революционеров в реакцию или либерализм

[1097] Но разные деятели вкладывали в эту причину разные объяснения, почему можно было ожидать переворот: 1) слабохарактерность, нерешительность; 2) меркантильный интерес; 3) давление обстоятельств, которым Л.А. Тихомиров не мог противостоять (болезнь сына и пр.).

[1098] Это собирательный образ, который отражает его мировоззрение и восприятие происходящего в период проправительственной деятельности. Примечательно, что он и сам сравнивал себя с Кассандрой. Например, в письме к Ольге Новиковой 19 ноября 1888 г. он писал о себе: «Знаете ли, прежде, когда у меня еще мелькала мысль о возможности амнистии (теперь я в это почти не верю), у меня была своя идея. Я думал отыскать кого-нибудь из умных людей там, сверху, и навязаться, хотя бы прямо требовать, – на разговор, выложить, что у меня на душе, чего я боюсь, что по мне можно бы сделать. Но вот фатальное положение! Хуже Кассандры, ту считали хоть сумасшедшей, а меня прямо каким-то неприятельским лазутчиком. Просто смерть. Это преувеличенное недоверие меня огорчает вдвойне: оно не только превращает в прах все мои благие намерения (что, пожалуй, еще не важно, так как – один лишний человек не много составляет), но составляет очень скверный признак относительно самого дела. Ведь в сущности это недоверие ко мне заключает огромную долю недоверия к себе. И вот это меня просто оскорбляет. Как! Неужели люди русской Истории, русского Царя, – не могут себе представить, что их дело, их идеи могут кого-нибудь искренне привлечь?». Цит. по: С. Репников А.В. Две жизни Льва Тихомирова / Репников А.В., Милевский О.А. М., 2011. С. 210–211.

Приложение 10[1099]

Письмо редактора «Московских Ведомостей» Л. Тихомирова Александру Васильевичу (фамилия не установлена)[1100] по поводу смены министра и работы А.В. «Итоги землеустройства» с приложением вырезки из газеты с статьей Л. Тихомирова о ней. 1912 г.[1101]

23 декабря 1912 г.

Многоуважаемый Александр Васильевич,

Поздравляю Вас, по доброму старому обычаю, с праздником Рождества Христова, а также и с приближающимся Новым Годом. Помоги Вам Бог на всякое дело дело [так в тексте] благое для нашей братии – Русских, а Вам самим – дай Бог здоровья и крепости сил, да и крепости политического положения, которое бы позволяло пошире развертывать русское дело.

Мне к празднику и новому году судьба поднесла перемену министра, от которого наиболее зависят судьбы газеты. Этого – давненько знал, и как ни как все же столковался. О новом не имею понятия. Он надо полагать не слыхал даже о моем существовании на свете. Вдобавок он кажется чужд традициям «Столыпинским», которые могли объединять более симпатичные для меня силы. Говорят о нем, что дескать «правый» а что это означает – никто не может мне объяснить.

Утешают, что умен: это бы не худо. Но в конце концов все таки нужно знакомиться – и в такое время, когда он должен знакомиться с сотнями лиц, из которых каждый для него во сто раз интереснее чем я…

Видно мне приходится уходить «на покой» как старые архиереи.

Это пожалуй не беда. Но Вам сердечно желаю как сказал – крепости личной и политической.

[1099] Тут и далее представлены архивные документы, которые были обнаружены во время проведения исследования, и в работах, посвященных наследию Л.А. Тихомирова, ни разу не упоминались, что дает основание их назвать «новыми» для тихомироведения.

[1100] Возможно, адресатом был Александр Васильевич Кривошеин, который с 1908 по 1915 годы являлся Главноуправляющим землеустройством и земледелием Российской империи (до 1905 года носило название Министерство государственных имуществ).

[1101] РГИА. Ф. 1016. Оп. 1 Д. 1007. Л. 1, 1 об.

Будьте здоровы. Истинно уважающий Л. Тихомиров. [строчка написана в отличие от основного текста от руки]

Превосходно составлены Ваши «Итоги землеустройства». На всякий случай прилагаю вырезку моей заметки. Широко же воспользоваться этой книгой думаю при новогодних обзорах.

Л.Т. [Вновь напечатано на машинке]

Приложение 11

Письмо Тихомирова Л. к Богдановичу Евгению Васильевичу. 20 мая 1912 г. – 19 ноября 1913 г.[1102]

20 мая 1912 г.

Многоуважаемый Евгений Васильевич,

Меня нередко атакуют просьбами о Ваших юбилейных изданиях. Осмеливаюсь ходатайствовать перед Вашим Высокопревосходительством о принятии во внимание двух таких просьб:

1) Во первых Рязанская губ., станция Тума, доктору Клевезалю. Он от имени имеющегося у них приходского общества, распространяющего книги в народе просит Вас прислать какие-нибудь юбилейные издания. Это превосходный человек, друг народа, друг Церкви, верный слуга Царя, вполне наш человека, и их общество высоко полезно.

2) Затем наш подписчик Долгинцев просит для раздачи крестьянам экземпляров книги о Войне 12 года (Вашей). Он живет: Станция Вертьяново, Нижегородская губ., Серафимо Дивеевский монастырь Федор Васильевич Долгинцев.

У меня ничего интересного. Подписал новые правила издания газеты. Дело кончено. Жаль только что два месяца, требующихся для перехода со старого

[1102] РГИА. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 30. Л. 1, 1 об.

порядка на новый я – должен оставаться без денег. Трудное время. По старому порядку – кончилось, по новому началось.

Что же Сухомлинов: объяснил ли, чем я его обидел? Очень бы интересно знать.

Будьте здоровы, всего наилучшего Вам и Александре Викторовне.

Приложение 12

Письмо Тихомирова Л. к Богдановичу Евгению Васильевичу. 19 ноября 1913 г.[1103]

19 ноября 1913 г.

Многоуважаемый Евгений Васильевич,

Посылаю Вам № Моск. Вед. с письмом В. Львова. Нет ли возможности показать это письмо там, на верху. Автор чрезвычайно заинтересован в том, чтобы нарекания его в интригах против Саблера – были его письмом опровергнуты в глазах, всем нам наиболее дорогих. Если возможно – попробуйте это сделать. Очень одолжите.

А как неожиданно обернулось дело с Моск. Вед. Отданы молодому Назаревскому, то есть в сущности о. Восторгову. Только зачем мой молодой сотрудник вел это дело в такой строгой тайне от меня? Это уже не могу одобрить.

Всего наилучшего, особенного здоровья.

Приложение 13

Письмо Тихомирова Льва Витте С.Ю. 30 июня 1911 г.[1104]

Его сиятельству графу С.Ю. Витте

[1103] РГИА. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 30. Л. 2.
[1104] РГИА. Ф. 1622 Оп. 1 Д. 1009. Л. 1.

Ваше Сиятельство,

Я к сожалению не имею возможности исполнить Вашей просьбы о доставлении Вам комплектов «Московских Ведомостей». В 1907 г., при отнятии у газеты ее имущества, которым она владела около 150 лет, и при выдворении ее, так сказать, на улицу, распродали между прочим и коллекции. В 1909 г., беря в аренду газеты, я получил лишь жалкие остатки комплектов. Остаюсь при сем готовый к услугам.

Л. Тихомиров

Приложение 14

Телеграмма для генерал-губернатора генералу Глазову от 16.12.1908[1105].

Придавая важнейшее общественное значение вопросу о редакторе[1106], поговорив с членом государственного совета Олсуфьевым, позволяем себе назвать два имени по нашему глубокому убеждению наиболее желательных: Пихно или Лев Тихомиров.

Павел Шереметев

Приложение 15

Тихомиров Лев Александрович. Письмо к Чаеву Н.А. о решении отправить пожертвование семьям болгарских воинов. 3 октября 1912 г.[1107]

3 октября 1912 г.

Многоуважаемый Николай Александрович

Я решил поступить так: пошлю Болгарскому министру внутренних дел 24 рубля от имени Н.А. Чаева, как пожертвование на семьи убитых болгарских воинов.

[1105] РГИА. Ф.922. Оп. 1. Раздел VIII Переписка… Д.763. Л. 28.

[1106] Речь идет о должности главного редактора газеты «Московские ведомости».

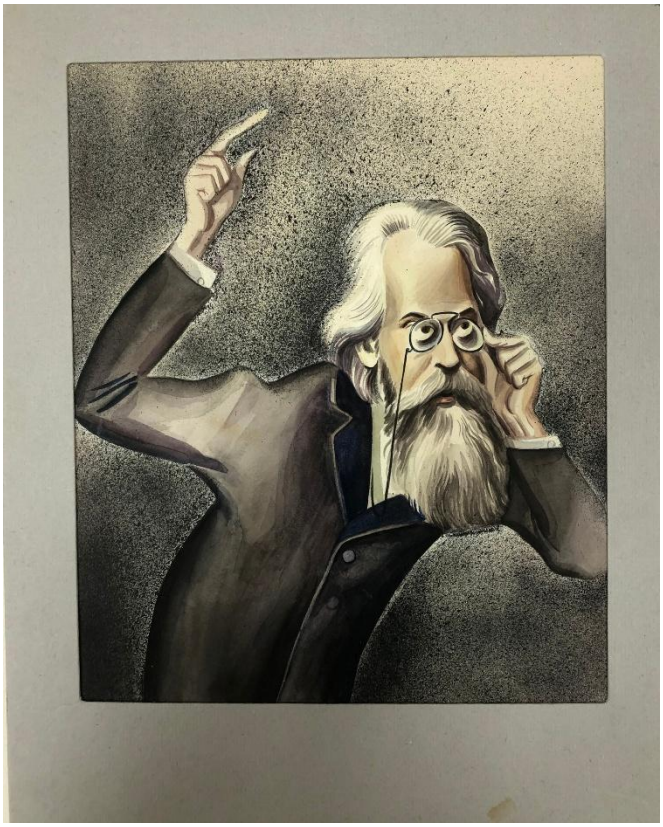
[1107] Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный центральный театральный музей имени А.А. Бахрушина». Музейный номер КП 74489.

№№ с Вашим стихотворением конечно Вам вышлю. Стихотворение будет помещено в воскресном нумере газеты.

Истинно уважающий Л. Тихомиров [подпись сделана от руки]

Приложение 16

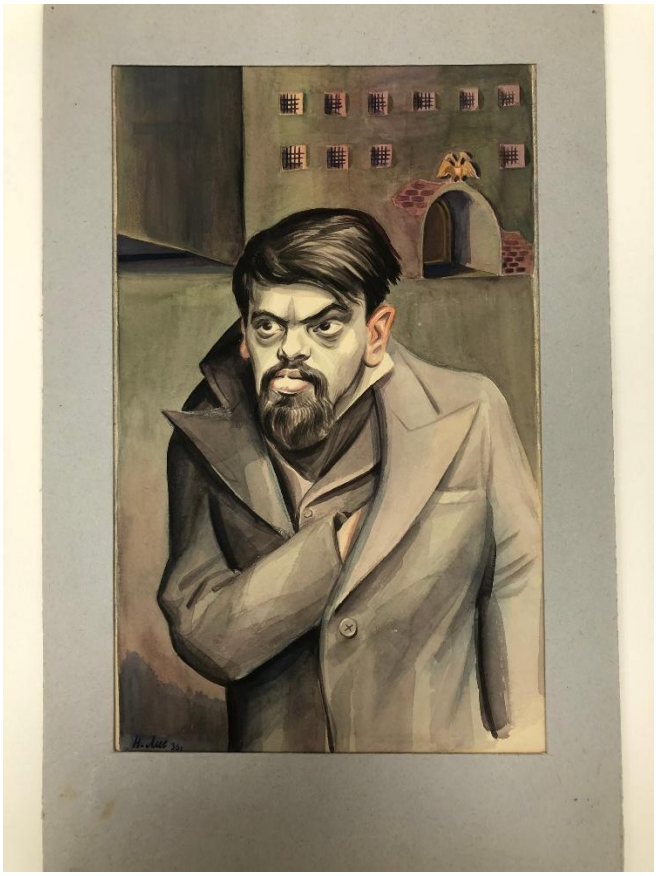
«Шарж на Н.К. Михайловского», художник – Лисогорский Н.М., 1936 г.[1108]



[1108] Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный центральный музей современной истории России» Музейный номер ГЦМСИР ГИК 13105/1 // Госкатолог.РФ. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=25200107. (Дата обращения 23.03.2020).

Приложение 17

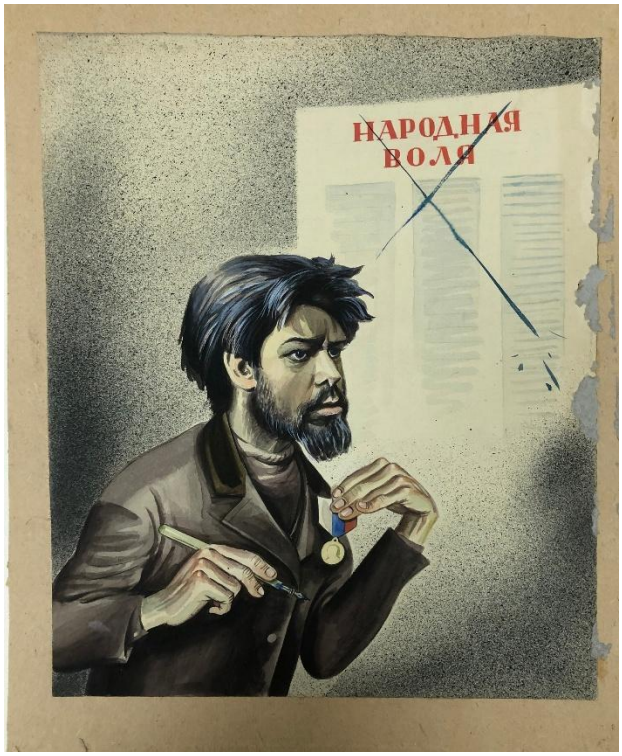
«Провокатор Дегаев идет из охранки», художник – Лисогорский Н.М., 1936 г.[1109]



[1109] Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный центральный музей современной истории России» Музейный номер ГЦМСИР ГИК 27178/43. // Госкатолог.РФ. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=25199210. (Дата обращения 23.03.2020).

Приложение 18

«Тихомиров - ренегат», художник – Лисогорский Н.М., 1936 г.[1110]



[1110] Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный центральный музей современной истории России» Музейный номер ГЦМСИР ГИК 13105/2 // Госкатолог.РФ. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=25199770. (Дата обращения 23.03.2020).

Приложение 19

Таблица 4. Оценка состояния российской историографии наследия Л.А. Тихомирова на основе контент-анализа заголовков публикаций о Л.А. Тихомирове[1111]

Год	Статья в сборнике[1112]	Статья в журнале	Монографии	Диссертации [1113]	Всего
1992	0	1	0	0	1
1993	0	0	0	0	0
1994	0	0	0	0	0
1995	0	0	0	0	0
1996	0	0	0	1	1
1997	0	4	0	0	4
1998	0	0	0	2	2
1999	2	2	1	0	5
2000	2	4	0	3	9
2001	3	0	0	1	4
2002	1	3	0	0	4
2003	1	1	2	0	4
2004	1	0	1	1	3
2005	1	2	0	1	4
2006	2	3	0	2	7
2007	3	5	1	2	11
2008	4	9	0	0	13
2009	2	7	1	1	11
2010	1	7	0	1	9

[1111] Подсчет проводился на основе базы публикаций научной электронной библиотеки Elibrary на момент 21.01.2026 года. Мы учитывали только публикации, в названии которых был упомянут в различных вариациях Л.А. Тихомиров. Поэтому в статистику не попали статьи с названиями, посвященные напрямую Л.А. Тихомирову, но в заголовке которых он не упомянут, как, например, в статьях журнала «Родина»: А.В. Репников «Человек благонамеренный»? или О.А. Милевский «Я верю в Россию».

[1112] Не учитывались предисловия и публикации в коллективных монографиях.

[1113] Авторефераты и диссертации учитывались как одна публикация.

2011	3	9	2	1	15
2012	1	17	0	0	18
2013	4	10	1	1	16
2014	4	13	0	0	17
2015	3	8	0	0	11
2016	9	11	0	0	20
2017	7	3	0	0	10
2018	5	12	0	0	17
2019	5	3	0	0	8
2020	1	14	0	0	15
2021	1	7	0	0	8
2022	6	9	0	0	15
2023	8	8	0	0	16
2024	1	4	0	0	5
2025	5	3	0	0	8
Итого	**86**	**179**	**9**	**17**	**291**